

**ПАЛЕОЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
НА ЮГЕ СРЕДНЕЙ СИБИРИ**

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИРКУТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

1991

Палеознтологические исследования на юге Средней Сибири:
Сб. науч. тр.— Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та. 1991.— 252 с.

Сборник научных трудов содержит статьи, объединенные единой сибирской археологической проблематикой и посвященные самым различным ее аспектам: реконструкции палеоэкологии и взаимоотношению человека и среды в плейстоцене и голоцене, истории хозяйственного освоения Сибири, восстановлению духовного потенциала древнего общества, изучению этногенеза сибирских народов и т. д.

Предназначен для археологов, этнографов, геологов-четвертичников, палеогеографов, историков-краеведов, студентов исторических факультетов вузов.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Иркутского государственного университета.

Редакционная коллегия: д-р ист. наук *Г. И. Медведев* (отв. ред.); *Т. Н. Кононова* (отв. секретарь); канд. ист. наук *М. П. Аксенов*; канд. ист. наук *В. В. Свиинин*; канд. ист. наук *А. Г. Генералов*; канд. ист. наук *О. И. Горюнова*; *Н. А. Савельев*.

П $\frac{0507000000-67}{М 179(03)-91}$ 1-90

ISBN 5-7430-0078-6

© Иркутский университет, 1991.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемый вниманию читателей сборник, подготовленный лабораторией палеоэкологических исследований Иркутского государственного университета, является очередной публикацией материалов по археологии и этнографии Внутренней Азии. Это своего рода промежуточный итог выполнения основной проблематики, по которой работает лаборатория, — «Человек и среда в плейстоцене и голоцене юга Байкало-Енисейской Сибири» (история хозяйственного и культурного освоения Внутренней Азии). Статьи исследователя, объединенные единой сибирской тематикой, написаны специалистами самых разных дисциплин различных учреждений страны. Комплексный характер исследований археологических памятников на междисциплинарном уровне (археология, антропология, этнография, палеопедология, палинология, палеонтология, четвертичная геология) представляет материал для палеоландшафтных, палеоэкономических и палеосоциологических реконструкций. Но эти реконструкции, учитывая фрагментарность археологических и палеоэкологических данных в любом конкретном исследовании, на любом этапе, и тем более на сегодняшний день, являются предварительными и не претендующими на всеобщность. По мере обогащения фактологической базы артефактами и экофактами, а это происходит с открытием и исследованием каждого нового археологического местонахождения, будет возрастать степень полноты и достоверности таких реконструкций. Так или иначе, каждая статья, каждое сообщение, вводящее в научный оборот новые материалы, способствуют решению этой сложной задачи.

Хронологический диапазон представленных в этом издании материалов — от нижнего палеолита до этнографической современности.

Значительная часть статей, содержащихся в сборнике, посвящена различным аспектам палеолитической тематики. Большой интерес представляют данные по геологии археологических местонахождений Красный Яр II-III, Хадахан. Игетейский комплекс, являющиеся уникальными профилями верхнеплейстоценовых отложений Приангарья (Г. И. Медведев, М. А. Бердников, А. Б. Федоренко — Иркутск). Авторами предлагается один из вариантов разработки понятия «геолого-археологический объект».

Подборка статей по Сосновому Бору — опорному объекту для изучения заключительной стадии верхнего палеолита в Южном Приангарье (И. Л. Леженко, Г. А. Воробьева — Иркутск) предлагает анализ каменной индустрии этого памятника, впервые дается систематизация материала нижних палеолитических горизонтов. Рассматривая отложения 20—25-метровой террасы р. Белой на местонахождении Сосновый Бор, приводятся материалы по особенностям строения русловой

фации аллювия и детально исследуются условия образования вышележащих эоловых накоплений, содержащих культурные горизонты в возрастном диапазоне от средне-зырянского времени до субатлантического периода голоцена.

В статьях, вводящих в научный оборот материалы новых археологических памятников, обнаруженных в зоне КАТЭКа (А. С. Поляков — Ленинград) и Братского водохранилища (А. В. Волокитин — Сыктывкар, Е. М. Инешин — Иркутск), авторы решают вопросы культурной принадлежности палеолитического памятника Березовый Ручей II, обнаруживающего определенные черты сходства с афонтовской культурой Енисея; предлагают описание позднелитических местонахождений в районе залива Купреев Ручей и Среднем Приангарье.

Особый и значительный интерес представляет исследование позднелитического поселения Каменная Балка II (Н. Б. Леонова, Е. В. Миньков — Москва). Предложенные в нем методы планиграфического анализа фаунистических остатков позволяют получать дополнительный материал для реконструкции отдельных видов хозяйственной деятельности древнего человека: забоя животных и разделки туш, утилизация кости и т. д.

Статьи, посвященные археологическим памятникам мезолитического периода (Г. А. Абдулов, О. И. Горюнова — Иркутск), отражают степень изученности археологии Байкала. Курла IV — многослойный памятник Северного Байкала — отнесен автором к ареалу верхоленской культуры. Свод мезолитических местонахождений Ольхонского района представляет вопросы истории исследования этих памятников, их периодизации и палеоландшафтных условий обитания древнего человека на оз. Байкал. По этому же району предлагается анализ остеологического материала, собранного на многослойных памятниках (А. А. Хамзина — Иркутск).

Впервые в историографической работе Н. А. Савельева (Иркутск) в методологическом и теоретическом плане рассматривается один из аспектов деятельности основателя иркутской «школы археологии», ученого-палеоэтнолога Б. Э. Петри — его работы по неолитическому периоду Сибири, явившиеся фундаментом для неолитоведения региона.

Проблемы неолитических культур Минусинской котловины и их соотношение с близкими неолитическими комплексами сопредельных территорий ставятся в статье Л. П. Зяблина, А. В. Виноградова (Ленинград).

Краткая схема периодизации бронзового века и предварительные итоги изучения памятников эпохи бронзы Канской лесостепи предложены в статье А. Г. Генералова, С. А. Дзюбаса (Иркутск).

Значительная часть сборника содержит публикации новых и важных материалов таких памятников, как могильник Локомотив, относящийся к китойской культуре (Н. Н. Мамонова — Москва, В. И. Базалийский — Иркутск) и ряда других пунктов.

Несомненный научный интерес для этнографов представляет материал о шаманских чумах, собранный во время полевых исследований 1973—1982 гг. Г. С. Уткиным (Братск) на Нижней Тунгуске. Устная информация проводников-эвенков дополнила и позволила автору интерпретировать и классифицировать материальные остатки ритуальных комплексов.

Публикуемые в сборнике статьи отражают состояние археологической изученности региона на всех культурно-хронологических этапах развития общества. Редакционная коллегия рассматривает материалы, в буквальном смысле слова «добытые» археологами и этнографами из недр земли и из памяти народной, как источники для спектра палеоэтнологических реконструкций, включающих аспекты палеоэкологического, палеоэкономического, палеодуховного и культурного моделирования.

**Г. И. Медведев,
А. М. Бердников,
А. Б. Федоренко**

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ
ДОКЕРАМИЧЕСКИХ МЕСТОНАХОЖДЕНИЙ
АНГАРО-ОСИНСКОГО РАЙОНА (ЮЖНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)**

Ангаро-Осинский район концентрации археологических местонахождений — термин условный, предложенный одним из авторов [10] для обозначения региона, не имеющего очерченных границ на современных физико-географических картах. Расположен в 200 км ниже Иркутска по течению Ангары. До образования Братского водохранилища занимал оба ангарских берега в районе приустьевых ее притоков — Осы и Унги, простираясь по террасированным поверхностям до коренных склонов. Под современным геоморфологическим состоянием, претерпевшим значительные изменения в связи с заполнением ложа искусственного моря и последовавшим за этим интенсивным размывом склонов, оформляющих прибрежную полосу, понимается зона побережья, ограниченная в меридиональном направлении от пос. Нельхай до пос. Первомайский, в широтном — берегами Осинского и Унгинского заливов.

Ангаро-Осинский район отличается относительно высокой, для сравнительно ограниченной площади, насыщенностью археологическими объектами широкого хронологического диапазона — от раннего палеолита до позднего средневековья. Объектами рассмотрения в данной статье являются памятники нижнего хронологического раздела — до мезолита включительно.

Большое число археологических памятников на рассматриваемой территории, разнообразие их геоморфологического и стратиграфического положения, представительная как в количественном, так и в номенклатурном отношении коллекция каменной индустрии, наличие двух опорных для юга Средней Сибири разрезов верхнеплейстоценовых отложений и ряд других факторов выделяют Ангаро-Осинский район из ряда остальных площадей распространения объектов древнекаменного века в Прибайкалье.

Первые достоверные следы палеолитической культуры в рассматриваемом районе, имеющие четкую стратиграфическую привязку, были обнаружены А. П. Окладниковым в 1957 г. в местности Красный Яр около с. Малышевка, в 3 км ниже устья р. Осы. С этого момента следует начать отсчет планомерным исследованиям палеолитических местонахождений Ангара-Осинского района. Но открытие и исследование этого уникального верхнепалеолитического памятника [2, 3, 9] имело интересную предысторию — многолетние изыскания на этой территории.

Еще в конце прошлого века (до 1880 г.) известным бурятским краеведом М. Н. Хангаловым в районе Балаганских песков (ныне этот район находится под водой восточнее южного мыса Унгинского залива) проводились сборы археологического материала, обнаруженного в поверхностном залегании. Собранная коллекция была передана в фонды Иркутского краеведческого музея и впоследствии определена Н. Агапитовым как палеолитическая [1, 16].

В последующие годы в этом районе полевые изыскания проводили: Н. И. Витковский (1882) во время своей знаменитой разведки на Ангаре, М. П. Овчинников, передавший в фонды музея в 1909—1910 гг. собранную им коллекцию подъемного материала. В 1920 и 1921 гг. в районе Балаганска проводились специальные археологические изыскания этнологической экспедицией Иркутского музея. Общее научное руководство осуществлял профессор Иркутского университета Б. Э. Петри. В составе экспедиции работали сотрудники музея Г. А. Земляницкий, студентка университета О. А. Зеленкина, члены университетского кружка «народоведения» П. П. Хороших, Г. П. Сосновский. Одним из пунктов научной программы была проверка сведений о палеолитических изделиях на Балаганских песках. Работы двух лет не подтвердили сведения Н. Агапитова [15, 16]. «...Балаганские пески из списка палеолитических находок исключить», — резюмировал в 1923 г. Б. Э. Петри [15, с. 30].

В 20-е гг. археологические экскурсии на Балаганские пески предпринимались сотрудниками кружка Б. Э. Петри, Г. Ф. Дебецом, М. М. Герасимовым, В. И. Сосновским. В 1937 г. через этот район прошла «магистральная» археологическая разведка А. Окладникова, А. Фатьянова и А. Филиппова, но никаких вещественных и печатных результатов от этих мероприятий нет.

В послевоенные 40—50-е гг. на Балаганских песках проводили поверхностные сборы П. П. Хороших, Л. Н. Иваньев, но материалы не отложились в фондах Иркутского музея.

Археологические работы в районе начались лишь с 1955 г. в связи с организацией Братской археологической экспедиции Ленинградского отделения Института Археологии АН СССР. А. П. Окладников развернул в приустьевом участке р. Унги масштабные раскопки памятников железного и бронзового веков.

В 1957 г. последовало открытие палеолита в урочище Красный Яр и первые раскопки. В 1959 г. они были продолжены этой же экспедицией, а в 1964—1965 гг. — экспедицией Иркутского университета [2, 3, 9].

В 1968 г. специальный разведочный отряд Ангаро-Бельской археологической экспедиции (Г. И. Медведев, Н. А. Савельев) обследовал заливы Унгинский и Обусинский (Бильчирский), составив мнение о перспективе продолжения поисков на палеолит.

Регулярные исследования палеолитических местонахождений на рассматриваемой территории начинаются с 1970 г. в зоне интенсивного волно-прибойного размыва северо-западных склонов гор Лысая и Степанова, южнее местоположения затопленной д. Байган. Палеолитическим отрядом Ангаро-Бельской археологической экспедиции Иркутского госуниверситета в составе Г. И. Медведева, Д. И. Дементьева, Н. И. Дроздова и О. А. Роговского были обнаружены изделия из кварцита раннепалеолитического облика, несущие на своих обработанных поверхностях следы золотой коррозии сильной степени. Изделия были встречены как на поверхности пляжа техногенного образования (местонахождение получило наименование «Байганский Пляж»), так и в положении относительной стратификации в стенке берегового обнажения склона горы Лысой («Байганский Профиль» [1, 10, 11]). С этого момента Ангаро-Осинский район постоянно находится в центре внимания палеолитических подразделений Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета.

К настоящему времени на территории рассматриваемого района открыто и частично исследовано 19 местонахождений докерамического возраста, объединяющих 24 пункта находок (рис. 1), которые по условиям положения их материалов можно подразделить на следующие группы:

I. Местонахождения с поверхностным залеганием археологического материала на плато (гипсометрические показатели 100—150 м) — Гора Лысая, Гора Степанова, Гора Игетей, Гора Малый Тарахай.

II. Местонахождения стратифицированного археологического материала в склоновых отложениях субазального генезиса (гипсометрические показатели 45—65 м) — Гора Игетей I, Игетейский Лог I, Красный Яр I, II, III, Хадахан I, Игетейский Профиль II, Гора Лысая II, Байганский Профиль I, II, Тарахайский Профиль I, II, Тартахон.

Следует отметить, что археологические материалы местонахождений указанной выше группы, за исключением памятников Красный Яр I и Тартахон (затопленных в настоящее время водами Братского моря), находятся в положении относительной стратификации, т. е. в зачастую неоднократно переотложенном состоянии.

III. Местонахождения с поверхностным залеганием археологического материала на пляжах техногенного образования — самая многочисленная группа памятников докерамического периода в регионе, давшая большую часть собранной коллекции предметов каменной индустрии (гипсометрические показатели 25—35 м) — Игетейский Пляж I, II, III, IV; Тарахайский Пляж I, II, III; Байганский Пляж; Алтанский Пляж; Пляж Изотиха; Красный Яр — Пляж; Мельхитуйский Пляж «А», «В», «С»; Хадахан II, Мельхитуй.

Одной из характерных черт, определяющих современное геоморфологическое состояние прибрежной полосы Осинского расширения Братского водохранилища, является интенсивный размыв склоновых отложений в результате волно-прибойной деятельности. Наиболее сильному размыву в пределах Усть-Удинского — Балаганского плеса подвергается участок северного склона горы Игетей, сложенный рыхлыми четвертичными отложениями, обильно насыщенными археологическими остатками. Этот процесс особенно усилился в последние три года (1983—1986) в связи с очередным циклическим подъемом уровня водохранилища — на отдельных участках склона, на котором расположены площадки палеолитических местонахождений Игетейский Лог I и Гора Игетей I, скорость размыва берегового обнажения особенно велика — 45—50 м за три года. Таким образом, происходит интенсивный перенос археологического материала из системы различных культурсодержащих геологических отложений плейстоцена на поверхность современных развивающихся техногенных пляжей. В плане общих проблем зоны водохранилища это явление носит негативный характер, в том числе и для исследования данных местонахождений. Но, вместе с тем, процесс перехода археологического материала из разряда относительно стратифицированного в разряд поверхностно залегающего, сопровождающийся полной потерей стратиграфической характеристики, может играть при определенных условиях и позитивную роль в развитии палеолитоведческих исследований в Южном Приангарье.

Во-первых, этот процесс предоставляет в распоряжение археологов многочисленные объекты исследования, скрытые в чехлах склоновых субаэральных отложений большой мощности, развитых на отметках 30—60 м и выше от уровня Ангары. Ранее эти участки склонов не принимались во внимание в практике полевых поисков, поскольку методика разведок предписывала искать лишь на террасовидных площадях, а теория террасирования речных долин за пределами высот 20—25 м предполагала немыслимую для Сибирского палеолита древность — где-то на контакте верхнего и среднего плейстоцена. Наконец, главный поисковый индикатор — поверхностный (подъемный) археологический материал — на склонах с мощными плащами рыхлых отложений практически отсутствует. Поэтому размыв склонов дал археологам палеолита необъятное поле раскопчной деятельности, над которым будет трудиться не одно поколение исследователей.

В свою очередь, обнаружение археологического материала в разрезах береговых отложений с указанными отметками спровоцировало появление интереса к еще более высоким отметкам рельефа. Иллюстрацией этого служат развернувшиеся в 1984—1986 гг. работы на площади палеолитического местонахождения Гора Игетей I на высотах 55—65 м, в ходе которых были обнаружены новые, ранее не известные в Южном Приангарье условия залегания артефактов.

Во-вторых, процессы размыва обеспечили обнаруженные археологические объекты прекрасно отпрепарированными разрезами

четвертичных отложений большой мощности и протяженности. Создание последних специальными земляными выработками практически невыполнимо из-за огромного объема требуемых работ. На территории Ангаро-Осинского района выделяется три геологических разреза, являющихся опорными для четвертичной геологии юга Средней Сибири — Красный Яр III, в котором наиболее полно представлены сартанские отложения [6], обнажение северного склона Горы Игетей, несущего большой объем информации по динамике развития отложений от доказанцевского до позднесартанского времени [7, 8], Мельхитуй «В», который позволяет зондировать отложения раннеплейстоценовые и плиоценовые.

В-третьих, проекция археологического материала на поверхность техногенных пляжей в результате размыва прибрежных склонов предоставила в распоряжение исследователей коллекции каменной индустрии, значительные как в количественном, так и в номенклатурном отношении. Несмотря на полную потерю стратиграфического положения, изменение планиграфического контекста, собранные коллекции при условии проведения детального морфоанализа, учета петрографических показателей и данных по корразии, позволяют получить большой блок информации, дополняющей данные исследования относительно стратифицированных объектов.

Следует специально отметить, что в ходе работ на рассматриваемой площади впервые в практике полевой археологии материал, расположенный на поверхности пляжей, стал рассматриваться в качестве самостоятельного объекта исследования с отработкой соответствующей методики их изучения — сбора «подъемного материала» на инструментальной основе и т. п. [4, 5]. Это позволило с большей степенью достоверности привязать собранные коллекции к элементам размываемого рельефа и, соответственно, в ряде случаев — к стратифицированным местонахождениям.

Результатом палеолитоведческих исследований 80-х гг. на рассматриваемой территории явилась разработка схемы развития палеолитических индустрий, имеющая «южносибирское» значение и представленная следующими подразделениями [13]:

- 1) ранний палеолит;
- 2) начальная фаза позднего палеолита;
- 3) классическая фаза позднего палеолита;
- 4) финальная фаза позднего палеолита;
- 5) мезолитический комплекс.

Выделение указанных подразделений обеспечено наличием комплексов артефактов, занимающих определенные гипсометрические, геоморфологические и стратиграфические позиции и объединенных показателями технологического и морфоскопического порядка. На последнем моменте следует остановиться, поскольку в последнее время состояние обработанных поверхностей артефактов (наличие и степень эоловой корразии) стало приобретать роль хроноопределяющего признака и в ряде случаев служить основным обеспечением для разделения смешанных комплексов на разновозрастные компоненты.

Наиболее сильно коррадированные изделия из кварцита, объеди-

ненные в условную культурно-хронологическую группировку «тарахайский пласт», располагаются на поверхностных плато на 150—100-метровых отметках (Гора Малый Тарахай I, II; Гора Степанова; Гора Лысая; Гора Игетей) и спускаются в долины с системой отложений склоновых чехлов до отметок 35—30 м. В условиях относительной стратификации эти изделия зафиксированы в отложениях широкого хронологического диапазона от раннесартанского солифлюксия до доказанцевских суглинков (Гора Игетей I; Гора Лысая II; Байганский Профиль I, II; Тарахайский профиль I, II). В поверхностном залегании на пляжах они отмечены в составе коллекций местонахождений Игетейский Пляж I-III; Байганский Пляж; Тарахайский Пляж (рис. 2). В технике обработки камня этого пласта доминируют следующие принципы:

- 1) использование в максимальном объеме отдельностей горной породы с минимальным числом снятий (чопперы);

- 2) получение массивных сколов — отщепов различными приемами долечного снятия (нуклеус-цитрон);

- 3) подготовка валуна, гальки к расщеплению для получения треугольных, овальных, субпараллельных массивных снятий бифасиальной и унифасиальной оббивкой в технике леваллуа (нуклеусы «круглых», «овальных», «сердцевидных» и других форм);

- 4) использование в качестве заготовок для изготовления орудий (скобели, скребла, остроконечники и т. п.) массивных сколов с фасетированными и нефасетированными площадками.

В выборе петрографического субстрата явно прослеживается тяготение к кварцитам.

Определение возраста материалов «тарахайского пласта» и его место среди пока еще крайне малочисленных раннепалеолитических объектов Северной Азии — задача очень далекая на сегодняшний день от своего разрешения. Неоднократное переотложение артефактов этой группы по склонам или полная его проекция на поверхности плато и пляжей, недостаточная статистика наблюдений по стратиграфическому положению древнейших переотложенных изделий, практическое отсутствие палеонтологического, палинологического обеспечения осложняют решение этой проблемы. Вместе с тем, предположительная датировка артефактов древнейших форм среднелепесточным временем без определения верхней и нижней хронологических границ представляется в настоящее время наиболее разумной.

Следующая временная группа, характеризующаяся средней и слабой степенью эоловой корразии артефактов (III-I), представлена изделиями широкого петрографического состава (кремь, яшма, аргиллит, кварциты, порфириды и т. д.) и номенклатурного набора, относится к условной культурно-хронологической группировке «макаровский пласт». Ее индустрию характеризует статистически обеспеченное представительство продуктов призматического расщепления с получением от крупных образцов до экземпляров микропризматического расщепления, развитие техники резцового скола, развитие «микробифасиальной» техники и т. п., с сохранением традиций «чопперной», «долечной» и «леваллуазской» техник.

Материалы этой группы встречены в системе склоновых отложе-

ний на уровне 60—25 м в подразделениях от позднезырянского до раннесартанского времени (Гора Игетей I, Хадахан I, Красный Яр III). «Макаровский» компонент присутствует и в коллекциях, собранных на поверхностях пляжей (Игетейский Пляж I-IV; Хадахан II; Мельхитуй-Пляж «А», «В», Красный Яр-Пляж — рис. 2).

Культурно-хронологическое определение материалов «макаровского пласта» является очень интересной и пока трудноразрешимой проблемой в силу его своеобразного, «пограничного» характера. С одной стороны, этот комплекс несет в себе следы мустьерской традиции в виде присутствия в коллекциях остроконечников, конвергентных скребел и т. п., с другой — верхнепалеолитические: применение в качестве заготовок продуктов призматического расщепления, наличие обширной индустрии концевых скребков, развитие техники микрорасщепления и т. д. Имеющаяся сумма данных не позволяет ответить на вопрос — механическое это смешение разнокультурных компонентов, обусловленное естественными геологическими процессами, либо отражение некогда существовавшей реальной культурной ситуации. Усугубляет сложившееся положение и огромный временной разрыв между предшествующей и последующей культурно-хронологическими группировками, и залегание собранных материалов в переотложенном положении, и неоднозначное состояние поверхности артефактов: от очень слабой (первой степени) эоловой коррозии до относительно сильной (третьей степени).

Несомненно, что ответить на эти вопросы невозможно без обращения к материалам стратифицированных комплексов, в связи с чем встает проблема необходимости развития поисковых работ в новых геоморфологических позициях, прежде всего, в горных районах, где в условиях наличия естественных ветровых заслонов обнаружение в непотревоженных отложениях докаргинского возраста археологического материала представляется весьма перспективным.

Возраст материалов «макаровского» пласта предварительно определяется в пределах среднего отдела зырянского времени (более 50 тыс. л.) с необходимостью дальнейшего уточнения верхней и нижней границ.

Группировка «классического» позднего палеолита в рассматриваемом регионе неоднозначна как по условиям залегания ее материалов, так и по облику собранных коллекций.

С одной стороны, в районе представлены в поверхностном залегании на пляжах некоррадированные артефакты верхнепалеолитической морфологии. Единицы некоррадированных изделий собраны на Игетейских Пляжах I—IV, в массовом представительстве — на Алтанском Пляже, Пляже Красного Яра, Изотиха-Пляже. С другой стороны, вскрыт на большой площади Игетейский Лог I, переотложенный, но в стратификации, и датированный по C¹⁴ (24400 ± 400 л. н. — ГИН-5327) ансамбль артефактов, имеющий в составе обработанные камень, кость, рог и сопровождаемый остатками охотничьей добычи [14]. Наконец, мы располагаем материалами многослойного палеолитического памятника Красный Яр I. Семь культурных горизонтов этого местонахождения уникальны уже в особенностях стратифика-

ции. Ансамбль же артефактов VI горизонта (19100 ± 100 л. н. ГИН-5330) не имеет синхронных аналогов в Средней Сибири ни в планиграфии находок, ни в морфологии изделий [9. 12].

Период финала позднего палеолита на территории Южного Приангарья очень слабо обеспечен археологическими объектами. На сегодняшний день представителями временного отрезка длиной в 10 тыс. л. на территории Ангаро-Осинского района являются верхний комплекс IV-II культурных горизонтов Красного Яра I, примерный возраст которого 17—16 тыс. л. н., и стратифицированное местонахождение Тартахон на левом берегу Осинского залива (14—13 тыс. л. н.). К сожалению, обе датировки даны лишь в геостратиграфическом приближении, а оба памятника в настоящее время затоплены.

На сегодняшний день нет достаточно убедительного объяснения практически полной «стерильности» среднесартанских отложений в отношении археологического материала. Единственным объяснением может быть особо суровая климатическая обстановка этого времени: высокая степень аридности и низкие температуры.

Мезолитический комплекс в Ангаро-Осинском районе представлен культурным горизонтом I Красного Яра I, местонахождениями с поверхностным залеганием археологического материала на пляжах — Мельхитуй и Мельхитуйский Пляж «С». Наибольший интерес представляет Мельхитуйский ансамбль.

Благоприятный ветро-волновой режим левого берега водохранилища в данном районе привел к минимальным перемещениям археологического материала в плане при проекции его в вертикальной плоскости на поверхность пляжа. Сбор его велся в течение трех полевых сезонов на инструментальной основе в единой системе отсчета, что позволило нанести собранные предметы на единый план. Шурфовочные работы на окружающей неразмытой площади позволили сделать вывод о полной «открытости» памятника.

Всего с площади местонахождения собрано 625 предметов, включая 51 чешуйку и 229 осколков пород (кремь, кварцит). В целом собранная коллекция характеризуется очень большим содержанием изделий; 256 экз. (41 % от общего числа собранных предметов) подвержены вторичной обработке. Из числа последних, микроскребки составляют 21 % (54 экз.), скребла представлены в количестве 34 экз., ножи — 12 экз., проколки — 7 экз. и т. д. Аналогов такой высокой концентрации орудийного набора среди коллекций мезолитических памятников Южного Приангарья на сегодняшний день нет. Следует отметить и тот факт, что сейчас это практически единственный мезолитический объект, в котором не зафиксированы какие-либо сооружения вокруг кострищ, сами кострища, остатки фауны, но каменная индустрия которого в полном объеме доступна для исследования.

Краткий обзор имеющегося на сегодняшний день археологического материала докерамических комплексов Ангаро-Осинского района показывает со всей очевидностью поспешность заключения Б. Э. Петри о «непалеолитичности» района Балаганска, многолетнюю

ограниченность поисков археологов «зоной песков» и вообще только пределами «низкого комплекса террас».

Мы имеем теперь в своем распоряжении яркую, но вместе с этим и очень сложную картину развития каменной индустрии, особенно в ее нижних хронологических отделах. Отмечается своеобразная лакунарность в представительстве индустрии древнего камня, явное наличие довольно продолжительных временных перерывов между рассмотренными выше группировками, обусловленность которых еще требует своего объяснения. Данная ситуация как будто характерна для всего юга Средней Сибири.

Причины, обусловившие это явление, могут быть самыми различными. Или это результат недостатка полевых наблюдений, и стирание существующих белых пятен на хронологической шкале возможно при обращении к поискам новых объектов в иных геоморфологических ситуациях; или это результат некорректной интерпретации собранной информации и определения возраста материалов собранных коллекций и т. п. Но причина может иметь и объективный характер, отражающий неоднократное отступление древнего человека с обжитых территорий под влиянием резкого ухудшения климатической обстановки с последующей их реокупацией. Эоловая коррозия обработанных поверхностей артефактов как следствие существования в прошлом дефляционных процессов, обусловленных мощнейшими стоковыми ветрами (около 60 м/с) большой продолжительности, является подтверждением этой версии. В связи с этим с еще большей остротой встает проблема поиска палеолитических объектов в горных областях, материалы которых должны внести определенную коррекцию в сложившуюся картину.

Практика полевого исследования местонахождений Ангаро-Осинского района показала своеобразие определенной их части — местонахождений с относительно стратифицированным археологическим материалом. Это дает основание для их выделения из разряда археологических памятников в самостоятельную группу объектов, получившую предварительное условное наименование «геолого-археологических». Это выделение обусловлено практически полным отсутствием «собственно археологического» контекста. Вертикальное и горизонтальное положение артефактов, их взаиморасположение обусловлены не антропогенными, а естественно-геологическими факторами. Вся получаемая при исследовании данных объектов информация археологического аспекта сводится к морфологии и номенклатуре найденных артефактов.

При исследовании таких памятников на первое место выдвигаются естественно-научные методы — в первую очередь, геологические, палеопедологические и т. п. Традиционные методы полевых археологических работ отодвигаются на второй план, поскольку основными задачами становятся реконструкция первоначального отложения артефактов, исследование динамики их переотложения и современного залегания в конкретных геологических и геоморфологических условиях, что возможно только при условии привлечения представителей других дисциплин с обязательной коррекцией существующей методики поисковых и раскопочных работ. Последнее не может быть

реализовано без официального признания статуса нового вида объекта исследования. Этот статус объективно необходим уже в практике сегодняшнего дня. Нет никаких сомнений, что в ближайшие годы в палеолитоведении Сибири исследования именно таких объектов приобретут массовый характер.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамова З. А.* Красный Яр — новая палеолитическая стоянка на Ангаре // *СА.* — 1962. — № 3. — С. 147—156.
2. *Абрамова З. А.* Палеолитическое поселение Красный Яр на Ангаре (верхний комплекс) // *Древние культуры Приангарья.* — Новосибирск, 1978. — С. 7—34.
3. *Азанитов Н. Н.* Следы каменного века в бассейне р. Куды и по р. Унге // *Изв. ВСОРГО.* — Иркутск, 1982. — Т. 12. — № 45. — С. 23—26.
4. *Алаев С. Н., Бердников М. А., Федоренко А. Б.* Палеолитическое местонахождение Игетейский Пляж // *Палеолит и мезолит юга Сибири.* — Иркутск, 1982. — С. 45—58.
5. *Бердников М. А., Федоренко А. Б.* Методика полевого исследования местонахождений с поверхностным залеганием артефактов // *Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: Итоги и перспективы: Тез. докл. к регион. конф. 13—15 окт. 1986 г.* — Иркутск, 1986. — С. 36—38.
6. *Воробьева Г. А.* Палеогеографические условия формирования четвертичных отложений Игетейского обнажения // *Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии: Тез. докл. к регион. конф.* — Иркутск, 1980. — С. 98—105.
7. *Воробьева Г. А.* Литологические особенности отложений Игетейского обнажения и попытка использования их в палеогеографических целях // *Палеолит и мезолит юга Сибири.* — Иркутск, 1982. — С. 35—44.
8. *Воробьева Г. А., Медведев Г. И.* Плейстоцен-голоценовые отложения и почвы археологических памятников юга Средней Сибири. Ч. 1. Голоцен. — Иркутск, 1984. — 44 с.
9. *Медведев Г. И.* Археологические исследования многослойной палеолитической стоянки Красный Яр на Ангаре в 1964—1965 гг. // *Отчеты археологических экспедиций за 1963—1965 гг.* — Иркутск, 1966. — С. 5—25.
10. *Медведев Г. И.* Местонахождения раннего палеолита в Южном Приангарье // *Древняя история народов юга Восточной Сибири.* — Иркутск, 1975. — Вып. 3. — С. 3—36.
11. *Медведев Г. И., Воробьева Г. А., Савельев Н. А.* Геологическая стратиграфия каменного века Прибайкалья // *XI конгресс ИНКВА: Тез. докл.* — М., 1982. — С. 220.
12. *Медведев Г. И.* Палеолит Южного Приангарья // *Автореф. дис. ... д-ра ист. наук.* — Новосибирск, 1983. — 41 с.
13. *Медведев Г. И., Воробьева Г. А., Бердников М. А., Пархоменко Ю. С., Федоренко А. Б.* Состояние изученности палеолита Средней Сибири: Итоги и перспективы: Тез. докл. к регион. конф. 13—15 окт. 1986 г. — Иркутск, 1986. — С. 57—62.
14. *Медведев Г. И.* Исследование палеолитического местонахождения Игетейский Лог I // *Палеолит и мезолит юга Сибири.* — Иркутск, 1982. — С. 6—34.
15. *Петри Б. Э.* Сибирский палеолит. — Иркутск, 1923. — 47 с.
16. *Сосновский Г. П.* Заметки по археологии Прибайкалья // *Изв. ВСОРГО.* — Иркутск, 1926. — С. 145—149.

**ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И
СТРОЕНИЕ ОТЛОЖЕНИЙ НА МНОГОСЛОЙНОМ ПАМЯТНИКЕ
КАМЕННОГО ВЕКА СОСНОВЫЙ БОР**

Эоловые отложения имеют в Южном Приангарье довольно широкое распространение, что объясняется существованием в регионе значительной сухости климата на протяжении большей части позднего плейстоцена и голоцена. Особенно активное развитие эоловые процессы получали в перигляциальных условиях муруктинского и сартанского времени. Следы экстремальных аридных обстановок отмечаются и в более древних отложениях, что подтверждают многочисленные эоловокоррадированные обломки пород с редкими находками среди них эоловокоррадированных артефактов раннепалеолитической морфологии [8]. Вместе с тем изученность отложений эолового генезиса на территории Южного Приангарья и сопредельных регионов чрезвычайно низка. Особый интерес приобретает реконструкция палеогеографических условий времени активизации эоловых процессов в плане изучения проблемы — человек и окружающая среда. Пробел в наших знаниях особенностей строения эоловых отложений и динамики эоловых процессов в позднелейстоцен-голоценовое время в какой-то мере помогают восполнить результаты исследований разреза отложений на археологическом памятнике Сосновый Бор. Многослойность памятника дает возможность интерпретировать приблизительный возраст тех или иных слоев, а анализ особенностей их строения и состава — палеогеографические условия обитания древнего человека.

Памятник Сосновый Бор расположен на правом берегу р. Белой в 16 км от места ее впадения в р. Ангару, в районе, чрезвычайно богатом археологическими местонахождениями различного возраста (Мальта, Черемушник, Бадай, Усть-Белая, Горелый Лес и др.)

Палеолит-мезолитический памятник Сосновый Бор был открыт археологами Иркутского государственного университета в 1966 г. и исследован сотрудниками археологической лаборатории университета под руководством Г. И. Медведева [9,4]. Геологическое строение памятника изучалось С. М. Цейтлинным [12].

В 1983 г. археологические работы на Сосновом Боре были продолжены И. Л. Лежненко, палеопедологические и геологические исследования проведены Г. А. Воробьевой. Ниже приводятся результаты исследований 1983 г. Палеопедологический подход позволил по-новому взглянуть на многие особенности состава и строения отложений, дал возможность существенно дополнить имевшиеся палеогеографические построения.

Как показали исследования, особенно перспективен палеопедологический метод при изучении эоловых отложений, так как плохая

сохранность остатков фауны в песках, дальний занос пыльцы и спор, перевевание разновозрастных толщ резко ограничивают возможности палеонтологического и палинологического методов. Подтверждением последнему является спорово-пыльцевой анализ образцов из разновозрастных отложений разреза памятника Сосновый Бор, который обнаружил очень обедненные спектры, характерные в целом для широкого возрастного диапазона четвертичных отложений: береза, сосна, полыни, папоротники. Интересным является примесь переотложенных спор и пыльцы мезозойских и третичных комплексов. Источником пыльцы и спор мезозойского возраста можно считать продукты разрушения и переотложения юрских песчаников, выходы которых имеют широкое распространение на окружающих территориях. Источником третичной пыльцы могли быть красноцветные плиоценовые отложения, отмечаемые Г. Г. Литвинцевым [6] по высоким террасам рек южной части Иркутского амфитеатра и, в частности, в долине р. Белой.

Поверхность памятника Сосновый Бор находится на высоте 22—25 м над современным урезом р. Белой, т. е. относится к 20—30-метровому уровню террас реки*. Цоколем террасы служат доломиты нижнего кембрия, обнажающиеся вдоль берегового обрыва на высоте 14—16 м (рис. 3). Доломиты перекрыты валунно-галечным аллювием, кровля которого имеет уровень 20,5 м. Валунно-галечный материал покрыт аллювиальными песками, от которых в разрезе сохранилась лишь самая нижняя часть мощностью 1—2,5 м. На аллювии с резким несогласием залегает 1,5—2,5-метровая толща эоловых песков. Таким образом, разрез Сосновый Бор имеет трехчленное строение отложений и следы длительного перерыва в осадконакоплении. Культурные горизонты памятника Сосновый Бор находятся в верхней части разреза в толще отложений эолового генезиса. Наиболее древние культурные горизонты VI и V датируются поздним палеолитом, культурный горизонт IV — финальным палеолитом, IIIГ и IIIВ — ранним мезолитом, IIБ и IIА — развитым мезолитом, II — финальным мезолитом и I — включает культурные остатки энеолита-бронзы. В записке 1983 г. культурные горизонты I, II и IIIа были плохо выражены. Отсутствие достаточного количества костных и углистых остатков исключает возможность датировки отложений радиоуглеродным методом, за исключением культурного горизонта III В (12060 ± 120 л. н., ГИН—5328).

Стратиграфическое расчленение нижней части эоловых и подстилающих аллювиальных отложений не представляется возможным без корреляции с другими более полными разрезами отложений разновозрастных террас р. Белой. Для этих целей были использованы материалы по строению 25—30-метровых террас р. Белой, цоколь которых, как и на Сосновом Боре, находится на уровне 14—16 м и представлен доломитами нижнего кембрия.

* С. М. Цейтлин (1979) относит культурные горизонты стоянки Сосновый Бор к накоплениям 15—17-метровой террасы, хотя по рисунку, приведенному в его монографии, кровля галечного аллювия показана на уровне 20,5 м, а современная поверхность — на уровне около 25 м.

Исследованием строения террас в долине р. Белой занимались Н. А. Логачев [7] и Г. Г. Литвинцев [5]. Оба автора дают близкие высоты надпойменных террас: Н. А. Логачев — 6—8 м (I), 12—15 м (II), 16—20 м (III), 25—32 м (IV), 35—45 м (V), 50—60 м (VI); Г. Г. Литвинцев — 10—12 м (I), 12—16 м (II), 16—20 м (III), 20—32 м (IV), 35—45 м (V), 50—60 м (VI) и т. п. Г. Г. Литвинцев относит аллювиально-делювиальные отложения надпойменных террас I—IV к средне-верхнеплейстоценовым и голоценовым, более высокие террасы имеют нижнеплейстоценовый и плиоценовый возраст аллювия. Нижнеплейстоценовый возраст аллювиальных галечников V (35—40-метровой) террасы на окраине ст. Белой подтверждается палеонтологическими находками [7].

Разрезы надпойменных террас I—IV изучались Г. Г. Литвинцевым в долине р. Белой (пос. Мальта), где довольно хорошо сохранились от размыва как аллювиальные, так и перекрывающие их делювиальные образования. Надпойменные террасы III и IV могут иметь близкие относительные высоты современных поверхностей, но существенно отличаться по уровню цоколя: цоколь надпойменной террасы III на 1—3 м, а террасы IV — на 6—14 м выше уреза р. Белой.

Высокоподнятый цоколь (до 12—14 м) имеет терраса р. Белой в районе знаменитого палеолитического памятника Мальта. Однако здесь сохранились лишь маломощные остатки аллювия, чаще в виде галечников с песчаным заполнителем. Аллювиальные отложения перекрыты 2-метровым слоем покровных суглинков, в толще которых находятся культурные остатки. В связи с малой мощностью сохранившегося аллювия поверхность террасы понижена и достигает высоты всего лишь 16—20 м, Н. А. Логачев [7] относит ее к надпойменной террасе III, несмотря на высокий уровень цоколя. С. М. Цейтлин [12] также считает, что стоянка Мальта расположена на надпойменной террасе III, но он указывает 6-метровую высоту ее цоколя.

В 1930—1937 гг. М. М. Герасимовым, Г. П. Сосновским, С. Н. Замятниным на левом берегу излучины р. Белой у Шамотного завода была открыта серия местонахождений палеолитической культуры [3, 10], получившая обобщенное наименование «Камень». На участках этой площади в 1957 г. экспедиция А. П. Окладникова произвела разовые раскопочные работы, неверно означив местонахождение «Шамотным заводом» [11]. Геологическое строение террасы на этом участке было исследовано Н. А. Логачевым [7]. Терраса имеет одинаковую высоту с Мальтинской. Цоколь террасы также сложен нижнекембрийскими доломитами, на которых залегает русловая фация аллювия, представленная галечниками, сменяющимися вверх по разрезу косослоистыми песками. Общая мощность отложений русловой фации 3—4 м. Над песками залегают горизонтально-слоистые темно-серые слюдистые илы и супеси пойменной фации, мощность пойменной фации аллювия 2—2,5 м. Перекрывающие покровные отложения имеют мощность 1—3 м, увеличивающуюся к тыловому шву террасы. В покровных отложениях отмечаются культурные горизонты, сопоставляемые с

мальтинскими и бадайскими. Однако плохая сохранность аллювия, значительный перерыв в осадконакоплении на границе аллювиальных и покровных отложений затрудняют определение возраста этой террасы.

Для целей корреляции полезно привлечь описание строения 25—30-метровой террасы р. Белой в карьере у Шамотного завода. Следует отметить, что особый интерес к разрезу у Шамотного завода обусловлен хорошей сохранностью здесь и аллювиальных и покровных субаэральных отложений. Данный разрез является одним из наиболее полных в Приангарье (рис. 4).

Исследование разреза проведено Н. А. Логачевым [7]. Он указывает 25—30-метровую высоту террасы. Более точное указание высоты не приводится, однако отмечается повышенная мощность покровных отложений, обусловленная расположением разреза близ тылового шва террасы. Исходя из всего вышеизложенного, высоту поверхности мы условно принимаем за 30 м. Цоколь террасы находится на глубине 16 м от поверхности, т. е. 14 м над современным урезом реки. На цоколе залегает 3-метровая толща галечников, сменяющаяся вверх по разрезу косослоистыми песками русловой фации. Накопление русловых песков заканчивается на относительной отметке 19 м. То есть отмечаются довольно близкие уровни цоколя, кровли валунно-галечного и песчаного аллювия в разрезах террас у Шамотного завода и Соснового Бора (рис. 4), что позволяет считать их одновозрастными и сопоставлять особенности строения отложений.

В разрезе у Шамотного завода выше песков русловой фации располагается полутораметровая толща горизонтально-слоистых пойменных отложений, представленных переслаиванием темно-серой песчанистой глины с ржавыми мелкозернистыми песками. С резким контактом на пойменных отложениях лежит мощная 9,5-метровая пачка субаэральных супесей и суглинков, в средней части которых находится хорошо выраженная погребенная почва казанцевского межледниковья. Выше казанцевской почвы располагается 5-метровая толща субаэральных позднеплейстоценовых отложений.

Аналогичный разрез субаэральных отложений исследовался нами в районе Ново-Мальтинского карьера. Здесь казанцевская почва залегает непосредственно на аллювиальных песках. Почва разбита густой сетью морозобойных трещин. На поверхности почвы находится щебнистый панцирь — свидетель дефляции муруктинского времени. Выше залегают нижнекаргинские лессовидные суглинки, раннесартанский солифлюксий с включениями фрагментов гумусовых горизонтов каргинских почв, сартанские лессовидные суглинки и супеси, голоценовые суглинки.

При сопоставлении разрезов отложений в Ново-Мальтинском карьере и у Шамотного завода с разрезом на Сосновом Боре, кроме сходства в высоте цоколя и характере аллювия, выявляются и существенные различия: отсутствие в составе отложений разреза Соснового Бора пойменной фации аллювия и части субаэральных отложений доказанцевского и казанцевского возраста. Эти различия

обусловлены особенностями процессов осадконакопления. Активные золотые процессы уничтожили значительную толщу отложений на Сосновом Боре. Следы этих некогда существовавших отложений сохранились в виде фрагментов неоглеенных светлых суглинков, внедренных в криотурбированный слой аллювиальных песков (рис. 3). Несмотря на одинаковый уровень доколей, в результате дефляционных процессов общая высота террасы у Соснового Бора ниже, чем у Шамотного завода и Ново-Мальтинского карьера.

По материалам бурения в долине р. Белой было установлено [5], что надпойменная терраса IV несет 5—6 метровый покров делювиальных отложений с серией погребенных почв в их толще. В результате разбуривания ряда детальных профилей с расстоянием между скважинами до 70—100 м обнаружено в разрезе делювиальных отложений террасы IV три горизонта повышенной гумусированности, принятые Г. Г. Литвинцевым за горизонты древних погребенных почв, соответствующих в истории осадконакопления периодам относительного потепления (межледниковьям).

Спорово-пыльцевые спектры из нижней части делювиальных отложений террасы IV р. Белой с глубины 5,6 и 6,8 м указывают на широкое распространение древесных пород. Среди них преобладают сосны с примесью до 5—15 % сосны кедровидной. Среди травянистых много ужовниковых. В большом количестве присутствуют споры зеленых мхов. Все это свидетельствует о довольно теплых и влажных климатических условиях времени накопления делювиальных суглинков, которые Г. Г. Литвинцев связывает с мессовским межледниковьем.

Корреляция отложений памятника Сосновый Бор со стратиграфически более полными разрезами (Ново-Мальтинский, Шамотный завод) и сводным стратиграфическим разрезом террасы IV р. Белой, составленным автором по описанию Г. Г. Литвинцева [5], дает возможность считать возраст аллювия ранне- или среднеплейстоценовым, поскольку накопление субаэральных отложений и формирование казанцевской почвы происходило уже после завершения аккумуляции пойменного аллювия. В пойменном аллювии террасы IV р. Белой Г. Г. Литвинцев [5] отмечает первые следы похолодания в плейстоцене и относит их по времени к самаровскому оледенению*.

Следы криогенных деформаций самаровского времени в разрезе Сосновый Бор не сохранились. Криогенные деформации песчаного аллювия имеют здесь более молодой возраст, вероятно, позднеплейстоценовый. Об этом, в частности, свидетельствуют литологи-

* Русловой аллювий и нижнюю часть пойменного аллювия террасы III Г. Г. Литвинцев [5] относит по времени к мессовско-ширтинскому межледниковью, верхнюю часть пойменных отложений террасы III — к тазовско-санчуговскому оледенению, нижнюю часть руслового аллювия террасы II — к казанцевскому межледниковью, верхнюю часть руслового аллювия террасы II — к зырянскому интерстадиалу, пойменный аллювий — к зырянскому II оледенению, русловой аллювий террасы I — к каргинскому межледниковью, пойменную часть аллювия террасы II — к сартанскому оледенению, отложения высокой поймы — к голоцену.

ческие особенности внедрений. Среди внедрений отмечаются розоватые, палевые, буроватые суглинки, несомненно, субаэрального генезиса. Следовательно, криогенные деформации имели место здесь уже после образования какой-то части толщи субаэральных отложений. Примерный возраст этих деформаций может быть определен как позднемуруктинский. Специфической особенностью отложений этого отрезка времени является то, что вслед за криогенезом особую активность приобретают эоловые процессы, благодаря которым в системе отложений появляется уровень, представленный остаточным щебнистым панцирем, включающим эолокоррадированный материал. Криогенные деформации и дефляция позднемуруктинского времени, в частности, наложены на казанцевскую почву в Ново-Мальтинском карьере. Хорошо выражены эти процессы и в долине Ангары (местонахождения Тарахай и Игетей). Криогенные деформации и линия дефляционного среза, маркируемая щебнистым панцирем и культурными остатками горизонта VI, отмечаются в разрезе Сосновый Бор.

Таким образом, можно предполагать, что на Сосновом Боре за довольно длительный отрезок времени процессы денудации и дефляции уничтожили значительную толщу аллювиальных и покровных субаэральных отложений, поэтому песчаный аллювий и эоловые пески резко различаются по возрасту. Аллювиальные пески и подстилающий их валунно-галечный аллювий имеют, вероятно, средне- или раннеплейстоценовый возраст. В вышележащую криогенно деформированную толщу включены фрагменты отложений различного возраста. Самая верхняя часть разреза, где находится археологический материал, имеет возраст от позднемуруктинского до голоцена включительно.

Валунно-галечные отложения в разрезе Соснового Бора обладают следующими характерными особенностями: нижняя часть гальки и валунов покрыта белой коркой карбонатов, верхняя — охристыми гидроокислами железа.

Белая корка карбонатов на нижней стороне валунов и галек имеет натечное происхождение и свидетельствует о преимущественно вертикальной миграции растворов бикарбонатов кальция в аллювии, о вымывании их сверху вниз, обтекании галек и выпадении на их нижней стороне в результате испарительной концентрации и перехода растворимых бикарбонатов в плохо растворимые карбонаты. Источником бикарбонатов, вероятно, являлись верхнеплейстоценовые карбонатные субаэральные отложения, перекрывающие аллювий. Промывание их атмосферными осадками могло идти только в условиях талого грунта. Исходя из вышеизложенного, можно считать, что основная масса вымытых в аллювий карбонатов, вероятно, имеет голоценовый возраст, хотя не исключено присутствие и более ранних карбонатов, вымывавшихся в условиях позднеплейстоценовых потеплений.

Верхняя часть валунов и гальки, как уже было сказано, покрыта охристой пленкой гидроокислов железа. Заполнителем является параллельно-слоистый ожелезненный песок. Валунно-галеч-

ный аллювий перекрывается горизонтально-слоистыми песками, нижняя часть которых (мощность 10—40 см) обогащена сажистыми гидроокислами марганца, а верхняя часть (мощность 10—15 см) не только марганцем, но и гидроокислами железа.

Хорошая аэрация песков и галечников приводила к выпадению хлопьев гидроокислов железа и марганца преимущественно из горизонтально циркулирующих растворов, к их осаждению на верхней поверхности валунно-галечного материала и в перекрывающих горизонтально-слоистых песках при сбросе избытка талых вод по поверхности валунно-галечного аллювия. Источник столь значительных концентраций железа и марганца пока не ясен. Однако в отличие от карбонатов, ими не могли быть перекрывающие аллювий субаэральные отложения, поскольку последние бедны этими соединениями. Отсутствие связи между железо-марганцевыми аккумуляциями и субаэральными отложениями заставляет предполагать, что возраст железо-марганцевых аккумуляций древнее позднеплейстоценового.

Аккумуляции железа и марганца на контакте валунно-галечного аллювия с перекрывающими их отложениями довольно широко распространены в разрезах террас по долине р. Белой. Отмечаются они и на археологическом памятнике Мальта.

На черно-охристых песках в разрезе на Сосновом Боре залегают более светлые горизонтально- и косослоистые пески, нарушенные мощными криогенными деформациями. Окраска песков пестрая желтовато-зеленовато-охристая, обусловленная наличием пленок закисных и окисных форм железа на поверхности песчаных зерен.

При описании аллювия Г. Г. Литвинцев [5] также указывает на зеленовато-серый с желтоватым оттенком цвет и охристые пятна как на характерную морфологическую особенность аллювия надпойменной террасы IV р. Белой.

Криогенные деформации аллювиальных песков представлены трещинами, криотурбациями и внедрениями в пески блоков инородного материала. В раскопе сохранились лишь нижние части трещин в виде «хвостов», выполненных песком. Густота сети трещин составляет 5—6 м. Вертикальные размеры не могут быть восстановлены. Трещинные деформации, вероятно, имели значительную мощность, поскольку деформирован даже слой валунно-галечного аллювия, образовавший галечные валики высотой 15—20 см, идущие с двух сторон трещин.

Пачка деформированных аллювиальных песков косо срезана. Поверхность среза маркируется остаточным щебнистым панцирем, среди которого находится археологический материал культурного горизонта VI. Вероятнее всего, это поверхность древней котловины выдувания. Об этом свидетельствуют конфигурация среза, наличие зоолокоррадированного материала и щебнистость. Источником щебня был субаэральный материал, остатки которого сохранились в составе внедрений в виде светлых суглинков с включениями щебня. Определенная последовательность событий: криогенез → дефляция, как уже указывалось, дает нам основание отнести их к позднему-

руктинскому времени. Не отрицает этого и облик археологического материала: по степени эоловой корразии и формам изделий культурный горизонт VI сопоставим с самыми поздними вариантами корразированных артефактов Прибайкалья — «макаровскими», известными из коллекций Макарово IV на Верхней Лене, Горы Игетей в Южном Приангарье [1, 2]. Возраст корразии для них определяется также позднемуруктинским временем.

Позднемуруктинская котловина выдувания на местонахождении Сосновый Бор в самой глубокой части постепенно заносилась илом, поскольку здесь скапливались талые воды, просачиванию которых мешала мерзлота. Повышенная увлажненность днища котловины привела к развитию процессов оглеения, а на участках, лучше обеспеченных кислородом, появились обильные охристые новообразования гидроокислов железа, резко выделяющиеся на сизоватом фоне основной части илистого слоя. При подсыхании на поверхности ила происходила испарительная аккумуляция карбонатов. После прекращения стадии периодического образования луж, высохшая поверхность котловины стала использоваться первобытным человеком, о чем свидетельствуют культурные остатки горизонта V. К сожалению, пока нет материалов, позволяющих определить возраст культурного горизонта V. Предположительно мы относим его к началу сартанской эпохи.

В криоаридных условиях остальной части сартанской эпохи на Сосновом Боре вновь активизируются процессы перевевания. Высокая динамичность эоловых процессов, возможность уничтожения целых пачек отложений приводит к стратиграфической неполноте разрезов. В связи с этим сартанские отложения имеют малую и при этом невыдержанную мощность — от 0,2 до 1,0 м. Лучше сохраняются горизонты илов по днищам котловин выдувания. Однако эти горизонты являются узколокальными образованиями, трудносопоставимыми даже с соседними раскопами, что затрудняет их использование для целей корреляции.

Последовательность осадконакопления можно проследить по составу, строению и условиям залегания горизонтов, в том числе горизонтов, вмещающих археологический материал.

Культурный горизонт IV маркирует поверхность древней котловины выдувания, днище которой врезано местами до уровня культурного горизонта VI, но смещено вглубь берега на 7 м от центра днища позднемуруктинской котловины. В результате дефляции на этом участке оказался спроецированным и наложенным друг на друга археологический материал культурных горизонтов IV, V и VI. В конкретном вертикальном разрезе срез проходит не по центру котловины выдувания, а по ее краю, поэтому здесь отсутствует горизонт ила. Контуры поверхности котловины выдувания фиксируются по щебню, мелкой гальке и культурным остаткам горизонта IV. Формированию этой котловины предшествовала локальная эоловая аккумуляция песков.

На стенке раскопов отмечаются следы, по крайней мере, еще трех котловин выдувания с заиленными днищами, на поверхности

которых находятся культурные остатки горизонтов III-Г и III-В. Мы считаем целесообразным расчленение горизонта III-В на два: III-В₁ и III-В₂, поскольку они расположены на днищах двух разновременных котловин выдувания. Несмотря на одновременность образования этих трех котловин, литологические особенности осадков указывают на то, что формирование этих котловин и накопление на их днищах илов происходило в близких климатических условиях, в суровой перигляциальной обстановке, при малом количестве осадков и мерзлом состоянии грунта. Талая вода, стекавшая вместе со взвешенными в ней илистыми частицами на дно котловины, быстро испарялась, не вызывая длительного переувлажнения грунта, но способствуя его быстрому окарбоначиванию. В этом заключается принципиальное отличие вышеназванных горизонтов ила от илистого горизонта, к кровле которого приурочены культурные остатки горизонта V, где довольно хорошо выражены следы переувлажнения, а также следы промывания в виде железистых пятен под горизонтом ила.

Карбонатные илы по днищам котловин выдувания можно считать слабообразованными своеобразными перигляциальными почвами. В строении их профиля можно выделить карликовые горизонты A_{Ca} и B_{Ca}. Мощность горизонта A_{Ca} 2—3 см. Содержание гумуса в нем 1,5—2,5 %, что в 15—20 раз выше, чем в подстилающих илах эоловых песках. Горизонты B_{Ca} имеют мощность до 10—15 см. Содержание гумуса здесь 0,3—0,7 %, что в 4—10 раз выше, чем в песках. Среди поглощенных оснований кальций и магний присутствуют примерно в одинаковых количествах. Следует отметить повышенное количество поглощенных оснований ($\text{Ca}^{++} + \text{Mg}^{++} = 7-9$ мг-экв.), не характерное для песков. Вероятно, это связано с присутствием псевдопесчаных частиц в виде агрегатов, состоящих из более мелких зерен. Подобные агрегаты исследовались под биноклем. Происхождение их осталось пока не ясным. Они встречаются во многих плейстоценовых отложениях легкого механического состава. Возможная причина их образования — мерзлотная коагуляция тонкодисперсных частиц.

Граница между сартанскими и голоценовыми отложениями проходит по кровле слоя, вмещающего культурные остатки горизонта III-В. На северной стенке раскопа от этого уровня заложена мощная морозобойная трещина с шириной устья до 1,5 м и вертикальной мощностью более 3 м, морфологическое сходство дает основание сопоставить криогенные деформации Соснового Бора с деформациями на Игетее на контакте позднесартанских лёссовидных суглинков и голоценовых отложений.

Голоценовые пески Соснового Бора принципиально отличаются от сартанских отсутствием заиленных высококарбонатных горизонтов, низким содержанием или отсутствием карбонатов в песках, наличием погребенных гумусовых горизонтов, буроватым цветом отложений. Эти литологические особенности верхней пачки отложений обусловлены значительным изменением климатических условий в голоцене. Благодаря потеплению климата появились условия для

лучшего развития растительности и формирования гумусовых горизонтов. Деградация мерзлоты привела к созданию условий для фильтрации влаги, исчезла возможность образования заиленных карбонатных горизонтов по днищам котловин выдувания.

По особенностям состава, строения отложений и характеру археологических материалов голоценовые отложения можно разделить на три части: раннеголоценовые, среднеголоценовые и позднеголоценовые, хорошо различаемые визуально.

Раннеголоценовые пески имеют мощность 1—2 м. Формирование песков происходило в неустойчивой климатической обстановке при некотором ослаблении дефляции. На локальных участках усиливалась эоловая аккумуляция песков, что привело к повышенной мощности раннеголоценовых отложений разреза Сосновый Бор по сравнению с сартанской толщей отложений. В условиях улучшения климатической обстановки появляются первые следы закрепления песков растительностью. Этот процесс нашел свое отражение в строении раннеголоценовой толщи в виде многочисленных тонких прерывистых гумусированных прослоек, к некоторым из них приурочены культурные горизонты (IIIB, IIIA). Перспективными для поисков археологического материала являются и другие гумусированные прослойки, указывающие на задержание песков и временную стабилизацию их поверхности.

В середине голоцена дальнейшее улучшение климата привело к заселению песков древесной растительностью, к полному прекращению эоловых процессов на данном участке. Повышенная влажность климата голоценового оптимума способствовала активизации биохимических процессов и почвообразования. Благодаря освобождению из минералов гидроокислов железа пески приобрели бурый цвет. Карбонаты не только не накапливались, но даже были вымыты из большей части нижележащих раннеголоценовых песков. Почвообразованием были охвачены среднеголоценовые пески и верхняя часть раннеголоценовых. В связи с тем, что климат улучшался постепенно, а также в результате проработки почвообразовательными процессами, биотурбации и промывания толщи атмосферными осадками средне- и раннеголоценовые пески характеризуются нечеткой границей. По данным, полученным на целом ряде мезолит-неолитических памятников, климатический оптимум голоцена на юге Средней Сибири проявился 6,0—4,5 тыс. л. н. Именно с этим отрезком времени мы связываем формирование бурого горизонта. Его развитие могло идти только под древесной растительностью. По современной терминологии этот бурый горизонт трактуется как горизонт В лесных почв.

Ухудшение климатических условий в суббореальный и субатлантический период выразилось в ослаблении процессов биохимического выветривания, в прекращении формирования бурого горизонта. Благодаря растительности, процессы перевевания в суббореале не получили еще широкого развития. В результате этого над бурыми песками образовался маломощный (10—20 см) слой сероватого песка, верхняя часть которого в настоящее время задерживается. Здесь на-

ходятся остатки культурного горизонта I (энеолит-бронза). Резкое похолодание климата в суббореале привело к образованию криогенных трещин глубиной до 1,5 м. Криогенное трещинообразование в суббореальное время отмечается и на других археологических памятниках юга Средней Сибири.

В целом в строении отложений разреза Сосновый Бор повторяются все те закономерности, связанные с изменением палеогеографической обстановки, которые отмечаются и для других многослойных археологических памятников юга Средней Сибири. Отличия обусловлены литологическими особенностями отложений, а именно песчаным составом как аллювия, так и генетически связанной с ним толщи субаэральных отложений. В связи с этим эоловые процессы в Сосновом Боре имели более сильное проявление, чем на других участках, где песчаный аллювий был перекрыт субаэральными суглинистыми отложениями.

Таким образом, исследования геологического строения ряда археологических памятников и террас, вскрытых карьерами и другими выработками в долине р. Белой, позволили проследить эволюцию природной обстановки за длительный отрезок времени, дали возможность изучать вопросы, связанные с историей формирования террас, покровных отложений на них и условиями обитания первобытного человека.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенов М. П., Бердников М. А., Медведев Г. И., Пержаков С. Н., Федоренко А. Б. Морфология и археологический возраст каменного инвентаря «макаровского палеолитического пласта» // Проблемы археологии и антропологии каменного века Евразии: Тез. докл. регион. конф. — Иркутск, 1987. — С. 26—30.
2. Воробьева Г. А. Строение разреза отложений на палеолитическом местонахождении Макарово IV // Проблемы археологии и антропологии каменного века Евразии: Тез. докл. конф. — Иркутск, 1987. — С. 20—23.
3. Герасимов М. М. Поздние палеолитические стоянки р. Белой // Бюл. Комиссии по изучению четвертичного периода. — М.; Л., 1940. — № 6—7. — С. 122—124.
4. Леженко И. Л., Медведев Г. И., Мизнюк Г. Н. Исследования палеолитических и мезолитических горизонтов стоянки Сосновый Бор на р. Белой в 1966—1971 гг. // Палеолит и мезолит юга Сибири. — Иркутск, 1982. — С. 80—107.
5. Литвинцев Г. Г., Тараканова Г. И. К вопросу стратиграфии четвертичных отложений Иркутского амфитеатра // Геология и полезные ископаемые юга Сибирской платформы. — Л., 1970. — С. 88—106.
6. Литвинцев Г. Г., Тараканова Г. И. Пестроцветные плиоценовые (эоплейстоценовые) отложения южной части Иркутского амфитеатра // Геология и полезные ископаемые юга Сибирской платформы. — Л., 1970. — С. 76—88.
7. Логачев Н. А., Ломоносова Т. К., Климанова В. М. Кайнозойские отложения Иркутского амфитеатра. — М., 1964. — С. 195.
8. Медведев Г. И., Воробьева Г. А., Савельев Н. А. Геологическая стратиграфия каменного века Прибайкалья: XI конгресс ИНКВА: Тез. докл. — М., 1982. — Т. 3.
9. Медведев Г. И., Георгиевский А. М., Мизнюк Г. А., Леженко И. Л., Савельев Н. А. Памятники мезолита Верхнего Приангарья // Мезолит Верхнего Приангарья. — Иркутск, 1971. — Ч. 1. — С. 85—90.
10. Сосновский Г. П. Работы по районам проектируемых гидроэлектростанций на Ангаре, Енисее, Бие и Иртыше // Изв. ГАИМК. — Вып. 110; Археологические работы на новостройках в 1932—33 гг. — 1936. — Т. 2. — С. 69—79.
11. Тарасов Л. М. Палеолитическая стоянка Шамотный завод // Древние культуры Приангарья. — Новосибирск, 1978. — С. 35—57.
12. Цейтлин С. М. Геология палеолита Северной Азии. — М., 1979. — С. 284.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИЕ ГОРИЗОНТЫ СТОЯНКИ СОСНОВЫЙ БОР

Среди местонахождений каменного века Южного Приангарья многослойный памятник Сосновый Бор занимает особое место. Его многослойность (шесть культурных горизонтов в хронологической последовательности — от начала верхнего палеолита до финального мезолита) — явление уникальное в археологии Приангарья. Многочисленность коллекций всех хронологических этапов (около 150 тыс. предметов) представляет богатую фактологическую базу для анализа технологии расщепления кремня и прослеживания эволюции форм каменного инвентаря. Это, плюс комплексная изученность памятника — относительная обеспеченность данными естественных наук — геологии, палеопедологии, палеонтологии, палинологии ставят его в разряд опорных объектов изучения палеолита и мезолита ангаробельского региона и различного рода корреляций с памятниками сопредельных территорий.

С открытием и изучением палеолитических горизонтов Соснового Бора появилось то недостающее звено, которое восполняет хронологический разрыв в цепочке Мальта-бадайские мезолитические комплексы, так называемый временной «хиатус» между 23-м и 13-м тысячелетиями. Археологические объекты этого различных уровней десяти тысячелетнего интервала вообще чрезвычайно редки и рассеяны на территории Прибайкалья: Красный Яр I на р. Ангаре [10], Макарово III на Лене [2]. Из ряда памятников, близких по стратиграфическому положению к рубежу плейстоцен-голоцен: Черемушник II, Холмушино I, Мальтинка I [5, 6, 7], Шамотный завод [14] на р. Белой, Кулаково I [5], Тартахон [8], Мельхитуй [4] на р. Ангаре, Курлы II, III [15] на Северном Байкале — большинство, вероятно, моложе культурного горизонта IV Соснового Бора, который предварительно датируется среднесартанским временем с вероятной датой 14—16 тыс. л. н.

Возраст культурного горизонта V Соснового Бора ориентировочно близок возрасту Красного Яра I, Мальтинской и Буретской стоянок (23—24 тыс. л. н.) или несколько моложе. Вместе с Игетейским Логом на р. Ангаре [11] он наполняет новым культурным содержанием эпоху раннего сартана в Южном Приангарье.

VI горизонт, по-видимому, возможно отнести к среднезырянскому времени, достоверными «современниками» его считать Макарово IV [1], Шишкино VIII [13] на Верхней Лене; Мельхитуйский Пляж «А», «В», Гору Игетей I [3] на р. Ангаре. На этом перечень исследованных верхнепалеолитических объектов в Южном Приангарье можно завершить.

Мезолитические материалы Соснового Бора в сжатом объеме частично получили освещение в литературе [12], палеолитические же публикуются нами впервые. Нет нужды в данном контексте приводить сведения о местонахождении памятника, геологической и археологической стратиграфии, геоморфологии и т. д. Все эти

итоговые данные опубликованы [9]. Результаты палеопедологического исследования 1981—1983 гг. публикуются Г. А. Воробьевой в настоящем сборнике.

В статье дается возможно полный (в рамках статьи) анализ каменной индустрии — характеристика техники расщепления и систематизация археологического материала нижних (V, VI) палеолитических горизонтов Соснового Бора¹, а также планиграфический анализ распределения культурных остатков горизонта V на вскрытой раскопами площади поселения.

Культурный горизонт V на территории памятника имеет значительное простираие. Раскопами 1967—1970 гг. он вскрыт на площади 1164 м². Насыщенность плана культурными остатками характеризуется скоплениями, имеющими характер пятен, сильно разреженных пустым пространством, где читаются единичные рассеянные предметы (рис. 5). Скопления, четко локализованные в плане, по составляющим элементам, планиграфическому рисунку, топографии, их взаимосвязи в пространстве (вертикальная и горизонтальная стратиграфия) подразделяются на две группы.

Первая группа — округлые в плане, небольшие, диаметром около 1 м скопления однородного — кремневого материала с довольно значительной концентрацией (600—700 ед. на 1 м²) — отщепы, осколки, чешуйки, куски битого кремня, желваки, нуклеусы, их обломки, заготовки, технические сколы оформления нуклеусов, пластины, редко орудия. Индивидуальные рабочие места по первичной обработке кремня классифицируются нами как производственный комплекс.

Вторая группа — округлые в плане, диаметром около 3—4 м скопления разнородного материала, сочетающие в себе элементы различных категорий — артефакты, манупорты, кухонные остатки, уголь, золу. Концентрация кремня достигает в среднем 200 ед. на 1 м². В центре таких пятен — размытые очертания зольника кострищ с редким содержанием угля, жженой кости. На зольнике кострищ лежат немногочисленные (до 17—18 ед.) плиты известняка различной величины. Обращает на себя внимание то обстоятельство что обработанный камень лежит и под плитами (в заполнении очажной линзы, на ее поверхности) и перекрывает их. Мы склонны рассматривать данные комплексы как места постановки легких переносных жилищ типа «чума». Два таких комплекса зафиксированы в северо-восточной части раскопов 6 и 7, расположенных в 4 м один от другого по линии север — юг. В них сосредоточена основная масса орудийного набора культурного горизонта V.

В комплексе № 1 (кв. XI—XVII—87-93 на плане, рис. 5) найдены 3 резца, 3 скребка, 6 обломков ретушированных пластин, 1 отщеп с двусторонней подтеской, нож из краевого скола с нуклеуса, 1 обломок орудия, 2 заготовки орудий, 4 отщепа с ретушью утилизации, 2 клиновидных микронуклеуса и 1 заготовка клиновидного нуклеуса,

¹ Комплекс горизонта IV ввиду ограниченного объема публикации и массовости материала заслуживает отдельного рассмотрения.

нуклеус со скалыванием по периметру площадки с незамкнутым фронтом, 5 обломков нуклеусов, 151 пластинка, из них четыре десятка — призматических микропластин, 5 технических сколов оформления нуклеусов, 26 оббитых кусков кремня, желваков, 1335 отщепов, осколков, чешуек кремня, 5 речных галек, 5 обломков галек, 16 плит известняка от мелких до довольно крупных (40×35 см) и, наконец, 39 фрагментов трубчатых костей, из которых 5 жженных. Всего 1626 предметов. Процент изделий в скоплении гораздо выше, чем в целом по горизонту. 181 изделие составляют 11,55 % от числа обработанного камня, а 21 орудие — 11,60 % от числа изделий комплекса, включая обломки и заготовки, составляют пятую часть орудийного набора культурного горизонта V.

В комплексе № 2 (кв. X—XIII—81—83 на плане, рис. 5) обнаружены двусторонний клиновидный нуклеус, одноплощадочный однофронтальный нуклеус, два технических скола — краевой и подживляющий, нож из отщепа кварцита, 3 отщепа с ретушью, 133 пластины, из них около десятка призматических микропластин, 16 кусков битого кремня, желваков в разной степени освобождения от желвачной корки, 1 галька-отбойник, 651 отщеп, осколок кремня, 1 фрагмент трубчатой кости, 4 плиты известняка. Всего 816 предметов. Изделия, 140 экз., составляют 17,26 % от числа обработанного кремня, а 5 орудий, в том числе отщепы с ретушью — 3,57 % от числа изделий.

Общее количество найденных в горизонте V предметов — 9550, из них всего 54 (0,56 %) — фрагменты трубчатых мелкодробленых костей плохой сохранности. Орудий из кости и рога не найдено. Из-за плохой консервации фаунистических остатков видовому определению подлежат немногие экземпляры. Определены следующие виды²: бизон (*Bison*—sp.), благородный олень (*Cervus elaphus*), лошадь (*Equus caballus*), грызун (*Rodentia*). Видовой состав фауны может свидетельствовать об условиях холодного климата сухих лесостепных ландшафтов.

Переходя к анализу каменной индустрии, следует подчеркнуть абсолютное преобладание кремня в качестве поделочного сырья, кварцит использовался в ничтожно малом соотношении — не более сотни единиц артефактов, хотя памятник расположен непосредственно на выходах обильного, богатого качественным сырьем кварцитового галечника.

Общее количество обработанного кремня, собранного со всей вскрытой площади, составляет в горизонте V 9496 экз. (99, 43 % находок). Отщепы, осколки, чешуйки, куски битого кремня, желваки кремня составляют 8921 экз. (93,94 %). Изделия, в разряд которых отнесены пластины, пластинчатые сколы, нуклеусы и собственно орудия и их обломки, заготовки, а также отщепы и пластины с ретушью утилизации, насчитывают 575 экз. (6,055 %) обработанного кремня.

В технике расщепления камня исключительно преобладает

² Палеонтологическое определение проведено в ИЗК СО АН СССР канд. геол.-мин. наук Л. Н. Иваньевым и инженером, мл. науч. сотр. А. А. Хамзиной.

параллельный принцип расщепления. Радиальный характер скалывания отмечен лишь на немногих экземплярах и применялся скорее при оформлении заготовок орудий.

Естественные конфигурации желваков кремня — исходного субстрата, встречающегося прослоями в доломитах цоколя Сосновоборского берега в изобилии, определяли формы нуклеусов, большей частью подчетыреугольных во всех проекциях. Подкубовидная форма желвака облегчала подготовку к скалыванию, достаточно было снять желвачную корку и приступать к скалыванию. Площадки нуклеусов в большинстве случаев не подработаны, рельеф их — поверхность расщеплений, а иногда и естественная желвачная поверхность. Удобство исходной формы позволяло использовать в качестве площадки или фронта любую плоскость, достаточно удовлетворявшую целям — ровную и плоскую, и от стадии одноплощадочного монофронтального нуклеуса переходить как к скалыванию по периметру площадки, так и к двухплощадочным двухфронтальным и многоплощадочным, полифронтальным формам. Особый технологический принцип расщепления нашел отражение в клиновидных формах нуклеусов — оформление специальной заготовки — бифаса и торцовое скалывание.

Исходя из общей тенденции к полифронтальному многоплощадочному скалыванию мы подразделяем группу нуклеусов на ряд технологических вариантов — «стадий».

Нуклеусы, вместе с преформами и недиагностичными обломками, составляют 80 экз. (0,84 % обработанного кремня и 43,91 % от числа изделий). Собственно нуклеусов, поддающихся технологической характеристике, всего 50 экз. (рис. 6—1-6; 7—1-9).

I. Нуклеусы одноплощадочные ~~однофронтальные~~ (12 экз.):

- а) нуклеусы со значительной глубиной площадки, подкубовидные;
- б) нуклеусы с небольшой глубиной площадки, фронтально-уплощенные.

II. Нуклеусы одноплощадочные двухфронтальные (5 экз.):

- а) нуклеусы латерально-уплощенные, с двусторонним торцовым скалыванием;
- б) нуклеусы подкубовидные с изолированными фронтами и тенденцией к скалыванию по периметру площадки.

III. Нуклеусы двухплощадочные однофронтальные (5 экз.):

- а) с полюсным расположением площадок, фронтально-уплощенные со встречным скалыванием;
- б) с угловым сопряжением площадок и подпрямоугольным скалыванием.

IV. Нуклеусы двухплощадочные двухфронтальные (10 экз.):

- а) с полюсным расположением площадок и встречным скалыванием в диспозиции фронт-контрфронт;
- б) с расположением площадок под углом около 90° в диспозиции фронт/контрфронт;
- в) скалывание ведется в диспозиции фронт/латераль или фронт/дистал.

V. Нуклеусы трехплощадочные дву- и трехфронтальные (2 экз.) представляют самые разные комбинации взаиморасположения площадок и фронтов при использовании удобных граней, ребер в качестве определяющих элементов нуклеусов.

VI. Нуклеусы со скалыванием по периметру площадки, замкнутым или полузамкнутым фронтом (8 экз.).

VII. Клиновидные нуклеусы (4 экз.). Площадки сильно скошены от фронта к контрфронту фронтальным сколом без подработки, латерали обработаны с кия и с площадки, гребень не подрабатывался. Заготовки клиновидных нуклеусов (4 экз.) выполнены в той же манере.

Недиагностичных обломков нуклеусов обнаружено 22 экз. и труднодиагностируемых заготовок нуклеусов — 8 экз.

Технических сколов оформления нуклеусов — 40: 28 — краевые с базы нуклеусов; 6 — подживляющие; 3 — лыжевидные фронтальные сколы подживания площадок клиновидных нуклеусов; 2 — треугольные в сечении сколы, снятые с ребра заготовки клиновидного нуклеуса; 1 — снятый с фронта клиновидного нуклеуса с рудиментами кия.

Пластины, снятые с призматических и клиновидных форм нуклеусов (395 экз. — 4,15 % от числа обработанного кремня и 68,70 % от числа изделий), подразделяются на призматические микропластинки (ширина в пределах 10 мм) — 185 экз., из них 162 — двугранные, 23 — трехгранные (целых экземпляров — 67, сегментированных обломков — 118: 50 проксимальных, 19 медиальных, 49 дистальных); призматические пластинки средних размеров (ширина больше 10 мм в пределах 20 мм) — 56 экз., из них 40 — двугранные, 16 — трехгранные (целых экземпляров — 13, сегментов — 43: 16 проксимальных, 20 медиальных, 7 дистальных); крупные пластины (более 20 мм шириной) — 16 экз., из них 14 — двугранные, 2 — трехгранные (целых — 11, проксимальных — 2, дистальных — 3); микро- и мезопластины (шириной менее 20 мм) случайных форм — 116 экз.; макропластины (шириной более 20 мм) случайных форм — 22 экз.

«Орудийный» набор горизонта V (100 экз., 17,39 % от числа изделий, 1,05 % обработанного кремня) мы подразделяем на следующие номинативные группы по технико-морфологическим показателям: резцы, скребки, долотовидные инструменты, бифасы, скребла из отщепов, скребловидные инструменты, скобель, чопперы, гальки-отбойники, пластины с ретушью по маргиналам, заготовки, обломки орудий, пластины и отщепы с ретушью утилизации, не подвергнутые вторичной обработке.

Скребки. К группе скребков мы относим только те изделия, у которых имеется специально сформированное лезвие с выпуклым контуром и параметры которых сравнительно невелики. Такие скребки в горизонте V (15 экз., из них 2 обломка) — самая многочисленная группа (2,61 % от числа изделий). Контур лезвия во всех случаях дугообразный (рис. 8—2). В качестве заготовок использовались отщепы (6 экз.), осколки (6 экз.), пластины (1 экз.), подживляющий скол с нуклеуса (1 экз.), обломок нуклеуса (1 экз.) (рис. 8—9), имеющие маргинал, удобный для легкой трансформации в лезвие скребка. Размеры скребков самые различные — от микроскребков (5 экз.) до довольно крупных (3 экз.) —

60×30 мм. Деление на группы по дислокации лезвия невозможно, так как в большинстве случаев невозможно выделение элементов субстрата.

Резцы. К группе резцов отнесены те изделия, у которых имеется определяющий элемент — резцовый скол и выраженная головка. Изделий, отнесенных к данной группе, 6 экз. (1,04 % от числа изделий). Пять из них можно объединить в одну технологическую группу — срединные (многофасеточные — 4 экз. и образованный двумя резцовыми сколами — 1 экз.). Выполнены они на различных заготовках: обломках орудий (2 экз.) (рис. 8—3,4), осколках кремня (2 экз.) (рис. 8—6), пластинах (1 экз.). Один резец — боковой, на углу краевого скола с базы нуклеуса, преобразованного в скребок. С лезвия скребка как с площадки нанесен один поперечный скол (рис. 8—5).

Долотовидные инструменты (7 экз., 1,22 % от числа изделий). К этой технологической группе, так называемых *pieces écaillés*, отнесены пластины, отщепы средних размеров со специфической двусторонней обработкой — «подтеской» прямого или слегка вогнутого лезвия. Дислокация лезвий у этих инструментов в пяти случаях полюсная поперечная (рис. 8—1) и в двух случаях (оба однолезвийные) — продольная и поперечная. Обработка лезвий только в двух случаях односторонняя. Характер ретуши — занозистая, ступенчатая, вероятно контрударная. У некоторых экземпляров кромка лезвия замята, вероятно от употребления в качестве отжимников.

Тесловидные инструменты (4 экз., из которых 1 — обломок и 1 — заготовка, но морфологически выраженные, составляют 0,69 % от числа изделий). Создают впечатление хорошо выработанной формы — великолепные экземпляры с тщательной двусторонней обработкой не только прямого, закругленного у краев лезвия, но и всей поверхности обоих фасов. Профиль и сечение изделий — линзовидные. Величина самого крупного: длина по сагиттальной линии — 70 мм, протяженность лезвия по хорде — 55 мм (рис. 9—2). Лезвие его и противоположный конец (обушок) заматы в результате утилизации.

Скобели (2 экз., 0,35 %). На одном из маргиналов осколка кремня с желвачной поверхностью одним сколом и мелкой притупляющей ретушью по краю оформлена одна выемка и намечена другая. Аналогичным образом оформлены две выемки на другом осколке кремня.

Скребла-унифасы в коллекции единичны (2 экз., 0,35 %). Одно изготовлено на обломке нуклеуса с небольшой протяженностью лезвия, у второго — из массивного (длина тела 135 мм) желвака кремня, техникой грубой оббивки обработано полудунное лезвие (длина хорды 65 мм).

Скребла-бифасы из отщепов (3 экз., 0,52 %) самые различные по исходному субстрату, морфологии, параметрам. Одно выполнено из технического скола с фронта нуклеуса. Обработке отжимной разнофасеточной ретушью подвергнут дистал скола. Другой экземпляр — из небольшого отщепа белого прозрачного кварцита. Имеет

двустороннюю обработку обоих фасов. Кромка лезвия ровная, контур — плавная дуга с различной кривизной. Последний экземпляр общими очертаниями напоминает нож «улу» с тщательной двусторонней обработкой обоих фасов и лезвия полуовальной формы, с прямым обушком (рис. 8—11).

Ретушированные пластины кремня средней и крупной величины (8 экз., 1,39 %). Обработке мелкой отжимной ретушью подвергнут один или оба маргинала, которые трансформировались в лезвие — прямое или слегка выпуклое, удобное для выполнения как скребущих, так и режущих функций. Семь из восьми — обломки. Целый экземпляр (рис. 8—12) — крупная пластина кремня (длина 65, ширина 35 мм), у которой ретушированы оба маргинала — один выпуклый, другой прямой. Ретушь мелкая отжимная, эпизодическая.

Бифасы (2 экз., 0,35 %) подовальной формы, тщательно обработанные по всей поверхности аверса и реверса, невелики по размерам (длина их — 42, 65 мм; ширина — 35, 40 мм) (рис. 8—10). Функциональное их назначение определить затруднительно, да и нет в этом нужды в данном анализе.

Галечные орудия в коллекции представлены исключительно однофасными формами и гальками-отбойниками.

Чопперы (6 экз., 1,04 %). Из них 2 с продольной ориентацией лезвия, 4 — с поперечной (рис. 9 — 1, 4, 5). Контур лезвия слегка выпуклый, кромка лезвия — волнистая. Угол реверс-аверс колеблется от 60° до 80—85°.

Отбойники (4 экз., 0,69 %) из галек кварцита средних размеров. В комментариях не нуждаются.

Недиагностичных обломков и заготовок орудий сравнительно немного: 9 заготовок и 4 обломка.

И, наконец, две последние группы — отщепы (23 экз.) и пластины (5 экз.) с ретушью утилизации без вторичной обработки.

По характеру и генезису отложения, вмещающие культурный горизонт V Соснового Бора, как было уже замечено, аналогичны культуросодержащему слою Мальтинской стоянки. Геологический возраст на этом основании — 23—24 тыс. л. К сожалению, отсутствие радиоуглеродных датировок не позволяет подкрепить эту дату. Культурного сходства с Мальтой в кремневом комплексе не обнаруживается. Скорее в глаза бросаются различия между комплексами. Параллели можно проследить в группах призматических нуклеусов, *pièces écaillées* и чопперов. Остальной орудийный набор специфичен, к тому же не обеспечен сколько-нибудь значительной серийностью. Обработанная кость отсутствует, возможно, причиной тому плохая консервация фаунистических остатков, Археологический возраст горизонта V мы определяем концом среднего отдела верхнего палеолита.

Комплекс горизонта VI, рассматриваемого нами на данном этапе как условная единица археологической стратиграфии, конгломерат асинхронного археологического материала, в настоящий момент не поддается расчленению временного и культурного порядка. Археологический материал его сосредоточен в дресвяно-щебнистой прослойке,

мощность которой колеблется в интервале 15—20 см. Источником щебня явилась субаэральная толща, которая в результате среднезырянских дефляционных процессов подверглась раздуванию и почти полному уничтожению. Пачка нижележащих древних аллювиальных песков также частично уничтожена, срезана. Маркирует срез щебнистый панцирь³. Панцирь этот фиксируется во всех раскопах и шурфах на всей площади местонахождения и за его пределами по правобережью р. Белой в нижнем и среднем течении (на археологических местонахождениях Мальтинка I, Ельник I и в стратиграфических разрезах и обнажениях (карьер за Горелым Лесом, обнажение ниже устья р. Чернушки в районе турбазы и т. д.)

Археологический материал, собранный в данном стратиграфическом подразделении, те немногочисленные предметы, которые мы с несомненной уверенностью можем назвать артефактами, составили коллекцию в 52 предмета. Весь материал в различной степени подвержен коррозии. Визуально (морфоскопически) она может быть подразделена на три степени (не по абсолютной шкале, а по присутствию на конкретном местонахождении).

Сильная степень коррозии (28 артефактов). Поверхность предметов ячеистая (особенно сильно ячеистость проявляется на кварцитовом субстрате), фасетки ретуши, грани, ребра, маргиналы сколов сильно сглажены. Поверхность предметов гладкая на ощупь. Петрографический субстрат различен — белый, крупнозернистый желтый кварцит (7), серый кембрийский, черный, зеленоватый кремнь (21).

Сравнительно небольшое количество отщепов и пластин при отсутствии нуклеусов демонстрирует различные техники первичного расщепления — долечная (рис. 10 — 7) и ломтиковая (рис. 6 — 8) техника «цитрон», радиальный (рис. 6 — 10) и параллельный (рис. 10—1-5) принципы расщепления. Параллельный принцип расщепления, по-видимому, достаточно широко применялся в технике получения пластин с правильной, субпараллельной огранкой (13): 3 — трехгранных, 10 — двугранных; 5 из них целые ($l=30$, $m=16$; $l=25$, $m=15$; $l=25$, $m=9$; $l=25$, $m=11$; $l=24$, $m=10$ мм). Остальные — фрагменты пластин — медиальные и медиально-дистальные сегменты. К микропластинам может быть отнесен один сегмент ($m=7$ мм).

Преднамеренно ретуширована одна крупная пластина ($m=23$, $l=58$, $p=7$ мм), с крутой ретушью по обоим маргиналам, трансверсальным сечением в дистальном сегменте и вентральным уплощением проксимала — снят ударный бугорок (рис. 8 — 11). Остальные 8 пластин несут на себе ретушь утилизации на одном или на обоих маргиналах (рис. 10—1-3).

Обращает на себя внимание краевой («гребневидный») треуголь-

³ Подробнее о геологических условиях формирования стратиграфических подразделений, являвшихся в свое время отложениями, вмещающими составные коррадированного комплекса горизонта VI, см статью Г. А. Воробьевой в данном сборнике.

ный в сечении скол, обломанный (рис. 10 — 6). Произведен несомненно с бифаса, являющегося скорее всего заготовкой клиновидного нуклеуса. Кроме того, имеется один нуклевидный желвак, массивный скол кремня и 11 небольших отщепов, сколов.

Из черного же кремня, которому, по-видимому, отдавалось предпочтение, изготовлен бифас из горизонта IV — манупорт (№ 158, р. 7). Обработан разнофасеточной ударной регулярной ретушью, кромка подправлена отжимом (рис. 10 — 12). Угол лезвия 55°. Вероятно, подвергся реутилизации, во всяком случае, на лезвии имеются два неудачных скола.

Средняя степень корразии — грани, фасетки предшествующих снятий, достаточно отчетливые, но сильно сглажены. Группа артефактов малочисленна (7 экз.) Петрографический субстрат однороден — серый камень. Имеются два сегмента пластин средних размеров ($m=16, 14$), один проксимальный, другой медиальный. Оба с маргинальной, локальной мелкой утилитарной ретушью на одном из маргиналов; один дистальный сегмент микропластины с конвергенцией маргиналов к дисталу и утилитарной ретушью по обоим маргиналам; один отщеп черного кремня ($40 \times 49 \times 10$), два мелких отщепа-чешуйки ($18 \times 18 \times 5$; $20 \times 20 \times 4$), один технический скол.

Слабая степень корразии (17 экз.) Предметы имеют характерный блеск, легкую степень корразии — «люстрэ». Возможно, часть предметов может быть отнесена к вышележащим горизонтам V и IV, ветровой эрозией спроецированных на гравийно-дресвяную прослойку и какое-то время находившихся в эпицентре котловин выдувания.

Единственным предметом, обращающим на себя внимание в этой группе, является бифас овальный из отщепа кремня (горизонт V) — вероятно, манупорт, так как имеет свежие сколы подработки в проксимальной части и на участке лезвия, не подвергавшиеся корразии (рис. 10 — 9). В V же горизонте найден обломок микроскребка, выполненного на коррадированном кремневом сколе. Остальные предметы — сегменты микропластин, чешуйки кремня, обломки пластин.

В целом насыщенность артефактами щебнистого геологического горизонта сравнительно невелика. На всей вскрытой площади горизонта VI (100 м^2) несомненных артефактов зафиксировано 52 экз.

Различная степень корразии, продукты первичного расщепления различных техник (архаичные и параллельного призматического скалывания) дают основание говорить о том, что культурный горизонт VI — вместилище компонентов асинхронных археологических культур. И тем самым культурные остатки представляют собой различные отделы начала верхнего палеолита. Отчетливее всего вычленивается наиболее сильно коррадированный компонент с преобладанием кремня различной цветности. По субстрату, номенклатурному набору, степени корразии, положению в стратиграфической колонке аналогами ему в Южном Приангарье можно назвать Макарово IV [1], Шишкино VIII на Лене [13], Мельхитуйский Пляж «А», «В», Гору Игетей на Ангаре (см. статью Медведева и др. в настоящем

сборнике). На основании тех же показателей комплекс горизонта VI Соснового Бора относится нами к условной культурно-хронологической группе «макаровского палеолитического пласта».

Возраст горизонта VI, как и других местонахождений, составляющих «макаровского пласта», предварительно определен нами средним отделом зырянского времени (более 50 тыс. л. н.)

Количество археологических объектов «макаровского пласта» на юге Средней Сибири до сих пор не столь велико, а коллекции не столь многочисленны, как хотелось бы, не обеспечены количественным составом морфохарактеристики каждого ансамбля в отдельности, нет пока четких представлений о региональных различиях. В решении этих задач для Ангара-Бельского района Сосновый Бор может явиться опорным объектом. В ближайшее время необходимо вскрытие горизонта VI широкой площадью. Вскрытие горизонтов IV, V также необходимо для расширения интерпретационной базы характеристики верхнего палеолита в его заключительной стадии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенов М. П., Шуньков М. В. Новое в палеолите Верхней Лены (предварительные данные об исследовании Макарово IV) // Древняя история народов юга Восточной Сибири. — Иркутск, 1978. — Вып. 4. — С. 31—55.
2. Аксенов М. П., Шуньков М. В. Возраст и место стоянки Макарово III в палеолите Верхней Лены // Палеолит и мезолит юга Сибири. — Иркутск, 1982. — С. 108—126.
3. Бердников М. А., Медведев Г. И., Федоренко А. Б. Некоторые аспекты изучения докерамических местонахождений Ангара-Осинского района (Южное Приангарье) // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: Тез. докл. всесоюз. конф. — Ч. 2. — Улан-Удэ. 1986. — С. 25—27.
4. Бердников М. А., Поселянин А. И., Лежненко И. Л., Кононова Т. Н. Мельхитуй — новый бескерамический комплекс на Братском водохранилище // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. к регион. конф. — Иркутск, 1982. — С. 46—47.
5. Лежненко И. Л. Итоги исследования позднепалеолитических памятников Кулаково I и Черемушник II // Древняя история народов юга Восточной Сибири. — Иркутск, 1974. — Вып. 2. — С. 65—115.
6. Лежненко И. Л. Новый позднепалеолитический памятник Холмушино в среднем течении р. Белой // Древняя история народов юга Восточной Сибири. — Иркутск, 1975. — Вып. 3. — С. 44—58.
7. Лежненко И. Л. Новые сведения по палеолиту реки Белой // Археология и этнография Восточной Сибири: Тез. докл. к регион. конф. — Иркутск, 1978. — С. 9—10.
8. Лежненко И. Л., Кононова Т. Н. Тартахон — новый памятник палеолитического возраста на Братском водохранилище // Тез. докл. науч.-теорет. конф. — Иркутск, 1976. — С. 8—9.
9. Лежненко И. Л., Медведев Г. И., Михнюк Г. Н. Исследования палеолитических и мезолитических горизонтов стоянки Сосновый Бор на реке Белой в 1966—1971 гг. // Палеолит и мезолит юга Сибири. — Иркутск, 1982. — С. 80—107.
10. Медведев Г. И. Археологические исследования многослойной палеолитической стоянки Красный Яр на Ангаре в 1964—1965 гг. // Отчеты археологических экспедиций за 1963—1965 гг. — Иркутск, 1966.
11. Медведев Г. И. Исследование палеолитического местонахождения Игетейский Лог I // Палеолит и мезолит юга Сибири. — Иркутск, 1982. — С. 6—34.

12. *Медведев Г. И., Георгиевский А. М., Мизнюк Г. Н., Савельев Н. А.* Стоянки Ангаро-Бельского района («бадайский» комплекс) // Мезолит Верхнего Приангарья.— Иркутск, 1971.— Ч. 1.— С. 33—90.

13. *Пержаков С. Н.* Шишкинский археологический комплекс (Итоги и задачи дальнейших исследований) // Четвертичная геология и первобытная археология южной Сибири.— Улан-Удэ, 1986.— С. 4.

14. *Тарасов Л. М.* Палеолитическая стоянка Шамотный завод // Древние культуры Приангарья.— Новосибирск, 1978.— С. 35—56.

15. *Шмыгун П. Е., Филиппов А. К.* Нижний комплекс стоянок Курла // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири.— Иркутск, 1982.— С. 15—24.

**Н. Б. Леонова,
Е. В. Миньков**

ВОЗМОЖНОСТИ ПЛАНИГРАФИЧЕСКОГО МЕТОДА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФАУНИСТИЧЕСКИХ ОСТАТКОВ (НА МАТЕРИАЛАХ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КАМЕННАЯ БАЛКА II)

В 80-е гг. значительно возрос интерес к различным возможностям получения добавочной информации при изучении археологических источников, что, в свою очередь, вызвало появление новых методических приемов как при раскопках, так и при камеральном исследовании материала. Изучение планиграфии палеолитических стоянок, в структуре которых находит отражение разнообразная деятельность по использованию охотничьей добычи, представляется весьма перспективным, так как дает новые сведения об объеме, характере и методах потребляющего хозяйства древних охотничьих коллективов.

Так, при детальном изучении фаунистического материала и его размещения по площади стоянки представляется возможным определить способы разделки туши охотничьей добычи, места разделки, различное использование костного материала: топливо, строительные остатки, сырье для производства костяных изделий, пищевые отходы и т. д. Естественно, следует отдавать себе отчет в том, что эта информация неполная и зачастую искажена в силу конкретных условий формирования и залегания культурного слоя стоянок, степени влияния природных факторов при естественной консервации слоя, но тем не менее, данные планиграфических исследований фаунистического материала могут служить существенным дополнением при комплексном изучении источника.

Рассмотрим такие наблюдения над распределением костных остатков на верхнепалеолитической стоянке Каменная Балка II. Памятник представляет несомненный интерес как пример базовой стоянки, очевидно, не кратковременной, с насыщенным кремнем и костью культурным слоем [1, 2, 9]. В настоящее время здесь раскопано 750 м² культурного слоя сплошной площадью, собрана

Соотношение видов на верхней палеолитической стоянке
Каменная Балка II

Вид	Минимальное количество особей (мко). шт.	Всего костей каждого вида, шт.	Процентное содержание костей каждого вида
Бизон	47	892	53,3
Дикая лошадь	39	746	44,6
Северный олень	2	21	1,3
Сурок	1	5	0,3
Баран	1	4	0,2
Заяц	1	3	0,2
Бурый медведь	1	2	0,1
Итого	92	1673	100

большая коллекция (около 100 тыс. предметов) расщепленного и обработанного кремня, существует подробная полевая документация, фиксирующая расположение всех находок с точностью до 1 см — вертикально и горизонтально. Таким образом, материал Каменной Балки II представляет собой достаточно полную и доброкачественную источниковедческую базу.

Культурный слой стоянки содержит большое количество различных костных остатков и раковин моллюсков. Кость на стоянке сильно раздроблена в результате деятельности человека, кроме того, она значительно заизвесткована. Но тем не менее, выборка определяемой кости достаточно велика и представительна для проведения различных сравнений. Определения фауны проведены Э. А. Вангенгейм.

Скопления фаунистических остатков и смешанные скопления кремня и кости располагаются на площади стоянки неравномерно. Неодинаков, как выяснилось, количественный и качественный состав скоплений кости, их взаимосвязь с крупными скоплениями кремня (рис. 12). Кроме того, большое количество определяемой кости находится вне костных скоплений, образуя вместе с неопределимыми обломками единый ковер слоя. В целом неопределимых костей гораздо больше, чем определяемых. Изделий из кости на стоянке до сих пор не зафиксировано, кроме нескольких сомнительных случаев.

Общая характеристика фаунистического материала свидетельствует о том, что основным объектом охоты обитателей стоянки были бизон (*Bison pr.*) и дикая лошадь (*Eguus cabalis*). Встречены также северный олень (*Ranqifer tarandus*), баран (*Ovis ovis*), заяц (*Lepus sp.*), бурый медведь (*ursus arctos*). Соотношение видов животных приведено в табл. 1. Бизон представлен 892 определяемыми костями, как минимум от 47 особей, дикая лошадь — 746 определяемыми костями от 40 особей. Остальные виды редки или единичны.

В современной археологической и этноархеологической литературе неоднократно высказывалась мысль о том, что неравномерная представленность на поселении тех или иных групп костей,

Таблица 2

Соотношение костей скелета бизона и дикой лошади

Название кости	Бизон		Дикая лошадь	
	кол-во	%	кол-во	%
Черепные	8	1,2	3	0,8
Верхняя челюсть	—	—	1	0,3
Нижняя челюсть	12	1,7	7	1,9
Лопаточная	10	1,4	3	0,8
Плечевая	55	8,0	19	5,1
Лучевая	82	11,9	58	15,5
Локтевая	39	5,6	24	6,4
Тазовая	75	10,9	14	3,8
Бедренная	37	5,4	30	8,0
Большая берцовая	89	12,9	56	15,0
Берцовая	21	3,0	29	7,8
Коленная чашечка	1	0,1	4	1,1
Позвонок	7	1,0	4	1,1
Запястье	41	5,9	22	5,9
Заплюсна	28	4,1	17	4,6
Запястье или заплюсна	56	8,1	6	1,6
Метаподий	54	7,8	40	10,7
Фаланги	72	10,4	36	9,7
Итого	691	100	373	100

Таблица 3

Соотношение верхних и нижних зубов бизона и дикой лошади

Зубы	Бизон		Дикая лошадь	
	кол-во	%	кол-во	%
Неопределимые	115	57,2	105	28,2
Верхние	29	14,4	73	19,5
Нижние	57	28,4	295	52,3
Всего	201	100	373	100

частей скелета или скелетов промысловых животных может отражать специфику и традиции ведения охотничьего хозяйства: особенности разделки туши и использование ее частей, проблемы транспортировки, особенности распределения и прочие социальные факторы. Существует и определенный фактологический материал в этнографии и этноархеологии, подтверждающий это положение [13]. Мы проанализировали данные по составу определимой кости основных промысловых животных на стоянке Каменная Балка II и получили весьма любопытные результаты (табл. 2), показывающие, что далеко не все части скелетов представлены на стоянке, а среди присутствующих имеются вполне определенные соотношения. Не пересказывая всю таблицу, следует отметить, что существует значимое (статисти-

* Здесь и далее под **значимым** преобладанием имеется в виду статистически значимая разница между количеством тех или иных видов костей. Проверка проведена с помощью вычисления и сравнения доверительных интервалов.

Таблица 4

**Соотношение верхних и нижних частей длинных костей
конечностей бизона и дикой лошади**

Название кости	Бизон		Дикая лошадь	
	кол-во	%	кол-во	%
<i>Плечевая неопределимая:</i>	29	8,0	8	3,7
верхняя часть	4	1,2	—	—
нижняя часть	22	6,8	11	5,1
<i>Лучевая неопределимая:</i>	30	9,3	27	12,5
верхняя часть	46	14,2	12	5,6
нижняя часть	6	1,9	19	8,8
<i>Бедренная неопределимая:</i>	4	1,2	18	8,3
верхняя часть	27	8,4	12	5,6
нижняя часть	6	1,9	—	—
<i>Большая берцовая неопределимая:</i>	48	14,9	46	21,3
верхняя часть	3	0,9	—	—
нижняя часть	38	11,8	10	4,6
<i>Локтевая</i>	39	12,1	24	11,1
<i>Берцовая</i>	21	6,5	29	13,4
Всего	323	100	216	100

чески) преобладание костей предплечья и голени у обоих видов. Кроме того, наблюдается значимое преобладание тазовых костей бизона. Напротив, такие кости, как позвонки, ребра, коленные чашечки очень редки. Единичны также находки костей черепа, верхних челюстей лошади. Находки нижней челюсти бизона и лошади относительно редки, но все же они значительно чаще, чем находки костей черепа. Весьма показательно соотношение верхних и нижних зубов у обоих видов (табл. 3). И у бизона, и у лошади значительно преобладают нижние зубы, что хорошо согласуется с почти полным отсутствием верхних челюстей. И если для бизона этот факт можно объяснить данными анатомии этого животного (верхних зубов меньше на 4), то для лошади такое предположение неправомерно. По всей видимости, эти данные следует связывать с особенностями утилизации охотничьей добычи, т. е. с предпочтением древними обитателями стоянки определенных частей туши животных. Один из аспектов этой деятельности, связанной с подготовкой (разделка туши, подготовка мяса к хранению и т. д.) и потреблением охотничьей добычи (еда, изготовление костяных орудий, строительство, топливо и т. д.), можно попытаться воссоздать, выявив преобладание тех или иных частей и групп костей среди набора частей скелета, представленных на стоянке.

Как уже говорилось выше, наиболее представлены кости конечностей и кости, непосредственно связанные с ними (рис. 11). Среди них значимо преобладают нижние части плечевых костей у обоих видов, верхние части лучевой кости у бизонов, верхние части бедренной кости у обоих видов, нижние части большой берцовой кости у обоих видов (табл. 4).

Таким образом, преобладают те части костей, которые соответствуют локтевому суставу у бизона и тазобедренному суставу у обоих видов. И наоборот, те части костей, которые соответствуют плечевому и коленному суставам у обоих видов, встречаются редко, что говорит о разрушении этих суставов.

Можно предположить, что разделка туши производилась вне площади стоянки, о чем говорит отсутствие определенных групп костей (черепа, ребра, позвоночные столбы). Разделка производилась таким образом, что у животных отчленялись конечности и прилегающие к ним наиболее мясные части. Причем задние конечности рассекались надвое у обоих видов. Вероятно, с этим расчленением связано почти полное отсутствие коленных чашечек. В отличие от лошади у бизона, вероятно, чаще отсекались голяшки передних ног. Значимо малое количество черепных костей обоих видов свидетельствует, вероятно, о том, что черепа в основном на стоянку не приносились. Мы не ставим перед собой задачи интерпретировать полностью факт наличия или отсутствия той или другой группы костных остатков. Так, отсутствие черепов может говорить о том, что их использовали полностью еще на месте охоты или разделки — дробили и съедали мозг — либо о том, что они служили объектом различных обрядов промысловой магии. Этнография дает широкие аналогии и другому образу действий — мы отмечаем факт специфики костного материала нашего памятника, который может быть истолкован различно. Следует при этом отметить, что на различных верхнепалеолитических памятниках черепа бизона и лошади иногда присутствуют в большом количестве, иногда отсутствуют. Видимо, в различных культурных традициях находят отражения различные навыки при разделке и использовании охотничьей добычи.

Наши предположения о способе расчленения туши также не могут считаться безусловными, так как несохранившиеся суставы (коленный, плечевой) могут свидетельствовать об использовании соответствующих эпифизов при производственной деятельности. Но практически полное отсутствие орудий из кости, а также других свидетельств различного использования верхних и нижних эпифизов, позволяет с большей долей уверенности видеть тут специфику разделки.

Возможность получить сведения о том, как определенные части добычи использовались древними обитателями стоянки, позволяет наблюдение над пространственным распространением различных групп костных остатков на площади поселения. Для этой цели на площади стоянки в результате многолетних полевых и камеральных исследований было выделено несколько участков, различных по расположению, размерам и качественному составу слагающего их культурного слоя [11, 9, 6].

Вкратце охарактеризуем их.

1. Несколько очень крупных, необычайно насыщенных кремнем и костью скоплений, среди которых выделяются выразительные пятна гумусированности (особенно хорошо выражены два наиболее круп-

ных — восточное и западное), приуроченные к ним очаги, очаги, лежащие вне пятен окрашенности. Оба больших пятна гумусированности по совокупности всех входящих на их площадь культурных остатков могут быть истолкованы как остатки жилых площадок, оставшихся от легких наземных сооружений. Участки, прилегающие к очагам, очень интересны, так как в непосредственной близости от них происходила самая разнообразная деятельность по расщеплению и обработке кремня. Близ очагов часто встречаются ямки со вкопанными крупными костями конечностей, часто с эпифизами.

2. Скопления кости (рис. 12), среди которых выделяются два наиболее крупных.

А. Длинное, вытянутое по направлению восток-запад в южной части стоянки. Длина его 11—12 м, а ширина 0,5—0,7 м. В его основании расположен ряд ямок со вкопанными, преимущественно длинными костями, с эпифизами, обращенными вниз. Длинное скопление кости разделяет два совершенно различных по характеру участка слоя. К югу от него расположено насыщенное крупное скопление явно производственного характера, к северу — участок с очень редкими находками. Совсем рядом с длинным скоплением был найден клад из орудий и расщепленного кремня [3]. Можно предположить, что это костное скопление является остатками какой-то строительной конструкции, укрепленной по осевой линии ямками со вкопанными костями.

Б. Овальное скопление (3×2 м) в восточной части стоянки расположено на самой оконечности мыса, не имеющее специальных конструктивных деталей и ранее трактовавшееся как зона кухонных отбросов [11, 9]. Кроме того, были рассмотрены участки вне пятен особой насыщенности и гумусированности, вне костных скоплений, удаленные от очагов.

Рассмотрим, как группируются различные категории костей на этих участках стоянки.

Кости черепа

На стоянке черепа бизона и лошади представлены лишь в обломках. Кости черепа обоих видов встречаются в основном в пятнах гумусированности и тяготеют к очагам. Единичные фрагменты кости черепа лошади встречены в обоих крупных костных скоплениях. На прочих участках раскопанной площади кости черепа не встречаются, т. е. кости черепа обоих видов располагаются в местах, наиболее активной жизнедеятельности на стоянке.

Нижняя челюсть и нижние зубы

Находки нижних челюстей бизона и дикой лошади значительно преобладают в пятнах гумусированности, причем нижние челюсти бизона значительно часто встречаются у очагов. Нижних челюстей лошади значительно много, в отличие от бизонных, в костных скоплениях. Однако наиболее характерно для этого вида костных остатков

нахождение в местах, связанных либо с обработкой кремня, либо в местах, насыщенных кремнем и орудиями.

В связи с этим безусловный интерес представляет распределение нижних зубов как косвенного свидетельства использования обитателями стоянки нижних челюстей (если предположить, что сама челюсть использовалась в хозяйстве, а зубы выбрасывались). Хотя в археологии известно достаточно примеров изготовления орудий из зубов, на стоянке Каменная Балка II при обилии находок зубов такие случаи пока неизвестны. Значимо большая часть нижних зубов обоих видов животных находится в юго-западной части стоянки, рядом с большим западным пятном гумусированности (рис. 12). Этот участок характеризуется чрезвычайно малым содержанием кремня. Остальная часть зубов бизона и дикой лошади в основном содержится в западном пятне гумусированности, граничащим с этим участком. Причем в самом пятне гумусированности наблюдается различие в расположении нижних зубов бизона и лошади. Нижних зубов лошади значимо больше на участках, прилегающих к очагам, в то время как зубы бизона находились вне таких участков у очагов.

Учитывая различия в количественном соотношении нижних и верхних зубов лошади и бизона, о котором говорилось выше, можно предположить вероятную неравноценность нижних челюстей этих животных для древнего человека, жившего на этой стоянке. В пользу этого предположения говорит тот факт, что нижняя челюсть лошади, более плотная и более прочная, нежели бизонья, и возможно, это определяло большее использование ее в каких-то хозяйственных операциях или процессе производства.

Характер этого процесса мы попытались выяснить, установив случаи взаимовстречаемости нижних челюстей и зубов с характерными скоплениями кремня. Выяснилось, что в подобных случаях взаимовстречаемости кремневые скопления характеризовались либо преобладанием пластинок с притупленным краем, либо значительным их количеством. Это наблюдение, вероятно, может служить свидетельством совместного использования нижней челюсти преимущественно дикой лошади и микропластинок с притупленным краем (которые, кстати, являются одной из характерных и ведущих форм кремневого инвентаря стоянки) в одной технологической операции. Было бы слишком смелым точно означить эту операцию, исходя из наших сегодняшних знаний о палеолитическом производстве. Но можно предположить, что нижняя челюсть могла использоваться самостоятельно, могла быть отбойником или отжимником или, что представляется вероятным, могла служить основой для вкладышевого орудия. Свидетельства такого рода использования челюстей существуют в археологии и этнографии [7, 8]. Так или иначе, анализ культурного слоя стоянки говорит о неслучайной взаимовстречаемости нижних челюстей и этого вида кремневых изделий на участках изготовления и предполагаемого использования каменных орудий.

Длинные кости конечностей

Длинные кости конечностей обоих видов встречаются в основном в пятнах гумусированности, на участках, прилегающих к очагам, и в крупных костных скоплениях (рис. 12). Среди всей категории длинных костей следует выделить группу костей, стоящих вертикально и наклонно, сосредоточенных, как правило, в небольших компактных скоплениях, расположенных в неглубоких ямках. Эти скопления состоят обычно из массивных костей с эпифизами. Зачастую кости в ямках расположены эпифизами вниз. Эти скопления объединяются в небольшие, но четкие группы — такие ямки, как указывалось выше, обнаружены в нижней части длинного скопления кости в южной части стоянки, часто они встречаются у очагов, а также весьма выразительно окаймляют границы восточного пятна гумусированности. Опираясь на вышеизложенное, можно предположить, что ямки со вкопанными костями были элементами каких-то легких строительных конструкций. Следовательно, определенная часть длинных костей использовалась как строительный материал, при этом кость была не раздроблена, а наличие эпифиза говорит либо о специальной подборке, либо о подготовке материала. Полые части крупных костей в хорошо известных палеолитических жилищах (Мезин, Межиричи, Пушкари I и т. д.) использовались как втулки и упоры для жердей. Возможно, что этот прием прослеживается и на нашем материале.

Некоторое количество длинных костей (верхняя часть лучевой и нижняя часть большой берцовой обоих видов) лежит в непосредственной близости от очагов. Возможно, это запасы топлива или сырья.

Довольно много длинных костей с эпифизами и без них находилось в овальном костном скоплении и непосредственно рядом с ним. Какого-либо фиксированного положения (прямо, наклонно, горизонтально) длинных костей в этом скоплении не преобладает.

Кости таза и лопатки

Лопатки обоих видов достаточно редки. Сосредоточены они в основном в овальном скоплении и рядом с ним на восточной оконечности стоянки. Практически их нет внутри пятен наибольшего сгущения находок и гумусированности. Есть несколько находок лопаток в окаймлении восточного пятна гумусированности. Судя по способу расчленения туши, лопаточных костей на стоянке могло быть больше (лопатка, как правило, отделяется вместе с передней конечностью), но почти полное их отсутствие говорит, видимо, о том, что этот вид кости не имел ценности как строительный материал и весь утилизировался как топливо или для каких-то иных целей. Возможно, что лопаточная кость вовсе не приносилась на стоянку, а отделялась от передней конечности еще при разделке туши. Тазовые кости бизона и дикой лошади встречены в основном в наиболее крупных скоплениях культурных остатков. Они распола-

гаются по периметру крупных пятен гумусированности, причем тазовых костей бизона больше у западного пятна гумусированности. Можно предположить, что тазовые кости бизона и лошади, окаймляющие восточное пятно гумусированности, образуют вместе с длинными костями с эпифизами единую систему, что, возможно, следует считать подтверждением предположения о наличии здесь остатков легкого жилого сооружения.

Нам представляется любопытным факт использования в сходной ситуации тазовых костей разных видов — имеется в виду преобладание в одном случае костей бизона, в другом — смешанный состав — бизона и лошади. Возможно, здесь находит отражение преобладание в охотничьей добыче того или иного вида животного, что может говорить об определенных сезонных или временных соотношениях обитания на том или ином участке стоянки. Естественно, что о таких различиях можно говорить только при наличии большого материала для сравнения.

Довольно много тазовых костей находится на участках близ очагов. Возможно, они применялись для каких-либо хозяйственных целей либо служили запасом топлива. Некоторое количество тазовых костей содержится в крупных костных скоплениях, больше всего их в овальном скоплении на восточной оконечности мыса. Следует отметить, что в скоплениях тазовые кости, как правило, расположены сверху, в остатках строительных конструкций они также никогда не бывают углублены. Можно предположить, что тазовые кости могли служить для укрепления и придавливания покрытий из шкур при создании легких жилых конструкций.

Кости запястья, заплюсны, фаланги

Распределение этой группы костей по площади стоянки не позволяет предполагать какой-либо отобранности, отсортированности материала. В основном эти кости встречены вне пятен гумусированности, чаще они встречаются в юго-западной части стоянки, их довольно много на участке к северу от длинного скопления кости, там, где очень мало кремня.

Некоторое количество костей запястья бизона расположено близ очагов, но вне пятен гумусированности. Эта группа костей присутствует также и в костных скоплениях, однако не составляет сколько-нибудь характерной черты этих скоплений. То есть группа мелких костей части конечностей не приурочена ни к одному из участков культурного слоя, ни к одному элементу структуры слоя. Скорее всего такое расположение этой группы костей в слое можно объяснить тем, что эти кости не применялись в определенных хозяйственных операциях, были бросовым материалом.

Существует единственная находка костей стопы, расположение которых в слое явно не случайно. Речь идет о находке пяточной кости медведя, найденной в ямке вблизи очага на кв. Д-17 (рис. 12). Это единственная находка кости медведя на стоянке. Определенность археологического контекста — очаг, ямка; опреде-

ленность части скелета — голова и лапы, издревле служащие предметом медвежьего культа, сразу выделяют эту находку в круг совершенно иных проблем, нежели хозяйственное использование.

Рассмотрев пространственное распределение различных групп костей по площади стоянки, попытаемся оценить характер утилизации различных частей скелета промысловых животных в хозяйстве древнего человека, предполагая, что основная разделка туши производилась вне стоянки.

Нижние челюсти, по всей видимости, использовались при обработке кремня и изготовлении орудий. В пользу этого предположения говорит их частое сочетание со специфическими скоплениями кремня, в которых необычайно высоко количество пластинок с притупленным краем.

Длинные кости конечностей употреблялись и как строительный материал, в этих случаях эпифизы преимущественно сохранялись и как топливо. Возможно, что расщепленная длинная кость шла и в производство костяных изделий, но, к сожалению, материал нашей стоянки не позволяет судить об этом.

Тазовые кости также, возможно, употреблялись при строительстве легких конструкций, ими могли обкладывать и придавливать шкуры, покрывающие каркас жилища.

Мелкие кости конечностей — запястье, заплюсна, фаланги — скорее всего никак специально не использовались и попросту выбрасывались.

Об использовании черепов что-либо сказать трудно, но возможно, головы бизона и лошади употреблялись в пищу, о чем как будто бы говорит расположение черепных костей в обломках у очагов, хотя находок обломков черепов очень мало и, вероятнее всего, они на стоянку не приносились.

После детального анализа распределения разных групп костей по площади стоянки стал более ясен характер крупных костных скоплений. Что касается длинного скопления в юго-западной части стоянки, то сомнений в том, что это остатки какой-то искусственной границы между двумя разнохарактерными участками слоя, не было. Так как скопление было очень четко выражено в плане, имело достаточную мощность, не несло следов естественных нарушений [4], то мы могли принять его состав и основные конструктивные детали за своеобразный эталон.

В свете проделанных сравнений овальное скопление в восточной части стоянки, состоящее в основном из крупной расщепленной кости, представляется не столько свалкой, сколько складом потенциального топлива и сырья для нужд строительства и производства, так как здесь много длинных костей, с эпифизами и без них, много тазовых костей, несколько лопаток, челюсти, зубы. Здесь же найдены и единственные группы костей в анатомическом порядке (кости ног лошади). Подтверждением определенной хозяйственной значимости этого скопления служит то, что в непосредственной близости от этого скопления расположены четыре скопления кремня, которые характеризуются большим числом сломанных ору-

дий, повышенным содержанием резцовых отщепов при наличии резцов. Возможно, этот факт свидетельствует о том, что здесь работали резцами.

Существует и еще один аспект использования данных планиграфии при анализе фаунистических остатков — это сочетание в размещении определенных групп костей и орудий. Наиболее показательными в этом плане являются резцы и резцовые отщепы. Выделение такого рода участков на стоянках позволяет вычлениить места доработки кости [10, 12]. Стоянки, на которых кость имеет хорошую сохранность, позволяют судить о способах обработки кости, последовательности операций по подготовке кости, отделении заготовок от поделок [5]. Планиграфические наблюдения на таких стоянках помогут установить точную топографию мест производства костяных изделий, единовременность всего процесса или его многоактность, места складов сырья и т. д. К сожалению, работа такого рода на нашем материале затруднена из-за отсутствия костяных поделок и плохой сохранности кости. Тем не менее определенные сочетания некоторых групп костей с микропластинками и резцами наблюдаются, дальнейшие работы по анализу производственных скоплений, включающих фаунистические остатки, ведутся.

Подводя итоги, следует отметить, что разные группы костей неодинаково использовались в хозяйственной деятельности древнего человека, что привело к различному их распределению по площади стоянки и неравномерному количественному соотношению. Информация о такого рода деятельности отражена в структуре археологического источника и, следовательно, существует реальная возможность ее получения, учитывая действие разного рода факторов. Так, в нашей работе, выделяя значимое преобладание той или иной группы костей, мы консультировались с палеозоологами (пользуемся случаем выразить глубокую благодарность А. К. Агаджаняну, Н. М. Ермоловой и Э. А. Вангенгейм) с целью уточнения потенциальной возможности сохранности каждой группы при равных влияниях природных факторов. Была проведена проверка выделенных групп на основе анатомических особенностей того или иного вида. Тем самым мы пытались как можно ближе подойти к выявлению фактора именно хозяйственной деятельности человека.

Работа подобного рода, как нам кажется, показывает, что при тщательном изучении культурного слоя можно твердо установить, что остатки животных занимают различные позиции как во всей массе остеологического материала, так и на площади памятника. Причем некоторые группы костей имеют тенденцию к определенным археологическим контекстам, другие не несут следов такой отсортированности. Представляется, что при накоплении все большего сравнительного материала кость может превратиться в более информативный источник для восстановления различных видов древней хозяйственной деятельности и, возможно, определенных культурных традиций в использовании продуктов охотничьей добычи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гвоздовер М. Д. О культурной принадлежности позднепалеолитических памятников Нижнего Дона // *Вопр. антропологии.* — 1967. — Вып. 27. — С. 82—101.
2. Гвоздовер М. Д. Позднепалеолитические памятники Нижнего Дона // Борисковский П. И., Праслов Н. Д. Палеолит бассейна Днепра и Приазовья. — М.: Л., 1964. — С. 37—41.
3. Гвоздовер М. Д., Леонова Н. Б. Клад кремня из верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II // *Проблемы палеолита.* — Л., 1977. — С. 127—136.
4. Гвоздовер М. Д., Леонова Н. Б. Работы Ростовской палеолитической экспедиции // *АО*, 1970. — М., 1971. — С. 96—97.
5. Григорьева Г. В., Филиппов А. К. Пенская позднепалеолитическая стоянка // *СА.* — 1978. — № 4. — С. 162—175.
6. Кеворкова Н. В. Производственные зоны на стоянке Каменная Балка II: *Дипломная работа.* — М., 1982.
7. Коробкова Г. Ф. Древнейшие жатвенные орудия и их производительность (в свете экспериментально-трассологического изучения) // *СА.* — 1978. — № 4. — С. 36—52. В этой работе приведена обширная библиография об использовании челюстей как основы вкладышевых орудий.
8. Круглов А. П., Подгаецкий Г. В. Родовое общество степей Восточной Европы: Основные формы материального производства. — М.; Л., 1935. — 176 с.
9. Леонова Н. Б. Закономерности распределения кремневого инвентаря на верхнепалеолитических стоянках и отражение в них специфики палеолитических поселений: *Автореф. дис. ...канд. ист. наук.* — М., 1977. — 20 с.
10. Леонова Н. Б. Производственные комплексы стоянки Чулатово II (Рабочий ров) // *Проблемы истории СССР.* — М., 1976. — Вып. 5. — С. 3—20.
11. Михайлова Т. М. Опыт выделения структуры поселения Каменная Балка II на основе распределения кремня: *Дипломная работа.* — М., 1974.
12. Шовкопляс И. Г. Мезинская стоянка: К истории Среднеднепровского бассейна в позднепалеолитическую эпоху. — Киев, 1965. — 328 с.
13. Binford L. K. *Nunamint ethnoarchaeology.* N.— Y.; L., 1978.

А. С. Поляков

СТОЯНКА БЕРЕЗОВЫЙ РУЧЕЙ II В ЗОНЕ СТРОИТЕЛЬСТВА КАТЭКА

Стоянки каменного века на Среднем Енисее, расположенные несколькими локальными группами, изучены неравномерно. К настоящему времени наиболее полно исследованы памятники в районе Красноярска и в Минусинской котловине [11, 12, 13, 4, 1, 2]. Палеолитические местонахождения в Назаровской котловине стали известны сравнительно недавно, что в известной мере связано со строительством Канско-Ачинского топливно-энергетического комплекса [3, с. 21—26; 10, с. 217; 9, с. 214—215; 7, с. 190]. В течение ряда лет здесь ведут работы Сибирская экспедиция ЛОИА АН СССР и экспедиция кафедры археологии Кемеровского госуниверситета, которыми изучались, наряду с другими, памятники эпохи палеолита.

В настоящей статье публикуются материалы стоянки Березовый

Ручей II, открытой и исследованной автором в 1981 и 1983 гг., в Шарыповском районе Красноярского края.

Стоянка расположена на правом, коренном, берегу ручья Березовый, в 900 м к северо-востоку от впадения его в р. Береш (приток р. Чулым). Берег возвышается над поймой на 20—25 м, сложен осадочными породами — песком и галечником. Культурный слой стоянки разрушен денудационными процессами в древности и современной глубокой распахкой, что обусловило порядок и методику проведения работ. Сборы подъемного материала на площади 200×150 м насчитывают около 200 фрагментов орнаментированных сосудов эпохи развитой бронзы и более 200 предметов каменного инвентаря, из них две трети составляют сколы и отщепы. Среди подъемного материала отмечу серию клиновидных нуклеусов с прямой и слабо скошенной ударной площадкой (рис. 13—1, 4—6, 8—10, 17), аморфный нуклеус (рис. 13—16) нуклеус-скребок (рис. 13—2), скребки на отщепах (рис. 13—7, 11), срединный резец (рис. 13—12), пластины (рис. 13—13—15), дисковидное орудие из двусторонне обработанной гальки (рис. 13—18). Изделий из кости и рога не найдено.

Для выяснения стратиграфии памятника были заложены шурфы. Шурфовка показала, что находки приурочены к слою темноокрашенного гумуса толщиной 0,3—0,4 м, начинающемуся сразу под дерном (горизонт I), и к предматериковому слою сцементированного песка (горизонт II), которые разделяла стерильная прослойка толщиной до 0,5 м. Раскоп площадью 10×10 м был разбит на южном краю мысовой части поселения, не задетом распахкой.

Для получения схемы генетических горизонтов почвы в районе Березового ручья были взяты пробы грунта из каждого слоя северной стенки раскопа.

Описание стратиграфического разреза *

1. Слабо выраженная задернованность до 0,03 м
2. Гумус темноокрашенный, пронизан большим количеством корней; элементы луговости проявляются четко. Условный культурный горизонт I залегает на глубине до 0,4 м от верхней границы до 0,5 м
3. Легкий суглинок, буро-коричневый до 0,5 м
4. Фракция сцементированного песка с небольшим количеством белых, желтых, красных глин и прожилками гипса. Культурный горизонт II залегает на глубине до 0,6 м от верхней границы до 0,6 м
5. Песчаные наносы с элементами аллювия, с прослойками более крупных разностей

Результаты раскопок следующие. Находки располагались сразу под дерном, в слое гумуса толщиной 0,1—0,4 м. При этом глубина залегания материальных остатков различных культурно-исторических эпох не зависела от времени попадания их в почву, что,

* Сделано З. Ф. Павловой в 1983 г.

возможно, объясняется свойствами почвы. М. П. Грязнов писал: «...все вещи минерального состава (кость, керамика, камень, металл и др.), оставленные на поверхности почвы, через некоторое время (в пределах нескольких десятков лет) оказываются в нижней части гумусного слоя — погружаются «на дно» почвы; гумусный слой остается неизменным, сохраняя веками и тысячелетиями свои размеры, структуру и другие свойства — он не «нарастает» [5, с. 67]. Вследствие указанных причин этот культурный слой получил наименование «условный культурный горизонт I». Он содержал материальные остатки нескольких культурно-исторических эпох.

Временем развитой бронзы датируется 122 фрагмента керамических сосудов. Способы нанесения орнамента различны: есть фрагменты с резным и ногтевым орнаментом, некоторая часть орнаментирована зубчатым и гребенчатым штампами (рис. 14). Аналогичная керамика обнаружена на поселении Кадат-6 [6, с. 57]. Внутри этого материала возможна культурная и хронологическая дифференциация: большая серия фрагментов относится к окуневской (самусьской?) культуре, но в одном из кострищ (овальном в плане $1 \times 0,5$ м) зафиксирован развал андроновского сосуда вперемешку с отходами металлургического производства — медными шлаками, всплесками. Вероятно, это остатки печи-медеплавильни, которые известны в соседней Хакаско-Минусинской котловине. Андроновская керамика встречена почти во всех квадратах раскопа, значительное количество ее подобрано на распахиваемой части стоянки (в рисунки не вошла).

В слое I найдено 4 наконечника стрел. Черешковый изготовлен из темного кремня (рис. 15 — 13), два — с прямым основанием — из окремненного сланца (рис. 15 — 14) и халцедона (рис. 15 — 8), один, у которого основание повреждено поздним изломом, — из окремненного сланца (рис. 15 — 3). Наконечники подобных типов имеют широкую хронологию — от эпохи мезолита до ранней бронзы, но вероятно, не могут существенно повлиять на датировку материала из слоя в целом.

К завершающей фазе верхнего палеолита могут быть отнесены: серия микронуклеусов (20 экз.) с прямой и слабо скошенной ударной площадкой (рис. 15 — 1, 2, 5, 6, 7, 9, 10, 16), различных типов скребки (13 экз.) (рис. 15 — 11, 12, 15), проколка (рис. 15 — 4), серия микропластин (57 экз.), каменные орудия, типологически трудно определяемые, сколы и отщепы (499 экз.). Нуклеусы составляют устойчивую серию. Почти все они клиновидной формы или близкой к ней. Классической клиновидной формы нуклеус изготовлен из светлого кремня, имеет слабо скошенную на сторону и вогнутую ударную площадку. Для снятия микропластин служил как широкий торец, так и боковой край, обработанный с двух сторон (рис. 15 — 16). Из скребков отмечу самый крупный на стоянке скребок из отщепа (рис. 15 — 12) и скребок с ретушью на две трети периметра из отщепа черного кремня (рис. 15 — 11). Единственная в слое проколка имеет слегка искривленное на сторону острие, выделенное ретушью с двух краев и двумя плечиками (рис.

15 — 4). Полученный материал можно отнести к афонтовской культуре, при этом публикуемые предметы обнаруживают наибольшую близость с инвентарем стоянки Кокорево II в Хакасско-Минусинской котловине [1, табл. XVII, 1; XVI, 4; XVIII, 4; XX, 23, 26].

После завершения работ на условном культурном горизонте I были пробиты контрольные траншеи шириной 1 м вдоль всех стенок раскопа. Под слоем буро-коричневого суглинка толщиной до 0,5 м, в слое цементированного песка, были обнаружены сколы и отщепы. Затем последовала разборка этого слоя, мощностью 0,1—0,6 м, до подстилающего его слоя, образованного песчаными наносами с прослойками галечников. В слое II найдены сильно патинизированные галечные орудия (4 экз.), скребки (3 экз.), пластина, микропластинки (10 экз.), сколы и отщепы (108 экз.).

Нуклеусы подклиновидной формы обработаны более грубо, чем из слоя I. Судя по размещению негативов от пластин, приемы снятия их еще не упорядочены. По находке крупной пластины (рис. 15 — 20) можно предполагать о существовании массивных нуклеусов. Из галечных орудий отмечу орудие «типа ручного рубила», изготовленное из целой гальки (рис. 15 — 24) и зубчатое орудие из осколка гальки (рис. 15 — 23). Материал из слоя II может быть отнесен к афонтовской культурной общности. Уровень его залегания предполагает более раннюю его датировку относительно каменного инвентаря из слоя I.

Исследования стоянки Березовый Ручей II обнаруживают перспективность разведок и раскопок памятников эпохи палеолита в Назаровской котловине.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова З. А. Палеолит Енисея: Афонтовая культура. — Новосибирск, 1979. — 157 с.
2. Абрамова З. А. Палеолит Енисея: Кокоревская культура. — Новосибирск, 1979. — 199 с.
3. Авраменко Г. А. Палеолитическая стоянка у г. Ачинска: Предварительное сообщение // Материалы и исследования по археологии, этнографии и истории Красноярского края. — Красноярск, 1963. — С. 21—26.
4. Астахов С. Н. Поселения Афонтовой Горы и их место в палеолите Енисея: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. — Л., 1966. — 15 с.
5. Грязнов М. П. Почва и археологические памятники в их взаимосвязи: Тез. докл. сессии. — Ташкент, 1973. — С. 67.
6. Курочкин Г. Н. Поселение эпохи ранней бронзы на Кадатском водохранилище // Древние культуры евразийских степей. — Л., 1983. — С. 56—58.
7. Курочкин Г. Н. Работы на Кадатском водохранилище и у ручья Березового // АО, 1980. — М., 1981. — С. 190.
8. Курочкин Г. Н., Мелентьев А. Н. Открытие верхнего палеолита на территории КАТЭКа // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. к регион. конф. — Иркутск, 1982. — С. 21—23.
9. Мартынов А. И., Пшеницына М. Н. Исследования в зоне строительства Березовского разреза I КАТЭКа // АО, 1981. — М., 1983. — С. 214—215.
10. Мелентьев А. Н. Работы в зоне КАТЭКа // АО, 1981. — М., 1983. — С. 217.
11. Сосновский Г. П. Обследование палеолитических стоянок у Красноярска // КСИИМК. — 1946. — Вып. 13. — С. 95—98.

12. Сосновский Г. П. Палеолитические стоянки в долине р. Качи у г. Красноярска // СА. — 1948. — № 10. — С. 75—84.
 13. Сосновский Г. П. Позднепалеолитические стоянки Енисейской долины // ГАИМК. — 1935. — Вып. 118. — С. 152—218.

**А. В. Волокитин,
 Е. М. Инешин**

НОВЫЙ ДОКЕРАМИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС СРЕДНЕГО ПРИАНГАРЬЯ

Открытый в 1981 г. комплекс местонахождений, объединенный общим названием Купреев Ручей 1—3, подвергся предварительным исследованиям в 1982 г.

Основанием для написания настоящей статьи послужили материалы местонахождения Купреев Ручей 3, которые представляют несомненный интерес на фоне ранее известных памятников Среднего Приангарья эпохи палеолита-мезолита.

Местонахождение Купреев Ручей 3 дислоцируется на 60—70-метровой террасе левого берега р. Ии, причленяющейся к Окско-Ийскому водоразделу в восточной его оконечности, в 6,5 км от устья р. Ии. Пято находок площадью 4,5×7 м располагалось на втором и третьем абразионном уступе полосы размыва небольшой бухты, примыкающей с севера к заливу Купреев Ручей (рис. 16).

Стратиграфическая ситуация в районе местонахождения Купреев Ручей 1—3 может быть прослежена по разрезам шурфов Купреева Ручья I. Приводимое здесь сопоставление шурфов № 2 на площадке второго абразионного уступа полрсы размыва (на этой площадке были сделаны основные находки всех трех местонахождений) и № 4 в борту размыва, где отложения не подверглись абразии, позволяет выделить пачку предполагаемых культуровмещающих отложений.

Стратиграфия шурфа № 4 (южная стенка) выглядит следующим образом (рис. 17):

	мощность, м
1. Дерн, лесная почва	до 0,06
2. Серая супесь, пылеватая, средней плотности	до 0,16
3. Пачка неслоистой желтовато-коричневой супеси	0,36—0,68
4. Пачка неслоистой серовато-желтой супеси с пятнами карбонатизации в подошве . . .	0,50—0,72
5. Прослойка палевого плотного суглинка с вкраплениями карбонатизации	0,02—0,06
6. Линза сероватой мелкозернистой супеси .	до 0,18

7. Включенная в линзу сероватой супеси прослойка рыжевато-коричневого цвета	0,02—0,10
8. Пачка неслоистой оглиненной супеси красновато-палевого цвета	0,26—0,50
9. Линзы суглинка рыжевато-коричневого цвета с включениями угля	0,06—0,14
10. Прослойка пылеватой супеси серого цвета, аналогичной отложениям 6-го разреза . . .	0,24—0,30
11. Толща оглиненной супеси коричневого цвета с темными неясными волнистыми прослойками, включающими вкрапления угля . . .	0,40—0,44
12. Плотная супесь серого цвета с четкой неровной слоистостью; вскрытая мощность . . .	0,34—0,42

По данному разрезу четко фиксируются две фазы накопления делювиальной толщи — склонового (10—12 подразделений стратоколоники) и золотого (1—10) генезиса [4].

Следует отметить, что в разрезе шурфа № 2 отложения 1—3 и частично 4 отсутствуют, т. е. были смыты в результате волноприбойной деятельности водохранилища. Таким образом, можно предположить, что находки до момента переотложения на полосу размыва помещались в пачке неслоистых разноцветных плотных супесей и, вероятнее всего, в подошве отложений 3 или в кровле отложений 4 (см. описание разреза).

Коллекция артефактов местонахождения Купреев Ручей 3 отличается фациальным своеобразием. Здесь представлены резцы и отходы производства, полученные в процессе их изготовления и подправки. Все шесть резцов, собранных на памятнике, изготовлены на крупных массивных пластинах (толщина в пределах 0,7—1,2 см). Из этого числа три экземпляра можно отнести к срединным ординарным (рис. 18 — 2, 3, 4) и три к угловым комбинированным (рис. 18 — 1, 5; рис. 19 — 1) [5].

Один из срединных резцов (рис. 18 — 4) обладает особенностями оформления головки резца и рабочей кромки. Во-первых, резцовая головка оформлена на проксимальном конце пластинчатой заготовки и выполнена одним диагональным снятием по левому краю. Во-вторых, рабочая кромка формировалась рядом снятий мелких чешуек по вентральной поверхности заготовки с таким расчетом, что образовался острый угол.

Остальные два из этой группы относятся к многофасеточным срединным резцам (рис. 18—2, 3). Рабочая кромка этих резцов в отличие от вышеописанного располагается под углом, близким 90° к дорсальной и вентральной поверхностям заготовок.

Рассматривая группу угловых комбинированных резцов, можно наблюдать следующие закономерности (рис. 18 — 1, 5; 19 — 1): оба края пластинчатых заготовок ретушированы отвесной дорсальной ретушью, которая занимает иногда три четверти грани. Одна из граней дорсальной поверхности обычно более крутая. Головки рез-

цов оформлены на дистальных концах пластин. Вначале производилось резцовое снятие по левому ретушированному краю заготовки. В дальнейшем негатив этого углового скола служил площадкой для серии резцовых трансверсальных снятий по правому краю. Во всех случаях рабочая кромка располагалась под углом, близким 90° к дорсальной и вентральной поверхностям и основной линии кинематики резца. В коллекции местонахождения присутствуют два обломка первичных резцовых снятий, сохраняющих ретушь на дорсальной поверхности. Это скол с обломанным дистальным концом (рис. 19—3) и дистальный сегмент скола. Следует отметить, что два сохранившихся целыми резца относятся к двойным. У первого из них (рис. 18 — 1) при оформлении резцовой головки описанным выше способом первое (левое) снятие пошло по трещине в структуре камня. По правой стороне произведено не менее четырех диагональных снятий. Имеются также негативы дальнейших подправок-чешуек. На проксимальном конце пластины оформлены вторая резцовая головка — угловая комбинированная, срединный асимметричный правый. Здесь по правому краю одно диагональное снятие, а по левому — несколько перекрывающих друг друга продольных (рис. 18 — 1). В целом изделие относится к угловым комбинированным дубль-ординарным альтернативным. Второй двойной резец изготовлен на двугранной пластине. Особенности оформления головки резца на дистальном конце являются мелкие, по сравнению с другими орудиями, правые снятия. Кроме того, с негатива левого скола снято также несколько чешуек по дорсальной поверхности. На проксимальном конце пластины — трансверсальный резцовый скол (рис. 18 — 5).

Нельзя исключить возможность, что оставшийся резец из этой группы, у которого обломан проксимальный конец заготовки, не был двойным. Орудие изготовлено на очень массивной пластине, сохраняющей на дорсальной поверхности галечную корку. По левому краю, в отличие от других орудий группы, у него произведено не менее трех резцовых снятий. Одно из правых резцовых снятий произведено по вентральной поверхности заготовки. По морфологии этот резец наиболее приближается к микронуклеусам (рис. 19 — 1).

В коллекции, кроме уже упоминавшихся первых левых резцовых снятий с фасетированной дорсальной поверхностью, присутствует также два обломка резцовых сколов. Это скол с обломанным дистальным концом, правая грань его узкая, крутая (рис. 19 — 3) и проксимальный сегмент с узкой, очень крутой левой гранью. Имеется мелкий скол переоформления резца, снятый со стороны вентральной поверхности заготовки. На его дорсале рудименты резцовых сколов. Микропластинки представлены медиальными сегментами: четырьмя трехгранными и одним двугранным. В контексте данного памятника микропластинки могут быть отнесены к резцовым сколам. Впрочем, один из обломков имеет (рис. 19 — 4) мелкую вентральную ретушь (утилизации?).

Кроме того, имеется два мелких пластинчатых скола и чешуйка — отходы обработки краев резца.

Все описанные предметы изготовлены из черного однородного мелкозернистого кварцита.

По сырью (цвету кварцита) отличаются два обломка орудий геометрической формы в виде секторов с дорсальной отвесной ретушью по дуге. Орудия имеют подтеску. У одного она на дорсальной поверхности (рис. 19 — 7). Один из радиусов этого обломка фиксирует скол типа резцового. У другого орудия подтеска по вентральной поверхности. Возможно, в результате этой подтески и произошел облом (рис. 19 — 6). По цвету кварцита отличаются от основной массы находок чешуйка и мелкий осколок.

В пределах пятна находок была зафиксирована галька-отбойник овальной в плане формы. Края гальки за исключением углубления между двумя выступами на одном из концов имеют сплошную забитость (рис. 9—8). Эта галька дополняет сведения о фациальности памятника, а также (в силу того, что ее перемещение при размыве культуровмещающих горизонтов не должно быть значительным) указывает на привязку плана находок.

Следует отметить, что единичные экземпляры многофасеточных срединных резцов имеются в палеолитических и мезолитических материалах Енисея [1], Забайкалья [7], верхней Ангары [2]. Широко они распространены в каменном веке Приамурья. Так, например, срединные многофасеточные резцы в значительном количестве представлены в инвентаре неолитических (Громатухинской и Новопетровской) культур, истоки которых, по мнению авторов исследований, уходят в мезолит и палеолит [6]. Однако нигде не отмечается особенностей оформления орудий, характерных для местонахождения Купреев Ручей 3, а также устойчивой асимметричной формы (симметричный резец в инвентаре этого памятника можно рассматривать как отклонение от стандарта).

Не было отмечено также ранее, судя по литературе, памятников, представленных резцовыми фациями. Вообще же вопрос о фациальности в каменном веке Сибири не разработан. В этой связи интересно отметить, что на местонахождении Праздничное (правобережье Оки, примыкающее к устью Ии), относящемся к третьей хронологической группе палеолита Средней Ангары, также отмечено наличие одной категории орудий — скребел. Они составляют здесь более половины коллекций.

Сопоставляя стратоколонку Купреев Ручья 1 с уже известными разрезами Окско-Ийской акватории, нужно отметить ее близость стратоколонке комплекса местонахождений им. Леонова. Сходство наблюдается как в структуре и составе отложений, так и в генезисе делювиальной толщи. Различия наблюдаются только в мощности отложений, интенсивности карбонатизации и более дробном членении верхней части стратоколонки на комплексе им. Леонова. Но если принять датировку материалов этого комплекса в пределах 15—20 тыс. л. н., основанную на результатах датировки методом прокаливания, стратиграфии и морфоанализа [3], то материалы местонахождения Купреев Ручей 3 могут быть оценены как более поздние. За это говорит и тот факт, что артефакты комплекса им. Леонова

были покрыты карбонатной коркой, т. е. помещались до переотложения ниже подошвы отложений [4] (см. описание разреза), а на обследуемом памятнике изделия карбонатной корки не имеют.

Для более точного определения возраста местонахождения, его культурной принадлежности и места в системе памятников позднего палеолит-мезолита Приангарья требуется проведение более широких раскопочных работ и датировка методами естественных наук.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамова З. А.* Новые данные по палеолиту Енисея // Палеолит и неолит СССР. — МИА № 173. — Л., 1971. — Т. 6. — С. 249—281.
2. *Аксенов М. П.* Археологическая стратиграфия и послойное описание инвентаря Вертоленской Горы-I // Мезолит Верхнего Приангарья. Памятники Иркутского района. — Иркутск, 1980. — С. 45—93.
3. *Волокитин А. В.* Палеолит Средней Ангары / Ангаро-Осинская группа местонахождений: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. — Л., 1982. — 15 с.
4. *Логачев Н. А., Ломоносова Т. К., Климанова В. М.* Кайнозойские отложения Иркутского амфитеатра. — М., 1964. — 195 с.
5. *Медведев Г. И., Савельев Н. А., Леженко И. Л.* Моделирование и технологическая классификация резцов и скребков // Описание и анализ археологических источников. — Иркутск, 1981. — С. 104—115.
6. *Окладников А. П., Деревянко А. П.* Громатухинская культура. — Новосибирск, 1977. — 286 с.
7. *Окладников А. П., Кириллов И. И.* Юго-Восточное Забайкалье в эпоху камня и ранней бронзы. — Новосибирск, 1980. — 177 с.

Т. А. Абдулов

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ГОРИЗОНТЫ МНОГОСЛОЙНОЙ СТОЯНКИ КУРЛА IV

Во время проведения спасательных археологических работ в зоне строительства трассы БАМ (1975—1979 гг.) на северном побережье оз. Байкал было открыто несколько новых интересных памятников, исследование которых позволило углубить и расширить наши представления о древней истории этого региона. Особый интерес вызывает комплекс памятников, расположенных в Курлинской бухте (Северо-Байкальский р-н Бур. АССР) и датирующихся временным диапазоном от раннего мезолита до позднего железа. Одним из таких памятников является Курла IV.

Памятник Курла IV был открыт в 1975 г. во время работ Северо-Байкальского отряда Комплексной археологической экспедиции Иркутского госуниверситета под руководством П. Е. Шмыгуна [5]. При зачистке полутораметрового берегового обнажения были выявлены остатки очажного пятна, приуроченного к маломощной

погребенной почве в средней части обнажения. В 1979 г. работы на памятнике были возобновлены Северо-Байкальской спасательной группой Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета. В результате предварительного обследования были зафиксированы границы простираения археологического материала и выявлены три культурных горизонта, из которых два нижних являются бескерамическими [1]. Целью настоящего исследования является ввод в научный оборот нового археологического материала мезолитических горизонтов и его культурно-хронологическая корреляция с ранее известными местонахождениями Курлинской бухты.

Местонахождение Курла IV дислоцируется на трехметровом береговом уступе оз. Байкал в 200 метрах к юго-западу от устья сухого ручья Курла. Береговой уступ сложен рыхлыми отложениями конуса выноса распадка и подстилается галечником оз. Байкал. Раскопными работами на памятнике вскрыта площадь в 95 м² и выявлена следующая стратиграфическая ситуация (рис. 20 а).

Сверху вниз

мощность, м

1. Современный почвенно-растительный горизонт 0,04—0,10
2. Супесь красно-бурого цвета с постепенным осветлением к нижней границе. В кровле слоя — культурный (керамический) горизонт I . . . 0,25—0,50
3. Пачка чередующихся прослоек светло-серого мелкозернистого песка и плотной белесоватой супеси. Верхняя прослойка песка с включением дресвы. Зафиксировано три уровня супесчаных погребенных почв светло-коричневого цвета. Пачка деформирована морозобойной трещиной, устье которой заложено с уровня верхней погребенной почвы. Длина трещины — 1,5 м, ширина устья — 0,5 м. Заполнение — светло-серые пески. Мощность прослоек песка снизу вверх уменьшается, супеси — возрастает. В нижней погребенной почве — культурный горизонт II 0,50—0,75
4. Пачка чередующихся прослоек светло-серого мелкозернистого песка и супеси палевого цвета. Пачка деформирована трещиной, заложеной из вышележащей пачки. В нижней прослойке песка — включения дресвы. Прослойки супеси и песка равномерно чередуются, мощность их 0,10 м. С седьмого метра в глубь террасы появляется прослойка светло-коричневого суглинка мощностью 0,05 м, к которой приурочен культурный горизонт III 0,15—0,5
5. Галька крупных, средних и мелких размеров, хорошо окатанная, уплощенной формы. Заполнение — песок палевого цвета. Слой примыкает к галечному пляжу оз. Байкал. До седьмого

метра в глубь террасы поверхность слоя повышается, затем понижается и отделяется от прослойки суглинка песком мощностью до 0,10 м. С первыми семью метрами поверхности галечника связан культурный горизонт III . . . вскрыто до 0,40).

На наш взгляд, нарушение ритмичности отложений конуса выноса произошло в позднеголоценовое похолодание, которое датируется началом 2-го тыс. до н. э. Гумусированные прослойки, таким образом, являются следами почвообразования в голоценовом оптимуме, нижняя граница которого на территории Байкала относится к концу 6-го — началу 5-го тыс. до н. э. [4,7]. Исходя из этого, культурный горизонт II, приуроченный к нижней погребенной почве, будет датироваться временем около 7 тыс. л. н., а культурный горизонт III, лежащий на гальке, — 8—10 тыс. л. н. Этим относительным датировкам не противоречит и археологический материал.

Археологическая коллекция культурного горизонта II немногочисленна (88 предметов) и была встречена на глубине 0,9—1,0 м от дневной поверхности. Раскопом и шурфами на территории памятника было выявлено три локальных комплекса с концентрацией материала возле кострищ. Расстояние между кострищами от 10 до 20 м. Исходя из стратиграфического положения этих комплексов, пространственного единства, мы рассматриваем материалы этих комплексов как одновременный и культуроединный. Наибольшая часть находок (63 предмета) была обнаружена в расколе в непосредственной близости от кострища. Кострище имело овальную форму и было ориентировано по длинной оси на северо-восток-восток — юго-запад-запад (азимут 60°), его длина составляла 85 см, ширина — 45 см. Зольник в разрезе имел вогнутую форму мощностью 4—7 см и был насыщен мелкими угольками, из-за чего приобрел черный цвет (рис. 20 б). При разборе кострища были обнаружены: расслоившийся под воздействием огня скол поджигления фронта клиновидного нуклеуса (рис. 21—5), тесло с овальным односторонним лезвием и перехватом по тулову (рис. 21—1), три отщепы и две микропластинки, а также фрагменты жженных костей и расслоившейся гальки кварцита. В коллекции культурного горизонта II, кроме этих предметов, были морфологически определены: 13 целых и 8 сегментов микропластинок (рис. 21—8, 9); два кремневых однолезвийных ножа на массивных пластинах с прямым и овальным лезвиями, оформленными дорсальной разнофасеточной ретушью (рис. 21 — 2, 3); концевой скребок на первичном сколе с кремневой гальки (рис. 21 — 4); обломок орудия (возможно, острия), изготовленный из скола поджигления площадки микронуклеуса путем переоформления его маргиналов разнофасеточной ретушью (рис. 21—7); кремневый пластинчатый отщеп с ретушью по маргиналам, возможно, нож (рис. 21 — 6) и 4 кремневых отщепы с ретушью утилизации. Остальные артефакты (45 экз.) представлены отходами производства и битой галькой. Фаунистические остатки (9 экз.) не поддаются определению.

Несмотря на малочисленность находок и незначительный номенклатурный набор, весь комплекс культурного горизонта II возможно отнести ко времени позднего мезолита. На это указывает отсутствие керамики, относительная концентрация материала вокруг кострищ, наличие микропластинок и тесла с «перехватом», что характерно для финальномезолитических памятников Приангарья [8].

Нижний культурный горизонт III (2-й бескерамический) был зафиксирован на глубине 1,1—1,4 м от дневной поверхности. Археологический материал от обнажения и до седьмого метра в глубь террасы находился непосредственно на галечнике, с седьмого метра и дальше он был приурочен к суглинистой прослойке коричневого цвета, которая в глубь террасы поднимается над галькой до 0,12 м. В горизонте было зафиксировано четыре кострища, вокруг которых концентрировался археологический материал. В плане кострища имеют разнообразную конфигурацию, зольники развешены и маломощны, за исключением одного кострища. Оно имеет овально-удлиненную форму и ориентировано по длинной оси строго на север (азимут — 0°). Размеры его составляют 137×50 см. В разрезе кострища четко выделяется слой зольника мощностью от 2 до 9 см с обильным включением угля и археологического материала (жженная кость, отщепы, пластины, резец и скребок) (рис. 20 в.).

В культурном горизонте III найдено 790 предметов, из них 282 единицы фаунистических остатков, среди которых были определены кости косули и благородного оленя*. Среди каменного инвентаря (508 предметов) изделий насчитывается только 111 экз., что составляет 21,8 %. Остальные предметы представлены отходами производства и битой озерной галькой.

Среди изделий определены три клиновидных нуклеуса для снятия микропластинок (рис. 22—1, 2) с наклонными площадками к левой латерали за счет нескольких поперечных снятий. У одного нуклеуса (рис. 22 — 1) во время подправки площадки боковым снятием произошло расслоение параллельно фронту, что не помешало его дальнейшей утилизации после дополнительной подработки рабочей дуги площадки. Были встречены 11 целых и 28 сегментов пластин (рис. 22 — 5, 6), а также 8 целых и 24 сегмента призматических микропластинок, среди которых преобладают проксимальные сегменты (рис. 22 — 3, 4). Выделено 13 скребков, из которых 6 изготовлены из пластин, а остальные из отщепов. Все они концевые, однолезвийные (рис. 22 — 8, 10), кроме одного — у него второе лезвие оформлено на левом маргинале (рис. 22—7). Лезвия скребков, как правило, овально-выпуклые, оформлены разнофасеточной дорсальной ретушью. Один скребок является комбинированным орудием — противоположный скребковому лезвию конец орудия превращен резцовыми сколами в трансверсальный резец (рис. 22—15). Кроме этого комбинированного орудия, в горизонте

* Определение было произведено мл. науч. сотр. ИЗК СО АН СССР А. А. Хамзиповой.

было обнаружено 6 резцов, 5 из которых — трансверсальные (рис. 22 — 14, 17). Все они изготовлены из пластин. Маргиналы обработаны крутой разнофасеточной ретушью по всей длине или же частично, возле места отделения резцового скола. Имеется один угловой резец из сегмента пластины (рис. 22 — 16), у которого один маргинал обработан крутой ретушью и несет на себе негатив резцового скола, другой обработан приостряющей ретушью. В горизонте были встречены три проксимальных обломка листовидных по форме унифасов (рис. 23—3, 5, 6). Унифасы изготовлены из крупных пластин, которым дополнительной подработкой двух или одного маргиналов, а также проксимального конца придана овальная форма. Функциональное назначение этих унифасов неясно. Остальные орудия горизонта представлены единичными предметами. Это обломок ножа из массивной кремневой пластины со слегка выпуклым лезвием на левом маргинале (рис. 23—1), обломок сегментовидного в сечении острия унифаса (рис. 23—4), проксимальный сегмент пластины из полупрозрачного кварцита с противоположащей иррегулярной ретушью по маргиналам (рис. 23—2). Сегмент пластины с приостряющей ретушью по правому маргиналу (рис. 22—12), кремневая пластинка с иррегулярной ретушью по обоим маргиналам (рис. 22 — 11), выемчатое орудие на отщепе (рис. 23 — 7), проколка из отщепа, шип которой оформлен на проксимальном конце вентральной ретушью (рис. 23—8), отщеп с противоположащей ретушью (рис. 23 — 9), скребло, изготовленное из гальки кремня, боковое лезвие которого оформлено крупными сколами и частичной подправкой негативами параллельной ретуши (рис. 24—1), и чоппер на продолговатой гальке кремня с поперечным лезвием, оформленным крупными сколами (рис. 24 — 2).

В целом археологический материал культурного горизонта III находит много общих черт с археологическими памятниками Южного Приангарья, в частности, с материалом культурного горизонта II памятника Верхоленская Гора I. Схожесть этих памятников состоит в присутствии одних и тех же форм клиновидных нуклеусов и трансверсальных резцов, а также в наличии сегментовидного в сечении острия-унифаса, который в коллекции Верхоленской Горы I известен как «продолговатый нож» [2]. Л. Н. Иваньев и С. М. Цейтлин в результате комплексного исследования Верхоленской Горы I датировали культурный горизонт II этого памятника временем в 10—9 тыс. л. н. [6]. Эта датировка приемлема и для культурного горизонта III Курлы IV, учитывая, что начало формирования рыхлых отложений на пятиметровом террасовидном уровне оз. Байкал (с учетом поднятия уровня воды в озере на 1,5 м после строительства Иркутской ГЭС) относится к началу голоцена, т. е. около 10 тыс. л. н. [3]. Что касается культурной принадлежности мезолитических горизонтов Курлы IV, то мы склонны считать их локальным вариантом Верхоленской мезолитической культуры.

Переходя к вопросу культурно-хронологической корреляции материала мезолитических горизонтов Курлы IV с материалами ранее

известных памятников в Курлинской бухте (Курла I—III), следует отметить, что при этом возникают определенные трудности. Они заключаются в разном количественном и качественном наборе орудий, в разном функциональном назначении памятников, в различной степени сохранности и других факторов. Только при тщательном рассмотрении и сопоставлении всех факторов, мы будем иметь перед собой более объективную картину сходства или различия материальной культуры сравниваемых памятников.

Учитывая вышесказанное и понимая всю сложность поставленной задачи, мы все-таки попытаемся провести такую процедуру. Первая трудность стоит в том, что, несмотря на значительное разрушение территории памятников Курла I—III волноприбойной деятельностью оз. Байкал, количество находок на них в несколько раз превышает коллекцию Курлы IV, хотя на последней площадь вскрытия больше.

Другая трудность состоит в датировках памятников Курла I—III. П. Е. Шмыгун, исследовавший их, в предварительном сообщении, посвященном в основном двухслойному памятнику — Курла III, датировал верхний горизонт временем среднего — финального мезолита, а нижний — ирредварительно, на основании стратиграфических и фаунистических данных — ко времени среднего мезолита [10, с. 60]. Позднее, получив ряд радиоуглеродных датировок по верхнему горизонту Курлы III в пределах 15—13 тыс. л. н., П. Е. Шмыгун стал датировать нижний горизонт возрастом древнее 13 тыс. л., справедливо высказывая сомнения относительно даты, полученной по углю из этого горизонта в 24060 ± 5700 (СО АН — 1397) [12]. В работе [9], вышедшей в 1985 г., исследователь по-новому датирует свой материал: он относит культурный горизонт III Курлы I и суммарно взятые культурные горизонты I и II Курлы II—III к раннему мезолиту (? — 10 тыс. л. н.), а культурный горизонт II Курлы I — к среднему мезолиту (10—8 тыс. л. н.) Столь противоречивая картина в датировке этих памятников вызвана своеобразием археологического материала, особенно сводного культурного горизонта III, куда входят культурные горизонты Курлы II и III, и которые автор выделяет в самобытную курлинскую культуру [11].

Переходя к сопоставлению коллекции артефактов нижних горизонтов Курлы IV с материалами докерамических горизонтов ранее исследованных памятников, следует отметить различия в наборе орудий и их обработке. Во-первых, коллекция Курлы IV не имеет в своем составе ни одного предмета из кости и рога, несущих какие-либо следы обработки. Во-вторых, отсутствуют орудия с бифасиальной обработкой. В-третьих, скребки все концевые, за исключением одного скребка — двухлезвийного (рис. 22 — 7), в то время как на ранее известных памятниках они выполнены, как правило, из отщепов и имеют лезвия по большей части периметра. В-четвертых, трансверсальные резцы на Курле IV оформлены одним резцовым сколом, а на Курле I—III они многофасеточные, кроме того, встречаются боковые и срединные резцы. В-пятых, значительное

различие наблюдается и в оформлении нуклеуса: если на Курле IV ударная площадка клиновидных нуклеусов оформлена серией боковых сколов и является латерально-скошенной, то на Курле I—III нуклеусы представлены микроформами и имеют диагонально скошенную или прямую площадку, оформленную одним или несколькими фронтальными сколами. Кроме перечисленных различий, наблюдается и определенное сходство. Это присутствие на всех памятниках большого числа микропластинок и единичных экземпляров ножей, скребел на гальках и листовидных унифасов.

Исходя из вышесказанного, материал культурного горизонта III Курлы IV находит определенное технико-морфологическое сходство с материалом культурного горизонта II Курлы I. Это сходство может быть объяснено единым временем существования горизонтов и единством их культурно-технологической принадлежности к какому-то локальному варианту той технологической общности, ярким представителем которой является верхоленская мезолитическая культура в Южном Приангарье. В археологическом материале культурного горизонта II Курлы IV прослеживается развитие этого локального варианта во времени. Что же касается комплексов нижних, вторых культурных горизонтов Курлы II и III, то П. Е. Шмыгун совершенно справедливо выделяет их в самобытную курлинскую культуру, исходя из «специфики комплекса, технико-морфологического своеобразия, искусства графировки по кости и рогу» [11, с. 114].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абдулов Т. А., Уваров А. И. Курла IV — многослойный памятник на Северном Байкале // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии: Тез. докл. к регион. конф. — Иркутск, 1980 — С. 115—116.
2. Аксенов М. П. Археологическая стратиграфия и послышное описание инвентаря Верхоленской Горы I // Мезолит Верхнего Приангарья. Памятники Иркутского района. — Иркутск, 1980. — С. 45—94.
3. Базаров Д. Б., Будаев Р. Ц., Калмыков Н. П. О возрасте плейстоценовых террас Северо-Западного побережья оз. Байкал // Поздний плейстоцен и голоцен юга Восточной Сибири. — Новосибирск, 1982. — С. 155—157.
4. Безрукова Е. В., Летунова П. П. Растительность оптимума голоцена котловин Байкальской рифтовой зоны // Четвертичная геология и первобытная археология Южной Сибири: Тез. докл. Всесоюз. конф. — Улан-Удэ, 1986. — Ч. 2. — С. 10—11.
5. Горюнова О. И., Ендрихинский А. С., Лежненко И. Л., Шмыгун П. Е. Исследования на Северном Байкале // АО, 1975. — М., 1976. — С. 227.
6. Иваньев Л. Н., Цейлин С. М. Геологические условия залегания культурных остатков на Верхоленской Горе I // Мезолит Верхнего Приангарья. Памятники Иркутского района. — Иркутск, 1980. — С. 25—45.
7. Кинд Н. В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. — М., 1974. — 253 с.
8. Медведев Г. И., Георгиевский А. М., Мижнюк Г. Н., Лежненко И. Л., Савельев Н. А. Памятники мезолита Верхнего Приангарья // Мезолит Верхнего Приангарья. — Иркутск, 1971. — Ч. 1. — С. 26—110.
9. Шмыгун П. Е., Горюнова О. И. Мезолит Байкала // Арсеньевские чтения: Тез. докл. регион. конф. по вопр. истории, археологии, этнографии и краеведения. — Уссурийск, 1985. — С. 75—76.

10. Шмыгун П. Е., Ендрихинский А. С. Курлинский бескерамический комплекс на Северном Байкале (предварительное сообщение) // Древняя история народов юга Восточной Сибири.— Иркутск, 1978.— Вып. 4.— С. 56—70.

11. Шмыгун П. Е., Филиппов А. К. Нижний комплекс стоянок Курла на Северном Байкале // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии: Тез. докл. к регион. конф.— Иркутск, 1980.— С. 113—114.

12. Шмыгун П. Е., Филиппов А. К. Нижний комплекс стоянок Курла // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири.— Иркутск, 1982.— С. 15—25.

О. И. Горюнова

МЕЗОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ОЛЬХОНСКОГО РАЙОНА (К АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТЕ ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ)

История открытия и изучения мезолитических памятников Ольхонского района, по существу, начинается в 1913 г. с раскопок Б. Э. Петри многослойного поселения Улан-Хада и выделения им «бескерамического» горизонта [16, 17]. На основе изучения материалов с Улан-Хады впервые в Сибири выдвинут вопрос о существовании переходного периода от палеолита к неолиту, критерием выделения которого служило отсутствие в комплексе шлифованных орудий, наконечников стрел и керамики, характерных для неолита. Этот период Б. Э. Петри назвал «бескерамическим», сравнивая его с мезолитом Западной Европы [17].

В дальнейшем накопление фактических материалов по мезолиту Ольхонского района носило эпизодический характер. В этом плане отмечаются исследования Иркутской экспедиции ЛОИА АН СССР 1959 г. в бухтах Улан-Хада и Саган-Нугэ [12] и работы краеведа Г. И. Шустерсона на древнем поселении Сарма [18, 19].

В 60—70-е гг. в сибирской археологии развернулась широкая дискуссия по проблемам мезолита вообще и Ольхонского района, в частности [13, 18, 19, 22, 23]. На основе анализа мезолитических памятников Приангарья Г. И. Медведев пришел к выводу, что изменения инвентаря в этот период достаточно четко фиксируются по всему югу Восточной Сибири, и выделил последовательные стадии развития мезолита [14]. Изучив имеющиеся в то время мезолитические материалы Ольхонского района, В. В. Свинин отметил, что все выделенные типы орудий находят аналогии в мезолитических комплексах Приангарья [18, 19].

Дальнейшие раскопки мезолитических памятников Ольхонского района проводились попутно с тематическими исследованиями многослойных памятников региона. Работы ведутся отрядами Комплексной археологической экспедиции Иркутского госуниверситета (под руководством О. И. Горюновой, Н. А. Савельева, П. Е. Шмыгуна) с 1974 г. При исследовании поселений широко применяются данные

естественных наук (геологии, палинологии, палеопедологии), радио-углеродных анализов.

В результате корреляции и синхронизации мезолитических комплексов ряда стратифицированных поселений, тщательного изучения рыхлых отложений эпохи раннего голоцена Ольхонского района [1, 2, 7] была предложена схема периодизации мезолитических памятников региона [4, 25].

Археологический материал **среднемезолитического возраста** (10—8 тыс. л. н.) привязан к гумусированным прослоям с криогенными деформациями. Почвы фиксируются в зеленовато-желтых песках и супесях системы покровных делювиальных отложений. Спектр растительности свидетельствует о суровом холодном климате, сопоставимом с раннеголоценовым (новосанчуговским) похолоданием. В ансамбле инвентаря среднего мезолита Ольхонского района отмечаются галечные орудия, трансверсальные резцы «верхоленского» типа, ножи-острия, концевые скребки с «ушками», оформленные плоской ретушью по всей поверхности, клиновидные нуклеусы, тесла с «перехватами», цельнорезные крючки из кости.

Позднемезолитические комплексы (8—7 тыс. л. н.) связаны с гумусированными слоями (сильно нарушенными землероями), расположенными в пачке зеленовато-желтых песков и супесей. Данные палинологии свидетельствуют об образовании рыхлых отложений этого периода в довольно холодных и влажных условиях. Для позднемезолитических комплексов характерно преобладание призматических пластин и изделий из них, появление многофасеточных резцов, срединных и угловых резцов на призматических пластинках, односторонние гарпуны с боковой прорезью «верхоленского» типа.

Финальномезолитические комплексы (7—6,5 тыс. л. н.) связаны с гумусированными слоями, отделенными друг от друга желтыми супесчаными прослойками со слабым зеленоватым оттенком. Данные спорово-пыльцевого анализа свидетельствуют о некотором потеплении климата. Однако преобладающую роль в это время играли открытые ландшафты. В ансамбле археологических материалов появляются шлифованные изделия — топоры и стерженьки составных рыболовных крючков из сланца.

В настоящее время в Ольхонском районе насчитывается 12 местонахождений мезолитического возраста (рис. 25).

1. **Итырхей** — многослойное поселение (10 культурных горизонтов; мезолит — поздний железный век)*.

Расположено в западной части одноименной бухты юго-восточного побережья Куркутского залива, в 2 км к северо-западу от пос. Саяхуртэ (МРС).

Местонахождение открыто П. П. Хороших в результате разведки 1921—1923 гг. [24]. Первооткрывателем стоянки отмечено два культурных горизонта, датируемых неолитом. Работами Маломорского отряда КАЭ ИГУ (нач. отряда О. И. Горюнова) 1975—1976 гг.

* Порядок описания и нумерация памятников соответствуют их нумерации на карте-схеме (рис. 25).

выявлена многослойность памятника [8, 10]. Культурные горизонты привязаны к темным погребенным почвам, отделенным друг от друга стерильными прослойками светлой супеси. Мощность рыхлых отложений, включающих культурные остатки — 2,35 м. Генезис отложений склоновый [1], площадь вскрытия памятника — 127 м².

Мезолитические комплексы представлены культурными горизонтами VII—IX [4,5]. По номенклатурному составу и морфологии ансамбли близки между собой. Преобладают призматические пластинки и изделия из них (вкладыши, проколки, угловые резцы), псевдоклиновидные и призматические микронуклеусы, концевые скребки, полиэдрические и угловые резцы, скребловидные и вкладышевые орудия. Из костяных изделий выделяется односторонний гарпун с косой зарубкой в насаде для крепления линия. Комплекс датируется поздним мезолитом (8—7 тыс. л. н.) По культурному горизонту VII получена радиокарбоновая дата — 7300 ± 290 л. н. (ИМ СО АН).

Коллекция хранится в фондах Лаборатории археологии и этнографии Иркутского госуниверситета (ЛАЭ ИГУ).

2. Берлога — многослойное поселение (8 культурных горизонтов; мезолит — бронзовый век).

Расположено в одноименной бухте юго-восточного побережья залива Куркут (к западу от бухты Итырхей), в 2,5 км к северо-западу от. пос. Сахюртэ (МРС).

Местонахождение обнаружено П. П. Хороших в результате разведки 1921—1923 гг. и датировано им неолитом и железным веком [24]. Стационарными исследованиями Маломорского отряда КАЭ ИГУ (нач. отряда О. И. Горюнова) 1976—1977 гг. выявлена многослойность памятника [8, 9]. Культурные горизонты привязаны к погребенным почвам слоистой толщи рыхлых отложений субаэрального генезиса, мощностью 1,9 м [1]. Площадь вскрытия — 72 м². Мезолитические комплексы представлены культурными горизонтами VI—VIII.

Инвентарь культурного горизонта VIII состоит из тесел с «перехватами», трансверсальных резцов «верхоленского» типа, клиновидных и призматических микронуклеусов, концевых скребков с «ушками», одностороннего гарпуна с зубцом для крепления линия и цельнорезным крючком из кости [3, 4]. Комплекс датируется средним мезолитом (8—10 тыс. л. н.).

Инвентарь культурных горизонтов VII—VI характеризуется преобладанием призматических пластинок и изделий из них (угловые резцы, вкладыши, проколки), наличием срединных и полиэдрических резцов, псевдоклиновидных и призматических микронуклеусов, изогнутого стерженька составного рыболовного крючка из сланца с полукольцевыми нарезками, обойм костяных вкладышевых орудий, гарпуна с округлой выемкой для крепления линия [3,4]. Комплекс датируется финальным мезолитом (7—6,5 тыс. л. н.).

Коллекция хранится в фондах ЛАЭ ИГУ.

3. Улан-Хада — многослойное поселение (12 культурных горизонтов; мезолит — ранний железный век).

Расположено в одноименной бухте юго-восточного побережья зал. Мухор, в 4,5 км к северу — северо-западу от пос. Сахюртэ (МРС).

Местонахождение открыто и исследовано Б. Э. Петри в 1912-1913 гг. Отдельные сборы подъемного материала производились автором открытия в 1916 г. Б. Э. Петри выделил 12 культурных горизонтов (0, I—XI слои), датируемые им «бескерамическим неолитом» и неолитическим временем [16, 17]. Дальнейшие раскопки памятника производились Иркутской экспедицией ЛОИА АН СССР (под руководством М. П. Грязнова и М. Н. Комаровой) в 1959 г. [12], стратиграфические исследования Л. П. Хлобыстиним в 1963 г., стационарные раскопки Байкальского (Маломорского) отряда КАЭ ИГУ (под руководством О. И. Горюновой и Н. А. Савельева) в 1974, 1979, 1982 гг. [11].

Стратиграфический разрез представлен рыхлыми отложениями субаэрального генезиса мощностью 3,6—4,72 м. Культурные горизонты связаны с темными гумусированными почвами, отделенными друг от друга стерильными песчаными прослойками [1, 20]. Площадь вскрытия за все годы исследования — 1077 м².

Мезолитический комплекс представлен культурным горизонтом XI [4, 15, 22, 23]. В ансамбле инвентаря преобладают призматические пластинки и орудия из них — вкладыши, угловые резцы, проколки. Представлены нуклеусы: клиновидные, псевдоклиновидные, призматические. В составе орудий: резцы — угловые на призматических пластинках, полиэдрические, срединные многофасеточные, трансверсальные; нуклеусы-резцы; концевые скребки из пластин; тесло с частичной пришлифовкой; грузила и стерженьки составных крючков (3 типа: изогнутые с зарубками для крепления, изогнутые с полукольцевыми насечками и прямые с боковым креплением острия).

Комплекс датируется финальной стадией мезолита (7—6,5 тыс. л. н.)

Коллекции хранятся в фондах Музея антропологии и этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (Ленинград), Государственного Эрмитажа и ЛАЭ ИГУ.

4. Саган-Нурэ — многослойное поселение (11 культурных горизонтов; мезолит — бронзовый век).

Расположено в северо-восточной части одноименной бухты юго-восточного побережья зал. Мухор, в 4 км к северо-западу от пос. Сахюртэ. Местонахождение открыто Б. Э. Петри в результате разведки 1913 г. [16]. Сборы материалов велись П. П. Хороших в 1921—1923 гг. [24]. Раскопки проводились Иркутской экспедицией ЛОИА АН СССР (нач. отряда Ю. Д. Баруздин) в 1959 г. Исследователем выделен один культурный горизонт, датируемый финальным мезолитом [12]. Работы Маломорского отряда КАЭ ИГУ (нач. отряда О. И. Горюнова) 1982—1983 гг.

позволили выявить многослойность памятника [6]. Археологические комплексы привязаны к темным гумусированным слоям, отделенным друг от друга стерильными прослойками песка (рис. 26—1). Мощность рыхлых отложений, включающих культурные остатки, 3—4 м. Отложения склоновые, осложненные эоловыми процессами [1, 2, 7]. Общая площадь вскрытия (за все годы исследований) — 174 м². К мезолиту относятся культурные горизонты VI—XI.

Комплексы горизонтов VI—VII выделяются содержанием большого количества призматических пластинок и изделий из них (вкладыши, угловые резцы), наличием концевых скребков, псевдоклиновидных и призматических нуклеусов, изогнутых стерженьков составных рыболовных крючков с боковой системой крепления острия (по спинке изделия нанесены насечки) и костяных обойм от составных вкладышевых орудий (рис. 26—2—15). Комплекс датируется финальной стадией мезолита (7—6,5 тыс. л. н.)

Набор инвентаря культурных горизонтов VIII—XI отличается наличием комбинированных орудий на массивных сколах (резчик — угловой резец, концевой скребок — срединный многофасеточный резец), разнообразием нуклеусов (клиновидные, псевдоклиновидные, конические и призматические с замкнутым и незамкнутым фронтом) и отсутствием шлифованных изделий (рис. 27). Особенности ансамбля инвентаря слоев VIII—XI и их геологического расположения позволяют датировать комплексы поздним мезолитом (8—7 тыс. л. н.)

Коллекции хранятся в фондах Государственного Эрмитажа и ЛАЭ ИГУ.

5. Тагот II — местонахождение переотложенного материала мезолитического времени.

Находится в первом распадке правого борта Таготской впадины, в 1,3 км к юго-западу от впадения р. Кучелги в залив Мухор и в 2 км к востоку от пос. Черноруд (рис. 28—2).

Сборы мезолитического инвентаря проведены геологом А. М. Сизиковым в 1982 г. Археологический материал зафиксирован на контакте серой погребенной почвы и желтоватой щебенистой супеси, осложненной грубообломочным материалом (рис. 28—1). Отложения склоновые.

Археологический материал представлен ножом «ула» (рис. 28—3) и тремя отщепами. Типологически материал может датироваться ранним-средним мезолитом (древнее 8 тыс. л. н.)

Коллекция хранится в фондах ЛАЭ ИГУ.

6. Кулара III — многослойное поселение (4 культурных горизонта; мезолит-неолит).

Расположено в безымянной бухте северо-западного побережья зал. Мухор, в 3 км к северо-востоку от пос. Черноруд, в местности Кулара. Памятник открыт Маломорским отрядом КАЭ ИГУ (нач. отряда О. И. Горюнова) в 1984 г. Мезолитические комплексы (культурные слои III—IV) выделены в результате работ 1985 г.

Культурные горизонты привязаны к темным погребенным почвам, отделенным друг от друга стерильными прослойками. Геологические

слои с мезолитическим материалом залегают в желтой (со слабым зеленым оттенком) супеси; подстилаются желто-зеленым песком (рис. 29—1). Отложения склоновые. Мощность рыхлых напластований, включающих археологические остатки, 1,5 м. Площадь вскрытия 72 м².

В ансамбле мезолитических комплексов отмечены призматические пластинки, сколы, угловые резцы на призматических пластинках, проколки, конические, призматические и клиновидные нуклеусы (рис. 29—2—15).

Геологическая ситуация слоев и типология археологических материалов позволяет датировать комплекс поздним мезолитом (8—7 тыс. л. н.)

Коллекция хранится в фондах ЛАЭ ИГУ.

7. Сарма — двуслойное поселение (мезолит-неолит).

Памятник находится в юго-западной части Хужир-Нугойской бухты Малого моря, в 3,5 км к юго-западу от пос. Сарма. Местонахождение открыто краеведом Г. И. Шустерзоном в 1966 г.; в дальнейшем исследовалось В. В. Свининым [18, 19]. Мезолитический комплекс привязан к нижнему (второму) культурному горизонту, расположенному в слое красно-бурой супеси. Отложения склоновые.

В нижнем горизонте найдены массивные скребла из галек, тесла с «перехватами», крупные пластины с краевой ретушью, клиновидные нуклеусы, вкладыши из призматических пластин, угловые, боковые, срединные, полиэдрические и трансверсальные («верхоленского» типа) резцы. Многочислены призматические пластинки. Из костяных изделий найдены обойма вкладышевого орудия с двумя пазами и цельнорезные крючки [19]. Комплекс датируется поздним мезолитом (8—7 тыс. л. н.).

Коллекция хранится в фондах ЛАЭ ИГУ.

8—9. Кодовой I и II — двухслойные поселения (мезолит, поздний железный век).

Пункты расположены в одноименном заливе западного побережья оз. Байкал, в 2 и 2,5 км к юго-востоку от пос. Зама.

Пункт I — находится на северо-западном берегу зал. Кодовой, в 150 м от побережья Байкала.

Пункт II — на южной оконечности м. Арул, расположенного к северу от зал. Кодовой.

Местонахождения открыты Байкальским разведочным отрядом КАЭ ИГУ (нач. отряда П. Е. Шмыгун) в 1984 г. [21]. Мезолитический инвентарь фиксируется во вторых культурных горизонтах, привязанных к подошве погребенной почвы, отделенной от вышележащего культурного горизонта стерильной прослойкой светлой супеси. Слой подстилается желтой супесью. Геологическая ситуация обоих пунктов и типология археологического инвентаря аналогичны. В комплексе встречены трансверсальные, многофасеточные, срединные и угловые (на крупных пластинчатых сколах) резцы, клиновидные нуклеусы, микропластинки, призматические

пластинки. Комплекс датируется поздним мезолитом (8—7 тыс. л. н.)

Коллекция хранится в фондах ЛАЭ ИГУ.

10. Будун — подъемные сборы отдельных предметов мезолитического облика.

Археологический материал собран в одноименной бухте северо-западного побережья о. Ольхон, в 14,5 км к северо-востоку от пос. Хужир. Местонахождение открыто П. П. Хороших в результате разведки 1921—1923 гг. [24]. В котловине выдувания среди прочего инвентаря им собраны трансверсальные резцы «верхоленского» типа, галечные орудия (скребла, тесла), которые датируются А. П. Окладниковым и В. В. Свиным мезолитическим временем [15, 18, 19].

Коллекция хранится в фондах Иркутского государственного объединенного музея.

11. Харилгай — подъемные сборы материалов мезолитического облика.

Местонахождение обнаружено на выдувах у бывшего пос. Харилгай, расположенного на северо-западном побережье о. Ольхон, в 1 км к северо-востоку от пос. Харансы. Сборы подъемного материала проведены В. В. Свиным в 1964—1969 гг. [18, 19]. Мезолитическим временем датируются галечные тесловидные орудия и скребла.

Коллекция хранится в фондах Иркутского государственного объединенного музея.

12. Семисосенное — сбор подъемных материалов мезолитического облика.

Археологический материал зафиксирован на выдувах одноименной бухты северо-западного побережья о. Ольхон, в 18 км к юго-западу от пос. Хужир и в 1 км к северу от пос. Первомайский (бывший улус Семисосенный).

Сборы проведены П. П. Хороших в 1921—1923 гг. [24]. В коллекции инвентаря В. В. Свинин выделил трансверсальные резцы «верхоленского» типа, галечные тесловидные орудия и скребла, датируемые им периодом мезолита [18, 19].

Коллекция хранится в фондах Иркутского государственного объединенного музея.

Таким образом, в настоящее время в Ольхонском районе известно 9 достоверных, стратифицированных памятников эпохи мезолита и 3 пункта сбора подъемных материалов, традиционно относимых к мезолиту. Археологические материалы, собранные на местонахождениях Семисосенное, Харилгай и Будун, не имеют стратиграфической привязки, а типологические формы найденных артефактов мало диагностичны из-за широкого хронологического диапазона их существования (вплоть до развитого неолита). Поэтому отнесение последних трех пунктов к мезолиту мы считаем весьма условным и требующим дополнительных исследований.

В изучении мезолитических памятников Ольхонского района отмечается неравномерность, с одной стороны, по степени исследо-

ванности самих стоянок (по вскрытой площади, количеству артефактов, использованию методов естественных наук), с другой — по наполнению содержанием отдельных периодов мезолита. В настоящее время наиболее изучены периоды позднего и финального мезолита. Комплексы среднего мезолита представлены всего одним памятником, а ранний период на территории Ольхонского района пока не известен. Тем самым определяются первоочередные задачи — поиск и комплексное изучение наиболее древних мезолитических памятников региона.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воробьева Г. А., Горюнова О. И. Корреляция голоценовых отложений на многослойных памятниках Приольхонья // Проблемы исследования каменного века Евразии (к 100-летию открытия палеолита на Енисее): Тез. докл. краевой конф. — Красноярск, 1984. — С. 150—153.
2. Воробьева Г. А., Медведев Г. И. Плейстоцен-голоценовые отложения юга Средней Сибири и археологические остатки в геологических слоях: Руководство. — Иркутск, 1984. — Ч. 2. Голоцен. — 44 с.
3. Горюнова О. И. Бескерамические комплексы многослойного поселения Берлога // Палеолит и мезолит юга Сибири. — Иркутск, 1982. — С. 174—191.
4. Горюнова О. И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. — Новосибирск, 1984. — 17 с.
5. Горюнова О. И. Ранние комплексы многослойного поселения Итырхей // Древняя история народов юга Восточной Сибири. — Иркутск, 1978. — Вып. 4. — С. 70—89.
6. Горюнова О. И. Раскопки поселения Саган-Нугэ на Байкале // АО, 1983. — М., 1985. — С. 197—198.
7. Горюнова О. И., Воробьева Г. А. Особенности природной обстановки и материальная культура Приольхонья в голоцене // Палеоэкономика Сибири. — Новосибирск, 1986. — С. 40—54.
8. Горюнова О. И., Кузьминский А. В. Работы Маломорского отряда на Среднем Байкале // АО, 1976. — М., 1977. — С. 196.
9. Горюнова О. И., Новиков Г. Н., Филичук Н. П., Рожкова И. А. Раскопки многослойной стоянки Берлога на Среднем Байкале // АО, 1977. — М., 1978. — С. 220.
10. Горюнова О. И., Савельев Н. А. Новая многослойная стоянка на Среднем Байкале // АО, 1975 — 1976. — С. 227—228.
11. Горюнова О. И., Савельев Н. А. Улан-Хада и ее значение для периодизации памятников Байкала (к 70-летию со дня открытия) // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. к регион. конф. — Иркутск, 1982. — С. 65.
12. Грязнов М. П. Отчет Иркутской археологической экспедиции о раскопках на Байкале в 1959 г. // Архив Ин-та Археологии АН СССР. — Р. — 1. № 2023. — 242 с. (Л., 1960).
13. Медведев Г. И. Мезолит Верхнего Приангарья: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. — М., 1968. — 28 с.
14. Медведев Г. И., Мизнюк Г. Н., Шмыгун П. Е. Мезолит юга Восточной Сибири // Древняя история народов юга Восточной Сибири. — Иркутск, 1975. — Вып. 3. — С. 74—80.
15. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — М.; Л., 1950. — Ч. 1—2. — 412 с. — (МИА, № 18).
16. Петри Б. Э. Неолитические находки на берегу Байкала (Предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан-Хада) // Сб. МАЭ. — 1916. — Т. 3. — С. 113—132.
17. Петри Б. Э. Сибирский неолит // Изв. БГНИИ при ИГУ. — 1926. — Т. 3. — Вып. 6. — С. 39—75.
18. Свинин В. В. К итогам археологических исследований на Байкале //

Учен. зап. ВСОГО СССР // Иркут. обл. музей краеведения. — 1971. — Вып. 4. — Ч. 1. Вопросы истории Сибири. — С. 61—77.

19. *Свинин В. В.* У истоков рыболовства на Байкале // Изв. ВСОГО СССР. — 1976. — Т. 69. — С. 154—166.

20. *Сизиков А. М., Савельев Н. А., Филимонова Л. А.* Геология и возраст рыхлых отложений многослойного археологического памятника в бухте Улан-Хада // Древняя история юга Восточной Сибири. — Иркутск, 1975. — Вып. 3. — С. 121—141.

21. *Ташак В. И.* Новый мезолитический памятник Кодовой // Проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. к XXV археол. студ. конф. / Иркут. ун-т. — Иркутск, 1985. — С. 66—67.

22. *Хлобыстин Л. П.* Древнейшие памятники Байкала // Палеолит и неолит СССР. — М.; Л., 1965. — Т. 5. — С. 252—279. — (МИА, № 131).

23. *Хлобыстин Л. П.* Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (по материалам Б. Э. Петри) // КСИА. — 1964. — Вып. 97. — С. 25—32.

24. *Хороших П. П.* Исследования каменного и железного века Иркутского края (остров Ольхон) // Изв. БГНИИ при ИГУ. — 1924. — Т. 1. — Вып. 1. — 50 с.

25. *Шмыгул П. Е., Горюнова О. И.* Мезолит Байкала // Арсеньевские чтения: Тез. докл. регион. конф. по проблемам истории, археологии, этнографии и краеведения. — Уссурийск, 1985. — С. 75—76.

А. А. Хамзина

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФАУНЫ МНОГОСЛОЙНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ИТЫРХЕЙ, УЛАН-ХАДА, БЕРЛОГА (ПРИБАЙКАЛЬЕ)

В настоящей работе отражены первые результаты разбора и определения фаунистического материала с многослойных стоянок древнего человека, находящихся в Приольхонье. Материал собран сотрудниками лаборатории археологии Иркутского государственного университета.

Основная задача данной работы показать видовой состав остатков млекопитающих со стоянок древнего человека. Такие данные являются одной из характерных деталей, при помощи которых специалисты стремятся восстановить палеоландшафтную и палеоклиматическую обстановку того времени. Кроме того, остатки млекопитающих с археологических стоянок имеют немаловажное значение для корректирования периодизации стоянок.

В данной статье рассматривается материал, собранный на трех стоянках: Улан-Хада, Итырхей и Берлога (Приольхонье). Эти памятники сопоставимы между собой по времени существования и по археологическому материалу.

Улан-Хада. Многослойный археологический памятник в бухте Улан-Хада юго-восточного побережья зал. Мухор был открыт в 1912 г. известным исследователем Сибири Б. Э. Петри. С тех пор на памятнике работали многие археологи. В 70-х гг. планомерные исследования в бухте Улан-Хада проводил неолитический отряд КАЭ

ИГУ [2—4]. Геологическое и геоморфологическое описание памятников дал сотрудник ИЗК СО АН СССР А. М. Сизиков [5].

Археологический материал, собранный на этом памятнике, неоднократно фигурировал в археологической литературе как основа для периодизации древнейшей истории Прибайкалья и был эталонным при корреляции поселений.

Стратиграфический разрез представлен рыхлыми отложениями мощностью 3,60—4,72 м и включает 11 культурных горизонтов, датируемых финальным мезолитом (культурный горизонт XI около 5-го тыс. до н. э.), неолитом (культурные горизонты X—VIII от 3-го до середины 5-го тыс. до н. э.) и ранним бронзовым — ранним железным веками (культурные горизонты 0-VII от 2-го тыс. до н. э. до конца 1-го тыс. н. э.).

Фауна собранная на стоянке, немногочисленна (около 150 определенных костей). Костные остатки принадлежат 7 видам млекопитающих: нерпа, косуля, благородный олень, северный олень, лисица, волк, мелкий хищник (более точно не определено). Кости рыб обнаружены в довольно большом количестве. Имеются кости птиц.

Распределение фауны по горизонтам очень неравномерно. Скудость фаунистических остатков в горизонтах II—VII связана, вероятно, с неблагоприятными условиями захоронения — в этих горизонтах были обнаружены кости очень плохой сохранности.

В количественном отношении распределение костей неравномерно. Большую часть составляют остатки благородного оленя (40 % от общего количества определенных костей), на втором месте по количеству стоит нерпа (около 25 %), около 10 % составляют кости косули. Обнаружено несколько костей северного оленя (табл. 1).

Итырхей. Многослойное поселение Итырхей, открытое П. П. Хорших во время работ 1921—1923 гг., находится в одноименной бухте, расположенной на юго-восточном побережье зал. Куркут, в 3 км к северо-западу от поселка Сахюртэ (МРС). В 70-х гг. Комплексная археологическая экспедиция ИГУ провела масштабное вскрытие [1, 2, 4].

При раскопках выявлено 9 культурных горизонтов. По мнению археологов, культурные горизонты I—II относятся к бронзовому веку (1-я пол. 2-го тыс. до н. э.), III—VI — к неолиту (от 3-го — до середины 5-го тыс. до н. э.), VII—XI — к позднему мезолиту (около 6-го тыс. до н. э.) В культурно-историческом плане комплексы Итырхея обнаруживают сходство с рядом стоянок Прибайкалья, и прежде всего, с Улан-Хадой.

Определенное сходство с Улан-Хадой наблюдается и в видовом составе фауны. Преобладают на стоянке кости нерпы (около 38 %) и благородного оленя (30 %). Костей косули около 17 %. Обнаружены также кости северного оленя, барана (?), медведя, лисицы и птицы (ближе не определено) (табл. 2). При количественном подсчете не учитывались кости рыб. Они явно преобладают. Точное их количество указать трудно, но их более 500. Кости

Таблица 1

Состав фауны стоянки Улан-Хада

Вид	Хронологический этап													Общее кол-во костей, %	
	железный век	бронзовый век								неолит		мезолит			
		Культурный горизонт													
		0	Iв	Iп	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X		XI
Косуля	2	1	1	1	1	—	—	—	—	2	—	—	—	9,1	
Благородный олень	3	8	7	2	3	—	—	—	—	23	—	—	—	40	
Северный олень	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	1	1,8	
Нерпа	1	4	12	1	1	—	—	—	—	6	—	—	—	22,7	
Лисица	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1,8	
Волк	—	2	1	1	—	—	—	—	—	1	—	—	—	4,6	
Хищник (точнее не определено)	1	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5,5	
Птица	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	0,6	
Рыба	+	+	+	—	—	—	—	—	—	+	—	—	—	—	
Кол-во костей, шт	8	20	21	5	6	—	—	—	—	34	—	1	—	100	

Состав фауны стоянки Итырхей

Вид	Хронологический этап										Общее кол-во костей, %	
	желез- ный век	бронзи- ный век	неолит				мезолит					
			культурный горизонт									
			0	I	II	III	IV	V	VI	VII		VIII
Косуля	—	1	—	1	4	—	—	—	10	—	17	
Благородный олень	—	2	6	1	2	—	1	8	8	—	29,8	
Северный олень	—	—	—	—	—	—	—	8	—	—	8,5	
Баран	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1,1	
Нерпа	1	—	1	2	4	3	5	4	4	11	38,9	
Медведь	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1,1	
Лисица	—	—	—	1	2	—	—	—	—	—	3,2	
Птица	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	1,1	
Рыба	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	—	
Кол-во костей, шт	2	3	7	6	12	3	7	20	22	11	100	

рыб встречены во всех горизонтах в виде скоплений вокруг очагов и в виде заполнения ям. На стоянке Улан-Хада кости рыб были найдены в меньшем количестве. По-видимому, преобладающим занятием людей, живших на стоянке Итырхей, было рыболовство. Так же, как и жители стоянки Улан-Хада, они занимались и своеобразной охотой на нерпу, мясо которой, видимо, составляло основу рациона, а шкуры выделывались и шли на изготовление одежды и пр.

Значительное количество костей благородного оленя может служить показателем того, что охотники предпочитали охотиться в лесной зоне, а наличие костей косули говорит о том, что довольно большую площадь занимали открытые пространства. Для северных оленей, несколько костей которых найдено на стоянках Приольхонья, характерно обитание в гольцах, где тайга переходит в тундру.

Берлога. Одновременно со стоянкой Итырхей в 1921—1923 гг. П. П. Хороших была обнаружена и многослойная стоянка Берлога, расположенная в зал. Куркут к западу от бухты Итырхей. Стационарными исследованиями КАЭ ИГУ в 70-х гг. было выявлено 8 культурных горизонтов, датируемых поздним бронзовым веком (культурные горизонты I—II), неолитом (культурные горизонты III—V), мезолитом (культурные горизонты VI—VIII) [4].

Фаунистический материал, собранный на стоянке, немногочислен — 24 определяемых кости и скопления чешуи и костей рыб (табл. 3). Такое количество костей может быть связано как с условиями захоронения, так и с тем, что основным занятием людей, живших на стоянке, было рыболовство. В мезолитических горизонтах были обнаружены кости лошади, не встреченной ни на Улан-Хаде, ни на Итырхее.

На всех описанных выше стоянках большая часть костей рас-

Таблица 3

Состав фауны стоянки Берлога

Вид	Хронологический этап							
	бронзовый век		неолит			мезолит		
	культурный горизонт							
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Косуля	—	—	—	—	—	—	—	8
Благородный олень	—	—	—	—	1	—	2	1
Лошадь	—	—	—	—	—	1	2	—
Нерпа	—	—	—	—	—	—	3	2
Хищник (точнее не определено)	—	2	—	—	—	—	—	1
Крупный хищник	—	—	—	—	—	—	1	—
Рыба	+	+	—	+	+	+	+	—
Кол-во костей, шт		2			1	1	8	12

Таблица 4

Сравнение фауны по хронологическим этапам

Вид	Хронологический этап								
	мезолит			неолит			бронзовый — железный века		
	стоянка								
	Улан-Хада	Итыр-хей	Бер-лога	Улан-Хада	Итыр-хей	Бер-лога	Улан-Хада	Итыр-хей	Бер-лога
Косуля	—	+	+	+	+	—	+	+	—
Благородный олень	—	+	+	+	+	+	+	+	—
Северный олень	—	+	—	—	—	—	—	—	—
Баран	—	—	—	—	—	—	—	+	—
Лошадь	—	—	+	—	—	—	—	—	—
Нерпа	+	+	+	+	+	—	+	+	—
Медведь	—	—	—	—	+	—	—	—	—
Лисица	—	—	—	+	+	—	+	—	—
Волк	—	—	—	+	—	—	+	—	—
Хищник	—	—	+	—	—	—	+	—	+
Крупный хищник	—	—	+	—	—	—	—	—	—
Мелкий хищник	—	—	—	—	—	—	—	—	+
Птица	—	—	—	—	+	—	+	—	—
Рыба	—	+	+	+	+	+	+	+	+

колота и является «кухонными отбросами». Чаще всего встречаются кости конечностей и изолированные зубы и их обломки. Так, на стоянке Итырхей зубы косули составляют около 50 % общего числа костей этого животного, большинство из них — нижние. Это можно объяснить лучшей сохраняемостью зубов и тем, что охотники приносили на стоянку в основном ноги и головы убитых животных, тем более, что среди остеологического материала почти отсутствуют позвонки.

Для всех стоянок Приольхонья показательным является очень плохая сохранность костей, особенно по сравнению со стоянками Приангарья. Это связано с условиями захоронения и составом вмещающих отложений. Часто в культурных горизонтах стоянок Приольхонья встречаются «следы» костей. Поэтому численный состав остеологического материала сильно преуменьшен.

Фаунистический материал, собранный на стоянках Улан-Хада, Итырхей, Берлога не позволяет проследить изменений природной обстановки от мезолита до железного века. Поэтому остеологические коллекции этих периодов могут использоваться в основном для реконструкции хозяйственного уклада обитателей стоянки. Сравнение фауны с описываемых стоянок (табл. 4) по хронологическим этапам не выявило ярко выраженной специализации хозяйственной деятельности, кроме того, что основным занятием населения Приольхонья в мезолите — железном веке были рыболовство и охота на нерпу.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горюнова О. И. Ранние комплексы многослойного поселения Итырхей // Древняя история народов юга Восточной Сибири. — Вып. 4. — Иркутск, 1978. — С. 70—89.
2. Горюнова О. И. Периодизация неолита и палеометалла побережья оз. Байкал // Проблемы археологии и перспективы изучения древних культур Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. — Якутск, 1982. — С. 57—59.
3. Горюнова О. И., Савельев Н. А. Улан-Хада и ее значение для периодизации памятников Байкала (к 70-летию со дня открытия) // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. к регион. конф. 7—9 апр. 1982 г. — Иркутск, 1982. — С. 65.
4. Горюнова О. И. Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. — Новосибирск, 1984. — 17 с.
5. Сизиков А. М., Савельев Н. А., Филимонова Л. А. Геология и возраст рыхлых отложений многослойного археологического памятника в бухте Улан-Хада // Древняя история народов юга Восточной Сибири. — Вып. 3. — Иркутск, 1975. — С. 121—141.

Н. А. Савельев

ВКЛАД Б. Э. ПЕТРИ В ИЗУЧЕНИЕ СИБИРСКОГО НЕОЛИТА

Оживившийся в последние десятилетия интерес к теоретическим аспектам археологической науки во многом определил внимание исследователей к историографии своей науки. Наместились и главные задачи в проведении исследований по истории археологии — «исследование эволюции общего стиля научного мышления, развития методов, концепций, теорий, гипотез, определяющих общее направление исследовательского поиска в тот или иной период» [9, с. 4]. Появились и первые обобщающие работы, [9, 82], была предложена периодиза-

ция развития археологии в СССР [9, 72] и, в частности, для Сибири [34].

Особо важное значение во всех вышеуказанных работах придается изучению первого периода советской археологии (1917 — середина 20-х гг.) — времени становления марксистской науки и подготовки первых кадров советских археологов.

В Сибири исследования по археологии этого периода были неразрывно связаны с именем Бернгарда Эдуардовича Петри — ученого народоведческого направления, профессора Иркутского госуниверситета, основателя «иркутской школы» археологов, из стен которой вышла целая плеяда ученых, давших со временем начало новым научным направлениям, — А. П. Окладников, Г. П. Сосновский, М. М. Герасимов, Г. Ф. Дебец, М. М. Одинцов, Н. А. Флоренсов и многие другие.

К сожалению, в силу ряда обстоятельств многогранная деятельность (археология, этнография, экономика, антропология, картография, география) этого блестящего ученого-исследователя до сих пор не получила всесторонней комплексной оценки в современной научной литературе и еще требует своего освещения [15, 74]¹. Существующая же литература крайне разнородна, и сведения, приводимые в ней, касаются в основном общих, внешних аспектов деятельности Б. Э. Петри, не затрагивая его внутреннего содержания, что не дает необходимого представления о специфике его теоретических и методологических установок [3, 4, 40, 86].

В данной статье рассматривается один из аспектов исследований ученого — его работы по неолитическому периоду Сибири, ставшие базовыми для научного неолитоведения региона и во многом определяющие его развитие и по сей день.

Научная деятельность Б. Э. Петри в Сибири началась в 1912 г., когда по заданию Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии он выезжает в Иркутский и Верхотурский уезды для этнографического изучения бурят и «производства археологических разведок» [65]. Главным результатом экспедиции в археологическом отношении явилось открытие многослойного местонахождения в бухте Улан-Хада в Мухорском заливе оз. Байкал. Б. Э. Петри сразу же понял значение поселения как основы для создания культурно-хронологической периодизации неолита в Сибири и для определения преемственности его культур [65, с. 107—108]. Это подтвердилось в ходе его раскопок Улан-Хады, произведенных в 1913 г. [57, 64].

В 1916 г. Б. Э. Петри в третий раз приезжает в Сибирь уже со специальным заданием «сплошного археологического обследования берегов Байкала». Вторично, после А. М. Станиловского, он открывает неолитические стоянки в бухте Песчаной и проводит совместно с

¹ Автор выражает огромную благодарность А. А. Сириной, выявившей много новых архивных данных, связанных с деятельностью Б. Э. Петри и позволившей использовать в статье некоторые данные из ее дипломного сочинения на тему «Роль Петри Б. Э. в становлении советской археологии и этнографии в Восточной Сибири» (Иркутск, 1984).

М. П. Овчинниковым разведочные раскопки на Ангаре — в местностях Царь-Девича, Межовка, Кузьмиха [57, 58].

После Великой Октябрьской социалистической революции Б. Э. Петри был в числе тех, кто добровольно стал сотрудничать с Советской властью. С этим важным рубежом в истории нашей страны связан и новый этап в жизни самого Б. Э. Петри. В 1918 г. он приезжает в Сибирь и становится вначале приват-доцентом, а затем профессором созданного в Иркутске госуниверситета. Здесь он возглавляет все научные исследования по первобытному прошлому Сибири [96].

Научное мировоззрение Б. Э. Петри начало формироваться еще в дореволюционное время на основе идей палеоэтнологического направления, возникшего в России в начале XX в. в науке о первобытном обществе. Считается, что возникновение этого направления связано с проникновением в науку идей антиэволюционизма — диффузионизма, теории культурных кругов и появлением культурно-исторической школы [9]. Но это не совсем так. Сама идея палеоэтнологии как науки о первобытном обществе родилась в среде русских ученых-естественников, представителей университетской науки Москвы и Петербурга, которые стремились преодолеть ограниченность и прямолинейность эволюционистских схем, расширить источниковую основу теоретических выводов по первобытной истории. Известно, что народоведение как определенная отрасль научных знаний сформировалась и развивалась в то время в рамках географической науки [95, 25]. Российская палеоэтнология объединяла в своих рядах археологию, антропологию и этнологию для решения одного круга проблем, что придавало этим исследованиям комплексный характер. Традиция сотрудничества трех названных наук до сих пор известна под именем «анучинской триады» [47]. От своих предшественников это направление унаследовало основную черту эволюционизма — идею прогрессивного развития общества и наполнило ее этнокультурными задачами.

Б. Э. Петри — основатель Иркутской палеоэтнологической школы, был выпускником Петербургского университета — одного из центров российской палеоэтнологии. Задачи и цели палеоэтнологии в Сибири не были им специально изложены в сводной публикации, хотя они четко прослеживаются в отдельных работах [48, 49, 50, 51, 53, 54, 59, 61, 62]².

Сибирские археологи, анализируя концепцию Б. Э. Петри [3, 4, 40, 85, 86], как правило, отмечали только одну сторону методологических принципов Петри — «крайне эволюционистскую». Представ-

² В деле, хранящемся в Государственном архиве Иркутской области, имеется письмо Археологической комиссии ВСОРГО в Научком от 1922 г. с просьбой включить в план издания труды иркутских археологов и этнографов, среди которых перечисляются работы Б. Э. Петри, прямо посвященные проблемам палеоэтнологии, но так и не опубликованные. Среди них: «Первобытная Сибирь» (300 с), «На границах истории, этнографии и археологии» (79 с), «Доисторические расы Сибири» (8 с), «Сопоставление культурных эпох» (4 с) // ГАИО. — Ф. 565, оп. 1, д. 13. — Л. 169—170.

ляется, что это лишь внешняя сторона палеоэтнологии, связанная с идеей единства человеческого рода и вытекающего отсюда единообразного развития культуры в Европе и Сибири с прямой однолинейностью этого развития от простого к сложному, биологизацией общественных структур и идеей прогресса как цепи постоянных «великих изобретений» человеческого гения. Но в целом «такое традиционное направление исследований отвечало главным положениям марксистского историзма, взгляду на историю как непрерывный и прогрессивный процесс развития общества, в основе которого находится развитие производительных сил и производственных отношений [44, с. 8]. Естественно, до осознания значения социально-экономических факторов в развитии общества Б. Э. Петри так и не поднялся, но его исследования носили стихийно материалистический характер и постепенно приближались к представлениям диалектического и исторического материализма. Надо также отметить, что основной период научной деятельности Б. Э. Петри совпал со временем становления советской археологии и перехода ее на рельсы марксистско-ленинской методологии. Известно, насколько остро этот процесс протекал в различных отраслях науки, подчас принимая характер борьбы старых и новых взглядов «в условиях многочисленных и порой резких дискуссий, разного рода увлечений, преувеличений, а порой и ошибок...» [35, с. 19].

Важное место в научных представлениях Б. Э. Петри о палеоэтнологическом изучении первобытного прошлого Сибири принадлежало проблемам этнокультуры. На этот аспект теоретических взглядов Б. Э. Петри обратили внимание в 60—70-е гг. В. Е. Ларичев и А. П. Окладников [33, 39].

Б. Э. Петри понимал палеоэтнологию как науку о доисторическом первобытном прошлом человечества. Составными частями этой науки являлись археология, первобытная этнография и палеоантропология. Каждый из разделов имел свою задачу, свой объект и предмет исследования [49, 51, 54]. Основной смысл таких системных исследований заключался в реконструкции образа жизни «древних насельников» края, восстановления их этнического облика и выяснения степени родства между ними и современными аборигенами. Им определялись и хронологические пределы или возможности источников каждой дисциплины. Наиболее длительный отрезок времени от палеолита до XII в. отводился археологии. В период с XII до XVI в. археологические и этнографические источники смыкались при преимущественном преобладании последних. В XVI в. (верхняя граница доистории) с появлением письменных источников начиналось историческое время [51, 61, 50]. В то же время Б. Э. Петри считал, что археологические комплексы в отличие от этнографических являются, по сути дела, этнически немymi (протоэтническими) [50, 51, 61] и ставил под сомнение прямолинейные выводы диффузионистов о прямой связи археологических культур с определенными современными народами [51, 61]. Указывая на конвергентное развитие древних культур в Европе и Сибири, он всегда подчеркивал их местную основу и

специфичность [59, 61, 62]. Эти положения особенно четко выражены в публикациях по неолитическому периоду Сибири, занимающему основное место в археологических исследованиях Б. Э. Петри. Неолит, по его мнению, начинается с конца четвертичной эпохи и кончается появлением бронзовых предметов, т. е. совпадает с геологической современностью [50, 61]. Определение Петри неолита практически повторяет определение В. А. Городцова, но если последний выделял единую неолитическую эпоху для всего человечества и заканчивал ее появлением медных орудий в странах Древнего Востока 5-го тыс. до н. э. [13], то Б. Э. Петри развивал идею, высказанную ему в личном письме Г. Мергарт³, о локальных особенностях развития неолита в Сибири, особенно в его Байкало-Ангарской зоне [100, оп. 1, № 16; 51, 61]. Будучи сторонником географического детерминизма в развитии материальной культуры, он рассматривал возникновение неолитической эпохи как следствие коренного изменения климата и природы, произошедшего «в конце четвертичного периода», и как фактор смены хозяйственной деятельности древних людей — перехода с охоты на рыболовство [50, 61]. С природными причинами (таежными условиями) он связывал и «пережиточность» неолита в Прибайкалье, отсутствие здесь бронзовой культуры скотоводческого степного типа. «Доисторический человек» продолжает широко пользоваться орудиями из камня; внедряются изделия из местного нефрита, а изделия из меди и бронзы даже местного производства не изменяют хозяйственной структуры неолитического общества и не могут подорвать его основы [49, 50, 61]. Сами бронзовые изделия поступают в Прибайкалье в результате диффузии из минусинского центра или же из Забайкалья и Монголии, а возможно, в результате прямого грабежа «древних неолитических таежных археологов» курганов своих южных соседей. Неолитическая эпоха просуществовала вплоть до железного века и сменилась за счет миграции в Прибайкалье нового населения из глубин Азии [49, 50, 51, 61, 63].

Идею «пережиточного неолита» позднее развивали известные советские исследователи европейского неолита М. Е. Фосс [84], А. Я. Брюсов [5], а в Сибири — Ю. А. Мочанов и С. А. Федосеева [37, 81]. А. А. Формозов уточнил этот термин, предложив назвать такой неолит «северным», «лесным» [83].

Для культурно-исторических построений «как постепенного хода истории культурных приобретений» [61] Б. Э. Петри использует модифицированную В. А. Городцовым хронологическую периодизацию Г. Мортилье [13]. За основу им берется технологический принцип — материал и совершенствование техники изготовления орудий. Так, каменный век делится на палеолит и неолит, а неолит, в свою очередь, подразделяется на три эпохи — ранний с двумя стадиями, средний и поздний — новый или, как мы уже отмечали, «пережиточный», «таежный». Для обозначения эпохи Б. Э. Петри допускает и

³ Г. Мергарт — австрийский археолог, представитель диффузионизма, культурно-исторической школы. Письмо Г. Мергарта Б. Э. Петри от 1 августа 1920 г. // ГАИО.— Ф. 565, оп. 1, д. 16.— Л. 26—29 (на нем. языке).

термин «культура» (палеолитическая, неолитическая), считая его равнозначным материальной культуре и не смешивая последнюю с культурой этнической [61].

Естественной шкалой, явившейся основой для неолитической классификации, были «чистые» культурные слои Улан-Хады, результаты стратиграфических наблюдений при раскопках 1913 г. и данные предварительных типологических и классификационных операций над материалами из раскопов и многочисленных подъемных сборов с поверхностей бухты [49, 50, 51, 56, 57, 61, 64]. Культурно-хронологическая периодизация неолита, которую автор вначале распространяет на весь сибирский регион, была разработана им в общих чертах еще в дореволюционное время [57, 64] и в дальнейшем лишь незначительно уточнялась [49, 50, 61]. Обобщенные выводы были опубликованы в небольшой монографической работе «Сибирский неолит», вышедшей в 1926 г.⁴

Общий обзор остатков материальной культуры развитого прибайкальского неолита дается практически по всем известным в то время местонахождениям, причем обзор каменной индустрии и керамики — по поселениям, а костяной — по погребениям. Медные и бронзовые вещи, относимые Б. Э. Петри к новому неолиту, не разбираются. Предметы изобразительного искусства не дифференцируются.

Всю каменную индустрию Б. Э. Петри разбивает на две категории — мелкие и крупные орудия, составляющие 20 групп: наконецники стрел, копий, наветыши, шилья, тесла, топоры и т. д., образующие 62 формопроявления (36 видов (типов) и 26 вариантов). Костяная индустрия (кинжалы-вкладыши, стилеты, крючки, кинжалы и т. д.) составляла 10 групп — 14 формопроявлений (10 видов, 4 варианта). Характерными чертами неолитической каменной индустрии Б. Э. Петри считал миниатюрность многих изделий, тщательность и совершенство ретуши [61, с. 5]. Материалами для их изготовления послужили более 10 минералов при преобладании кремнистого сланца плохого качества.

«Для детальных этнологических и хронологических группировок неолитического периода» Б. Э. Петри придавал особое значение керамике [61, с. 12]. По мнению Петри, «сибирская керамика поражает исследователя изяществом форм и разнообразием орнамента» [61, с. 13]. Сформулировал он и понятие керамического типа, куда входили следующие признаки: форма сосуда, тип орнамента, техника изготовления, обжиг, примеси в тесте [61, с. 12]. Технику изготовления сосудов он определял по так называемому техническому орнаменту, т. е. специфическим отпечаткам на поверхности сосудов и проверял свои наблюдения экспериментальным методом. Орнамент искусственный подразделялся по технике нанесения на шесть разновидностей, среди которых преобладающее положение занимал штамп различной формы. Форма неолитических сосудов — круглодонная,

⁴ В своей работе Б. Э. Петри указывал, что очерк «Сибирский неолит» является 2-й частью труда «Доисторическая Сибирь» [61, с. 3].

простая, яйцевидная с обрезанным острым концом или с брюшком и горлом — фигурная [57, с. 127—128; 61, с. 11—20].

Предметы изобразительного искусства — двух групп: антропоморфные — три вида (камень, кость, глина) и зооморфные — три вида (керамика — змея, кость — лоси, камень — рыбы) [61].

Материал, имеющийся на Улан-Хаде, по мнению Б. Э. Петри, имел полное право стать эталонным для периодизации прибайкальского неолита, так как анализ каменной индустрии и керамики указывал на присутствие почти всех известных на других местонахождениях Прибайкалья групп инвентаря и типологически близких форм керамики [61]. И действительно, 16 групп изделий из камня, составляющих 52 формы (32 вида (типа) и 20 вариантов) из 20—62 (36, 26) известных вообще, а также практически все типы керамики давали на это основание [57]. Следует отметить, что основная масса находок, примерно 80 %, представляла собой подъемные сборы, а материалы небольших, на наш взгляд, раскопок (66 м²: раскоп АБ-50 м², из них XI—IX слои 30 м²; раскоп L — 16 м²) [86, 101] насчитывали всего 3914 единиц, из которых на 11 слоев приходилось не более 400 каменных изделий и 901 фрагмент сосудов. Все остальное составляли отходы вторичной и первичной обработки, фауны, угля и пр. Неравномерная насыщенность слоев не давала возможностей для типологической обработки материала, особенно орудий из камня. Поэтому для периодизации неолита Б. Э. Петри выбрал общие признаки, указанные выше: приемы вторичной обработки камня и технику изготовления керамики. «К Западной Европе, — считал он, — с ее точно выработанной классификацией придется обратиться только для проведения параллелей и не более» [61, с. 3].

Рассмотрим предлагаемую им схему. Ранняя стадия неолита — XI слой Улан-Хады — докерамическая, являлась, по сути дела, мостиком между палеолитом и неолитом и указывала на конкретный генезис неолитической культуры на основе местной, автохтонной. Имеющийся в материале разрыв между верхним палеолитом и финальным мезолитом Б. Э. Петри не пугал, поскольку он считал, что открытие более ранней мезолитической эпохи — азийской — лишь дело времени. Три эпохи развитого неолита — ранняя, средняя и поздняя — устанавливали «порядок великих открытий» [50, с. 34] местного населения на пути прогресса.

В раннюю эпоху (X слой Улан-Хады) появляется керамика со следами плетеной основы, каменная индустрия не отличается от мезолитической. В среднюю (III—IX слои Улан-Хады) появляются лук и стрелы и шлифованные орудия, совершенствуется керамика — она становится тонкой, изящной, размеры сосудов увеличиваются, внешние стенки гладкие, венчик намечается особо, на нем для подвешивания протыкаются отверстия. Орнамент по тулову — зональный и сплошной, техника нанесения прерывистая и отступающе накольчатая, инструменты — гладкий и зубчатый штамп, стек. В позднем неолите появляются орудия из меди, обилие орудий из нефрита, микропластинчатость и совершенство каменной индустрии. Керамика

штриховая, с отпечатками тканей, вторично появляется сетка-плетенка. Орнамент по верхней части сосудов — штампы, выпуклины-жемчужины, решетчатый⁵ [61, с. 18—19].

Обобщив таким образом результаты своих и чужих, в основном дореволюционных, исследований по неолиту Прибайкалья, Б. Э. Петри считал, что «картина доисторического прошлого края обрисовалась достаточно четко» [54, с. 9]. Но эта «четкость» представлялась другим исследователям весьма сомнительной. И первый серьезный оппонент Б. Э. Петри — Г. Мергарт еще в 1921 г. отметил спорность многих положений периодизации неолита, порожденную отсутствием полной послышной публикации материалов Улан-Хады [100]⁶. При этом он подчеркнул самостоятельный характер XI слоя Улан-Хады и его несходство с мезолитом Европы, а также подверг критике хронологическую схему неолита. Ее эволюционистский характер никак не укладывался, по его мнению, в те эпохи, которые наметил Б. Э. Петри. Керамика в слоях X—I удивительно однообразна, а каменный инвентарь не дает оснований для выделения типов. Непонятно также, в какой хронологический отрезок попадают крупные рубящие орудия и прежде всего топоры с ушками. Настораживает Г. Мергарта и отсутствие абсолютных дат, о которых, кстати, Б. Э. Петри ни в одной из своих работ не упоминает. Отрицает Г. Мергарт и возможность решить культурно-исторические проблемы сибирского неолита на основании изучения только одного пункта и тем более распространение его периодизации на всю Сибирь [100, 36, 102, 103]. Вслед за М. П. Овчинниковым Мергарт высказался также за наличие в таежных районах юга Сибири самостоятельной бронзовой культуры, переходной между неолитом и железным веком, считая, что на севере Сибири продолжается неолит [100, 36]. «Северную», по его выражению, бронзу он синхронизирует по времени с южной — минусинской, относя, таким образом, поздний неолит Петри к бронзе. Его точку зрения поддержали Г. П. Сосновский [78], В. И. Подгорбунский [67], и Г. Ф. Дебец [21], назвавшие этот период энеолитом.

В 1927 г. появляется сомнение и в правильности геологических наблюдений Б. Э. Петри на Улан-Хаде, и в возможности выделения на их основе «чистых культур» [71]. В значительной мере этому способствовала эволюционистская точка зрения Петри на характер накоплений рыхлых отложений местонахождения. Процесс навевания песка по предположению Петри был равномерным. Культурные слои переходят один в другой постепенно, без всяких перерывов и промежуточных слоев. Вместе с тем, при выделении слоев он использовал стратиграфический метод, различие в их литологии. Перекрывание культурных остатков было быстрым, и отсюда погребенная культура оставалась в чистом виде, т. е. в том, в котором ее оставили древние «неолитики» [49, 50, 57, 61, 64].

⁵ Видимо, решетчатый орнамент соответствует вафельному орнаменту в современных публикациях.

⁶ Письмо Г. Мергарта Б. Э. Петри от 26 августа 1921 г. // ГАИО.— Ф. 565, оп. 1, д. № 16.— Л. 53—54 (на нем. языке).

В дальнейшем исследования на Улан-Хаде подтвердили правильность стратиграфических наблюдений Б. Э. Петри, что позволило во многом вернуть памятнику былую его значимость для археологии [85, 73, 14]. Но это произошло спустя много лет, когда местонахождение уже практически потеряло свою известность, а его материалы так и остались полностью неопубликованными.

Этнокультурные задачи были поставлены перед археологами Сибири еще М. П. Овчинниковым [38]. Б. Э. Петри не только теоретически развил его идеи, но и впервые в сибирской археологии предложил методику для решения этой важнейшей проблемы. «Конечной целью всякого археологического исследования, — писал он, — является выделение комплекса связанных между собой находок (культур), пределов распространения и, наконец, отнесение их к доисторическому прошлому тех или иных народов» [51, с. 2]. Выделение комплексов должно осуществляться только на основании раскопок «чистых культур» в поселениях с четкой стратиграфической ситуацией [49, 51, 56, 61], т. е. в результате их культурно-хронологического расчленения и установления характерных для отдельных культур признаков (отличий). При всей конвергентности развития материальной культуры человечества «следует искать индивидуальные отличия, особенно в случаях смежных культурных провинций, на тех предметах и материалах, которые дают наибольшую возможность для проявления индивидуальности данной народности, а также возможности варьирования предмета без ущерба для его прямого назначения» [51, с. 6—7]. После определения индивидуальных особенностей чистых (замкнутых) комплексов находок, выделения культурнозначимых типов орудий, керамики и т. д. возможен поиск территориальных границ распространения культуры в пространстве. Поэтому составление археологической карты Сибири как научного инструмента для выявления пространственного распространения культур становится с 1921 г. первоочередной задачей деятельности Б. Э. Петри и возглавляемых им иркутских археологов [17, 19, 27, 48, 51, 92, 96]. По поводу правильного понимания картографии в археологии Б. Э. Петри активно отстаивал свою точку зрения в дискуссии с руководителем работ по составлению археологической карты европейской части России В. А. Городцовым [100]⁷.

Для решения этнокультурологических задач Б. Э. Петри, помимо понятий комплекса и культуры, вводит категории «культурная провинция» и «культура мелких провинций» (микрокультур или культур) [51, 54, 61]. Различий между двумя категориями «провинция» и «культура» у него поначалу не наблюдается, но уже в 1926 г. выделенную им в 1921 г. байкальскую культуру он определяет провинцией [61], а для местных или «мелких провинций» он оставляет термин «культура» [61, с. 12]. Об основных критериях выделения крупных провинций указано выше. Для выявления мелких провинций наиболее показательным элементом Петри считал керамику: «Керамика — это зеркало культуры», — определяет он [61, с. 11]. Причем

⁷ Протоколы заседаний археологической комиссии ВСОРГО за 1921 г. // ГАИО. — Ф. 565, оп. 1, д. 16. — Л. 8—14.

классифицировать керамику, как и другие культуроотличительные остатки, можно только по «чистым слоям». «Положение настолько несомненно, что не стоило бы о нем напоминать, если бы не появились работы, авторы которых устанавливают древние и новые типы керамики, руководствуясь внешним видом черепков» [61, с. 18]. Он не называет этих авторов, но совершенно очевидно, что указывает на Г. Мергарта, высказавшего идею о существовании в неолите Сибири двух культурных кругов: круга западного — гребенчатой керамики и восточного — байкальской культуры [36, 102, 103] и широко пользовавшегося методикой, которую критикует Петри.

Необходимыми условиями для выполнения этнокультурных задач, которые остаются очень актуальными и в наше время, были: 1) сплошное территориальное обследование Сибири и, в частности, Прибайкалья и Забайкалья в целях массового выявления неолитических местонахождений; 2) поиск и раскопки стратиграфически четких поселений; 3) сбор максимума новых материалов и широкое привлечение старых, известных ранее. Такая работа была возможна только при наличии большого числа активных исследователей, объединенных в крепкий коллектив едиными задачами и целями и при солидной финансовой базе. Выполнение поставленных задач усложнялось обширностью региона и трудоемкостью археологических работ.

После образования в 1918 г. Иркутского госуниверситета Б. Э. Петри отдает все силы подготовке молодых исследовательских кадров из числа студенческой молодежи. С этой целью в Иргосуне создается кружок народоведения (впоследствии краеведения), кабинет археологии и этнографии, библиотека и музей. Научная деятельность палеоэтнологов осуществлялась через ВСОРГО (1921 г. — археологическая комиссия, 1922 г. — этнологическая секция, с 1925 по 1929 г. — палеоэтнологическая секция), Иркутский краеведческий музей и БГНИИ при Иркутском университете. И уже в трудные годы гражданской войны Б. Э. Петри со студентами начали археологические раскопки и разведки в Прибайкалье: сначала под Иркутском — Верхоленская Гора, Ерши — 1918 г., а затем на оз. Байкал в бухтах Песчаная, Сенная — 1919 г. Особо надо отметить работы в бухте Песчаной, где Б. Э. Петри вскрыл и собрал обширный материал из «чистого» слоя позднего неолита [56]. В это же время была начата и другая важная работа — разборка археологических коллекций ВСОРГО.

Подготовка разветвленной сети общественных корреспондентов «на местах» осуществлялась за счет выпускников университета и краеведов. «Краеведение в середине 30-х гг. стало общественным движением, направленным на вовлечение широких слоев населения на работу по изучению родного края» [28, т. 4, с. 266].

В настоящее время приходится только удивляться, какие усилия потребовались Б. Э. Петри и его кружковцам, чтобы в столь короткий срок при крайне ограниченном финансировании, часто на личные средства, провести ту огромную полевую работу, в результате которой были открыты сотни новых древних местонахождений.

К 1925—1926 гг. был подготовлен «основной кадр» археологов

Сибири, начавший самостоятельные исследования, — Г. Ф. Дебец, М. М. Герасимов, Г. П. Сосновский, П. П. Хороших, к работам активно подключились студенты педтехникума, будущий академик А. П. Окладников. Комплексный метод в изучении палеоэтнологии Сибири способствовал широкому вовлечению в археологические поиски энтографов (Я. Ходукина, В. Подгорбунского, В. Сосновского, Г. Виноградова, И. Веселова, Г. Константинова, О. Толстихиной, Е. Титова и др.), геологов (Н. Флоренсова, Л. Иваньева, А. Львова), антропологов (А. Попова), географов (С. Лаптева), зоологов (В. Дорогостайского, А. Бялыницкого-Бирулю).

Археологический поиск, главной задачей которого было выяснение границ распространения байкальской неолитической культуры (провинции), шел в основном по линии разведок в долине р. Ангары, ниже Иркутска до Заярска (Петри Б. Э., 1919, 1923; Сосновский Г. П., 1921; Сосновский В. И. 1922—1924; Хороших П. П., 1921—1925; Попов А., — 1920—1921; Лаптев С., 1923; Шепетунин В., 1924; Константинов Г., 1927—1928; О. и В. Земляничны, 1923; Дебец Г. Ф., 1923), выше Иркутска до п. Лиственичное (Петри Б. Э., 1916—1925, 1927; Окладников А. П., 1925—1928; Веселов И., 1922, 1928—1929; Хороших П. П., 1920—1930; Подгорбунский В., 1924—1925).

Иркутский район местонахождений в 20—30-е гг. XX в. занимал особое место. Памятники, открытые еще М. П. Овчинниковым (Верхотенская Гора, Царь-Девича, Кузьмиха, Ерши и др.) стали своего рода учебными пунктами «археологического ликбеза», где студенты университета и многочисленные краеведы обучались методике проведения археологических исследований, правильному описанию объектов, учились и методике раскопочных работ при помощи производства «учебных раскопок». Через полевые учебные объекты прошли все исследователи [8, 17, 27, 48, 50, 54, 94].

Археологическому исследованию в эти годы подвергались и притоки р. Ангары — Иркут (Герасимов, Иваньев, Хороших, 1924—1925), Белая (Попов, 1920; Герасимов, 1928—1930; Дебец, Хороших, 1928; Петри, 1928), Ия (Герасимов, Иваньев, 1927), Ока (Виноградов, 1922; Петри, 1926—1927), Илим (Ходукин, 1925—1926; Дебец, 1929), а также Кудинские степи (Петри, 1912—1916, 1920; Хороших, 1921—1926; Подгорбунский, 1916), Аларские степи (Баторов, Хороших, Подгорбунский, Петри, 1922—1923, 1925—1926, 1928), верховья Лены (Григорьев, Подгорбунский, 1916, 1921; Петри, 1916, 1923, 1924; Хороших, 1925; Окладников, 1925—1930). Обследовались и берега Байкала (Петри, 1919, 1926—1927; Хороших, 1921—1923; 1927—1928; Веселов, 1923, 1927, 1929; Титов, 1920)⁸.

⁸ Данные о перечисленных полевых исследованиях и их результаты опубликованы лишь фрагментарно. Указанная сводка составлена на основе коллекций, хранящихся в фондах Иркутского краеведческого музея, Музея антропологии и этнографии (АН СССР), Государственного Эрмитажа, Государственного Исторического музея, архивов (архив Иркутского краеведческого музея, Госархив Иркутской области, Ленинградского отделения Института археологии) и частично литературы: [6—8, 10—12, 16, 18, 21, 22, 27, 29—32, 40—43, 45, 46, 49—51, 55, 56, 68, 67, 70, 71, 75, 76, 78—80, 87—91, 93, 94, 96, 98—100].

Иркутские археологи вели работы и вне Прибайкалья — в Забайкалье и МНР. Причем изучению этих районов Б. Э. Петри придавал очень важное значение для понимания этнокультурных процессов на юге Средней Сибири [54]. Видимо не случайно в Забайкалье с 1923 по 1927 г. работал один из самых способных учеников Б. Э. Петри — Г. Ф. Дебец [19, 24]. В исследовании Западного Забайкалья принимали также участие в 1920—1928 гг. А. П. Окладников, М. М. Герасимов, Г. П. Сосновский, кстати, уже руководитель экспедиции ГАИМК (1928—1930) [1, 77], П. П. Хороших, И. И. Веселов, С. Лаптев и др. В 1923—1924 гг. Б. Э. Петри и Г. Ф. Дебец совершают первую зарубежную советскую археологическую экспедицию в Монголию на оз. Косогол (Хубсугул) [52].

В 20-е гг. начинается и своеобразная специализация молодых ученых, воспитанников «иркутской школы»: М. М. Герасимов — палеолит, неолитические погребения, антропология; Г. Ф. Дебец — антропология; Г. П. Сосновский — палеолит, А. П. Окладников — неолит.

При широком размахе полевых работ Б. Э. Петри продолжал оставаться основным научным руководителем. Известно, что им определялись основополагающие исследовательские установки, составлялись программы экспедиционных работ и методические указания [48, 53, 54, 100]⁹. Выбор основных объектов изучения — поселений — также направлялся Б. Э. Петри. Он считал поселения наиболее объективным источником для восстановления древней истории [51, 60, 61]. В погребениях, по его мнению, «предметы ограничиваются только предназначенными для следования в загробный мир», а «на стоянках находим все, что создавал своими руками неолитический человек» [61, с. 22]. Б. Э. Петри первым определил ряд важных понятий полевой археологии, которыми мы пользуемся до сих пор — культурный слой, культуросодержащий слой, «чистый» слой, культура, замкнутый комплекс, стоянка [51, 59—62]. Стоянки, считал он, бывают двух типов: смешанные, в которых культурные остатки различных хронологических эпох невозможно расчленить стратиграфически, и чистые — четко стратифицированные. Все стоянки разбивались на два рода: 1) лёссовые и 2) в песках. Стоянки в песках дают иногда возможность стратиграфического отчленения остатков железного века от неолита [61, с. 22—24]. В изданной в 1923 г. «Программе исследований стоянок под открытым небом», являющейся первой методической разработкой подобного рода в советской археологии, Б. Э. Петри указывает на уникальность каждого археологического памятника и необходимость научно правильного проведения раскопок. В главе 1, состоящей из 14 пунктов, приводятся требования всестороннего анализа стоянок с точки зрения географии, геологии, характеристики культуросодержащих отложений и указывается на необходимость

⁹ Протоколы заседаний этнологической и палеоэтнологической секций ВСОРГО // ГАИО. — Ф. 565, оп. 1, д. 13. — Л. 11, 30.

тщательной фиксации культурных остатков, сбора всего комплекса находок, составления разрезов и планов памятника, нивелировку и т. д. Интересен и его излюбленный «финский» метод раскопок стоянок кубами, применение методики раскопок «столом». Но требование точности фиксации находок никак не вязалось с представлениями Б. Э. Петри о самом процессе раскопок, где главной фигурой на раскопе являлся упаковщик. Землекопы уподоблялись механизму, автоматически бросающему «на грохот» землю, не обращая внимания на наличие в ней находок. Нет упоминания необходимости составления планов находок [60]. Естественно, что такая методика получила вполне справедливую критику в специальной литературе того времени [26]. Одна и та же методика распространялась им на все виды памятников, не учитывая их специфики. Не было в этой программе и разработок по выявлению динамики формирования культуровмещающих отложений, ее особенностей для каждого «чистого» слоя. Это привело к тому, что все обнаруживаемые остатки с различных пунктов даже при наличии «чистого» неолитического слоя (вторичное появление плетеной керамики и штриховая керамика, крупные орудия, нефрит) стали относить к позднему неолиту. О раннем и среднем неолите «забыли». Все публикации этого времени построены в соответствии с пунктами программы Петри и изобилуют сведениями о позднем неолите. Сыграла свою роль и точка зрения Г. Мергарта о крайне позднем возрасте всего сибирского неолита — III—IV период схемы Монтелиуса (2500—1000 л. до н. э.) [102, 103].

Второй тип археологических источников — погребения — Б. Э. Петри привлекал для объяснения социальной и духовной культуры древнего населения Сибири, его верований и общественного устройства, трактуемых в духе эволюционизма. Все известные в тот период неолитические погребения он относил к очень короткому отрезку времени — финалу позднего неолита. Исследования неолитических погребений, по его мнению, могли дать очень ценный палеоантропологический материал для выявления «неолитических рас Сибири». В этот период были открыты новые неолитические могильники на Лене [29, 42], Селенге [45, 11], в Иркутске [10, 70, 31], Распутино [30, 76, 78, 79]. Были предложены новые классификации погребений [31, 70, 18].

Специальных работ, иллюстрирующих конкретную методику этнокультурных исследований по неолиту Прибайкалья Б. Э. Петри, так и не появилось. Предварительные замечания о возможности разделения Сибири на пять неолитических провинций [61] сделаны, как он писал, очень «провизорно». Практически с 1924 г. ученый отходит от археологии и начинает активно работать в Комитете народов Севера, где, он считал, найдет более полезное для страны практическое применение своих знаний.

Первым опытом воплощения культурологических идей Б. Э. Петри стала работа его ученика Г. Ф. Дебеца «Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья», вышедшая в 1930 г. Автор весьма удачно для своего времени применил методику выделения культур и показал возможность нового подхода [21].

Таким образом, можно считать, что первый период советской археологии Сибири, который мы с полным основанием можем назвать «петринским», явился основополагающим для сибирской археологии. Идеи палеоэтнологического направления были развиты Б. Э. Петри и, на наш взгляд, наиболее удачно и выгодно отличались от подобных концепций, распространенных в европейской России¹⁰.

В своих теоретических разработках Б. Э. Петри сумел объединить позитивные моменты эволюционизма (идеи единства исторического процесса развития всего человечества, закономерности и конвергентности прогрессивного развития, неравномерности развития обществ на отдельных территориях во времени, возможности регресса культуры отдельных народов) и диффузионизма (своеобразие путей развития локальных обществ, теория культурогенеза, дающая возможность для определения конкретных этносов). Это сочеталось с комплексным методом в интерпретации источников по первобытной истории — археологии, этнографии, антропологии. Комплексный подход (использование данных геологии, географии, палеозоологии, палеоботаники) был основой и для исследования объектов археологии — поселений и могильников. Позднее, в 30-е гг., советская археология в ходе усвоения марксистской методологии пошла по этому же пути, но рассматривала развитие не в биологическом плане, как это делал Б. Э. Петри, а с точки зрения общественно-экономической структуры и учения марксизма о материальных условиях как определяющем факторе человеческого существования. Идеи Б. Э. Петри в археологии наиболее полно отразились в его исследованиях по неолитической эпохе в Прибайкалье.

Изучение неолита велось им поэтапно. На первом этапе он считал необходимым составление общего представления о неолитической эпохе в Сибири, особенностях ее материальной культуры, осуществление реконструкции хозяйственных занятий древних людей, их духовной и социальной структуры. Второй задачей этого этапа было создание культурнохронологической классификации или периодизации развития неолитических культур во времени. Классификация и типология материалов из поселений и отчасти из погребений Прибайкалья позволили ему представить в общем виде неолит этого региона, наметить комплекс находок, на основании которых он выделяет специфическую Байкальскую неолитическую культуру (позднее — провинцию). Определяющим и корректирующим звеном его научного анализа являлось многослойное поселение Улан-Хада с четкой стратиграфической ситуацией, с наличием «чистых» неолитических слоев. Улан-Хада стала естественной шкалой для классификации неолитических остатков по вертикали. Разбив весь прибайкальский неолит на три стадии, Петри для иллюстрации конвергентности развития человечества сравнивает свою технологическую периодизацию с европейской. Совпадение, по его мнению, полное.

Установление четких территориальных границ Байкальской провинции в пределах бассейнов рек Селенги, Ангары, Верхней Лены

¹⁰ Оценка палеоэтнологическому направлению в целом дана В. Ф. Генингом [9].

и побережья оз. Байкал определило направление полевых исследований ученого и созданной им в 20-е гг. «иркутской школы». Наиболее изученная байкальская неолитическая провинция должна была стать, по представлениям Б. Э. Петри, своеобразным эталоном для изучения намеченных им других провинций Сибири. «И культура последних (провинций. — *Н. С.*) в пределах основных этапов должна быть аналогичной» [61, с. 4].

Со вторым этапом Б. Э. Петри связывал вычленение и определение культур внутри провинций. Здесь роль многослойных или однослойных, но стратиграфически определимых поселений еще более возрас- тала. Основным методом для выделения культур, как и на первом этапе, оставался картографический, но критерием для культуры становится связь типов в замкнутых (чистых) комплексах, анализируются материалы чистых слоев, разбитых на хронологические уровни. На основе их классификации и типологии с применением статистики определяются культурозначимые свойства — «индивидуальные отличия», как их называл Б. Э. Петри. Наиболее показательным элементом для культуры он считал керамику, в результате территориального распределения которой и начинаются контуры культуры.

Самым объективным источником для научных построений Б. Э. Петри считал поселения. Поэтому разработке методики их исследований он уделял большое внимание.

Особое значение Б. Э. Петри придавал вопросам генезиса неолита. Объединив его по ряду признаков (нуклеусы-скребки, вкладышевые костяные орудия, крупные скребки из кварцита, микропластины и т. д.) с палеолитом через стадию бескерамического неолита, он считал, что неолит Прибайкалья автохтонный, выросший на местной основе. Население остается прежним, и только в железном веке его вытесняют новые племена, мигрирующие из глубин Азии.

Считается, что на этнокультурные научные взгляды Б. Э. Петри оказали большое влияние взгляды австрийского археолога Г. Мергарта, но, судя по их переписке, Б. Э. Петри последовательно отстаивал свои взгляды, критикуя теорию культурных кругов как не соответствующую объективному анализу первобытной Сибири. При этом понимая, что сам он вряд ли сможет окончательно решить все поставленные проблемы, Петри неоднократно указывал на предварительность своих выводов. Он так и не стал последовательным марксистом, хотя подошел к марксизму очень близко. Дело, начатое Б. Э. Петри, но на качественно новом уровне, достойно продолжили его ученики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Археологическая Бурят-Монгольская экспедиция // Отчет о деятельности АН СССР за 1929 г. — Отд. 2. Отчет о научных командировках и экспедициях. — Л., 1930. — С. 153—155.

2. Археологические раскопки на Байкальском побережье // Правительственный вестник. — 1914. — № 19. — 24 янв.
3. *Архипов Н. Д.* Археологические исследования Б. Э. Петри в Прибайкалье // СА. — 1986. — № 2. — С. 273—277.
4. *Архипов Н. Д.* История становления и развития археологической науки в Прибайкалье (XVIII — 1940 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — М., 1972. — 17 с.
5. *Брюсов А. Я.* Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. — М., 1952. — 260 с.
6. *Веселов И. И.* Предварительный отчет о летних полевых работах 1924 г. // Сибирская живая старина. — 1925. — Вып. 3—4. — С. 198—200.
7. *Виноградов Г. С.* Следы неолитической стоянки. Завальская писаница // Этнограф. бюл. ВСОРГО. — 1923. — № 3. — С. 16—17.
8. В университете (работы студенческого кружка «Народоведение») // Власть труда. — 1924. — 25 нояб.
9. *Генинг В. Ф.* Очерки по истории советской археологии (у истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии 20 — первая пол. 30 годов). — Киев, 1982. — 225 с.
10. *Герасимов М. М.* Восстановление лица по черепу. — М.; Л., 1955. — 585 с.
11. *Герасимов М. М., Черных Е. Н.* Раскопки фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. — М., 1975. — С. 23—48.
12. *Городцов В. А.* Археологические раскопки и разведки в советской России в 1919—1923 гг. // Древний мир. — 1924. — Вып. 1. — С. 1—20.
13. *Городцов В. А.* Археология. — Т. 1. Каменный период. — М.; Л., 1923. — 396 с.
14. *Горюнова О. И.* Многослойные памятники Малого моря и о. Ольхон: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Новосибирск, 1984. — 17 с.
15. *Горюнова О. И., Савельев Н. А.* Улан-Хада и ее значение для периодизации древних поселений Байкала (к 70-летию со дня открытия) // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. — Иркутск, 1981. — С. 65.
16. *Грязнов М. П.* Археологические исследования в Сибири // СЭ. — 1929. — Т. 1. — С. 137—142.
17. 10 лет Иркутскому университету 1918—1928 гг. — Иркутск, 1928. — 58 с.
18. *Дебец Г. Ф.* Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита // Русский антропологический журнал. — 1930. — Т. 19. — № 1—2. — С. 7—50.
19. *Дебец Г. Ф.* Итоги и задачи доисторической археологии в западном Забайкалье // Жизнь Бурятии. — 1926. — № 4—6. — С. 114—118; № 7—8. — С. 102—107.
20. *Дебец Г. Ф.* Итоги и задачи палеоэтнологии в западном Забайкалье // Сибирская живая старина. — 1925. — Вып. 3—4. — С. 322—324.
21. *Дебец Г. Ф.* Опыт выделения культурных комплексов в неолите Прибайкалья (Палеоэтнол. этюд) // Изв. Ассоциации НИИ при физ.-мат. фак. МГУ. — 1930. — Т. 3. — № 2-А. — С. 151—169.
22. *Дебец Г. Ф.* Отчет об археологических разведках на оз. Котокель // Бурятведение. — 1926. — № 2. — С. 20—21.
23. *Дебец Г. Ф.* Предварительный отчет об археологических разведках в Западном Забайкалье // Сибирская живая старина. — 1925. — Вып. 3—4. — С. 200—202.
24. *Дебец Г. Ф.* Следы доисторического человека в долине р. Уды (Забайкалье) // Бурятведение. — 1926. — № 1. — С. 13—16.
25. *Жуков Б. С.* Археология // Общественные науки в СССР. — М., 1928. — С. 90—100.
26. *Замятин Н. К.* К вопросу о библиографии по производству раскопок // Сообщ. ГАИМК. — 1931. — № 4—5. — С. 58—59.
27. *Зеленина О. А.* Результаты этнологических исследований Прибайкалья // Университетский клич. — 1923. — № 15.
28. История Сибири. — Л., 1968. — Т. 4. — 500 с.
29. К изучению Прибайкалья (о раскопке проф. Б. Э. Петри неолитического некрополя у с. Тутуры) // Университетское слово. — 1923. — № 21.
30. *Константинов Г. М.* Археологические находки вблизи деревни Верхне-Метляево // Изв. ВСОРГО. — 1928. — Т. 53. — С. 141—144 с. 1 илл.
31. *Константинов Г. М.* К материалам по изучению Ангарского неолита // Изв. ВСОРГО. — 1928. — Т. 54. — С. 95—110.
32. *Лангев С. Н.* Следы пребывания доисторического человека в окрестностях

села Усолья // Сб. тр. профессоров и преподавателей Иркут. ун-та.— 1923.— Вып. 5.— С. 254—260.

33. Ларичев В. Е. Палеолит Северной, Центральной и Восточной Азии.— Новосибирск, 1969.— Ч. 1.— 388 с.

34. Мартынов А. И., Ковешникова Е. А., А. П. Окладников и вопросы историографии археологии Сибири // Проблемы древних культур Сибири.— Новосибирск, 1985.— С. 16—23.

35. Массон В. М. У истоков теоретической мысли советской археологии // КСИА.— 1980.— № 163.— С. 18—26.

36. Мергарт Г. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае (Автореферат) // Изв. Крас. ОРГО.— 1923.— Т. 3.— Вып. 1.— С. 29—36.

37. Мочанов Ю. А. Многослойная стоянка Белькачи 1 и периодизация каменного века Якутии.— М., 1969.— 254 с.

38. Овчинников М. П. Материалы для изучения памятников древностей в окрестностях Иркутска // Изв. ВСОРГО.— 1904.— Т. 35.— № 3.— Казань, 1906.— С. 62—76.

39. Окладников А. П. Верхоленинский могильник.— Новосибирск, 1978.— 287 с.

40. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. // МИА № 18.— М., 1950.— 412 с.

41. Окладников А. П. Неолитические стоянки на Верхней Лене // Краеведение в Иркутской губернии: Зап. студ. науч. кружка краеведения при Иркут. гос. ун-те.— Иркутск, 1926.— № 3.— С. 29—38.

42. Окладников А. П. Неолитический могильник в местности «Ханцагай» (верхняя Лена) // Изв. ВСОРГО.— 1928.— Т. 53.— С. 125—134.

43. Окладников А. П. Предварительное сообщение об археологических разведках в окрестностях села Кабанска // Бурятоведческий сборник (Бурят-монг. секция ВСОРГО).— 1927.— Вып. 3—4.— С. 102—105.

44. Окладников А. П. Сибирская археология на современном этапе // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока.— Новосибирск, 1979.— С. 5—30.

45. Окладников А. П. Следы доисторических культур на севере Селенгинской Даурии // Северная Азия.— 1928.— № 3(21).— С. 63—69.

46. Отчет Восточно-Сибирского отдела Русского Географического общества (с 29 апреля 1923 г. по 1 мая 1924 г.).— Иркутск, 1924.— 21 с.

47. Першиц А. Н. Развитие первобытной истории в дореволюционной России, в СССР и социалистических странах Восточной Европы // История первобытного общества.— М., 1983.— С. 164—176.

48. Петри Б. Э. Ближайшие задачи этнологии в Прибайкалье и Иркутский государственный университет // Университетское слово.— 1922, 1923.— № 12—14.

49. Петри Б. Э. Далекое прошлое бурятского края.— Иркутск, 1922.— 43 с.

50. Петри Б. Э. Далекое прошлое Прибайкалья (научно-популярный очерк).— Иркутск, 1928.— 73 с.

51. Петри Б. Э. Доисторические кузнецы в Прибайкалье // Наука и просвещение.— Чита, 1923.— № 1.— С. 21—39.

52. Петри Б. Э. Древности оз. Косогола (Монголия) // Бюл. Иркут. фил. Всесоюз. науч. Ассоциации Востоковедения.— Иркутск, 1926.— № 1.— С. 92—100.

53. Петри Б. Э. Задачи дальнейшего исследования туземцев Сибири и метод обследования целых народностей // Тр. 1-го Сиб. краев. науч.-исслед. съезда.— Новосибирск, 1928.— Т. 5.— 5 с.

54. Петри Б. Э. Задачи этнологической секции ВСОРГО.— Иркутск, 1923.— 11 с.

55. Петри Б. Э. Заметка об Ординском озере // Красные зори.— 1923.— № 1.— С. 36—37.

56. Петри Б. Э. Неолитическая колония в бухте «Песчаная» на Байкале // Сб. тр. профессоров и преподавателей Иркут. гос. ун-та.— Иркутск, 1921.— Отд. 1.— Вып. 2.— С. 56—65.

57. Петри Б. Э. Неолитические находки на берегу Байкала: Предварительное сообщение о раскопках стоянки Улан-Хада // Сб. Музея антропологии и этнографии АН.— Пг., 1916.— Т. 3.— С. 113—132.

58. Петри Б. Э. Отчет Б. Э. Петри о командировке на Байкал в 1916 г. // Отчет о деятельности Академии наук по отделению физ.-мат. наук, истории и филологии.— Пг., 1916.— 7 с. (отд. оттиск).

59. Петри Б. Э. Первые следы доисторического человека в Сибири // Вестник просвещения / Мин. нар. просвещ. Дальневост. republ.— Чита, 1922.— Вып. 2.— С. 1—12.
60. Петри Б. Э. Программа исследования стоянок под открытым небом.— Иркутск, 1923.— 15 с.
61. Петри Б. Э. Сибирский неолит.— Иркутск, 1926.— 39 с.
62. Петри Б. Э. Сибирский палеолит // Тр./Иркут. гос. ун-т, 1923.— Т. 5.— С. 209—253.
63. Петри Б. Э. Сокровища бронзового века: научный очерк // Власть труда.— 1927.— № 5.
64. Петри Б. Э., Михайлов В. А. Вторая поездка в Предбайкалье // Изв. Рус. Ком. для изучения Средней и Восточной Азии.— Пг., 1914.— Сер. 2.— Вып. 3.— С. 89—106.
65. Петри Б. Э., Михайлов В. А. Среди кудинских бурят: Отчет о командировке Б. Э. Петри и В. А. Михайлова // Изв. Рус. ком. для изучения Средней и Восточной Азии.— Пг., 1913.— Сер. 2.— Вып. 2.— С. 92—110.
66. Подгорбунский В. И. Вопросы археологических изысканий в пределах Прибайкалья и прилегающих к нему районов // Тр. 1-го Сиб. краев. науч.-исслед. съезда.— Новосибирск, 1928.— Т. 5.— С. 226—236.
67. Подгорбунский В. И. Итоги и задачи археологических изысканий в пределах Восточной Сибири // Сибирская живая старина.— 1925.— Вып. 3—4.— С. 321—322.
68. Подгорбунский В. И. К вопросу об изучении стоянок Торской и Тункинской котловины // Сб. тр. профессоров и преподавателей ИГУ.— Иркутск, 1923.— Вып. 4.— С. 198—208.
69. Подгорбунский В. И. К вопросу о пиктографии доисторического населения Сибири // Тр. об-ва естествоиспытателей при Казанском университете.— 1916.— Вып. 4.— Т. 18.— 34 с.
70. Подгорбунский В. И. Раскопки в Горохово — окрестности Иркутска летом 1924 г. // Изв. ВСОРГО.— 1928.— Т. 54.— С. 94—102.
71. Попов А. В. Очерк палеоэтнологических исследований и достижений ВСОРГО за 75 лет (1851—1926 гг.) // Изв. ВСОРГО.— 1926. Т. 50.— Вып. 1.— С. 43—59.
72. Прягин А. Д. Первый период развития советской археологии // Проблемы древних культур Сибири.— Новосибирск, 1985.— С. 5—16.
73. Савельев Н. А., Сизиков А. М., Филимонова Л. А. Геология и возраст рыхлых отложений многослойного археологического памятника в бухте Улан-Хада // Древняя история народов юга Восточной Сибири.— Иркутск, 1975.— Вып. 3.— С. 121—142.
74. Сирина А. А. Б. Э. Петри (к вопросу о становлении Иркутской школы советской археологии и этнографии) // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири.— Иркутск, 1986.— С. 30—33.
75. Сосновский В. И. Неолитическая стоянка у села Суховского // Изв. ВСОРГО.— 1926.— Т. 51.— С. 150—152.
76. Сосновский Г. П. Заметки по археологии Прибайкалья (из отчета о поездке в Балаганский уезд Ирк. губернии, совершенной летом 1921 года) // Изв. ВСОРГО.— 1926.— Т. 51.— С. 145—149.
77. Сосновский Г. П. Итоги работ Бурят-Монгольского археологического отряда Академии наук СССР в 1928—1929 гг. // Проблемы Бурят-Монгольской АССР.— М.; Л., 1936.— Т. 2.— С. 318—321.
78. Сосновский Г. П. К археологии Ангарского края // Сибирская живая старина.— 1923.— Вып. 1.— С. 154—178.
79. Сосновский Г. П. Остатки доисторического прошлого у села Распутина на реке Ангаре (Из предварительного отчета о поездке в Балаганский уезд Иркутской губернии, совершенной в 1921 г. по поручению Иркутского музея).— Иркутск, 1922.— С. 1—6.
80. Титов Е. И. Неолитическая стоянка на крайнем севере Байкала // Изв. ВСОРГО.— 1926.— Т. 51.— С. 163—165.
81. Федосеева С. А. Ымяхтахская культура Северо-Восточной Азии.— Новосибирск, 1980.— 224 с.
82. Формозов А. А. Страницы истории русской археологии.— М., 1986.— 238 с.
83. Формозов А. А. Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке.— М., 1959.— 126 с.

84. Фосс М. Е. О терминах «неолит», «бронза», «культура» // КСИИМК.— 1949.— № 29.— С. 33—47.
85. Хлобыстин Л. П. Древние культуры побережья оз. Байкал (каменный и бронзовый века): Автореф. ... канд. ист. наук.— Л., 1964.—17 с.
86. Хлобыстин Л. П. Многослойное поселение Улан-Хада на Байкале (по материалам раскопок Б. Э. Петри) // КСИА.— 1964.— Вып. 97.— С. 25—32.
87. Ходукин Я. Н. Материалы к археологии реки Илама // Изв. ВСОРГО.— 1928.— Т. 53.— С. 115—123.
88. Хороших П. П. Древности Кудинских степей // Бурятоведение.— 1929.— № 1—2.— С. 142—151;— 1930.— № 3—4,— С. 85—100.
89. Хороших П. П. Исследования каменного и железного веков Иркутского края (остров Ольхон) // Изв. БГНИИ при ИГУ.— 1924.— Т. 1.— Вып. 1.— 50 с.
90. Хороших П. П. К палеонтологии Прибайкалья // Университетское слово.— 1923.— № 10.
91. Хороших П. П. Материалы по археологии Прибайкалья (Археологические экскурсии в окрестности Иркутска) // Изв. БГНИИ при ИГУ.— 1926.— Т. 3.— Вып. 1.— С. 33—38.
92. Хороших П. П. О составлении археологической карты Сибири // Тр. 1-го Сибирского краев. науч.-исслед. съезда. Новосибирск.— 1926.— Т. 5.— С. 237—246.
93. Хороших П. П. Остатки далекого прошлого в Аларской степи // Изв. ВСОРГО.— 1926.— Т. 51.— С. 119—123.
94. Шамгун-Эффенди. Археологические раскопки // Наше дело.— 1919.— 27 авг.
95. Штернберг Л. Я. Д. Н. Анучин как этнограф // Этнография.— 1926.— № 1.— С. 7—13.
96. Этнологические исследования при Иркутском государственном университете за трехлетие 1919—21 гг. // Наука и ее работники.— 1922.— № 5.— С. 22—23.
97. Архив ИГУ, оп. 17, личное дело Б. Э. Петри.— 25 л.
98. Архив ИРОМ.— Ф. 9904.
99. Архив ЛОИА АН СССР.— Ф. 1, 2, 42.
100. ГАИО.— Ф. 565, оп. 1, д. 13 — л. 11, 30, 169—170; д. 16, л. 8—14, 26—29, 53—54; ед. хр. 317.
101. МАЭ, кол. 2226/г, с. 34.
102. G. Merhart. New Literatur iiber die Steinzeit Sibiriens // Wiener Prähistorische Leitschrift.— Wien, 1924.— S. 139—148.
103. G. Merhart. Sibirien Neolitikum // Reallexikon der Vergeschichte.— Berlin, 1928.— Bd. 12.— S. 57—70.

**Н. Н. Мамонова,
В. И. Базалийский**

МОГИЛЬНИК «ЛОКОМОТИВ». НЕКОТОРЫЕ БИОЛОГИЧЕСКИЕ И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ КИТОЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 1980—1984 ГОДОВ)

Моги́льник «Локомотив», являющийся в настоящее время опорным памятником в изучении китайской культуры, находится на левом берегу Ангары в Свердловском районе Иркутска. Его территория охватывает террасовидный участок северо-восточного склона 120-метровой высоты при слиянии Иркутта и Ангары. Относительные отметки участка колеблются в пределах 39—50 м. Подошва, предподошва

и поверхность речной приустьевой террасы I переработаны или полностью уничтожены при строительстве различных городских объектов и железной дороги. В древности весь 3-километровый участок в простирании северо-восточного фаса высоты от минимальных 6—8-метровых до максимальных 40—42-метровых отметок был местом интенсивного захоронения.

Первую группу погребальных комплексов в 1928 г. раскопал М. М. Герасимов под руководством Б. Э. Петри. Хорошо документированные материалы дали возможность автору раскопок в 1955 г. выступить с пересмотром и дополнением схемы развития неолитических культур Прибайкалья, предложенной А. П. Окладниковым в 1937—1950 гг. [4].

В 1947—1970 гг. в парке им. Парижской коммуны, на ул. Маяковского и Дзямбула проводились крупные земляные работы, связанные с перепланировкой дорожного полотна, выравниванием откосов, прокладкой коммуникаций и рытьем котлованов под строительство различных объектов. На всех упомянутых участках было вскрыто свыше 24 погребений. Раскопки проводили П. П. Хороших, Л. Н. Иваньев, А. И. Казанцев. В исследованиях 1958—1970 гг. принимали участие Г. И. Медведев, В. В. Свинин, М. П. Аксенов, Г. М. Зайцева (Георгиевская), Н. А. Савельев. Наибольшее количество могил находилось на площадке под строительство электроподстанции в парке им. Парижской коммуны [12; 13, с. 34—35; 16, с. 84—98].

В этот период систематические исследования на могильнике не проводились. Экстренные раскопки осенью 1980 г. явились следствием земляных работ по прокладке телефонных коммуникаций. Траншеями одновременно были вскрыты несколько погребений у здания Свердловского райисполкома и возле северной — северо-западной стороны ограды электроподстанции, т. е. практически на площади раскопок 1948 г. Пункты у подстанции и райисполкома разделяло расстояние в 70 м. Раскопки возглавили Г. И. Медведев и Н. А. Савельев. При обследовании территории выяснилось, что могилы располагаются группами на невысоких буграх восточного борта распадка, пересекающего парк им. Парижской коммуны и ул. Маяковского с севера — северо-востока на юг — юго-запад.

В период исследований 1980—1984 гг. было вскрыто 33 могилы, из которых 5 находилось на ул. Маяковского, а остальные в парке: 27 у электроподстанции и одна в конце центральной аллеи, возле стадиона «Локомотив», на месте раскопок М. М. Герасимова.

Могилы грунтовые. На современной поверхности не прослеживаются. Захоронения совершались в овальных или прямоугольных в плане ямах, глубиной 0,4—2,5 м. Ямы заложены с уровня красновато-бурого суглинка голоценового климатического оптимума (0,2—0,25 м от современной поверхности) [3, с. 124—125]. Погребения были одиночными, парными и коллективными (рис. 30).

В одиночных могилах погребенные находились в 24 случаях в вытянутом положении, на спине, в одном — в вытянутом положении на животе и в одном — на спине с подогнутыми ногами. Большинство погребенных головой ориентировано на северо-восток.

Сопровождающий инвентарь укладывался в могилы, видимо, в сумках, так как расположен компактными группами, чаще всего за головой, возле рук и в области таза, реже — в ногах. Количество предметов в погребениях различно. В одних погребениях по нескольку сотен вещей, в других — десятки, в третьих — единицы, и в некоторых могилах инвентарь отсутствовал вообще.

В парном захоронении погребенные находились в просторной могильной яме в вытянутом положении, на спине. Ориентирована могила на северо-восток. Погребальный инвентарь составили подвески из клыков кабана и марала, вкладышевое лезвие, а также необработанные длинные кости и позвонки косули.

Большой интерес представляет третий вид могил (коллективные), обладающий рядом специфических черт. Во-первых, судя по контурам могильных ям и положению костяков, захоронения в каждой отдельной могиле совершались одновременно. Во-вторых, могильные ямы, если учитывать количество погребенных, очень маленькие, и создается такое впечатление, что покойников в них втискивали с большим трудом. В-третьих, номенклатурный набор предметов ограничен украшениями, остриями, наконечниками стрел и составными двухпазовыми кинжалами. Исключение составляет только погребение № 3 «Райсовет», в котором в просторной могильной яме были похоронены двое взрослых и ребенок. Один из взрослых и ребенок ориентированы на северо-восток, а второй взрослый — по антитезе к ним — на юго-запад. Номенклатурный набор вещей здесь представлен большим количеством заготовок, игольниками, скульптурой. И, в-четвертых, у основной массы скелетов отсутствовали черепа.

В погребениях № 2 и № 10 «Локомотив» находилось по 4, а в погребениях № 24 и № 25, соответственно, по 5 и 6 костяков. Они лежали по двое в ряду так, что верхняя пара частично или полностью перекрывала нижележащую. Каждая пара была ориентирована по отношению к другой в противоположную сторону по антитезе, на северо-восток и юго-запад.

В погребении № 14 обнаружено 5 костяков, которые были ориентированы на северо-восток. Здесь принципа попарного расположения не наблюдалось. Внизу лежал скелет взрослого, а на нем находилось 4 костяка молодых индивидуумов.

Погребение № 22 содержало останки восьми человек. Ориентировка здесь также антитезная. Вследствие более позднего нарушения, план могилы представляется очень своеобразным. У основной массы скелетов частично отделены длинные кости и ребра. Кости были аккуратно сложены у юго-восточной стенки, а ребра разбросаны по всей площади могилы. Непотревоженными остались позвоночные столбы и кости таза и в отдельных случаях — кости грудной клетки.

Все захоронения были интенсивно окрашены охрой.

Стратиграфия и радиоуглеродные датировки свидетельствуют о ранненеолитическом возрасте погребений [11, с. 15—20].

Материалы из могильника позволяют произвести многоплановый анализ демографических данных: общие половозрастные соотношения, динамика соотношений мужских и женских захоронений по возрастным группам, определение средней продолжительности жизни, выявление связи возраста смерти с различными заболеваниями, бытовыми травмами и убийствами (следами насильственной смерти, возможно, являются застрявшие в костях наконечники стрел или их беспорядочное расположение в области таза, груди и суставов, направленных жалцами к поверхности кости), определение половозрастного состава предварительно обезглавленных погребенных, классификация групповых погребений по половозрастному составу.

Определение пола и возраста проводилось по принятой в антропологии методике [1, 6, 15].

Критериями определения возраста являлись степень облитерации швов, состояние компакты черепа и посткраниального скелета. Степень стертости зубов учитывалась с известной осторожностью, поскольку ее интенсивность определяется не только возрастом, но и целым рядом других факторов. Возраст детей, подростков и юношей определялся по порядку прорезывания и смены зубов, а также по степени окостенения скелета.

При определении средней продолжительности жизни по А. Г. Козинцеву, середину возмужалого возраста составляли 27,5 лет, зрелого — 45, старческого — 57,5 и 67,5 лет; детский и юношеский возраст определялись индивидуально [9]. В. П. Алексеев использовал несколько иные значения: для взрослых, соответственно — 30, 45 и 65 лет, для юношеского возраста — 18 лет, для первого детства (*Infantilis I*) — 4 года, для второго детства (*Infantilis II*) — 10 лет [2].

Демографические подсчеты проводились для группы в целом, а также по отдельности для одиночных и групповых погребений. Пять погребений могильника, раскопанных у останки «Райсовет», и 28 погребений у подстанции и стадиона объединены в одну, общей численностью группы, — 33 могилы, в которых находилось 62 костяка (табл. 1). В 25 (75,8 %) могилах было по одному костяку, в 8 (24,2 %) — от двух до восьми. Таким образом, в одиночных погребениях было похоронено 25 индивидуумов (одно погребение бронзового века): в групповых — 37, составивших, соответственно, 40,3 и 59,7 % от общего числа погребенных.

По половозрастному составу групповые погребения можно подразделить на совместные погребения взрослых и на совместные погребения взрослых и детей. В первой группе были обнаружены совместные захоронения мужчин и женщин, близких по возрасту, или женщина была моложе мужчины. Это были либо парные, либо четверные захоронения. В одном из захоронений были обнаружены три женских и два мужских костяка. Во второй группе совместных захоронений взрослых находились только костяки мужчин зрелого и возмужалого возраста, среди них были двойные и четверные погребения (табл. 2). В совместных погребениях взрослых и детей обнару-

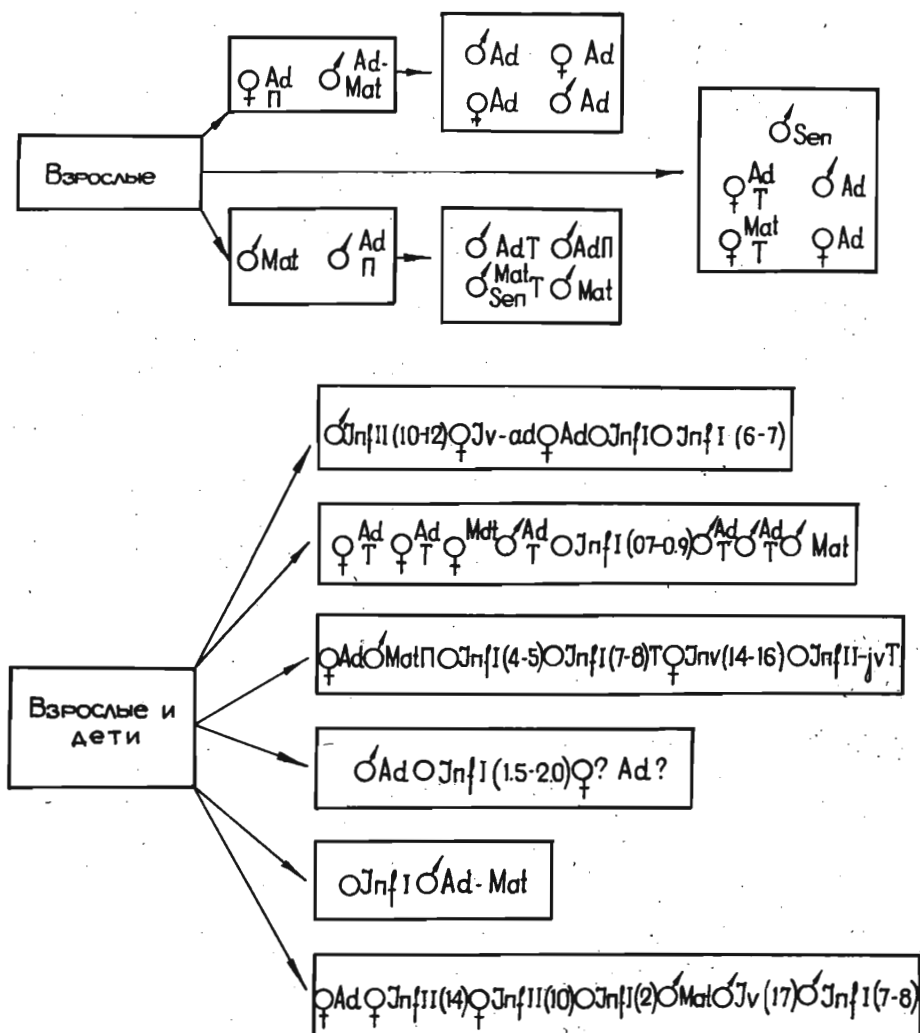
Распределение индивидуумов по полу, возрасту
и количеству в каждой отдельной могиле

Таблица 1

 Ad (35-45) _П P-1	 Ad (20-25) P-2	Жнf I P-4	Жнf I P-5	 Ad (20-25) _П Л-1
Жнf I (0.7-0.9) Л-3	 Mat †(45-55) Л-4	 Mat (50-60) Л-6	 Mat-Sen † Л-7 П	 Mat-Sen † Л-8 П
 Ad (30-35) Л-9	 Mat-Sen Л-11	 Ad-Mat † Л-12 Т	 Ad (20-25) Л-13	 Ad-Mat Л-15
 Ad Л-16	 ?Ad † Л-17	 Sen † Л-18 ПТ	 Mat † Л-19 П	 Mat † Л-21
 Ad (20-25) Л-23	 Mat Л-26	 jv-Ad Л-27	 Mat † Л-28	 Max † Л-29 П
 Ad Жнf I (1.5-2.0) Ad † P-3		 Ad Ad Ad Ad Ad Ad Ad Ad Ad Ad † Л-2 Ad Ad Ad † Л-10		
П Ad Mat † Л-20		Т Mat Т ?Ad ?Ad Жнf I (0.7) Ad Ad Mat † † † † † Л-22		
 Жнf I (11-13) jv-ad Ad Жнf I (6-7) Жнf I Ad † П П † Л-14		 Ad Mat † Жнf I (4-5) Жнf I (7-8) Т † jv (14-16) Жнf ? Т † Л-24		
		 Sen Ad Ad Т † Mat Ad Т † Л-25		

Условные обозначения: П — патология, Т — насильственная смерть; Р — памятник «Райсовет»; Л — памятник «Локомотив».

Половозрастная структура, Групповые погребения.
(Локомотив, Циклодром, Китой, Фофаново)

жены различные половозрастные сочетания: в одном из погребений, раскопанных П. П. Хороших, костяк ребенка был обнаружен вместе с мужским костяком; такое же сочетание было и в погребении № 3 «Райсовет». В тройном захоронении костяк ребенка 1,5—2 лет лежал между мужским и женским костяками людей возмужалого возраста. В погребении № 24 совместно с костяками мужчины и женщины обнаружено 4 костяка детей от 4—5 лет до юношеского воз-

Основные половозрастные соотношения*

Погребенные	В целом	Одиночные	Групповые
Мужчины	27(43,5)	12(48,0)	15(40,5)
Женщины	23(37,1)	10(40,0)	13(35,4)
Дети	12(19,3)	3(12,0)	9(24,3)

* В скобках указан процент от общего числа индивидуумов для каждой группы погребений.

раста. Очень близкое по половозрастному составу погребение раскопано в Фофановском могильнике [5, с. 26, 28].

Анализ распределения погребенных по полу и возрасту позволяет говорить, что количество мужских захоронений незначительно преобладало над количеством женских (табл. 3, рис. 31). Величины коэффициентов соотношения полов в суммарной группе — 1,27, в одиночных погребениях — 1,2, в групповых — 1,15. Детские захоронения составляли около 20 %, причем четко выражены различия в их распределении между одиночными и групповыми могилами (табл. 3).

Распределение взрослых по возрастным категориям выявляет необычные для древних могильников соотношения: наибольшая частота распределения и в мужской, и в женской группах приходится на категорию возмужалого возраста, достигая около 60 %. Обычно в древних погребениях у мужчин максимум приходится на зрелый возраст, у женщин — на возмужалый. Необычно и то, что частота распределения в категории зрелого возраста в женской группе выше, чем в мужской (табл. 4, рис. 32). Обращает на себя внимание и различие в распределении мужских и женских захоронений по возрастным группам между одиночными и групповыми могилами: в одиночных могилах у мужчин максимум распределения приходится на возмужалый возраст, у женщин — на зрелый, при относительно небольшой частоте распределения в категориях возмужалого возраста. В групповых погребениях в обеих половых группах наибольшая частота распределения приходится на возмужалый возраст: у мужчин достигает почти 69,7 %, у женщин — 84,6 % (табл. 4, рис. 32). Динамику соотношения мужских и женских захоронений по возрастным группам наглядно демонстрирует коэффициент отношения полов (табл. 4).

Распределение детских индивидуумов по возрастным группам типично для древних погребений, где всегда наибольший процент детской смертности приходится на период раннего детства, что, как известно, связано с неблагополучными родами и периодом вскармливания детей младенческого возраста и первых лет жизни (табл. 5). Общая половозрастная структура представлена в табл. 6 и соответствующим ей графиком (рис. 32), где основания прямоугольников

Распределение по полу и возрасту взрослых индивидуумов в погребениях*

Возраст	В целом			Одиночные			Групповые		
	♂	♀	КОП	♂	♀	КОП	♂	♀	КОП
Adultus	17(16,7)	13(59,1)	1,31						
Maturus	8(28,6)	8(36,4)	1,0	6(50,0)	3(30,0)	2,00	10(66,7)	11(84,6)	0,91
Senilis	3(10,7)	1(4,5)	3,0	5(41,7)	6(56,0)	0,83	3(20,0)	2(15,4)	1,50
В целом	28	22	1,27	1(3,3)	1(10,0)	1,00	2(13,3)	—	—
				12	10	1,20	15	13	1,15

* В скобках указывается процент от общего числа индивидуумов данного пола в данной группе погребений. КОП — коэффициент отношения полов.

Таблица 5

Детские и юношеские погребения*

Раннее детство Infantilis I		Второе детство Infantilis II		Юношеский Juvenis	
возраст, год	кол-во, %	возраст, год	кол-во, %	возраст, год	кол-во, %
0—1	2(20,0)	8—9	—	14—15	—
2—3	2(20,0)	10—11	—	16—17	1
4—5	4(40,0)	12—13	1	18—19	—
6—7	2(20,0)				
В целом	10(83,3)		1(8,3)		1(8,3)

* В скобках указана процент от общего числа индивидуумов в каждой возрастной категории, а также процент в детской группе в целом.

Таблица 6

Общие половозрастные соотношения*

Возраст	Дети	♂	♀	♂ + ♀
Infantilis I	10(16,1)			
Infantilis II	1(1,6)			
Juvenis	1(1,6)			
Adultus		16(25,8)	14(22,6)	30(48,4)
Maturus		8(12,9)	8(12,9)	16(25,8)
Senilis		3(4,8)	1(1,6)	4(6,5)

* В скобках дан процент от общего числа индивидуумов.

Таблица 7

Средняя продолжительность жизни (по Козинцеву)

Погребенные	В целом	Одиночные	Групповые
Мужчины	35,7—36,8	37,8—38,1	34,5—35,8
Женщины	35,2—35,7	41,0—42,0	30,4
С учетом детей и юношей	29,7—29,9	34,5—34,9	26,5—27,0

пропорциональны продолжительности возрастных периодов.

Как выявил анализ общих половозрастных соотношений, из 62 индивидуумов, захороненных в могильнике, только 16 (25,8 %) дожили до зрелого и 4 (6,5 %) до старческого возраста. Среди взрослых 30 (60 %) умерли в возмужалом возрасте, 16 (32 %) — в зрелом и 4 (8 %) достигли старческого возраста. Динамика смертности среди мужского и женского населения отражена в табл. 7 и на рис. 33.

Средний возраст жизни колебался в пределах 30—31 года. Это несколько завышенная величина для древних могильников Приангарья и, вероятно, объясняется небольшим количеством детских захоронений. Обращает на себя внимание почти одинаковый возраст

Средняя продолжительность жизни (по Алексееву)

Погребенные	В целом	Одиночные	Групповые
Мужчины	38,0	39,2	37,2
Женщины	37,1	42,5	32,5
С учетом детей и юношей	31,4	35,8	28,1

смерти мужчин и женщин. Обычно разница в возрасте смерти составляла 4—5 лет, при этом возраст смерти женщин характеризовался меньшей величиной.

И еще одно обстоятельство требует разъяснения — различия в возрасте смерти мужчин и женщин, особенно женщин, обнаруженных в одиночных и групповых погребениях. В групповых погребениях возраст смерти значительно ниже, чем в одиночных (табл. 7—8, рис. 33). В связи с этим особый интерес представляет анализ костяков, на которых были обнаружены патологические изменения костей и следы возможной насильственной смерти (табл. 9). Оказалось, что в одиночных погребениях на 8 костяках обнаружены патологические изменения костей. Большинство из таких костяков принадлежало людям зрелого или старческого возраста. Патология зафиксирована на двух костяках мужчин возмужалого возраста, одном — зрелого и одном — старческого возраста. В женской группе три костяка принадлежали женщинам зрелого и один — женщине старческого возраста.

Бесспорные следы насильственной смерти обнаружены только на одном скелете, принадлежавшем женщине зрелого или старческого возраста (табл. 9 п. 18). Небольшое отверстие, обнаруженное на черепе этой женщины, могло появиться от удара при жизни, но могло образоваться и посмертно (костяк плохой сохранности).

В групповых погребениях патологические изменения отмечены на четырех костяках. На двух мужских костяках пятый поясничный позвонок на одной стороне частично сросся с крестцом, а на другой образовались дополнительные сочленованные площадки. Такого рода патология встречается только на мужских костяках.

Косвенные следы насильственной смерти прослеживаются на 10 костяках взрослых (табл. 10). В основном они принадлежали мужчинам молодого возраста, реже женщинам, тоже молодым, прослежены они и на двух костяках людей юношеского возраста. На одном детском костяке отсутствовали предплечья обеих рук, в то время как плечевые кости были тесно прижаты к телу (возможно частичное расчленение трупа?). Таким образом, около 35 % взрослых индивидуумов, погребенных в групповых могилах, погибли в возмужалом возрасте, свидетельством чему явились явные следы насильственной смерти.

Таким образом, в одиночных погребениях наибольший процент составляли костяки с явными патологическими изменениями. Они принадлежали в основном людям зрелого или старческого возраста.

Таблица 9

Патологические изменения и следы насильственной смерти (одиночные погребения)

Могильник, номер погребения	Пол, возраст	Патологические изменения кости	Следы насильственной смерти
Райсовет, 1	♂ Mat (35—40)	Изменения на правой ключице и позвонках поясничного отдела (щель между 1-2 позвонками)	
Локомотив, 1	♂ 17 Ad (20—25)	Ранняя облитерация швов (не соответствует степени стертости зубов)	
Локомотив, 7	♀ Sen	Истончение (резорбция) кости в области брегмы	
Локомотив, 8	♂ Sen	Деформация обоих суставных отростков нижней челюсти	Пробита головка левой плечевой кости
Локомотив, 12	♀ Ad. mat		
Локомотив, 16	♂ Ad	Изменения в области правой глазницы, лобного отростка скуловой кости и восходящей ветви нижней челюсти	
Локомотив, 18	♀ Mat—Sen	Резко выражена деформация верхних элифизов бедренных костей, изменения на многих костях. Прижизненно утрачены все коренные зубы	На левой теменной кости небольшое отверстие, от которого расходятся трещины
Локомотив, 19	♀ Mat	Изменения в области правого крыла нижней челюсти	
Локомотив, 29	♀ Mat	Патология в области мандибулярного отверстия правой ветви нижней челюсти	
Локомотив, 20-л (Хороших, 1948)	♀ Mat (40—45)	Отслаивание компакты на обширных участках черепа	Левая теменная кость проломана

Патологические изменения и следы насильственной смерти (групповые погребения)

Погребение	Возраст	Патологические изменения кости	Следы насильственной смерти
Локомотив, 10, к. 1	♂ Ad		Позвонки пробиты наконечниками стрел
к. 2	♂ Ad	На 5-м поясничном позвонке и на крестце дополнительные суставные площадки	
к. 4	♂ Mat		Скопление наконечников справа и слева от 15, 16, 17, 18 позвонков, между 14 и 15, около верхнего эпифиза левой локтевой
Локомотив, 14, к. 5	Inf I (2-2,5)	На левом скуловом отростке округлое отверстие, края облитерированы	
Локомотив, 20, к. 2.	♀ Ad	Искривление грудной части позвоночника (горб), саблевидная форма ребер	Грудные позвонки пробиты стрелами
Локомотив, 22, к. 1, к. 2, к. 3	3 ♂ Ad		Наконечники стрел в позвонках
Локомотив, 22, скопление костей	2 ♀ Ad		
Локомотив, 24, к. 1	♀ Mat ♂ Mat	5 поясничных позвонков справа срослись с крестцом, слева образовались дополнительные сочлененные площадки	
Локомотив, 24, к. 4	Inf I (7-8)		Нет костей обоих предплечий, плечевые плотно прижаты к туловищу
Локомотив, 24, к. 5	♂ Jv (14-16)		Наконечники под грудными и поясничными позвонками. Грифельная кость лоса между седалищными костями (проткнуто насквозь)

1	2	3	4
Локомотив, 25, к. 1	♀ Ad		Наконечники стрел на ребрах и подвздошной кости — все с правой стороны
Локомотив, 25, к. 3	♀ Ad		Наконечники стрел под подвздошной костью, один застрял в головке правой плечевой кости
Локомотив, 25, к. 4	♂ ? Ad		Наконечники стрел справа и слева от позвоночника и между позвонками, острием направлены к кости
Циклодром, 3, к. 2 (Герасимов, 1928)	♂ Ad (30—35)	Перелом плечевой и обеих бедренных костей, начался процесс срастания, правое бедро срослось неправильно	

**Распределение костяков взрослых с патологическими изменениями
костей и следами насильственной смерти***

Аномалия	Одиночные (22 погр.)	Групповые (28 погр.)	В целом (50 погр.)
Патологические изменения	8 (36,4)	3 (14,3)	11 (22,0)
Следы насильственной смерти	2 (9,1)	10 (35,7)	12 (24,0)

* В скобках указан процент от общего числа индивидуумов каждого типа погребений.

Следы насильственной смерти зафиксированы на двух костяках. На одном скелете, бесспорно, на втором — вероятно (табл. 11).

В групповых погребениях отмечаются обратные соотношения: около 36 % составляли костяки молодых субъектов со следами насильственной смерти и лишь 14 % костяков, принадлежавших также людям возмужалого возраста, имели резко выраженные патологические изменения позвоночного столба.

И, наконец, как уже говорилось выше, в этом могильнике были обнаружены костяки (табл. 12) предварительно обезглавленных трупов. Из них 3 находились в одиночных могилах и 25 — в групповых. В ряде случаев установлено, что отчленение головы производилось ниже 2—3 шейных позвонков.

Из материалов, представленных в табл. 13, следует, что в одиночных погребениях обезглавленные костяки составляли всего 13,6 %, тогда как в групповых на их долю приходилось 83,3 % (детские индивидуумы в подсчеты не включались, поскольку среди них не было обезглавленных). Из этой же таблицы следует, что абсолютное количество женских и мужских обезглавленных костяков почти одинаково, однако их доля в каждой из половых групп различна. В женских группах процент обезглавленных костяков выше, чем у мужских (табл. 14). Наконец, на 13 из 28 обезглавленных костяков были зафиксированы явные следы насильственной смерти, что составило 46,4 % от общего количества обезглавленных погребенных.

Таким образом, в результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы: 1) в могилах мужские захоронения незначительно преобладали над женскими; 2) детские захоронения составляли около 20 % от общего числа погребенных; 3) в обеих половых группах преобладали захоронения людей возмужалого возраста (около 60 %), в женской группе это отчасти может объясняться и деторождением, хотя в могильнике прямых доказательств этому нет, а частично насильственной смертью; 4) в мужской — в большей степени насильственной смертью; 5) в детской группе наибольший процент смертности приходился на младенческий возраст и период первых лет жизни; 6) средний возраст мужчин — 35,7—36,8 лет, женщин — 35,2—35,7 лет, группы в целом, включая детей, — 29,7—29,9; 6) на костях 23 (46,0 %) скелетов зрелых субъектов отмечены патологические

Таблица 12

Распределение обезглавленных костяков

Погребение	Одиноч- ное	Групповые							
		1	2	3	4	5	6	7	8
Локомотив, 12	♀ Mat								
Локомотив, 17	♀ Ad								
Локомотив, 26	♀ Mat								
Райсовет, 3		♀ Ad		♂ Ad					
Локомотив, 2		♂ Ad	♀ Ad	♀ Ad	♂ Ad				
Локомотив, 10				♂ Mat	♂ Mat				
Локомотив, 14		♀ Ad							
Локомотив, 22		♂ Ad	♂ Ad	♂ Ad		♀ Mat	♀ Ad	♀ Ad	♂ Mat
Локомотив, 24		♀ Ad	♂ Ad						
Локомотив, 25		♀ Ad	♀ Ad	♀ Ad	♀ Ad				

изменения, а также следы насильственной смерти; 7) в могильнике обнаружено 28 обезглавленных костяков, что составляет 53 % от общего числа захоронений взрослых и людей юношеского возраста; 8) между одиночными и групповыми погребениями выявлены значительные различия в возрасте погребенных, в распределении детских костяков, распределении костяков со следами возможной насильственной смерти и патологических изменений и, наконец, в распределении обезглавленных костяков. В групповых погребениях возраст смерти погребенных меньше, в них сосредоточено основное количество детских захоронений, костяков со следами насильственной смерти, а также обезглавленных костяков.

**Распределение обезглавленных
(взрослых и юношеских) костяков***

Тип погребений	Кол-во	Мужчины	Женщины	Юноши	В целом
Одиночные	22	1(4,5)	2(9,1)		3(13,6)
Групповые	30	11(36,6)	12(40,0)	2(6,7)	25(83,3)
Суммарная группа	52	12(23,1)	14(26,9)	2(3,9)	28(53,0)

* В скобках указан процент от общего числа индивидуумов каждого типа погребений. Детские костяки из подсчета исключены.

Таблица 14

Распределение обезглавленных костяков по половым группам*

Тип погребений	Мужчины		Женщины	
	кол-во	обезглавленные	кол-во	обезглавленные
Одиночные	12	1(8,3)	10	2(20,0)
Групповые	16	11(68,75)	12	12(100)
В целом	28	12(42,6)	22	14(63,6)

* В скобках указан процент обезглавленных костяков в половых группах для каждого типа погребений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев В. П., Дебец Г. Ф. Краниометрия. Методика антропологических исследований. — М., 1965. — 128 с.
2. Алексеев В. П. Палеодемография СССР. — СА. — 1972. — № 1. — С. 3—22.
3. Воробьева Г. А. Голоценовые отложения и почвы Прибайкалья // История развития почв СССР в голоцене: Тез. докл. всесоюз. конф. — Пушино, 1984. — С. 124, 125.
4. Герасимов М. М. Основы восстановления лица по черепу. — М., 1955. — 600 с.
5. Герасимов М. М., Черных Е. Н. Раскопки Фофановского могильника в 1959 г. // Первобытная археология Сибири. — Л., 1975. — С. 23—48.
6. Добряк В. И. Судебно-медицинская экспертиза скелетирования трупа. — Киев, 1960. — 192 с.
7. Zubov A. A. Одонтология. Методика антропологических исследований. — М., 1968. — 198 с.
8. Кононова Т. Н. Отчет о спасательных раскопках неолитического могильника «Локомотив» в городе Иркутске. — Архив ИА АН СССР.
9. Козинцев А. Г. Демография тагарских могильников. — СЭ. — 1971. — № 6. — С. 148—153.
10. Мамонова Н. Н. Демография Улангомского могильника (саяно-тувинская культура V—III вв. до н. э.) // Археология и этнография Монголии. — Новосибирск, 1978. — С. 123—136.
11. Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Л. Возраст некоторых неолитических и энеолитических погребений Прибайкалья по радиоуглеродным данным // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: Итоги и перспективы: Тез. докл. к регион. конф. 13—15 окт. 1986 г. — Иркутск, 1986. — С. 15—20.
12. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Историко-археологическое исследование. — Ч. 1, 2. — Л., 1950 (МИА № 18). — С. 412.
13. Окладников А. П. Неолитические памятники Ангара. — Новосибирск, 1974. — 318 с.

14. *Окладников А. П.* Неолитические памятники Средней Ангары. — Новосибирск, 1975. — 318 с.

15. *Пашкова В. И., Резников Б. Д.* Судебно-медицинское отождествление личности по костным остаткам. — Саратов, 1978. — 320 с.

16. *Хороших П. П.* Неолитический могильник на стадионе «Локомотив» в г. Иркутске // Сибирский археологический сборник. — Новосибирск, 1986. — С. 84—94.

**Л. П. Зяблин,
А. В. Виноградов**

НЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ УЮК НА ЕНИСЕЕ

История археологического изучения Минусинской котловины насчитывает более двух с половиной столетий [19, с. 3; 5, с. 12]. За это время накоплен богатейший фактический материал, ярко характеризующий различные периоды древней истории края. Это позволило С. А. Теплоухову еще в 20-х гг. нашего столетия создать классификацию древних культур эпохи металла, которая с небольшими уточнениями по сей день служит эталоном для культурной и хронологической атрибуции памятников сопредельных территорий [49].

С первых шагов своего развития и до недавнего времени минусинская археология страдала однобокостью [40, с. 4; 24, с. 65]: многочисленные курганы, которые составляют неотъемлемую деталь пейзажа котловины, надолго приковали к себе внимание ученых, заслонив собой другие, не менее важные виды археологических памятников.

Степень исследования древних поселений в Минусинской котловине и сейчас продолжает оставаться неудовлетворительной. До недавнего времени эта диспропорция особенно остро ощущалась в наших знаниях о тех периодах истории, от которых не осталось либо мало осталось погребальных памятников. Прежде всего это эпоха камня.

В конце прошлого века местный краевед-любитель И. Т. Савенков проделал большую работу по сбору данных о каменном веке Минусинской котловины. До начала работ Палеолитического отряда Красноярской экспедиции (1960—1975) труд И. Т. Савенкова (1896) оставался едва ли не единственным в своем роде.

В 1920 г. разведка древних поселений по берегам Енисея от Озنانенного до Енисейска была организована Красноярским краеведческим музеем (Г. Мергарт, Г. П. Сосновский). Исследователи отметили бедность Минусинской котловины материалами эпохи камня и указали на необходимость детального изучения дюнных стоянок [35, с. 30]. Несколько позже обширные разведочные работы провел С. В. Киселев. Им наряду с многочисленными памятниками эпохи металла были выявлены следы каменного века [26]. В последующие десятилетия на страницах археологических изданий появлялись лишь

краткие сообщения об отдельных находках следов каменного века в этом регионе [3, 15, 41].

Особый размах археологическое изучение Минусинской котловины получило в связи со строительством Красноярской ГЭС. За десятилетие с небольшим количество исследованных памятников многих эпох увеличилось в несколько раз [16, 17], была открыта и исследована ранее не известная культура — окуневская [31, 32], наконец, усилиями Палеолитического отряда под руководством З. А. Абрамовой был ликвидирован важный пробел в наших знаниях: открыты и исследованы памятники верхнего палеолита [2] и даже еще более древнего периода [1, с. 211]. В этих условиях почти полное отсутствие сведений о неолите представлялось по меньшей мере странным. Археология сопредельных регионов знает массу примеров [18, с. 15; 6, с. 196], когда при раскопках курганов эпохи металла обнаруживался культурный слой более древнего поселения. Однако в Минусинской котловине при огромном объеме раскопочных работ памятники неолита оставались не изученными.

Открытие первых погребений «неолитического облика» не решило проблемы, но породило новые дискуссии [15, 16, 50, с. 51—54].

Чрезвычайно важное значение имели раскопки первого неолитического поселения у подножия горы Унюк на Енисее в 1967—1968 гг. Первая публикация материалов этого поселения [24] носит предварительный характер и вводит в научный оборот лишь отдельные компоненты комплекса, может быть, наиболее яркие, но не дающие адекватного представления о составе инвентаря унюкского неолита. Возможно, именно поэтому материалы Унюка стали привлекаться разными авторами для доказательства подчас диаметрально противоположных точек зрения [51, с. 101; 33, с. 24].

В последующие годы в Минусинской котловине была исследована целая серия неолитических памятников, одни из которых аналогичны Унюку, другие — резко отличны [29, 23, 25, 6, 7, 9, 10, 11], тем не менее унюкский комплекс по сей день остается наиболее представителем.

Древнее поселение у подножия горы Унюк в Краснотуранском районе было открыто сотрудником Саянской геоморфологической партии Московского университета С. А. Лаухиным. Памятник находился в юго-западной части обширной пойменной террасы правого берега Енисея в 2 км выше впадения реки Сыды. Коренной берег Енисея отстоял от реки на 400—800 м, на нем находился смешанный лес (сосна, широколиственные породы). Пойма, слегка заболоченная и поросшая черной полынью, подвергалась периодическим затоплениям весенними разливами Енисея. В ходе предварительного обследования было установлено, что памятник содержит два культурных слоя: нижний — неолитический — был отделен от верхнего — таштыкского — значительной стерильной прослойкой. Слои четко прослеживались в береговых обнажениях на протяжении более 500 м вдоль Енисея.

Раскопки поселения производились в 1967—1968 гг. во время заполнения Красноярского водохранилища и носили спасательный

характер. За два сезона была вскрыта площадь более 1000 м², кроме того, постоянно проводились сборы с разрушающихся участков берега. Еще до начала раскопок на всем протяжении памятника вдоль Енисея было выделено два участка, на которых проводились подъемные сборы — южный участок «А» и северный — «Б», границей служил четко обозначенный береговой мыс (рис. 34-1). На северном участке были заложены раскопы 1, 2 и 3, на южном — раскоп 4, на пограничном мысу — раскоп 5.

Неолитический слой залегал повсеместно на глубине 1—1,5 м, имея на разных участках неодинаковую мощность и насыщенность культурными остатками. В ряде случаев находки фрагментов глиняных сосудов, изделий из камня и фаунистические остатки были приурочены к остаткам очагов (рис. 34-11). В ходе раскопок вся толща культурных отложений была разбита на условные горизонты по штыкам, однако, как показал анализ распределения фрагментов отдельных неолитических сосудов, они залежали на различных уровнях, что связано, очевидно, с естественным перемещением в почвенном слое [18, с. 67—70].

Хозяйственно-бытовые комплексы поселения представлены остатками наземного жилища в раскопе 3 [24] (рис. 34-1) и очагами различной конструкции. Очаг, находившийся в уцелевшей части жилища (значительная часть его была смыта рекой), был сложен из крупных гранитных галек и имел круглую форму [24]. Гальки, так же, как и сохранившиеся внутри очага мелкие кости и отходы производства каменных орудий, несли следы длительного пребывания в огне. Здесь же были обнаружены фрагменты глиняного сосуда очень плохой сохранности.

Иную конструкцию имели очаги, расположенные вне жилищ: это были круглые очажные ямы диаметром около метра (рис. 34-11), заполненные на глубину 25—30 см сильно обожженной землей с углями, мелкими фрагментами костей, отходами производства каменных орудий и фрагментами глиняных сосудов; край очага в ряде случаев был выложен крупными гальками. Кроме того, в неолитическом горизонте раскопа 4 были выявлены многочисленные ямы, очевидно, хозяйственного назначения.

В составе каменного инвентаря поселения Унук — 1723 изделия и отходов их производства. Орудия немногочисленны и не составляют сколько-нибудь представительных серий. Технику расщепления характеризуют 1570 отщепов, осколков, чешуек и всего 27 микропластинок (рис. 35—3-9), в том числе одна — с мелкой краевой ретущью с вентральной стороны (рис. 35—7). Все орудия изготовлены на отщепах аморфных сочетаний, в редких случаях — на пластинчатых отщепах (рис. 35—2). Довольно часто утилизированы первичные отщепы (рис. 35 — 15; 37—4). В коллекции имеется всего два нуклеуса. Один из них по формальным признакам может быть назван клиновидным: он имеет четко оформленные латерали, киль, гребень; по фронту имеется три негатива снятий (рис. 35—11). Однако не исключено, что скалывание производилось не только с фронта, но со всех подходящих поверхностей: негативы снятий на латералиях

не носят характер подготовки нуклеуса, кроме того, высота фронта слишком мала для получения пригодных к использованию пластинок (рис. 35—11). Другой нуклеус представляет собой утилизированный обломок кремневого шлифованного топора. Внешне он похож на клиновидный (рис. 35—10), однако именно та поверхность, которая должна была бы быть фронтом клиновидного нуклеуса, сохранила шлифовку; скалывание же производилось с «латералей».

Такое малое количество нуклеусов в коллекции, небольшие размеры и аморфные очертания отщепов, высокий удельный вес первичных отщепов — все это заставляет предполагать, что скалывание их производилось с обычных речных галек. Таких расколотых галек в коллекции 49 экз. Они имеют различную форму и размеры и характеризуются 5—6 негативами снятий. Некоторые из галек, имеющие удлиненную форму, могли служить заготовками топоров, тесел или других орудий (рис. 38—1).

Из числа орудий наиболее многочисленны топоры и тесла, изготовленные с помощью шлифовки из кремнистого сланца, серпентина, нефрита (рис. 37—3, 5, 8, 10). Они имеют в подавляющем большинстве небольшие размеры (всего два тесла по длине больше 10 см) — (рис. 36—31; 37—5), трапециевидное или овальное поперечное сечение (рис. 37—10—12), в продольном сечении — форму более или менее асимметричного клина (рис. 36—30, 31; 37—1, 3, 5—12). Один фрагментированный нефритовый топор сохранил на поверхности следы пиления (рис. 37—9).

Пилы для распиловки нефрита — одна целая и четыре фрагментированные (рис. 38—2-5) — составляют важную отличительную черту комплекса поселения Унюк. Они свидетельствуют о том, что нефритовые топоры и тесла не являются предметом импорта из Прибайкалья, а производились здесь — в Минусинской котловине.

Сравнительно большую серию представляют наконечники метательного оружия, бифациально обработанные сплошной уплощающей ретушью. В их числе один крупный наконечник копия лавролистной формы [24], один наконечник дротика удлиненно-треугольной формы с прямым основанием (рис. 36—28) и пять фрагментов подобных наконечников, форму которых точно восстановить невозможно (рис. 36—29). Из наконечников стрел выделяется один, сравнительно крупный ланцетовидной формы с прямым основанием, бифациально обработанный тончайшей струйчатой ретушью (рис. 36—9). Другой подобный наконечник представлен фрагментом (рис. 36—19). Остальные 17 наконечников — мелкие, некоторые даже миниатюрные. Все они бифациально обработаны тонкой уплощающей ретушью; большинство имеет листовидную или миндалевидную форму (рис. 36—1-8), иногда с прямым основанием (рис. 36—11, 12, 15, 16). Один наконечник имеет треугольную форму с прямым основанием (рис. 36—10). Единственное в коллекции острие имеет миндалевидную форму и бифациальную обработку полукруглой ретушью (рис. 36—26).

Бифациальной струйчатой ретушью обработаны пять вкладышей для составных орудий (рис. 36—21-23).

Значительную серию среди каменных орудий поселения Унюк представляют ножи (16 экз.) Форма их достаточно разнообразна и подчинена форме заготовки. По характеру обработки выделяются однолезвийные ножи с прямым или вогнутым лезвием, обработанные односторонней краевой дорсальной ретушью (рис. 35—19, 13, 15, 16); однолезвийные ножи с двусторонней краевой ретушью (рис. 35—14, 17, 18); двулезвийные с двусторонней краевой ретушью (рис. 35—20—24); двулезвийные бифациально обработанные (рис. 35—1, 12). Особое место занимают широкий шлифованный двулезвийный нож из нефрита (рис. 37—2), остроконечный двулезвийный нож на обломке шлифованного топора (рис. 37—4) и остроконечный двулезвийный крупный нож-кинжал, обработанный тонкой двусторонней ретушью (рис. 36—18).

Небольшую, но очень выразительную серию представляют абразивы для обработки древков стрел (4 экз., рис. 38—6-9), в том числе два изготовленных с особой тщательностью и орнаментированных по боковым граням сетчатым узором (рис. 38—8,9). Примечательно, что совершенно аналогичный абразив был найден в смешанном комплексе поселения Вьюжное — I, содержащем, в числе других, материалы унюкского типа [11, с. 119] (рис. 37—3).

Единичными экземплярами представлены каменные песты (2 экз.), крупные мотыгообразные инструменты (2 экз.), концевой скребок на крупном пластинчатом отщепе (рис. 35—2), резец боковой однофасечный (рис. 36—24), а также полированное каменное кольцо (рис. 36—25).

Изделий из кости в неолитическом слое поселения Унюк обнаружено не было.

К сожалению, количественные данные по составу фаунистических остатков отсутствуют. Однако, по свидетельству Н. М. Ермоловой, изучившей эти материалы, здесь преобладали кости косули, благородного оленя, лося, медведя — представителей лесной и лесостепной фауны; костей домашних животных встречено не было.

Керамический комплекс поселения Унюк включает около 2 тыс. фрагментов глиняных сосудов, имеющих простой, слабо выпуклый профиль, округлое, реже, плоское или уплощенное дно. Орнамент выполнен в отступающе-накольчатой технике, округлой в сечении палочкой с прямым торцом (рис. 39—1-9) или фигурной лопаткой (рис. 40—5, 8-10), а также оттисками крупнозубчатого штампа (рис. 40—1, 3, 4, 6, 7), реже встречаются орнаменты, выполненные в накольчатой технике (рис. 40—2, 11). Почти все сосуды имели дополнительную ornamentацию в виде пояса круглых ямок под венчиком (рис. 39—1, 2, 4, 5, 10; 40—1-3, 5, 8, 11.), а также насечек, нанесенных по внутреннему, внешнему, реже — по верхнему краю слегка утолщенного венчика (рис. 39—1, 10; 40—3, 5, 11).

О технике формовки сосудов методом кольцевого налепа свидетельствуют сохранившиеся в ряде случаев следы стыка лент (рис. 39—3). Толщина стенок сосудов варьирует в довольно широких пределах, в зависимости от их размеров, причем преобладают сравнительно толстостенные сосуды (табл. 1).

Распределение толщины стенок сосудов поселения Унюк

Толщина, мм	4,5	5	5,5	6	6,5	7	7,5	8	8,5	9	9,5	10	10,5	11
Кол-во ед.	1	2	2	5	9	8	11	15	15	10	2	4	3	1

Обжиг сосудов слабый, неравномерный, как правило, окислительный или смешанный. Поверхностный слой имеет цвет от серовато-охристого до красновато-бурого. Вследствие недожога черепок в изломе обычно черный. Керамика рыхлая, имеет пластинчато-комковатую структуру, в разрезе — трещиноватая с параллельным или ветвистым расположением трещин, имеющих ширину 0,1—0,3 мм. Микроскопическим исследованием отобранных образцов* было установлено, что для подавляющего большинства унюкской керамики характерно использование тощей, реже, слабotoщей глинистой массы, содержащей 10—20 % (в единичных случаях — до 3—8 %) естественного отощителя в виде мелкозернистых обломков кварца, полевого шпата, кварцита. Искусственный минеральный отощитель — дресва в виде зерен гранита и полевого шпата размерами 0,5—3 мм — содержится в небольшом количестве: от единичных включений до 8—10%. В единичных случаях в качестве искусственного отощителя использован шамот в виде комков глины иного состава, нежели вмещающая масса: более тощей и пористой.

Детальный анализ орнаментов на фрагментах сосудов с фиксацией микроособенностей отдельных орнаментов позволил выделить в составе комплекса фрагменты 88 сосудов, в том числе 26 сосудов — из раскопа 4; 7 сосудов — из раскопа 2; 2 сосуда — из зачистки берега между 2-м и 3-м раскопами, по одному сосуду — из раскопов 3 и 5, наконец, 51 сосуд — из состава подъемных сборов.

Характеризуя в целом форму унюкских сосудов (рис. 41, 42), реконструированную благодаря применению специальной методики [8], можно отметить их низкие приземистые пропорции — высота сосудов, как правило, не превышает их диаметра. Профиль сосудов — мягкий, слабовыпуклый, признаки какого-либо выделения шейки отсутствуют. Устье сосудов широкое: если вертикальный венчик и загнут немного внутрь, то сужение устья относительно максимального диаметра происходит плавно и не превышает, как правило, 10—12 %; всего три сосуда имеют венчики, наклонные внутрь и закрывающие устье на 20—23 % (рис. 42—11). У многих сосудов изгиб профиля в нижней части больше, чем в верхней, за счет чего уровень максимального диаметра, или «экватора» [14, с. 125], оказывается лежащим не в верхней части сосуда, а в середине или даже ниже середины (рис. 41—7, 8; 42—7). Именно эта черта составляет специфичность форм унюкской посуды на фоне известных керамических комплексов Минусинской котловины.

У сосудов с плоским дном в ряде случаев наблюдается легкий

* Петрографический анализ выполнен Н. Б. Селивановой.

Распределение типов орнамента по поселениям

Тип орнамента	I			II			III			IV			V			VI			VII		
Форма дна сосуда	О	П	Х	О	П	Х	О	П	Х	О	П	Х	О	П	Х	О	П	Х	О	П	Х
Поселение	Унъюк «Б»																				
Кол-во	4	—	—	2	—	2	—	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Поселение	Унъюк «А»																				
Кол-во	—	—	—	2	—	—	2	2	1	1	1	3	3	2	5	2	—	1	—	—	1

прогиб профиля стенки в нижней части (рис. 42—44). Сосуды с выпуклым дном имеют, как правило, некоторое сужение в нижней части, но не настолько значительное, чтобы такое дно можно было назвать острым или приостренным — дно круглое, достаточно широкое, изгиб его профиля соизмерим с диаметром сосуда (рис. 41, 42). Интересна серия сосудов с уплощенным дном: оно узкое, выпуклое, выделяется по характерному, довольно резкому изгибу профиля и утолщению стенки в придонной части (рис. 42—9, 10). Такая форма дна функционально не оправдана: сосуд не может стоять на гладкой горизонтальной поверхности.

Более детальный анализ форм и орнаментов унъюкских сосудов с учетом данных планиграфии позволил выявить некоторую неоднородность керамического комплекса, дающую основание рассматривать южную часть обследованной территории берега (участок «А» — раскоп 4) как особое поселение, отличное по своему материалу от поселения, расположенного севернее (участок «Б» — раскопы 2, 3, 5). Особенно наглядно эти различия прослеживаются в орнаментике. Как видно из табл. 2, для северного поселения Унъюк «Б» наиболее характерными являются (73 %) орнаменты в виде отступов отступающей палочки и фигурной лопатки, которые жестко коррелируют с округлой формой дна (в таблице сосуды с округлым дном отмечены знаком О, с плоским или уплощенным — П, не поддающиеся реконструкции — Х). Орнаменты, выполненные в печатно-гребенчатой технике, встречаются здесь значительно реже. Примечательно, что печатные орнаменты встречаются только на плоскодонных сосудах.

В комплексе поселения Унъюк «А» отпечатки отступающей фигурной лопатки не встречены ни разу, горизонтальные ряды отступов отступающей палочки составляют менее 8 %, причем и здесь этот орнамент жестко связан с округлой формой дна. Ведущим в орнаментике сосудов из раскопа 4 является мотив вертикального зигзага, выполненного либо отступающей палочкой (38 %), либо зубчатым штампом (19 %). Среди сосудов, орнаментированных в печатной технике, большой удельный вес имеет плоское дно, в отступающе-накопчатой преобладает округлое или уплощенное. Кроме того, округлое дно имеют сосуды, орнаментированные рядами различного рода наколов (12 %).

В целом можно отметить значительно большее разнообразие в

орнаментации сосудов из раскопа 4, а также наличие здесь трех сосудов со сложным многосоставным орнаментом (рис. 39—4, 6, 7), которых нет среди материалов комплекса Унъюк «Б».

Отмеченные различия хотя и носят, на первый взгляд, частный характер, представляются нам достаточно показательными, чтобы считать материал раскопа 4, с одной стороны, и материал северной группы раскопов, с другой, — отражением двух этапов развития единой неолитической культуры. Для решения вопроса об их относительной хронологии следует учесть, что общей тенденцией развития форм неолитической керамики лесной и лесостепной зон является постепенный переход от круглодонных к плоскодонным формам, в орнаментике — постепенное усложнение композиции, выделение особых орнаментальных зон [28, 34; 27, с. 54]. Именно эти тенденции проявляются в специфике сосудов из раскопа 4, который и следует считать более поздним.

Для абсолютного датирования унъюкских комплексов особое значение имеют те аналогии, которые описанная керамика находит в материалах многослойных памятников сопредельных территорий. Среди них наиболее важными представляются материалы III слоя стоянки Няша в Красноярском районе [20, с. 46—47; 39, с. 226], слоев VI и VII поселения Казачка на р. Кан [12, с. 43—47], поселения Усть-Белая на Ангаре [42, с. 60; 47, с. 88—92] и поселения Большой Берцикуль IV в. Ачинско-Мариинской лесостепи [4, с. 40].

В слое III-A стоянки Няша была обнаружена круглодонная керамика открытых форм с утолщенными венчиками, края которых, как правило, приострены зубчатыми насечками с обеих сторон. В орнаментации наиболее характерны горизонтальные и горизонтально-зигзаговые ряды оттисков отступающей палочки с прямым торцом. Под венчиком обычны ряды глубоких круглых ямок. В ряде случаев отмечено выделение особой орнаментальной зоны под венчиком. По всем признакам, включая структуру глиняного теста, специфику обработки поверхности, качество обжига, толщину стенок, описанная керамика полностью аналогична поздней группе керамики унъюкского типа.

Описанная керамика залегает на Няше в четкой стратиграфической позиции, перекрывая слой с керамикой посольского типа. Авторы раскопок на основании геологических данных датируют его временем не позднее 4-го тыс. до н. э. В вышележащем слое III обнаружена тонкостенная плоскодонная керамика с орнаментом в виде неглубоких оттисков отступающей палочки с округлым торцом, с солярным символом на дне — керамика, аналогичная одному из вариантов карасевской керамики Минусинской котловины [10, с. 83], которую, на наш взгляд, следует датировать преафанасьевским временем.

Таким образом, нижняя хронологическая граница слоя III-A Няши лежит на рубеже 4-го и 3-го тыс. до н. э., верхняя определяется временем не позднее середины 3-го тыс. до н. э.

Для керамики слоя II-A Усть-Белой также характерна параболоидная форма, утолщенные венчики, имеющие приостренный край

с зубчатыми насечками, поясок круглых ямок под венчиком, орнамент в виде горизонтальных зигзагов из оттисков отступающей палочки с прямым торцом, сочетающихся с горизонтальным рядом таких же оттисков под венчиком [42, с. 60—62; 24, рис. 5]. Кроме того, в орнаментальных композициях усть-бельской керамики имеются горизонтальные ряды оттисков отступающей фигурной лопатки, вертикальные зигзаги из оттисков отступающей палочки или зубчатого штампа, ряды вертикальных оттисков зубчатого штампа, ряды наколов приостренной палочкой; на некоторых сосудах выделены горизонтальные зоны орнамента [47, с. 89—91]. Очевидно, что усть-бельская керамика аналогична также поздней группе керамики унъюкского типа. Г. В. Синицына, опираясь на схему периодизации неолита Прибайкалья, предложенную А. П. Окладниковым, датирует усть-бельскую керамику первой половиной 3-го тыс. до н. э.

Не менее выразительные аналогии поздней унъюкской керамике имеются в материалах многослойного поселения Абакшино на Илеме [48, с. 212]. Здесь керамика, орнаментированная горизонтальными зигзагами из оттисков отступающей палочки, а также грубыми оттисками зубчатого штампа, залегает во II (нижнем) горизонте 3-го культурного слоя в контакте с керамикой посольского типа; перекрыта слоем с керамикой, покрытой отпечатками рубчатой лопатки, которая имеет аналогии в V слое Казачки.

Керамика поселения Большой Беркикуль IV характеризуется сочетанием круглодонных и плоскодонных форм, горизонтально-линейным и вертикально-зигзаговым орнаментом из оттисков отступающей палочки или зубчатого штампа; широко распространены ряды ямок под венчиком [4, с. 40]. Данный комплекс также можно считать близкой аналогией поздней группе керамики унъюкского типа.

Ранняя группа унъюкской керамики находит ближайшие аналогии в материалах VI—VII слоев многослойного поселения Казачка на р. Кан. Мягкий выпуклый профиль сосудов, вертикальные, слегка наклоненные внутрь венчики, имеющие, как правило, приостренный край с зубчатыми насечками, абсолютное преобладание круглодонных сосудов, простая горизонтально-линейная или вертикально-зигзаговая орнаментация, выполненная в отступающе-накольной, реже, в печатно-гребенчатой технике — вот те черты, которые позволяют говорить о полной аналогии керамического комплекса VI — VII слоев Казачки и ранней группы керамики унъюкского типа. Особенно показательно полное тождество редких специфических орнаментов: отступающей фигурной лопатки (рис. 40—8), в том числе уникальных ее вариантов (рис. 40—9), петлевидных наколов (рис. 40—11).

Слои VI—VII поселения Казачка подстилаются горизонтом VII-а, содержащим сетчатую и шнуровую керамику, которая датируется по аналогии с горизонтом VI стоянки Горелый Лес [43, с. 168] — радиоуглеродная дата — 6695 ± 150 л. от н. д. Вышележащий — V слой поселения Казачка — содержит круглодонные сосуды с выделенной шейкой, сравнительно высоких форм, орнаментированные рубчатой лопаткой и оттисками «пунктирной» гребенки, которые

принято относить к позднесеровскому времени [38, с. 31] и датировать началом [12, с. 46] или серединой [45, с. 64] 3-го тыс. до н. э. Керамический комплекс Казачки, аналогичный унъюскому, датируется второй половиной 4-го тыс. до н. э. [44, с. 140].

Хронологическое соотношение аналогичных комплексов помогает решить вопрос о датировке керамики унъюского типа.

Если принять во внимание, что из рассмотренных памятников Усть-Белая более всего удалена от Минусинской котловины и находится в таежной зоне, где, как известно, имеет место некоторое запаздывание даже стадияльно обусловленных явлений, то поздний этап развития керамики унъюского типа можно датировать концом 4-го — началом 3-го тыс. до н. э. Что же касается нижней хронологической границы керамики унъюского типа, то вопрос о ней не может быть решен однозначно по имеющимся материалам. В плане гипотетическом можно привести следующие соображения.

На сопредельных территориях к северу и северо-востоку от Минусинской котловины (Няша, Абакшино) керамика, аналогичная унъюской, хронологически следует непосредственно за посольской. Последняя в Прибайкалье считается более поздней, чем сетчатая, но на Среднем Енисее, где нет классической сетчатой керамики (Казачка на Кане является, пожалуй, самым западным памятником с сетчатой керамикой, найденной, впрочем, в одном горизонте со шнуровой, скорее всего — именно посольской), нижняя дата посольской керамики остается пока неясной. Поэтому нельзя исключать датировку посольской керамики на Енисее началом 4-го или даже 5-м тыс. до н. э.

Керамика посольского типа ни разу не была встречена в Минусинской котловине — на всех многочисленных памятниках открытого типа, где производили сборы неолитических каменных изделий И. Т. Савенков, Г. П. Сосновский, Г. Мергарт, В. И. Громов, В. Г. Карцов, Э. Р. Рыгдылон, С. В. Теплоухов, М. П. Грязнов, А. П. Окладников, С. В. Киселев, Н. В. Леонтьев, З. А. Абрамова, Н. Ф. Лисицын, а также авторы данной статьи. Допустить, что она не сохранилась, разрушившись под действием природных сил, нельзя: посольская керамика имеет тонкие, плотные, хорошо «выколотые» стенки и прекрасный обжиг. Если же предположить, что на поверхности дефляционных котловин совместно с неолитическими каменными орудиями залегала в свое время керамика унъюского типа, то ее исчезновение не покажется удивительным. Пример тому — переотложенный материал поселения Вьюжное — I [11]. Наиболее крупные обнаруженные фрагменты унъюской керамики не превышали по длине 3—4 см. Совместно с ними в большом количестве залегали мелкие крошки той же пластинчато-комковатой раннеунъюской керамики.

Н. Ф. Лисицын [30], проанализировав каменный инвентарь более 50 неолитических местонахождений в Минусинской котловине, пришел к заключению о возможности вызревания неолитических традиций на основе местного мезолита. На основании изложенных выше соображений нам представляется обоснованным связывать эти па-

мятники именно с унукским неолитом. Если это так, то радиоуглеродная дата горизонта VI Казачки — 6660 ± 190 л. н. (ЛЕ-1231) [13, с. 14], а следовательно, и близкого ему по инвентарю комплекса унукского неолита, не кажется такой уж невероятной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова З. А., Ерицян Б. Г., Ермолова Н. М. Новый мустьерский памятник Южной Сибири // АО, 1975.— М., 1976.— С. 211—212.
2. Абрамова З. А. Палеолит Енисея (Афонтовская культура).— 156 с. (Кокоревская культура) — 198 с.— Новосибирск, 1979.
3. Ауэрбах Н. К. Доисторическое прошлое Приенисейского края. I. Каменный период.— Красноярск, 1929.
4. Бобров В. В. К вопросу о позднем неолите в Ачинско-Мариинской лесостепи // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии: Тез. докл. к регион. конф. 25—27 марта 1980 г.— Иркутск, 1980.— С. 39—40.
5. Вадецкая Э. Б. Сказы о древних курганах.— Новосибирск, 1981.— 112 с.
6. Виноградов А. В. Разведка неолитических памятников Верхнего Енисея и раскопки в Туве. АО, 1979.— М., 1980.— С. 196.
7. Виноградов А. В. Исследование неолитических памятников Минусинской котловины // АО, 1980.— М., 1981.— С. 171—172.
8. Виноградов А. В. Опыт реконструкции керамических комплексов древних поселений по фрагментам.— Л., 1982.— Рукопись депон. в ИНИОН АН СССР № 10297 от 28.05.82.— 34 с.
9. Виноградов А. В. Исследование древних поселений в Минусинской котловине // АО, 1981.— М., 1982.— С. 192—193.
10. Виноградов А. В. Неолитическая керамика карасевского типа в Минусинской котловине // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. к регион. конф. 7—9 апреля 1982 г.— Иркутск, 1982.— С. 82—84.
11. Виноградов А. В. Вьюжное-I — новый памятник эпохи неолита и ранней бронзы в Минусинской котловине // Материальная культура древнего населения юга Средней Сибири.— Иркутск, 1982.— С. 117—132.
12. Генералов А. Г. Неолитическая керамика многослойного поселения Казачка // КСИА АН СССР.— Вып. 157.— М., 1979.— С. 43—47.
13. Генералов А. Г. Неолитические комплексы многослойного поселения Казачка и их значение для изучения неолита Красноярско-Канской лесостепи: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Л., 1979.
14. Горюнова О. И., Савельев Н. А. Опыт разработки понятий для описания форм сосудов неолитической и раннебронзовой керамики Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. Сб. науч. трудов.— Иркутск, 1981.
15. Грязнов М. П. Неолитическое погребение в с. Батени на Енисее.— МИА.— № 39.— М., 1953.— С. 332—335.
16. Грязнов М. П. Работы Красноярской экспедиции // КСИА.— Вып. 100.— 1965.— С. 62—71.
17. Грязнов М. П. Работы Красноярской экспедиции: Тез. докл. на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1965 г.— М., 1966.— С. 13—46.
18. Грязнов М. П. Почва и археологические памятники // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года в СССР.— Ташкент, 1973.— С. 67—70.
19. Грязнов М. П. Введение // Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее.— Новосибирск, 1979.— С. 3—6.
20. Дроздов Н. И., Погудин В. А. Новые данные по неолиту Среднего Енисея // Отчетная научно-практическая конференция. Археология, этнография, источниковедение: Тез. докл. 3—6 апреля 1979 г.— Иркутск, 1979.— С. 46—47.
21. Зяблин Л. П., Кривонос А. А. Копенский отряд // АО, 1967—М., 1968.— С. 146—148.
22. Зяблин Л. П. Работы Копенского отряда // АО, 1968.— М.,— С. 238—239.

23. Зяблин Л. П. Абаканский отряд в поисках неолита // АО, 1972.— М., 1973.— С. 213—214.
24. Зяблин Л. П. Неолитическое поселение Унжук на Верхнем Енисее // Проблемы археологии Урала и Сибири.— М., 1973.— С. 65—73.
25. Зяблин Л. П. Поиски неолита в районе Минусинска // АО, 1973.— М., 1974.— С. 204.
26. Киселев С. И. Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 году // Ежегодник Гос. музея им. Н. М. Мартянова в г. Минусинске.— Т. 6.— Вып. 2.— Минусинск, 1929.— С. 71—94.
27. Косарев М. Ф. Бронзовый век Западной Сибири.— М., 1981.— 278 с.
28. Крижевская Л. Я. Некоторые данные о неолите и ранней бронзе западно-сибирского лесостепья // Сибирь и ее соседи в древности.— Новосибирск, 1970.— С. 153—162.
29. Кызласов Л. Р. Каменный век Хакасии // Учен. зап. Хакас. НИИ языка, литературы и истории.— Вып. 17.— Сер. историческая.— № 4. Абакан, 1972.— С. 185—196.
30. Лисицын Н. Ф. Каменный век Минусинской котловины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Л., 1980.— 17 с.
31. Максименков Г. А. Неолит Енисея // Материалы по древней истории Сибири.— Улан-Удэ, 1964.— С. 147—155.
32. Максименков Г. А. Впускные могилы окуневского типа в афанасьевских курганах // СА.— 1965.— № 4.— С. 204—211.
33. Максименков Г. А. Могильник Черновая VIII — эталонный памятник окуневской культуры // Памятники окуневской культуры.— Л.; 1980.— С. 3—26.
34. Матющенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья.— Ч. 1.— Томск, 1973.— С. 94—110.
35. Мергарт Г. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае // Изв. Краснояр. ОРГО.— Т. 3.— Вып. 1.— Красноярск, 1923.— С. 29—36.
36. Новгородова Э. А. Центральная Азия и карасукская проблема.— М., 1970.— 190 с.
37. Окладников А. П. Неолитические памятники как источники по этногенезу Сибири и Дальнего Востока // КСИИМК.— 1941.— № 9.— С. 5—14.
38. Окладников А. П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея (к вопросу о происхождении самодийских племен) // СА.— № 1.
39. Погодин В. А., Дроздов Н. И. Разведка от Дивногорска до устья р. Кан // АО, 1979 — М., 1980.— С. 225—226.
40. Равдоникас В. И. Пред. к. ст. С. В. Киселева «Разложение рода и феодализма на Енисее» // ИГАИМК.— Вып. 65.— Л., 1933.— С. 3—6.
41. Рыгдылон Э. Р. Новые следы поселений каменного века в бассейне Среднего Енисея // Палеолит и неолит СССР.— МИА.— № 39.— 1953.— С. 276—285.
42. Савельев Н. А., Медведев Г. И. Ранний керамический комплекс многослойного поселения Усть-Белая // Проблемы археологии Урала и Сибири.— М., 1973.— С. 56—64.
43. Савельев Н. А., Горюнова О. И., Генералов А. Г. Раскопки многослойной стоянки Горелый Лес (предварительное сообщение) // Древняя история народов юга Восточной Сибири.— Вып. 1.— Иркутск, 1974.— С. 167—168.
44. Савельев Н. А., Генералов А. Г., Абдулов Т. А. Многослойное археологическое местонахождение Казачка I как основа для периодизации голоценовых культур Канско-Рыбинской котловины // Проблемы исследования каменного века Евразии.— Красноярск, 1984.— С. 136—142.
45. Савельев Н. А. Проблемы исследования неолитических поселений на юге Средней Сибири // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. к регион. конф. 7—9 апреля 1982 г.— Иркутск, 1982.— С. 62—64.
46. Савенков И. Т. Каменный век в Минусинском крае. Материалы по археологии восточных губерний // Изв. Моск. археол. об-ва.— М., 1986.— Т. 2.— 87 с.
47. Синицына Г. В. Керамика Усть-Бельского поселения (по материалам раскопок Н. Н. Гуриной) // КСИА.— 1979.— Вып. 157.— С. 88—92.
48. Соколов В. Н. Работы на Средней Ангаре и Илиме // АО, 1980.— М., 1981.— С. 212.

49. Теплоухов С. А. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края // МЭ.— Т. 4.— Вып. 2.— Л., 1929.— С. 41—62.

50. Хлобыстин Л. П., Шер Я. А. Неолитическое погребение близ дер. Байкалово на Енисее // КСИА.— 1986.— Вып. 106.— С. 51—54.

51. Членова Н. Л. Есть ли сходство между окуневской и карасукской культурами? // Проблемы археологии Евразии и Северной Америки.— М., 1977.— С. 96—112.

**А. Г. Генералов,
С. А. Дзюбас**

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ БРОНЗОВОГО ВЕКА КАНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

Первая стоянка в районе Канска была открыта еще в 1910 г., когда на развеевной береговой дюне оз. Долгого преподавателем Казанского университета Е. Е. Поповым был собран немногочисленный каменный материал и обломки керамики. Краткие публикации о стоянке у оз. Долгого не дают, да и не могли дать глубокого анализа ввиду малочисленности и слабой выразительности находок. Исследователями была отмечена относительная древность материалов и допускалась одновременность их существования со стоянкой Усть-Собакино [2, с. 43]. В последующие годы интерес археологов к изучению бронзового века в Канской лесостепи возрос. К началу 20-х гг., кроме материалов стоянки у оз. Долгого, музеи страны имели довольно значительные по количеству коллекции сборов, включающие не только каменные орудия и керамику, но и бронзовые орудия. С этого времени начинается анализ и осмысление имеющихся материалов на качественно ином уровне.

Впервые своеобразие бронзовых изделий из Канского района отметил Г. Мергарт, указавший, что употреблялись они наряду с введенными из других районов и в неолитической культуре, но не изменяли ее облика. На основании имевшихся в то время материалов Г. Мергарт констатировал наличие в бассейне Среднего Енисея собственной бронзовой культуры, базирующейся на культуре неолитической. Канский район Г. Мергарт считал контактным при проникновении неолитической культуры с севера и культуры эпохи железа — с юга. Им же впервые наиболее конкретно было выдвинуто мнение об изолированности от других территорий и отсталости в силу этого таежных племен Среднего Енисея [7, с. 12].

Это мнение было впоследствии поддержано В. Г. Карцовым, который сделал попытку развить его и обосновать на более обширном материале. Он писал, что выделенная им Красноярская культурная область «...находясь значительно севернее, отстоя совершенно в стороне от мировых артерий культуры, затерявшись среди гор и лесов, она являлась как бы отрезанной, а отсюда должна была быть и была значительно более отсталой, воспринимая новинки ми-

ровой культуры... уже из вторых рук» [4, с. 21]. В. Г. Карцовым и Н. К. Ауэрбахом отмечалось также, что период неолита в Красноярско-Канском районе совпадает по времени с развитием в Минусинской котловине бронзовых культур [4,1].

Сильное влияние культур Минусинской котловины на каменно-бронзовую культуру в северной части Енисейской и Иркутской губерний отмечал и Г. П. Сосновский [11].

Археологическими находками на Среднем Енисее и близлежащих районах интересовались в свое время и исследователи бронзового и железного века Минусинской котловины. С. В. Киселев в монографии «Древняя история Южной Сибири» выразил мнение об относительной древности стоянок неолитического и бронзового времени в Красноярско-Канском районе, причем в вопросе о культурной отсталости таежных племен он придерживался взглядов предшественников [5].

Позднее мнение об отсталости племен Красноярско-Канского района было убедительно опровергнуто рядом исследователей [9,6], которые пришли к выводу, что в данном районе существовал особый вариант карасукской культуры и выросшая из него культура поздней бронзы, синхронная тагарской. А. П. Окладниковым в то же время были рассмотрены некоторые вопросы этнической истории местного населения, подчеркнуто существование в тот период, вероятно, не только культурной, но и этнической общности населения этих районов Сибири. На основании изучения археологических материалов им высказано предположение, что черты культурной общности между древнейшим населением Приенисейского края в Западной Сибири (с Приуральем) в конце неолита и бронзовом веке объясняются не столько контактами культур, проникновением отдельных вещей или заимствованием видов орнамента, приемов изготовления глиняной посуды, сколько проникновением на восток определенной группы западных племен. Проникновение это отмечается в неолите и продолжается в эпоху бронзы и, видимо, позже [8].

Таким образом, в 20—60-е гг. нашего века археологами с различным успехом решались проблемы выделения и характеристики археологических культур бронзового века (Г. Мергарт, Н. К. Ауэрбах, В. Г. Карцов), разрабатывались вопросы культурных и этнических связей населения (С. В. Киселев, А. П. Окладников, Г. А. Максименков), предпринимались попытки определения хронологии памятников (Э. Р. Рыгдылон, Г. А. Максименков).

Однако решение всех этих проблем пока далеко от завершения, так как все еще ничего определенного нельзя сказать о культурах бронзового века Канской лесостепи, нерешенными остаются вопросы хронологии памятников, происхождения и культурных связей комплексов поселений и могильников, этнического состава населения. Все предшествующие исследователи делали выводы, имея в своем распоряжении преимущественно материалы поверхностных сборов и немногочисленных стоянок со смешанными или разрушенными культурными слоями. Поэтому главное внимание уделялось прежде

всего типологии бронзовых изделий и в меньшей степени керамики, почти не учитывая другие категории археологического материала, характер поселений, климато-стратиграфические ситуации, методы датировки археологических слоев.

За последнее десятилетие планомерными полевыми исследованиями лаборатории археологии и этнографии Иркутского государственного университета в Канской лесостепи открыто и частично изучено большое число памятников бронзового века [3, 10]. Основу их составляют многослойные поселения с четкой стратиграфией отложений (Казачка, Потанчет, Мезенск и др.), дающие возможность определить относительную хронологию культурных комплексов, получить серии радиоуглеродных дат, сделать выводы о геологическом строении и возрасте террасы и провести типологический анализ на уровне сравнения целых комплексов. В настоящее время в Канской лесостепи известно 12 поселений и отдельных погребений, представленных Казачинско-Потанчетской, Мезенской, Маслеевской и Улюкольской группами памятников¹, расположенных в долинах р. Кан, Усолка, Абан и на оз. Маслеево и Улюколь (рис. 43).

Исследования поселений с четкой фиксацией культурных остатков, залегающих *in situ*, представляют интерес прежде всего для определения возраста каждого культурного комплекса. Мы представляем себе определенную неполноту информации, которая содержится в материалах поселений и стоянок. Прежде всего, это малое количество или отсутствие бронзовых изделий, что ограничивает исследовательские возможности. К тому же анализируется материал памятников различных по функциональному назначению (стоянки-мастерские, сезонные стоянки, долговременные поселения и пр.) Отсюда и некоторые различия в количестве и характере каменной индустрии, костяном материале. Основное внимание уделяется анализу и интерпретации керамического материала, с привлечением каменной и костяной индустрии, а в некоторых случаях и бронзовых изделий. При этом учитывается отмеченная разнохарактерность памятников, их своеобразие.

Керамические комплексы памятников вышеотмеченных групп дали возможность определить относительную древность и культурную принадлежность поселений бронзового века Канской лесостепи.

Глиняные сосуды Мезенской группы памятников (Мезенск — горизонт II, Гурьев Лог — горизонт II)² имеют открытую или закрытую форму, венчики в профиле овальные, прямые, грибовидные, орнаментировались сосуды оттисками различных по форме палочек, горизонтальными рядами «жемчужин» и вдавлений, на тулове имеются следы «рубчатой лопаточки». Среди керамического ма-

¹ На р. Кан, выше по течению от г. Канска, известен ряд местонахождений, предварительно датированных бронзовым веком. Недостаточная изученность памятников в этом районе пока не дает возможности для их подробной характеристики.

² На территории поселения Гурьев Лог обнаружено погребение заложенное из культурного горизонта II. Погребальный инвентарь отсутствует, хронология и культурная принадлежность погребения не выяснена.

териала выделяется отдельный тип сосудов, которые отличаются наличием налепных «ушек», иногда орнаментированных оттисками зубчатого штампа (рис. 44). Посуда сопровождается и каменной индустрией: наконечники стрел треугольной и листовидной формы с вогнутым основанием, абразивы из песчаника со следами выработки, пластины бессистемной огранки (рис. 45). Здесь же обнаружен обломок бронзового ножа (острие). На основании изучения археологического материала вышеотмеченных памятников мы считаем, что датировку началом 2-го тыс. до н. э. можно считать приемлемой для археологического комплекса Мезенской группы.

Керамика Маслеевской группы памятников (Маслеево II, III, IV, Лежневка II) орнаментировалась оттисками различных по форме палочек в прерывисто-накользящей и непрерывно-накользящей технике, ряд сосудов украшен прочерченным орнаментом в виде сдвоенных горизонтальных зигзагов и дополняется «жемчужинами». Сосуды в основном закрытые с овальными или скошенными в профиле венчиками, изготавливались в технике выколачивания (рис. 44). Каменный инвентарь представлен наконечниками стрел треугольной и удлинненно-треугольной формы с вогнутым и прямым основанием, призматическими нуклеусами, концевыми вкладышами, скребками на отщепах и пластинах, призматическими пластинами (рис. 45). По керамическому материалу Маслеевскую группу можно датировать концом 3-го — началом 2-го тыс. до н. э.

Среди керамических сосудов Улюкольской группы (Улюколь I, III) встречаются описанные выше виды орнамента (оттиски различных по форме палочек, зубчатый штамп). Здесь же появляются сосуды открытой формы, орнаментированные оттисками гладкой «качалки», нанесенных в технике «шагания» в сочетании с прочерченным орнаментом под венчиком (рис. 44). Каменные изделия немногочисленны и включают наконечники стрел, скребки, абразивы, обломки призматических пластин с ретушью утилизации (рис. 45). Археологический материал поселений Улюколь I, III можно отнести к концу 3-го — первой половине 2-го тыс. до н. э.

Казачинско-Потанчетская группа памятников (Казачка, культурные горизонты II—III, Потанчет, М. Камала, Б. Камала) представлена сосудами открытой, закрытой, сложной формы, венчики в профиле овальные, приостренные, скошенные, грибовидные, орнаментировались в основном в верхней части сосуда оттисками различных по форме палочек, «шагающей гребенки», зубчатым штампом, «жемчужинами» и ямками, присутствует прочерченный орнамент в сочетании с узкими отверстиями (рис. 44). Изделия из камня самые разнообразные: абразивы из песчаника, наконечники стрел различных форм, треугольные скребки на отщепах и пластинах, призматические и конусовидные нуклеусы, пластины и вкладыши (рис. 45). Мы полагаем, что датировать поселения Казачинско-Потанчетской группы можно началом 2-го — началом 1-го тыс. до н. э.

Таким образом, все четыре группы археологических памятников (Мезенск, Гурьев Лог, Маслеево II-IV, Лежневка II, Улюколь I, III, Казачка I, Потанчет, Малая Камала, Большая Камала) занимают

сравнительно небольшой отрезок времени и относятся к концу 3-го — началу 1-го тыс. до н. э.

Картина взаимодействия с культурами смежных регионов представляется сложной, но при изучении всего керамического материала наметился ряд аналогий. Орнаментация «отступающей лопаточкой» верхней трети сосуда, «жемчужный» орнамент по венчику в сочетании с оттисками «рубчатой лопаточки», сосуды с наlepными «ушками», встречающиеся на стоянках Мезенской группы, характерны для керамических комплексов почти всех археологических памятников Восточной Сибири, относимых к глазковскому (энеолитическому и раннебронзовому) этапу.

Часть глиняных сосудов Улюкольской, Казачинско-Потанчетской, Маслеевской групп памятников находят самые близкие аналогии с сосудами Ымьяхтахского облика: «вафельные отпечатки», переkreщивающийся прочерченный орнамент в верхней части сосуда, форма сосуда, наличие шерсти в глиняном тесте.

Третья группа сосудов, орнаментированных оттисками «шагающей гребенки», «тремолы», подобна керамическому материалу культур Западной Сибири. Имеются отдельные элементы сходства и с карасукской культурой (Казачка, I, культурный горизонт II).

Исследование указанных памятников дало возможность наметить черты нескольких археологических культур, возможно, сосуществующих в конце 3-го — начале 2-го тыс. до н. э. Территориальные границы культур, вероятнее всего, шире намеченных границ групп памятников и совпадают лишь частично. Генезис бронзовых культур Канской лесостепи многозначен: наряду с инокультурным влиянием в некоторых случаях прослеживаются и местные неолитические традиции (Казачка, Мезенск).

Решение поставленных проблем еще далеко от окончания. Тем не менее предложенная схема периодизации комплексов бронзового века Канской лесостепи может, на наш взгляд, послужить основой для дальнейшей детализации, уточнения и расширения представлений об эпохе бронзы данного региона. Обогащаются наши понятия о культурных связях местного населения с населением соседних территорий, о развитии материальной культуры на протяжении длительного времени. Относительная датировка комплексов поселений должна со временем дополниться данными геологии, палеопедологии, палеоботаники и других естественных наук, которые помогут более определенно представить картину эволюции ландшафта, климата, животного и растительного мира, всего того, от чего в значительной мере зависели пути развития материальной и духовной культуры местного населения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ауэрбах Н. К. Доисторическое прошлое Приенисейского края. 1 Каменный период. — Красноярск, 1929. — 19 с.

2. Воробьев Н. И. Дюнная стоянка в окрестностях г. Канска Енисейской губернии // Изв. об-ва археологии, истории и этнографии при Казан. ун-те. — 1927. — Т. 33. — Вып. 4. — С. 39—44.
3. Генералов А. Г., Дзюбас С. А. Некоторые итоги археологического изучения севера Канской лесостепи // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. Иркут. ун-та. — Иркутск, 1982. — С. 81—82.
4. Карцов В. Г. Материалы к археологии Красноярского района. — Красноярск, 1929. — 58 с.
5. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. — М., 1951. — 642 с.
6. Максименков Г. А. Новые данные по археологии района Красноярск // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. — Новосибирск, 1961. — С. 43—46.
7. Мергарт Г. Результаты археологических исследований в Приенисейском крае // Изв. Краснояр. Рус. геогр. об-ва. — 1923. — Т. 3. — Вып. 1. — С. 29—36.
8. Окладников А. П. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея // СА. — 1957. — № 1. — С. 26—55.
9. Рыгдылон А. Р. Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярск // Краткие сообщ. ин-та истории материальной культуры. — 1955. — Вып. 60. — С. 129—134.
10. Савельев Н. А. Проблемы исследования неолитических поселений на юге Средней Сибири // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. Иркут. ун-та. — Иркутск, 1982. — С. 62—64.
11. Сосновский Г. П. К археологии Айнгарского края. — Иркутск, 1923. — 21 с.
12. Merhart G. Bronzezeit am Enissei. Beitrag zur Urgeschichte Sibiriens — Wien, 1926. — 191 s.

**Н. Е. Бердникова,
В. С. Зубков**

НОВОЕ ПОГРЕБЕНИЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ВЕРХНЕЙ ЛЕНЕ

В 1983 г. археологический отряд историко-археологической экспедиции Иркутского университета проводил обследование археологических памятников с целью их паспортизации в верхнем течении Лены от пос. Качуг до г. Усть-Кут.

В местности Няшенский пережат (Польце), находящейся на левом берегу Лены, в 7 км ниже д. Боярской, было обнаружено еще одно захоронение¹. Этот пункт получил название Няшенский пережат II, а местонахождения, исследованные в 1972—1973 гг., — Няшенский пережат I.

Шурф 1983 г. размерами 1×2 м был заложен в 100 м к востоку от раскопа 1973 г. на 14—16-метровых отметках. Стратиграфическое описание отложений дается по юго-восточной стенке шурфа.

мощность, м

1. Слабо задернованная темно—серая гумусированная супесь	0,06—0,18
2. Желто-палевый мелкозернистый пылеватый песок	0,04—0,38

¹ В местности Няшенский пережат в 1972—1973 гг. были открыты и исследованы Ленской партией Комплексной археологической экспедиции Иркутского университета стоянка и погребение, датированное железным веком [1].

3. Красно-бурая супесь, контакт с вышележащими отложениями нечеткий, в подошве слой слабо гумусирован 0,25—0,35
4. Палевая супесь, вскрытая мощность до 0,50—0,60

В средней части и подошве слоя желто-палевого песка был зафиксирован археологический материал, который по комплексу признаков предварительно датируется ранним бронзовым веком.

В этом шурфе при зачистке юго-восточной стенки на глубине 0,50 м в кровле красно-бурой супеси были обнаружены кости стоп, в юго-западном углу шурфа на глубине 0,25—0,30 м было зафиксировано несколько плит песчаника. Шурф был расширен до размеров 2×3 м. На глубине 0,25—0,35 м расчищена кладка, сопровождающая погребение. Она была сложена разноформатными плитами песчаника, большая часть которых находилась в горизонтальном положении, но некоторые плиты стояли вертикально. В плане кладка неправильной овальной формы, размерами 1,3×1 м, длинной осью ориентирована по линии запад-восток (рис. 46—1). Могильная яма выявлена на глубине 0,45—0,50 м от уровня современной поверхности. Она, вероятно, заложена из слоя желто-палевого песка. В плане яма овальной формы, размерами 2×1 м, ориентирована по линии запад-восток. Заполнение ямы — красно-бурая супесь с примесью желто-палевого песка.

Погребение одиночное (рис. 46—2), захоронен мужчина (adultus)². Сохранность костяка плохая. Кости ног не сохранились, кроме некоторых костей стоп. Череп также имеет значительные повреждения. По-видимому, погребение было потревожено еще в древности.

Умерший лежал на спине, головой ориентирован на восток вниз по течению р. Лены. Левое плечо находилось несколько выше правого, руки согнуты в локтях и подняты к лицу. Кисти рук находились на правой ключице под нижней челюстью, кисть правой руки лежала поверх кисти левой. Череп лежал на правом боку, лицевой частью ориентирован на север. Положение костей ног установить трудно, но по местоположению костей стопы можно предположить, что ноги были каким-то образом согнуты или подогнуты.

Весь погребальный инвентарь концентрируется справа (к северу) от черепа, перед его лицевой частью. Инвентарь немногочислен, но выразителен.

В 8—10 см от черепа находились две антропоморфные фигурки, изготовленные из распиленных или расколотых вдоль трубчатых костей. Голова скульптур оформлена в месте перехода диафиза в эпифиз³. Скульптуры лежали одна на другой: нижняя скульптура — лицевой частью вниз, а верхняя — лицевой вверх. Обе скульптуры были ориентированы головой одинаково — на север.

² Определение Н. Н. Мамоновой, Институт этнографии АН СССР.

³ Определение мл. науч. сотр. А. А. Хамзиной, ИЗК СО АН СССР.

Скульптуры сильно повреждены и сохранились не полностью.

Верхняя скульптура (рис. 47). Длина сохранившейся части скульптуры 17 см, толщина 0,8—0,9 см. У скульптуры утрачено левое плечо, обломаны ноги.

Голова (длина 4,5 см, ширина 2,6—2,7 см) яйцевидной формы, обращена узким концом вниз. Черты лица в рельефе проработаны неглубоко, но достаточно отчетливо: надбровные дуги, глаза переданы в виде овальных выпуклостей с миндалевидными узкими углублениями в середине, нос прямой, удлиненный.

Руки отделены от туловища только рельефно по лицевой и обратной поверхности длинными желобками. Ширина плеч 2,6—2,7 см. Длина рук: правой 6,7 см, левой 7,0 см. По внешней стороне правого плеча и руки нанесены три группы коротких насечек: на плече 3 насечки, в районе локтевого сгиба 4 насечки, выше кисти 6 насечек. По внешней стороне левой руки, видимо, были нанесены группы насечек в такой же последовательности. По крайней мере, на сохранившейся части левой руки (выше кисти) видны 6 насечек. В 2 см ниже правого плеча имеется биконическое сквозное отверстие, диаметром 0,4 см. Вероятно, такое же отверстие было и ниже левого плеча. В 0,8 см ниже условных кистей рук нанесен горизонтальный неглубокий желобок, обозначающий, возможно, нижнюю кромку одежды, или отделяющий собственно туловище.

Нижняя скульптура (рис. 48). Длина скульптуры 17,3 см. Утрачена значительная часть скульптуры: левая часть головы и практически вся левая рука, ноги обломаны, как и у верхней скульптуры.

Техника и стиль исполнения этой скульптуры аналогичны вышеописанной. Следует только отметить, что голова у этой скульптуры более крупная (длина 5,0 см, ширина 3,0 см). Рука несколько короче, чем у первой скульптуры — 6,0 см. Скульптура выглядит более массивной, чем первая, которая отличается более грацильными пропорциями. Черты лица у описываемой скульптуры моделированы более рельефно, чем у первой. Сохранившаяся правая рука также отделена от туловища продольными желобками по лицевой и обратной поверхности. Ниже правого плеча имеется сквозное биконическое отверстие овальной формы, размерами 0,6×0,3 см.

Нижняя граница туловища (одежды) также обозначена горизонтально идущим неглубоким желобком. Ниже горизонтального желобка в правой части скульптуры нанесены параллельно два дугообразных желобка. На груди от правого до левого плеча прорезаны параллельно друг другу три неглубоких дугообразных желобка, обозначающие какие-то детали одежды или нагрудное украшение.

Кроме того, в данном погребении были обнаружены два гарпуна из рога. Первый гарпун (рис. 49—5) был воткнут вертикально жалом вниз в 5 см к северо-востоку от лицевой части скульптур. Гарпун с односторонним расположением зубцов (6 зубцов). Насад слегка уплощен, стопор-линь сделан в виде бокового шипа. Второй гарпун (рис. 49—4) лежал горизонтально в 35—37 см на запад от антропоморфных скульптур, ориентирован жалом на северо-восток. По характеру расположения зубцов в системе крепления линия он анало-

гичен первому гарпуну, только число зубцов равно четырем. Длина первого гарпуна 12,8 см, второго — 12,7 см.

Шиловидное острие из грифельной кости млекопитающего (рис. 49—3) находилось на 10—15 см западнее скульптур, жалом было обращено на юго-запад, головкой на северо-восток. Длина острия 10,2 см.

Около черепа в районе правой скулы находился обломок костяной иглы (рис. 49—1) (обломан кончик иглы). Отверстие ушка овальной формы, размерами 2×1,5 мм. Длина сохранившейся части иглы 6,1 см.

Около второго гарпуна был найден нож подтреугольной формы из серого кремнистого сланца (рис. 49—2). Поверхности обоих фасов ножа сильно зашлифованы. Первое лезвие образовано на длинном (выпуклом) крае двусторонней разнофасеточной параллельной ретушью. Края фасеток ретуши зашлифованы, чем создается впечатление ее зубчатости. Второе лезвие образовано на противоположном крае односторонней мелкой разнофасеточной субпараллельной зубчатой ретушью. Обушок ножа сформирован по базе треугольника плоскостью облома. Жало ножа обломано. Длина ножа по срединной линии 4,8 см, ширина по обушку 2,3 см, в медиальной части 2,8 см, толщина в медиальной части 0,3 см.

Захоронение из местонахождения Няшенский перекаат II — пятое погребение на Верхней Лене с антропоморфной скульптурой. Стилистически скульптуры этого погребения относятся к первой группе антропоморфных изображений Прибайкалья [17], которые отличались тщательностью проработки деталей лица, оформления всей фигуры в целом и характерны для погребений бронзового века. Близкие аналогии скульптуры из Няшенского перекаата II имеют в глазковских погребениях № 4, 6 (1956 г.) из Усть-Удинского могильника [14, с. 138—144, 158—159, табл. 125, 128, 142] и погребения № 4 могильника Семеново [14, с. 29—30, табл. 23].

Ориентировка погребенного также характерна для глазковских погребений: параллельно реке, головой вниз по течению.

Поза погребенного имеет аналогии как в глазковских, так и в серовских погребениях. Почти полностью аналогично описанному погребению по труположению, ориентации костяка и надмогильной конструкции глазковское погребение из Игирмы I [15, с. 97—98, табл. 114—1], только кости рук были вытянуты вдоль туловища и кисти находились под тазовыми костями. Согнутые в локтях руки, расположение кисти правой руки в районе груди в сочетании с подогнутыми ногами характеризуют положение костяка из погребения № 4 могильника Малая Мамырь [15, с. 114, табл. 131—1]. В некоторых деталях труположения прослеживаются аналогии с серовским погребением № 1 из Верхнесередкино [14, с. 100—101, табл. 97—1]; с погребениями эпохи бронзы: № 2 из пади Нохой [14, с. 68—69, табл. 64—1], № 3 из Игирмы II [15, с. 99—100, табл. 115—1].

Расположение погребального инвентаря перед лицевой частью

череп отмечено в глазковском погребении № 1 из пади Глубокая [14, с. 81—82, табл. 82].

Элементы, присущие как серовским, так и погребениям эпохи бронзы, прослеживаются и в инвентаре погребения из Няшенского переката II. Гарпуны с оформлением стопор-линия в виде шипа характерны для серовских погребений Ангарты: погребения № 17, 18, 19, 20 могильника Братский Камень [15, табл. 160, 161, 163, 165]; погребения № 12, 13 из могильника Серово [табл. 153, 154]. Определенное сходство эти гарпуны имеют с гарпунами из погребений № 37, 39 Верхотурского могильника, отнесенные к архаичному комплексу [16, табл. 127, 136], но последние имеют два ряда зубцов на одной стороне. Большое сходство гарпуны описываемого погребения имеют с гарпунами из сидячих погребений № 9, 25 могильника Шумилиха [2, рис. 13—2, 34—4]. Сидячие погребения исследователями были датированы IX-VIII вв. до н. э. Но полученные в последнее время радиоуглеродные даты для сидячих погребений этого могильника, значительно удвинули их возраст [9, с. 18].

Из приведенных выше сравнений видно, что в погребении из Няшенского переката II прослеживаются, как и во многих погребениях бронзового века на Верхней Лене, преемственность с неолитическими погребальными, прежде всего серовскими, комплексами, а также сходство «серовцев»-«глазковцев» Ангарты и Лены [5, 7, 8, 16].

Погребение из Няшенского переката II следует датировать эпохой ранней бронзы. Оно более всего близко по комплексу признаков к кругу глазковских погребений. На основе пересчитанных радиоуглеродных дат для серии глазковских погребений долины Ангарты Н. Н. Мамонова удвинула время существования глазковской культуры и определила ее в хронологические рамки — конец 4-го — конец 3-го тыс. до н. э. «Чистые» радиоуглеродные даты показывают время существования глазковской культуры в рамках конца 3-го — конца 2-го тыс. до н. э. [9, с. 17—19]. Возраст глазковских комплексов в настоящее время остается дискуссионным, поэтому более точно датировать погребение из Няшенского переката II пока не представляется возможным.

При зачистке погребения в разрезе северо-восточной стенки была выявлена еще одна яма и часть кладки из плит песчаника. По-видимому, это признаки еще одного захоронения, что дает надежду обнаружения на местонахождении Няшенский перекат II нового интересного могильника.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аксенов М. П. Отчет об исследованиях Ленской партии Комплексной археологической экспедиции Иркутского университета в верхней части долины р. Лена в 1973 г. // Архив ИА АН СССР. — Р. 1. — № 5655. — 222 л.
2. Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. — Иркутск, 1981. — 107 с.
3. Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу. Современный и ископаемый человек // Тр./Ин-т этнографии АН СССР. — 1955. — Новая серия. — Т. 28.

4. Дроздов Н. И. Кодинское погребение с антропоморфными фигурками из бивня мамонта // Древняя история народов юга Восточной Сибири.— Иркутск, 1974.— Вып. 1.— С. 229—236.
5. Зубков В. С. Неолит и ранний бронзовый век Верхней Лены: Автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Л., 1982.— 17 с.
6. Иванов С. В. Скульптура народов севера Сибири XIX—пер. пол. XX в.— Л. 1970.— 296 с.
7. Мамонова Н. Н. Древнее население Ангара и Лены в серовское время по данным антропологии (к вопросу о межгрупповых различиях в эпоху неолита) // Палеоантропология Сибири.— М. 1980.— С. 64—88.
8. Мамонова Н. Н. К вопросу о межгрупповых различиях в неолите Прибайкалья // Вопр. антропологии.— 1983.— Вып. 71.— С. 88—103.
9. Мамонова Н. Н., Сулержицкий Л. Д. Возраст некоторых неолитических и энеолитических погребений Прибайкалья по радиоуглеродным данным // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири (итоги и перспективы): Тез. докл. к регион. конф. 13—15 окт. 1986 года.— Иркутск, 1986.— С. 15—20.
10. Меньшагин Е. В. Исследования погребальных комплексов неолит-бронзового века на верхней Лене в 1982—83 гг. // Проблемы исследования каменного века Евразии: Тез. докл. краевой конф. 12—18 сент. 1984 г.— Красноярск, 1984.— С. 186—187.
11. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Историко-археологическое исследование.— М.; Л., 1950.— Ч. 1, 2.— 412 с.— (МИА; № 18).
12. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья (Глазковское время).— М.; Л., 1955.— Ч. 3.— 374 с.— (МИА; № 43).
13. Окладников А. П. Неолитические памятники Ангара (от Щукино до Бурети).— Новосибирск, 1974.— 319 с.
14. Окладников А. П. Неолитические памятники Средней Ангара (от устья р. Белый до Усть-Уды).— Новосибирск, 1975.— 317 с.
15. Окладников А. П. Неолитические памятники Нижней Ангара (от Серова до Братска).— Новосибирск, 1976.— 328 с.
16. Окладников А. П. Верхоленский могильник — памятник древней культуры народов Сибири.— Новосибирск, 1978.— 228 с.
17. Студзницкая С. В. Изображение человека в искусстве Прибайкалья в эпоху неолита и ранней бронзы (мелкая пластика) // СА.— 1970.— № 1.— С. 19—33.

В. Н. Соколов

ПОГРЕБЕНИЕ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ИЛИМЕ

Долина верхнего течения основного правобережного ангарского притока — реки Илим — в археологическом отношении почти не изучалась. Исключения составляют разведки Я. Н. Ходукина 1925—1926 гг. Исходными пунктами для его поездок являлись д. Ясачная и Коченга, расположенные в 100 км выше по течению пос. Шестаково [5]. В связи с этим в 1980 г. Илимским археологическим отрядом Иркутского областного отделения ВООПИиК были произведены разведочные работы в этом регионе. На протяжении почти 200-километрового маршрута от д. Коченга (100 км выше Коченги) и до пос. Шестаково выявлено семь новых местонахождений археологического материала, в основном привязанных к приустьевым участкам илимских притоков [4]. Среди них наибольший

интерес представляет местонахождение Абакшино в устье левого илимского притока — р. Чора, где зафиксировано многослойное поселение (рис. 50). Здесь же при осмотре обнажений по выдающемуся из борта террасы черепу найдено погребение. В месте находки забит шурф-врезка (рис. 51—2).

Участок долины реки в районе находки располагается на территории Лено-Ангарского наклонного плато. Илим, уже довольно полноводный, течет с юга на север параллельно Илимскому хребту. Террасирование здесь развито крайне слабо, террасы имеют сложный характер. Долина реки в этом месте заложена в карбонатно-песчаных отложениях нижнего ордовика, глубоко врезана и сужена. В районе Абакшино отмечается деформация дна реки вблизи оползневого склона, выраженная образованием грядообразных валов выпирания.

Терраса аллювиального происхождения, с северной экспозицией, имеет отметки 4—6 м от уреза воды. Аллювий террасы — двучленное строения. Пойменная фация представлена супесями и суглинками, русловая сложена разнозернистыми песками и галечно-гравийным материалом. Стратиграфический разрез места обнаружения погребения дан по западной стенке шурфа № 1 и представляется следующим (рис. 51—1).

Описание стратиграфического разреза

	<i>мощность, м</i>
1. Почвенно-растительный горизонт	0,04—0,06
2. Гумусированная-плотная иловатая супесь черного цвета	0,16—0,18
3. Прослойка темно-желтого мелкозернистого песка	0,04—0,06
4. Мощный слой рыхловатой темно-коричневой супеси, в кровле с линзами опесчаненной темно-желтой супеси	0,84—0,86
5. Светло-коричневая плотная гранулиро- ванная супесь	0,14—0,22
6. Пачка чередующихся гумусированных супесчаных слоев и прослоек супеси и рыхлого среднезернистого песка	0,78—0,86
7. Коричневато-серая плотная оглиненная супесь с линзами темно-коричневого суглинка, со следами карбонати- зации	0,42—0,44
8. Погребенная почва — коричневый, с серо- ватым отливом, плотный суглинок	0,04—0,06
9. Пачка горизонтально-слоистых супесей, песков и суглинков, видимая мощ- ность	0,42

Обнаруженное погребение залегает у подошвы слоя 4. Границы могильной ямы не прослеживаются, кладка отсутствует. Погребение

парное, захоронены женщина с ребенком. Костяк взрослого лежал на левом боку головой вниз по течению реки по линии юго-север. Ноги подогнуты в коленях, руки согнуты в локтях и плотно прижаты к бокам. Череп несколько в стороне от шейных позвонков. Возраст погребенного 18—20 лет (все определения В. А. Дремова, Томский госуниверситет). Расовый тип монголоидный, от типично прибайкальских отличается сравнительно небольшими общими размерами лица, что может объясняться индивидуальными особенностями, поскольку пропорции лица обычные.

Возле пяточных костей находилось небольшое количество фрагментов черепа и кости ключицы, принадлежавшие грудному ребенку. Предположительный его возраст — до 0,5 лет. Восстановить первоначальное положение не представляется возможным (рис. 52).

У костяка обнаружено: близ лицевой части черепа острием на юго-запад лежал костяной наконечник гарпуна с обломанным насадом; у позвоночника с западной стороны находились рядом пять гарпунов, еще один под правой стопой; в 20 см западнее гарпунов найдены два костяных наконечника стрел, у тазовых костей два кремневых наконечника; рядом с фрагментами черепных костей ребенка — небольшой кремневый наконечник стрелы; в 15 см западнее левой пяточной кости — фрагменты челюсти, принадлежавшей крупному дикому животному (сохотому?), рядом — позвонок крупной рыбы.

Три кремневых наконечника сходных форм различаются только размерами. Два больших, являющихся, видимо, наконечниками дротиков (один из черного кремня, другой из белого), имеют равнобедренное треугольное жало и черешковый насад, отделенный треугольными плечиками и слегка суженный книзу. У основания он усечен и скошен с обеих сторон. Ретушь плоская, стелющаяся, диагонально ориентированная (рис. 53 — 2, 3).

Третий наконечник аналогичен вышеописанным, но значительно меньших размеров (рис. 53 — 4).

Один костяной наконечник стрелы листовидной формы, расширенный и утолщенный в средней части, с четырехгранным острием. Сечение удлинено-ромбовидное, насад тонкий длинный, распилен почти до основания лезвия. Длина 14 см (рис. 54—2).

Второй наконечник удлинено-треугольной формы. Лезвие узкое, с четко выраженными гранями, насад также с продольным распилом, длина его 11 см (рис. 54—3).

Собственно, большая часть длины таких наконечников относится не к самому наконечнику, а к насаду, распиленное основание которого составляло неразрывную часть с древком стрелы. Все наконечники гарпунов изготовлены из кости и представлены тремя основными вариантами.

1. Массивные и удлиненные гарпуны, в сечении округло-четыреугольные, слегка искривлены в длину. Внешняя поверхность выпуклая, тщательно зашлифована, внутренняя плоская или слегка вогнутая. Острия длинные, четырехгранные, зубцы массивные, сим-

метрично расположены с обеих сторон. Насады крестовидной формы, на конце срезаны прямо, края слегка заовалены, от стержня отделены боковыми выступами, приобретающими форму четкого прямоугольного упора (рис. 53—4, 54—1, 4; 55—1).

2. Гарпуны с тонким удлинённым стержнем, в сечении четырехугольные. Имеют по четыре симметрично расположенных зубца. Острия треугольной формы с четко выраженными гранями. Поверхность тщательно зашлифована. Тело к насаду сужается, сам насад конусовидный, в основании заовален (рис. 55—3, 4).

3. Отличается от вышеописанного варианта насадом, имеющим только один боковой выступ. Кроме того, он имеет более удлиненное острие и большее количество зубцов (рис. 55—2).

Следует отметить, что пока имеются сведения о находках трех погребений на Илеме. В свое время А. П. Окладников указывал, что ему было известно о случайной находке погребения человека около Илимска. Костяк лежал под каменной кладкой с гарпуном из рога [2, с. 62].

Другое погребение, детское, вскрыто в 1930 г. у д. Шестаково, ниже слезавода, где в это время вел раскопки Г. Ф. Дебей. Верх могильной ямы перекрывался каменной кладкой, погребального инвентаря при костяке не обнаружено. На основании сравнения этого погребения с верхним горизонтом стоянки, где найдены глазковские вещи, оно было отнесено к глазковскому времени [2, с. 112].

Третье погребение обнаружено в 1967 г. при раскопках поселения Усть-Тушамы Илимским отрядом Дальневосточной комплексной экспедиции [1]. Костяк сохранился плохо, но, судя по положению, лежал на спине и был ориентирован вверх по течению реки. Зафиксированы остатки кладки.

Анализ многочисленного погребального инвентаря позволил отнести данное погребение к серовскому этапу неолита Прибайкалья.

Погребение в устье Чоры по ряду основных признаков — труположение, ориентировка, номенклатурный набор и типологический состав сопровождающих предметов — сопоставимо с рядом глазковских захоронений.

Сходство в инвентаре прослеживается прежде всего на примере наконечников гарпунов. Глазковские гарпуны имеют попеременно расположенные зубцы числом от двух до трех и более и такую же совокупность основных конструктивных элементов, таких, как насад, стопор-линь и нижняя часть тела. Стопор-линь в виде выступающих у основания боковых «крыльев», отделяющих тело гарпуна от насада, расположен перпендикулярно стержню. Насад имеет вид суженного, почти конического в некоторых случаях, иногда срезанного прямо на конце острия. Такие гарпуны известны главным образом на Ангаре (Ленковка, Нохой № 4, Буреть I, № 3, Усть-Грязная), но они употреблялись и на Лене (старый Качуг № 2, Хальский улус № 1). Одинаковый по форме и такой же крупный по размерам (22 см) гарпун из рога найден в погребении Фофановского могильника [3, с. 78]. Такие гарпуны встречаются как одни, так и в сочетании

с малыми (последние уже без выступов). Почти все они в инвентаре погребений найдены вместе с изделиями из металла.

Сходство наблюдается с гарпунами из раннеглазковского погребения № 1 в пади Глубокой на Ангаре. Они многозубчатые, с симметричным расположением зубцов. В основании имеются небольшие округлые выступы, зачатки «крыльев». Аналогичные гарпуны оказались на Лене, в погребении № 1 Хальский улус. Есть они и на Селенге (два в Фофановском могильнике, в погребении из раскопа М. М. Герасимова и два — в инвентаре захоронения № 1 из раскопа 1930 г.) [3, с. 80]. Возможно, что это ближайшие предшественники более поздних типов гарпунов с крестовидными насадами.

Надо отметить, что по сочетанию таких составных частей, как жало, верхняя часть тела, боковые зубцы, гарпуны из Абакшинского погребения отличаются некоторым своеобразием. Расположение зубцов у них строго попарно симметричное, количество не менее трех, сечение варьирует от уплощенно-цилиндрического до прямоугольного. Но подобное локальное отличие можно считать естественным, если принять во внимание, что именно эти элементы в силу многообразия потребностей рыбного промысла могут подвергаться наибольшему изменению.

По форме насада в виде притупленного массивного острия, отделенного от стержня боковыми плечиками (такой гарпун найден в погребении Нижнее Середкино на Ангаре), глазковские гарпуны сближаются и с более древними, серовскими. Однако в то время этот вид насада не был столь выработан и устойчив, как в глазковское.

Что касается костяных наконечников стрел, длинных и узких, с продольно распиленными насадами, то их форма является новой, ранее не известной, чисто глазковской. Именно в это время они впервые появляются в Прибайкалье. Аналогичные наконечники, отличающиеся совершенством формы и тщательностью отделки, найдены в больших количествах в двух глазковских погребениях на Верхней Лене. Это погребение № 2 вблизи улуса Хальский (устье р. Манзурки), где их найдено 45 экз., и погребение № 1 у ключа Цакюр — около 50 экз. Здесь это характерно для момента первоначального распространения металла, поскольку вместе с ними в инвентаре присутствуют и изделия из меди [3, с. 63]. На Ангаре такой же наконечник, но в обломке, найден только в одном глазковском погребении № 2, вблизи д. Евсеево.

Сам по себе расщеп черенка костяных изделий для скрепления с древком является одной из наиболее ярких особенностей инвентаря погребений раннего бронзового века Якутии и отчасти глазковского времени Прибайкалья. Не исключено, что на Илим и Ангару эта традиция привнесена с Лены, отражая взаимные связи культуры таежных племен Верхней Лены в эпоху ранней бронзы с глазковскими племенами Прибайкалья. Илим, протекая между двумя крупными водоразделами служил своеобразным транзитным путем, связывающим древнее население Ангара и Лены, отражая их взаимопроникновение.

Таким образом, на основании вышесказанного, погребение в устье р. Чоры можно отнести к эпохе ранней бронзы, датируя второй половиной 2-го тыс. до н. э.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильевский Р. С., Аксенов М. П. Археологические исследования в 1967 г. в зоне затопления Усть-Илимской ГЭС // Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. — Новосибирск, 1971. — Вып. 11. — С. 135—202.
2. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — М.; Л., 1950. — Ч. 1, 2. — 411 с. (МИА, № 18).
3. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. — М.; Л., 1955. — Ч. 3. — 373 с. (МИА, № 43).
4. Соколов В. Н. Работы на Средней Ангаре и Илиме // АО, 1980. М., 1981. — С. 212.
5. Ходукин Я. Н. Материалы к археологии реки Илим. — Иркутск, 1928. — 11 с.

В. И. Смотров

ПОГРЕБЕНИЕ С АЖУРНЫМИ ПЛАСТИНАМИ НА ОСТРОВЕ ОСИНСКОМ (БРАТСКОЕ ВОДОХРАНИЛИЩЕ)

Изучение развития бронзолитейного производства в Прибайкалье крайне интересная проблема в отечественной археологии. Решение ее затрудняется недостаточным количеством памятников бронзового — раннежелезного века, в связи с чем резко повышается интерес к каждому комплексу так называемого периода поздней древности.

Цель данной статьи — описание материала такого памятника; расширение региона распространения бронзовых ажурных пластин, встреченных среди сопровождавшего инвентаря погребения; подтверждение назначения этих высокохудожественных изделий в качестве поясных блях и уточнение датировки их бытования в Прибайкалье.

Погребальный комплекс, о котором пойдет речь ниже, обнаружен Ангарским отрядом археолого-этнографической экспедиции музея летом 1981 г. на о. Осинском (Усть-Удинский р-н Иркутской обл.), где проводились срочные спасательные работы, вызванные повышением уровня водохранилища и угрозой разрушения археологических памятников его волно-прибойной деятельностью.

Этот остров является одним из крупнейших в верхнем течении р. Ангары. Вытянут длинной осью с севера-востока на юго-запад и достигает в длину (после затопления Братского водохранилища) 5 км. Расположен в устье Осинского залива, в 4 км южнее широко известного палеолитического местонахождения Красный Яр. Цент-

ральная часть острова покрыта смешанным лесом и невысоким кустарником. Берега представлены пляжами техногенного генезиса, на поверхностях которых в течение полевых сезонов 1981—1982 гг. было вскрыто 12 погребений, отличающихся особенностями погребального обряда и относящихся к различным хронологическим периодам — от неолита до XVIII в. н. э. Особый интерес вызывает погребение № 4.

Захоронение обнаружено на западной стороне острова, в 200 м от береговой линии и в 310 м от опушки лесного массива. Обнаружено в котловине выдува по выступающим из-под слоя песка эпифизам костей человеческого скелета, на высоте 1,67 м от уреза воды (на июль 1981 г.).

После расчистки захоронение представляло собой скопление костей в форме вытянутого с северо-запада на юго-восток овала, на площади 680×350 см. Вследствие нарушения инситуности погребения, форму ямы, ее заполнения и внутримогильное устройство зафиксировать не удалось, кроме того, что кости скелета залегали в слое светло-палевого супеси.

Судя по костным остаткам, в могильной яме находилось два костяка — подростка 13—15 лет и мужчины 30—35 лет¹. Скелеты представлены фрагментарно, и утверждать что-либо о трупоположении усопших затруднительно, поэтому остановимся лишь на описании расположения костяков относительно друг друга.

Костяк № 1. Череп располагался в центре скопления костей, глазницами на северо-запад. Сохранность его полная, за исключением левой височной кости, обнаруженной в 320 см южнее свода черепа. Рядом с нижней челюстью лежала правая лопатка. К основанию черепа примыкал дистальный конец правой бедренной и плечевой кости, между ними и вокруг располагалось 4 ребра и 3 их обломка. У затылочной кости черепа обнаружен подколенник и две фаланги кисти. Возле лицевой части находилось еще 4 ребра и 5 их фрагментов, к северу от которых зафиксировано 3 шейных и 3 поясничных позвонка. В 16 см к западу от нижней челюсти располагались кости правой руки — лучевая кость с обломанным дисталом и локтевая, проксимальным концом к черепу. Кости нижних конечностей, за исключением правой бедренной и отдельных фаланг, были отнесены водой на 325 см в юго-восточном направлении. Проксимальные концы левой бедренной и большой берцовой левой ноги соприкасались, а кости голени правой сместились южнее на 8—10 см. Вокруг этого скопления зафиксированы обломки ребер и косточки стопы.

В этом секторе захоронения, по линии череп — кости ног, обнаружено 15 ребер и 10 их фрагментов, 8 поясничных и 2 шейных позвонка, которые, видимо, следует отнести к описываемому скелету.

Скелет № 2. Кости этого усопшего в основном сконцентрированы в северной и центральной частях захоронения. Череп обнаружен

¹ Антропологическое определение сделано Е. А. Антипиной (МГУ).

в 120 см к северо-западу от черепа № 1. Глазницами ориентирован на юго-восток, нижняя челюсть отсутствовала. Височная кость лежала в 180 см на северо-восток от свода черепа. Здесь же находилась правая тазовая кость с сочлененным крестцом, ориентированным узким концом на север. Обломок левой тазовой кости зафиксирован в 80 см южнее свода черепа № 2, вокруг него располагались шейный и поясничный позвонки и три ребра. Кости нижних конечностей обнаружены возле правой тазовой кости, причем левая бедренная стояла наклонно. Кости правой голени — большая и малая берцовая, пяточная и фаланги почти в анатомическом порядке найдены на самом севере скопления, в 48 см от диафиза правой бедренной. Рядом с эпифизами бедренных костей и к западу от них зафиксировано 3 ребра, 3 шейных позвонка и 2 фаланги стопы. Остальные кости скелета отсутствовали.

В процессе расчистки захоронения отмечен своеобразный сопровождающий инвентарь, встреченный повсеместно на площадке выдува. Условно все найденные вещи можно подразделить на предметы вооружения дистанционного боя, предметы быта и предметы одежды и украшения.

Предметы вооружения дистанционного боя представлены костяными наконечниками стрел и роговыми обкладками лука.

Наконечники стрел — 5 экз. Находки отмечены у правой бедренной кости скелета № 2 и у костей ног первого скелета. Все наконечники черешковые, уплощенно-ромбические в сечении, подразделяются по форме пера на:

уплощенно-ромбические — 2 экз. Длина пера 7,5 и 4,7 см. Наконечники с остроугольным острием, покатыми плечиками и раздвоенными концами Насада (рис. 56—1, 2);

удлиненно-треугольные — 3 экз. Длина пера 4; 4,5; 4,8; см. Наконечники с остроугольным острием, четко выделенными плечиками, уплощенным насадом с раздвоенными концами (рис. 56—3).

Согласно предложенной Ю. С. Худяковым классификации оружия дистанционного боя у хунну, осинские наконечники стрел соответствуют наконечникам третьего отдела, группе II, типам 2 и 3 [19, с. 42]. Аналоги встречены при раскопках Иволгинского городища [5, рис. 20—1, 3, 6, 13—17]; [6, рис. 22, 3], погребении № 41 в Ильмовой пади [11, с. 54], в Забайкалье и Сул-Талгой в Монголии [21, с. 79], датируются 1-м тыс. до н. э. — нач. 1-го тыс. н. э. В одновременных памятниках Южной Сибири и Дальнего Востока таких наконечников стрел нет. Но они были известны еще в энеолитическое время [14, с. 48, 65, рис. 19]. Очевидно, подобный способ насадки наконечника на древко стрелы представляет местную традицию, уходящую своими корнями в глубь веков [11].

Предметы быта представлены ножами, деталями прибора для добывания огня, «ворворками».

Ножи — 3 экз. Изделия однотипные железные, однолезвийные, клиновидного сечения. Самый крупный нож — с прямой утолщенной спинкой и овально закругленной рукоятью (конец лезвия обломан),

находился в центре скопления костей в 66 см от нижней челюсти костяка № 2 и был направлен острием на юго-запад. Длина изделия 11,8 см (рис. 57—7). Второй нож, обнаруженный в 16 см на север от вышеописанного, сильно коррозирован. Спинка изделия слегка выгнута, лезвие овальное, с обломанным концом, на рукояти сохранились волокна древесины. Длина 10,1 см (рис. 57—6). Третье орудие миниатюрных размеров, длина его 7,2 см. Это ножичек с черешковым насадом, выпуклой спинкой и овальным лезвием. Обнаружен у дистального конца левой бедренной кости скелета № 2, острием повернут на северо-запад (рис. 57—5).

В целом ножи из Осинского погребения аналогичны ножам из шатровых могил на побережье Куркутского залива (оз. Байкал), хронологически определяемыми рубежом 1-го тыс. до н. э. — 1-го тыс. н. э. [1, с. 53], а также орудиям из Иволгинского городища, прекратившего свое существование в начале 1-го тыс. н. э. [5, рис. 20, 1—9].

Детали прибора для добывания огня трением — 2 экз. Сохранились лишь костяные упоры, выполненные в виде серьги — с расширенной округлой нижней частью и верхней, оформленной небольшим овальным выступом с круглым отверстием посередине. В центральной части подвески имеется высверленная ямочка со следами черного нагара от трения. Изготовлены из фрагментов дистальных эпифизов либо плечевых костей, либо астрагалов копытных животных, разрубленных пополам. Длина 4,2 и 4,7 см (рис. 57—2, 4). Изделия обнаружены в 100 см на северо-восток и в 306 см на юго-восток от свода черепа № 1.

Полный комплект прибора для добывания огня восстановлен по находкам из Ноин-улы. Он состоял из деревянной дощечки, деревянной палочки-сверла, деревянного или костяного лучка (из ребра крупного животного) с тетивой, которым вращали сверло, костяного упора для сверла [11].

Таким лучком в погребении служила, видимо, трубчатая кость крупного животного, эпифизы которой снабжены биконическими отверстиями, служившими, вероятно, для натяжения сухожилий. Длина предмета 27 см, обнаружен он рядом с черепом № 2 (рис. 57—4).

Приборы для добывания огня широко применялись хунну, о чем свидетельствуют находки в Черемуховой и Ильмовой падах из раскопок Ю. Д. Талько-Гринцевича, Г. Н. Сосновского, П. Б. Коновалова [18, рис. XVI, 3, 16 — рис. 20, 22; 11, 108], а также из могил Кокэнь (Тува) в комплексе хуннского времени [12, с. 227, рис. 51].

«Ворворки» — костяные кружочки-застежки — 3 экз. Круглые, односторонне выпуклые в сечении, с круглым биконическим отверстием посередине, диаметром 3,3 см (2 экз.) и 2,6 см (разломана в древности) (рис. 57—1, 3).

О назначении подобных кружков существуют различные мнения. А. В. Давыдова считает их кольцом для натягивания тетивы лука [5, с. 36, рис. 20, 1, 3, 6], С. Н. Руденко, П. Б. Коновалов —

приспособлением к передним и задним лукам седельных подушек, в отверстия которых продевался ремень [16, 11].

Стержень — железный, кованый, диаметром 1 см, длиной 6,5 см, условно отнесен нами также к группе бытовых предметов, хотя утверждать что-либо о его функциональном назначении не представляется возможным (рис. 57—10).

Предметы одежды и украшения. Среди сопровождающего материала имеются две пряжки. Одна — костяная, подпрямоугольной формы, с фигурным вырезом внутри и небольшим коническим язычком, длина 7 см. Обнаружена к северо-востоку от черепа № 1. Вторая пряжка из железа, квадратная, располагалась в 40 см к юго-востоку от свода черепа № 2, длина 4,5 см (рис. 56—5, 57—11).

Значительное место среди собранной коллекции занимают кольца и их обломки.

Два кольца выполнены из железа. Одно — массивное, диаметром 8 см, находилось в 97 см к югу от нижней челюсти черепа № 1. Здесь же обнаружено три обломка подобных колец меньшего диаметра. Другое кольцо, сильно коррозированное и разломанное на две части, зафиксировано у височной кости черепа № 2. Диаметр изделия 7,2 см (рис. 57—9).

В процессе расчистки погребения были обнаружены две пуговицы. Это полусферические, сильно оплывшие железные изделия диаметром 2 и 2,5 см (рис. 57—8).

К деталям одежды следует, видимо, отнести и оригинальные костяные поделки, обнаруженные рядом с черепом № 1. «Гантелеобразные» подвески, изготовленные в виде двух биконически просверленных колец, соединенных широкой перегородкой. Длина изделий 7 и 7,5 см (рис. 56—4).

Пряжки, кольца, выполненные из железа и кости, встречаются в погребениях комплекса хуннского времени; «замечено, что они большей частью встречаются... компактной группой» [11, с. 201—203] и могли иметь разное применение и в сбруе, и в одежде.

Полусферические железные пуговицы имеют также широкие аналогии как в хуннских могилах, так и в более ранних, плиточных, в Прибайкалье [15, с. 195, рис. 66—6] и Забайкалье [7, табл. 9, рис. 9].

Наиболее значимыми находками в погребении являются прямоугольные бронзовые ажурные пластины. Две из них располагались в центре скопления костей: одна в 80 см на северо-запад от свода черепа № 1 и в 96 см на северо-восток от черепа № 2, вторая — в 132 см на северо-запад от черепа № 1 и в 80 см на северо-восток от черепа № 2. Первая бляха была обращена лицевой частью вниз, вторая — вверх. Они представляют собой пластины с решетчатым орнаментом — геометрическим узором. Продольная перемычка при посредстве поперечных ступенек соединяется с рамкой — с каждой стороны по 6 перемычек. Рамки гладкие, в центре и по краям украшены изображениями ушастых грифонов. На первой пластине имеется штырек, очевидно, служивший для прикрепления ремней

ной петли. Пластины одинаковы по размерам и манере исполнения (рис. 58 — 1-2).

Третья бляха, разломанная на три части, обнаружена в 252 см на северо-восток от черепа № 1. Пластина несет изображение сцены борьбы двух хищников из семейства кошачьих со змеем или драконом. Прямоугольная рамка покрыта удлиненными ячейками, внутри нее запечатлены фигуры борющихся животных; в извивающееся петлей тело дракона впились два тигра. Один стоит слева на рамке, вонзив зубы в переднюю лапу и тело чудовища. Змей с распластанными лапами грызет спину хищника. Второй тигр, повернув голову и вытянув шею, стоит на правой боковой стороне рамки и держит хвост дракона в зубах. Размеры пластины — 12,5×6 см (рис. 58—3).

Остановимся подробнее на анализе вышеописанных предметов, которые, безусловно, являются наиболее датирующими находками в данном погребальном комплексе.

Ажурные поясные пластины — высокохудожественные изделия из бронзы — вошли в археологическую литературу под названием «Ордосских бронз» [6, с. 93]. География их распространения охватывает Забайкалье, Монголию, Минусинскую котловину, Ордос — т. е. ареал, который в начале нашей эры находился под контролем хунну [8, с. 56—58].

Ажурные пластины обратили на себя внимание специалистов еще в 20—30-е гг. нашего столетия, но интерес к ним резко возрастает лишь после появления блях на европейских антикварных рынках, когда коллекции ордосских бронз появляются в Дании, Англии, Японии. В настоящее время, по сообщению М. А. Дэвлет, несколько частных коллекций сосредоточено в Колумбийском университете, в коллекции А. Сэклера, который скупил даже остатки известного собрания Лу, а также коллекции Мейера, Д. Картера и других, материалы которых практически не опубликованы и неизвестны специалистам [9, С. 225].

Численность художественных бронз возросла в последнее время благодаря планомерным раскопочным работам в южных районах Сибири. Тот факт, что основная масса находок была сделана в датируемых комплексах, в контексте с особенностями погребального обряда, позволил советским археологам дать довольно убедительную интерпретацию вопроса, бывшего в течение десятилетий открытым, о происхождении этих предметов, их датировке и назначении.

Большая серия изделий происходит из Ордоса и Внутренней Монголии. Эти бляхи отличаются большим мастерством исполнения, тщательностью отделки, богатством сюжетов по сравнению с сибирскими пластинами. Вероятно, они служили своеобразными моделями для отливки минусинских и забайкальских ажурных блях. Стилистические особенности последних позволили выделить хуннский пласт среди сибирских художественных бронз и датировать пластины II в. до н. э. — I в. н. э. [6, с. 93; 9, с. 227].

Долгое время гипотезы о предназначении пластин имели разно-

плановый характер и сводились к следующим положениям: И. И. Толстой и С. Н. Кондаков считали эти бляхи принадлежностями конского убора; М. И. Ростовцев, Г. Боровко и А. Сальмони — поясными пряжками; А. Феттих — накладками на ножны мечей; Г. П. Сосновский — украшением гроба; С. И. Руденко утверждал, что их можно рассматривать как застёжки, а затем — как украшение верхней плечевой одежды [16, с. 93—95].

Исследование в Забайкалье непогребённого погребения № 100 Иволгинского могильника дало возможность А. В. Давыдовой сделать определенный вывод относительно использования бронзовых блях: «Их назначение ясно, они являются поясными пряжками, что неопровержимо доказывается их положением на скелете погребенной» [6, с. 100].

Хорошей иллюстрацией к вышесказанному является находка ажурных пластин в Осинском погребении. Наличие двух аналогичных предметов в непосредственной близости друг от друга, а также присутствие шпенька для ремня на одной из них довольно убедительно говорит о назначении блях в качестве украшения пояса верхней одежды. А необычный номенклатурный набор сопровождающего инвентаря (оригинальные подвески, изделие из трубчатой кости и т. п.) дает основание поддержать мысль, высказанную А. В. Давыдовой о том, что главное назначение пластин состоит не в отражении богатства погребенного, а в выражении какой-то другой идеи, связанной с особым положением их владельца в обществе, «она была как бы специальным знаком этого положения». «Наличие же пластин с повторяющимся изображением говорит о том, что была группа людей, объединенных этим общим признаком: их узнавали именно по этому знаку... Это знак для обозначения людей одного и того же ранга» [6, с. 101].

Подобная попытка объяснения пластин как особых эмблем убедительно доказывается находками в различных регионах пластин-пряжек, объединенных идентичностью форм и сюжета. Так, блях с изображением схватки двух тигров и дракона известно несколько: одна находится в коллекции Лу, обломок такой же куплен в 1894 г. А. Б. Андриановым в Минусинском округе (ныне хранится в Эрмитаже), две аналогичные пластины обнаружены в могиле № 100 Иволгинского могильника в Забайкалье и в настоящее время переданы на хранение в Эрмитаж [6, с. 95].

Пластины с геометрическим орнаментом распространены значительно шире — только из Минусинской котловины и Верхнего Енисея их известно 22 экз. Для проведения аналогий между осинскими и ранее обнаруженными необходим спектральный анализ.

Учитывая особенности сопровождающего инвентаря из Осинского погребения, можно сделать вывод о принадлежности населения, оставившего его, к хуннскому племенному союзу, окончательно сформировавшемуся в III-II вв. до н. э. [4, с. 141]. Под его натиском часть племен из Забайкалья и Монголии вынуждены были откочевать на север, вплоть до Прибайкалья [15]. Доказательством присутствия

гуннов на территории нашего края служат могилы шатрового типа, раскопанные в 70-е гг. XX в. на побережье Куркутского залива оз. Байкал, погребальный обряд которых и инвентарь во многом сходен с материалами хуннских комплексов Забайкалья [1, с. 129]. Что касается Предбайкалья, то Осинское захоронение является в настоящий момент первым памятником хунну на этой территории, и бронзовые ажурные пластины — первыми находками подобного рода, позволяющими значительно расширить регион распространения этих высокохудожественных изделий. Аналоги инвентаря захоронения с материалами поселений и могильников Забайкалья, Монголии, Тувы и Минусинской котловины позволяют уточнить датировку сооружения Осинского комплекса II в. до н. э. — I в. н. э.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асеев И. В. Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). — Новосибирск, 1980. — 150 с.
2. Ванштейн С. И., Дьяконова В. Р. Памятники в могильнике Кокаль конца 1 тысячелетия до н. э. — первых веков н. э. // Тр. ТКАЭЭ. — 1966. — Т. 11. — С. 185—292.
3. Грач А. Д. Археологические исследования в Кара-Хум и Монгун-Тайге // Тр. ТКАЭЭ. — 1960. — Т. 1. — С. 82—98.
4. Давыдова А. В. Об общественном строе хунну // Первобытная археология Сибири. — Л., 1975. — С. 141—145.
5. Давыдова А. В. Иволгинское городище // СА. — 1956. — №: 1. — С. 261—300.
6. Давыдова А. В. К вопросу о хуннских художественных бронзах // СА. — 1971. — № 1. — С. 93—105.
7. Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. — Улан-Удэ, 1958. — 106 с.
8. Дэвлет М. А. О поясных прямоугольных ажурных пластинах с изображением животных в Центральной Азии и Сибири // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока: Тез. докл. — Новосибирск, 1973. — С. 56—58.
9. Дэвлет М. А. О происхождении Минусинских ажурных поясных пластин // Скифо-Сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. — М., 1976. — С. 19—227.
10. Дэвлет М. А. Сибирские поясные ажурные пластины // Свод археологических источников. — М., 1980. — Вып. 4—7. — 65 с.
11. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. — Улан-Удэ, 1976. — 219 с.
12. Марков Г. Е. Кочевники Азии (структура, хозяйство и общественная организация). — М., 1976.
13. Нащекин И. В. Косогольский клад // АО, 1965. — М., 1966. — С. 161—163.
14. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья // МИА — 1955. — № 43. — 374 с.
15. Окладников А. П. История Якутской АССР. — М.; Л., 1955.
16. Руденко С. И. Культура хуннов и ноинунлинские курганы. — М.; Л., 1962.
17. Савинов Д. Г. Новые материалы по истории сложного лука и некоторые вопросы его эволюции в Южной Сибири // Военное дело древних племен Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1981. — С. 141—162.
18. Талько-Гринцевич Ю. Д. Суджинское доисторическое кладбище в Ильмовой пади // Тр. ТКРОГО. — 1898. — Т. 1.
19. Худяков Ю. С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. — Новосибирск, 1986. — 267 с.
20. Худяков Ю. С. К вопросу о культурных связях Забайкалья и Южной Сибири в эпоху средневековья // Древнее Забайкалье и его культурные связи. — Новосибирск, 1985. — С. 59—69.
21. Цэвэндорж Д. Новые данные по археологии хунну // Древние культуры Монголии. — Новосибирск, 1985. — С. 51—85.

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ СРЕДНЕГО ПРИАНГАРЬЯ

В среднем Приангарье до недавнего времени были известны лишь единичные, чаще всего случайные находки металлических предметов, входящих в состав вооружения и снаряжения воина, датируемые предмонгольским временем. На этом фоне значительный интерес представляет довольно многочисленный комплекс вещей, обнаруженных в 1978 г. на побережье Долоновского расширения Братского водохранилища командой теплохода гидрометобсерватории [1].

Скопление металлических изделий располагалось компактным пятном на размытой поверхности мысовидного выступа у подножия южного склона одного из отрогов Андрушкиного хребта. Выступ обнажается лишь в период малой водности. До заполнения водохранилища это была горизонтальная площадка, круто обрывававшаяся вниз к излучине р. Оки, в 7 км от ее выхода из Большеокинского сужения. Прежняя высотная отметка 70 м над уровнем реки. Основная площадка сложена выходами гнейсов, перекрытых маломощными отложениями (до 0,5 м) красноватого суглинка.

Досбор предметов был произведен в 1979 г. Местонахождение дважды, в 1981 и 1983 гг., осматривалось авторами статьи. Материал комплекса явно неполный. Неполноту коллекции следует предполагать как следствие особенностей состояния памятника: абразия вмещающих отложений в результате волноприбойной деятельности водохранилища и сбор материала непрофессионалами. По имеющимся сведениям, часть предметов была утрачена до того, как коллекция попала в музей.

В настоящее время мы располагаем 56 предметами, изготовленными из железа (основная масса находок, и цветных металлов.

В составе предметов вооружения — железные черешковые наконечники стрел (19 экз.) и однолезвийные ножи (2 экз.). Наиболее многочисленной группой среди наконечников являются изделия с тремя широкими лопастями. Эта часть находок имеет наиболее слабую сохранность. Однако можно установить, что все они по форме пера относятся к удлинненно-шестиугольным (по классификации Ю. С. Худякова). Более крупные из них (3 экз.) имеют прорези серповидной формы с мелкими отверстиями поверх них. У менее удлинненных (4 экз.) — прорези в виде крупных отверстий (рис. 59—3) или комбинация фигурных и круглых прорезей (рис. 59—12). В единственном числе представлен наконечник с тремя узкими, сильно удлинненными лопастями без прорезей (рис. 60—3).

В состав второй группы входят наконечники с ребром. Здесь имеются наконечники (6 экз.) со сравнительно коротким узким пером и длинной округлой в сечении шейкой. Форма пера треугольная (рис. 60—1), удлинненно-треугольная и удлинненно-пятиугольная (рис. 59—4). В этой группе представлены 4 экз. с сильно вытяну-

тым узким пером и очень короткой шейкой (рис. 60—24).

В единственном числе — наконечник с трехгранным пером, плавно переходящим в шейку с ободком. На черешке этого наконечника хорошо прослеживаются насечки (рис. 61—4).

Ножи однолезвийные, двусторонней заточки. Наиболее сохранившийся снабжен овальным в плане упором, отделяющим рукоятку от клинка (рис. 1—5). Второй такого упора не имеет.

В состав снаряжения входит миниатюрный ножичек (рис. 61—3), тесло с насечками по верхнему и внутренним краям несомкнутой втулки (рис. 60—5), а также инструменты для заточки стрел (4 экз.). Три из них с поперечными насечками с одной стороны (рис. 61—2), а один, самый крупный, сегментовидный в сечении, имеет перекрещивающиеся косые мелкие насечки. Его овальный конец использовался в качестве стамески (рис. 61—1).

Предметы конской упряжи представлены простыми кольчатыми удилами (рис. 62—2) и стременами (3 экз.). Два из них парные. Они имеют пластинчатые прямоугольные ушки с бортиками по краям (рис. 63—1). Восьмеркообразное стремя имеет широкую низкую петлю. Оно более крупное, его подножие более закруглено (рис. 62—1).

Пряжки в коллекции представлены двумя группами. В первой — пряжки без специального приспособления для скрепления ремня с рамкой. Это овальные, круглые или уплощенные в сечении изделия (6 экз.). В месте соединения концов заготовки крепился подвижный язычок. Уплощенные пряжки украшены по краям насечками (рис. 63—8). Представлены восьмеркообразные пряжки (2 экз.); у одной из них сохранился язычок, а на поврежденной поверхности другой заметны насечки (рис. 63—7).

Вторая группа состоит из пряжек с овальной рамкой, соединенных с неподвижным щитком, имеющим два конических отверстия для штифтов. Рамки двух застёжек украшены насечками (рис. 63—6). Следует отметить, что в коллекции, помимо железных (3 экз.), имеется обломок аналогичной пряжки, изготовленной из бронзы, однако ее щиток снабжен двумя шпеньками.

Из железа изготовлены наременные наконечники (3 экз.) в форме гербового щитка, имеющие чешуйчатый треугольный орнамент на внешней стороне (рис. 63—2, 3). В отверстиях их сохранились штифты. Три бронзовые бляшки представляют собой комбинацию из четырех полусфер с четырехугольником в центре (рис. 63—4). Присутствует также изготовленная из белого металла бляшка в форме стилизованной виноградной кисти (рис. 63—5).

Интересен экземпляр железной круглой бляшки типа пуговицы, обратная сторона которой снабжена скобкой. Внешняя, плохо сохранившаяся поверхность имеет сложный рельефный орнамент.

В коллекции присутствует дугообразно изогнутый витой прут. На одном конце его сохранилась петля, второй обломан (рис. 61—6). Изделие, вероятно всего, использовалось как часть украшения. Не определено назначение обруча из железной пластины с двумя диаметрально расположенными, приклепанными вертикальными

стойками. Массивный железный брусок, представленный в коллекции, является, вероятно, неиспользованной заготовкой.

Вышеописанный материал дает основание предполагать, что мы имеем в данном случае часть комплекса, разрушенного погребения конного воина. По описанию нашедшего местонахождение И. И. Межецкого, пятно находок сопровождалось примазками и включениями угля. Но поскольку отсутствует фиксация первоначального положения комплекса, отсутствует и возможность использовать для обобщения способ захоронения, а также структурные связи материала. Остается обратиться к анализу форм изделий, их сочетаемости.

Несомненна принадлежность комплекса к тюркскому кругу памятников. В настоящее время больше оснований сравнивать долоновские материалы с культурой енисейских кыргызов. По этому поводу следует отметить такие сходные характерные моменты, как форма бляшек из цветного металла и прием орнаментации насечками по краю [4], треугольный чешуйчатый орнамент, а также походный набор воина, в который входят ножичек, напильник, тесло [6]. Говоря о хронологии памятника, необходимо констатировать следующее. Если трехлопастные наконечники датируются широким диапазоном времени (VI-XII вв. н. э.), то наконечники с ребром бытовали у кыргызов в IX-X вв. н. э. [9]. К этому же времени относится появление в вооружении кыргызов наконечников стрел с трехгранным пером. Сочетание стремян с пластинчатым ушком и восьмеркообразного дает основание исследователям говорить о достаточно поздней дате, также в пределах IX-X вв. н. э. [3, 7]. Появление простых кольчатых удил в конском снаряжении кыргызов также относится ко времени не ранее IX в. н. э. [2]. На это время (IX-X вв. н. э.) падает и момент наибольшей экспансии кыргызского государства.

Таким образом, подводя итоги, мы принимаем датировку для данного погребенного комплекса IX-X вв. н. э., относя его к средневековым кыргызам. Но в то же время мы констатируем и некоторые посторонние влияния в вооружении кыргызского воина, выразившиеся в присутствии относительно многочисленной группы двухлопастных с ребром и удлиненным пером наконечников стрел. Возможно это есть указание на наличие особого локального варианта кыргызской культуры. В настоящее время погребение у горы Долоновской маркирует самую северо-восточную точку границы распространения енисейских кыргызов в эпоху средневековья.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Волокитин А. В. Разведочные работы в Братском районе//АО, 1979.— М., 1979.— С. 215—216.
- 2 Гаврилова А. А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен.— Л.; М., 1965.—141 с.
- 3 Деревянко Е. И. Троицкий могильник.— Новосибирск, 1977.— 244 с.

4. *Евтюхова Л. А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). — Абакан, 1948. — 78 с.
5. *Кызласов Л. Р.* История Тувы в средние века. — М., 1969. — 211 с.
6. *Кызласов Л. Р.* Тюхтятская культура древних хакасов // *Степи Евразии в эпоху средневековья. Археология СССР.* — М., 1981. — С. 54—58.
7. *Левашова В. П.* Два могильника кыргыз-хакасов. Материалы и исследования по археологии Сибири. — М., 1954. — Т. 1. — С. 121—136. (МИА № 24).
8. *Савельев Н. А., Свинин В. В.* Погребение железного века на реке Кане // *Древняя история народов юга Восточной Сибири.* — Иркутск, 1978. — Вып. 4. — С. 135—149.
9. *Худяков Ю. С.* Вооружение енисейских кыргызов. — Новосибирск, 1980. — 175 с.

А. К. Каспаров

ОСТАТКИ МЛЕКОПИТАЮЩИХ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДИЩА МАНХАЙ В ПРИБАЙКАЛЬЕ

Фаунистические остатки из различных археологических памятников каменного века Приангарья изучены к настоящему моменту достаточно подробно. Можно отметить работы А. А. Бирули [2], В. И. Громова [7, 8], Э. А. Вангенгейм [3], Н. М. Ермоловой [10] и др. Однако поселения и городища последующего периода, а именно бронзового, железного веков и средневековья изучены значительно слабее как в археологическом, так и в фаунистическом плане. Описывая фаунистический состав подобных памятников, исследователи обычно ограничиваются упоминанием о находках остатков коровы, лошади и овцы или просто «домашних животных». Между тем изучение следов жизнедеятельности средневековых охотников и скотоводов представляет значительный интерес. Этногенез тюркских и монгольских племен является важной общеисторической проблемой, так как их непосредственными потомками, по мнению многих авторов, являются такие народности СССР, как буряты и якуты [1].

Более подробное исследование фаунистических остатков по некоторым средневековым памятникам Приангарья было проведено Н. М. Ермоловой [10]. Она описала видовой состав и численное соотношение костей по слоям в Балаганском (или Унгинском) городище и могильнике Усть-Талькин.

В настоящей работе дается описание находок из крупного памятника приангарского средневековья — тюркского городища Манхай. Поселение находится в степной долине р. Куды в 12 км от окружного центра Усть-Орда Иркутской области. Городище расположено на горе Манхай, крутые склоны которой подступают близко к реке, а вершина представляет собой обширную ровную площадку. Раскопки велись здесь с 1948 по 1958 г. Ангарской экспедицией ИИМК под общим руководством А. П. Окладникова. В нашем распоряжении оказались находящиеся в Зоологическом институте АН СССР сборы, сделанные в ходе раскопок в 1957 г., проводимых под

непосредственным руководством Е. Ф. Седякиной. Раскопки проводились на шести участках разной площади (каждая в среднем около 80 м²). Костные находки фиксировались поквадратно отдельно из верхнего и основного, нижнего, слоев, которые, впрочем, не различаются ни характером костного материала, ни его фаунистическим составом.

Небольшая коллекция остатков с этого памятника была ранее определена Н. М. Ермоловой [10]. Малый объем выборки (всего около 200 костей) не позволил составить полное представление о видовом составе. Упомянуто 8 видов млекопитающих: косуля, благородный олень, кулан, а из домашних — лошадь, корова, овца, верблюд и собака.

Первые следы пребывания людей на горе Манхай отмечены на рубеже бронзового и железного веков [13]. К этому времени относятся примитивные плиточные могилы, обнаруженные в районе городища. Основным же материал, порядка 1500 определимых костей, которым располагал автор настоящей статьи, относится к более поздней эпохе, к VIII-X вв. н. э., когда на описываемой территории существовало обширное поселение (общей площадью около 15 тыс. м²), огороженное двумя валами и тремя рвами, а население употребляло превосходную керамическую посуду и широко пользовалось разнообразными железными орудиями [1].

Исследованный материал представляет собой типичные «кухонные отбросы», отличительной чертой которых является большая раздробленность. Среди более чем 500 остатков домашнего быка, например, не обнаружено ни одной целой метаподии. Хорошо сохранились лишь мелкие кости конечностей и зубы. Поэтому получение достоверных морфометрических данных оказалось затрудненным.

Удалось определить 15 видов млекопитающих. Из диких — сурок, волк, лисица, байкальский тюлень, кулан, кабарга, благородный и северный олень, косуля, лось. В плиточной могиле № 3, относящейся к концу бронзового века, среди костей рогатого скота найдены нижняя челюсть и отдельный клык бурого медведя плохой сохранности. Домашние животные представлены собакой, лошадью, быком, верблюдом и овцой. Кроме того, найдены ближе не определимые косточки птиц среднего размера. Подавляющее большинство костных фрагментов принадлежит благородному оленю, косуле, лошади, быку, овце. Остальные виды представлены в основном единичными находками. Как видно из процентного соотношения количества остатков (табл. 1), охота на крупных диких копытных занимала видное место в хозяйственной деятельности древних жителей городища.

Сурок (*Marmota* sp.) В материалах обнаружен обломок бедренной кости из нижнего слоя участка 1. До вида определить находку не удалось. Однако на Байкальском хребте существует популяция камчатского сурка (*Marmota camtschatica* Pall), а на Тункинских гольцах встречается тарбаран (*Marmota sibirica* Radde). Он, вероятнее всего, и населял степные станции Ангаро-Ленского между-

Таблица 1

Видовой состав, процентное соотношение и количество особей в костных остатках городища Манхай

Вид	Верхний слой			Нижний слой		
	кол-во костей	%	кол-во особей	кол-во костей	%	кол-во особей
<i>Marmota</i> sp.	—	—	—	1	0,08	1 в.
<i>Canis lupus</i>	—	—	—	2	0,2	1 в.
<i>Vulpes vulpes</i>	—	—	—	1	0,08	1 в.
<i>Phoca sibirica</i>	—	—	—	6	0,5	2
<i>Equus hemionus</i>	2	0,8	1 в.	1	0,08	1 в.
<i>Moschus moschiferus</i>	1	0,3	1 в.	—	—	—
<i>Cervus elaphus</i>	12	3,8	4 в.	46	4,1	6 в., 1 м
<i>Rangifer tarandus</i>	4	1,3	1 в.	4	0,4	2 в.
<i>Capreolus pygargus</i>	75	24,0	11 в., 3 м	245	21,7	31 в., 4 м
<i>Alces alces</i>	1	0,3	1 в.	6	0,5	2 в.
<i>Aves</i> sp.	—	—	—	1	0,08	1 в.
Собака	5	1,6	2 в.	26	2,3	3 в.
Лошадь	67	21,5	6 в., 1 м	219	19,4	12 в., 2 м
Корова	117	37,6	8 в., 2 м	393	35	24 в., 6 м
Коза или овца	26	6,1	5 в., 2 м	93	8,2	12 в., 3 м
Верблюды домашний	3	1	1 в.	2	0,2	1 в.
Неопределимых	6	1,8	—	50	4,4	—
Итого:	319			1125		

речья. Н. М. Ермолова [10] указывает, что сурок исчез из Ангарской долины в момент освоения ее пришедшими из-за Байкала племенами скотоводов, так как многочисленные стада заняли степные пастбища, площадь которых была сравнительно невелика. Однако, как видим, сурок дожил здесь по крайней мере до VIII в. н. э.

Волк. (*Canis lupus* L.) Определен по фрагменту эпистрофея и лучевой кости.

Лисица. (*Vulpes vulpes* L.) Представлена обломком верхней челюсти с сохранившимся М¹.

На стоянках каменного века остатки отмеченных видов в небольшом количестве встречаются уже в верхнепалеолитических слоях, присутствуют они в мезолитических и неолитических материалах [10]. Типичные убиквисты, они широко распространены в описываемом районе и в настоящее время. Несмотря на то, что остатки этих животных единичны, вполне вероятно, что эти пушные звери добывались весьма часто. Как справедливо указывал К. Л. Паавер [14], пушные звери могли обдираться охотниками на месте поимки и таким образом кости их в культурных слоях могут отсутствовать.

Байкальский тюлень. (*Phoca sibirica* Gmel). В нижнем слое на участках 1 и 4 найдены кости от двух взрослых особей. Животные были, несомненно, добыты в непосредственной близости от поселения и принесены туда целиком. Об этом говорит находка обломка верхней и двух целых нижних челюстей. Коренные и предкоренные зубы имеют хорошо выраженные побочные вершинки, идущие почти параллельно главной, образуя характерный «гребешок». Зубы посажены почти без промежутков. Расстояние между

коренным и последним предкоренным несколько больше, чем между остальными зубами ряда. Отмеченные признаки характерны именно для байкальского тюленя. Многие исследователи отмечают заходы тюленей в истоки Ангары и устья р. Селенги и Баргузина [11]. Теперь мы можем констатировать, что тюлени опускались по Ангаре ниже уровня современного Иркутска, т. е. почти на 100 км, а возможно, и заходили в крупные притоки.

Кулан (*Equus hemionus* Pall.) определен по обломку лопатки и плечевой кости и по изолированному Р₂. Зуб в целом вполне кабаллоидного характера, однако некоторая приостренность выемки, разделяющей лопасти двойной петли, и глубокая наружная долинка позволяют предположить, что зуб принадлежит кулану. Длина его по коронке 28,5 мм, ширина 12,0 мм. Н. М. Ермолова рассматривает кулана как позднейшего голоценового иммигранта в Ангаро-Ленские степи и лесостепи из Забайкалья. В определенных ею материалах из средневековых тюркских поселений (в том числе из Манхая) и могильников кулан встречается довольно часто. На исчезновение кулана из Прибайкалья, несомненно, повлиял человек.

Кабарга. (*Moschus moschiferus* L.) В материалах верхнего слоя участка 3 нами обнаружена таранная косточка. В своих сборах Н. М. Ермолова определила остатки кабарги лишь дважды: в мезолитических слоях стоянки Верхоленская Гора и в неолитическом могильнике Серово. В основные объекты охотничьего промысла в неолите она кабаргу не включает. В настоящее время это животное в небольшом количестве встречается в описываемом районе, тяготея к островкам темнохвойной тайги в верхнем течении ручьев [16]. На открытых пространствах зверь почти не появляется. Из-за своей небольшой величины и низкого качества мяса кабарга, по-видимому, не привлекала внимания древних охотников.

Благородный олень. (*Cervus elaphus* L.) Представлен обломками костей посткраниального скелета, среди которых преобладают мелкие кости конечностей. Найдено два обломка нижней челюсти с зубами и один изолированный зуб. Ни разу не встретились обломки черепа или рогов животного. Благородный олень обитал в Прибайкалье уже в верхнем палеолите — единичные остатки его выделены Н. М. Ермоловой [10] из соответствующих слоев стоянки Буреть, группы Иркутских стоянок и ряда других. Постоянно встречается вид и в неолитических материалах, однако количество его костей не превышает нескольких процентов. Это можно объяснить тем, что он, видимо, никогда не добывался в больших количествах. Кроме того, благородный олень предпочитает массивы темнохвойной тайги и в оstepненных окрестностях Манхая был, вероятно, редок. Сейчас он здесь почти не встречается [16].

Северный олень. (*Rangifer tarandus* L.) Определен по нескольким обломкам нижних челюстей, сохранивших зубы, обломку атланта и обломкам костей посткраниального скелета. В конце плейстоцена северный олень в Прибайкалье был чрезвычайно многочислен. Н. М. Ермолова определила большое количество его костей

**Некоторые промеры черепа и костей
посткраниального скелета косули, мм**

Размеры	М	Lim	N
Длина ряда верхних коренных зубов	71,8	69—74	10
Длина ряда нижних коренных зубов	75,6	71—80	8
Межглазничная ширина	61,8	55—66	4
Мастоидная ширина	68,3	65—70	3
Длина таранных костей	35,5	32—38	33
Длина пяточных костей	73,6	70—77	10

из позднепалеолитических стоянок Ангарской долины (Мальта, Буреть), однако уже в мезолитических материалах из этого района северный олень отсутствует. Из 8 стоянок, раскопанных археологами в долине Ангары, в неолитических слоях он обнаружен лишь дважды, но при этом допускается случайное попадание остатков этого зверя в них из более ранних горизонтов. Исчезновение северного оленя из Приангарья произошло потому, что вследствие потепления климата на границе голоцена здесь не стало необходимых ему биотопов [10]. Сейчас в районе городища он не обитает [18]. Однако некоторые исследователи считают, что зимой, в результате миграций, животные зачастую преодолевают лиственничные лесостепи между Леной и Ангарой [16]. Несомненное присутствие остатков северного оленя в манхайских материалах говорит в пользу этого утверждения. В других памятниках Приангарья, Прибайкалья, синхронных по времени Манхаю, северный олень не обнаружен.

Косуля. (*Capreolus capreolus pygargus* Pall). Представлена в сборах практически всеми костями скелета, равномерно распределенными по всей территории городища. В материале встречены несколько крупных фрагментов черепов, значительное количество нижних челюстей с полным зубным рядом, изолированные зубы. Остатки принадлежат в основном взрослым животным. Остатков полувзрослых встречается очень мало, а детенышей практически нет. Совершенно не встречено остатков и явно старых особей. К сожалению, ничего нельзя сказать о соотношении полов. Из крупных фрагментов черепов два принадлежат самкам, один самцу. Отметим отсутствие рогов и их обломков. Некоторые морфометрические характеристики средневековой косули, которые удалось выявить на имеющемся материале, даны в табл. 2.

Впервые косуля в Прибайкалье отмечена на рубеже плейстоцена и голоцена. К неолитическому времени остатки косули становятся многочисленны во всех археологических памятниках [10]. В основном на косулю охотились и манхайские охотники. Быстрое потепление климата в начале голоцена, развитие обширных лесных и лесостепных пространств способствовали резкому повышению численности этого зверя. В настоящее время косуля в средней и южной частях Иркутской области обычна. Предпочитая лесостепные, она

Таблица 3

Размеры передней и задней фаланг лошади, мм

Размеры	Передние			Задние		
	N	Lim	M	N	Lim	M
Длина	5	81—91	85	6	76—89	81
Ширина верхнего эпифиза	3	48—56	51	3	47—53	50
Ширина нижнего эпифиза	3	44—48	45	3	40—43	42
Наименьшая ширина диафиза	4	34—37	35	2	33—37	35

Таблица 4

Размеры таранных костей лошади, мм

Размеры	N	Lim	M
Наибольшая длина кости	11	53—63	58
Расстояние между гребнями	10	28—31	29

заселяет здесь практически все равнинные и предгорные ландшафты [19].

Лось. (*Alces alces* L.). Определены изолированный зуб, несколько костей запястья, заплюсны и фаланга. В Приангарье лось известен с верхнепалеолитического времени, но как постоянный охотничий объект освоен человеком в неолите, где на стоянках, расположенных в таежной части долины Ангары, остатки лося (по количеству) занимают второе место после косули. В лесостепной части долины количество остатков лося в неолитических слоях не превышает нескольких единиц [10]. В средневековое время в степных и лесостепных стациях лось был редок, что подтверждается крайне малым количеством его костей в городище Манхай и в Балаганском поселении.

Домашняя лошадь. Остатки ее встречены в большом количестве и представлены всеми костями скелета. Однако целыми, помимо отдельных зубов, сохранились лишь передние и задние первые фаланги соответственно, 5 и 6 костей и таранные кости (11 экз.) (табл. 3, 4).

Сравнивая их размеры с данными, публикуемыми А. Г. Петренко [15], можно предположить, что высота в холке манхайских лошадей равнялась примерно 135—140 см. То есть это были лошади, которых по В. О. Витту [6] можно охарактеризовать как «средние по росту». Как справедливо замечает В. И. Громова [9], зубы дают мало возможностей для различия варитетов *Equus caballus*. Лошадиные зубы, присутствующие в наших материалах, кабаллоидного типа с сильно складчатым рисунком, длинным, прекрасно развитым протоконом, широким мезостилем. Наружная долинка на нижних зубах неглубокая. Лопасты двойной петли стоят под углом к продольной оси зуба, в очертаниях их хорошо заметны углы, выемка между лопастями округла (табл. 5).

Н. М. Ермоловой [10] из почти синхронного по времени Манхаю

Размеры зубов домашней лошади, мм

Индексация зубов	Длина	Ширина
PM ¹	37,4—34,5	20,7—22,1
PM ²⁻³	24,2—31,1	21,1—24,9
M ¹⁻²	20,8—23,1	21,8—25,9
M ³	21,6—22,9	23,7—26,5
PM ₁	32,2—34,4	11,2—12,6
PM ₂₋₃	27,2—29,1	14,1—16,2
M ₁₋₂	24,6—26,3	13,1—14,9
M ₃	29,5—31,5	10,4—12,2

погребения Усть-Талькин XII-XVI вв. н. э. на Ангаре, где было обнаружено значительное количество черепов и костей посткраниального скелета лошадей, описываются лошади, весьма близкие к монгольским. Рост их колеблется от 136 до 140 см в холке, что почти соответствует предполагаемым размерам манхайских лошадей. По всей видимости, это одна и та же форма.

Домашний бык. Крупный рогатый скот по количеству остатков в исследуемом материале занимает первое место. Как уже говорилось, большая раздробленность «кухонных остатков» сильно затрудняет их обработку. Поскольку слабая достоверность определения общих пропорций кости по ширине какой-либо ее части была доказана еще В. И. Цалкиным [20], остается констатировать, что наибольшая длина первой фаланги колеблется здесь от 53 до 67 мм, а наибольшая длина таранной кости — от 55 до 69 мм. Столь большой интервал можно объяснить значительным половым диморфизмом, в особенности свойственным домашнему крупному рогатому скоту. На основе этих данных можно лишь предполагать, что рост в холке манхайских домашних быков колебался примерно от 100 до 120 см. Таким образом, они были значительно мельче, чем современные породы скота. Изредка встречающиеся обломки роговых стержней невелики. По размерам крупный рогатый скот Манхая сравним со скотом кочевого населения Киргизии — от 99 до 128 см в холке, или с монгольским скотом — 94—125 см [12]. На основании одного из обнаруженных в Манхае петроглифов И. В. Асеев [1] приводит такое его описание: «Округлая голова с вытянутой мордой и большими изогнутыми рогами. Мощная шея, прямая спина, округлый круп с коротким хвостом, короткие ноги». В этом описании следует делать поправку на известную стилизацию рисунка древним художником, однако под такую характеристику по своим экстерьерным признакам в целом подходит крупный рогатый скот Монголии, который вполне, наряду с лошадью, мог быть приведен с собой кочевниками из Забайкальских и Монгольских степей.

Домашний верблюд. Определены: таранная кость, несколько обломков мелких костей конечностей. Верблюд, очевидно, домашний. Ни у одного из вышеупомянутых авторов в материалах более ранних эпох не фигурируют остатки диких верблюдов. В Прибайкалье их,

видимо, не было. Домашних верблюдов пригнали с собой пришедшие из-за Байкала племена.

Овца и коза. Мелкий рогатый скот представлен обломками челюстей, костей конечностей, лопаток. Дикие козы и бараны исчезли из долины Ангары, по данным Н. М. Ермоловой, во время верхнего палеолита. В неолитических стоянках их остатки ею не обнаружены. Нет их здесь и в настоящее время. Все это, а также мелкие размеры сохранившихся в целости таранных, пяточных костей и фаланг, указывает на принадлежность их домашним животным. Предпринята попытка разделить материал на остатки овец и коз по методике, предложенной О. П. Журавлевым. Все кости оказались принадлежащими домашней овце. Абсолютное отсутствие коз в домашнем хозяйстве манхайцев сомнительно. Дело, по нашему мнению, в несовершенстве методики, рекомендуемой упомянутым автором. Однако три довольно крупных фрагмента черепных коробок и несколько роговых стержней, несомненно, принадлежат овцам.

Собака. Обнаружены кости посткраниального скелета, а на участке 4 — несколько больших фрагментов черепов собак разной величины, на участке 4^а (квадрат Р-6) — почти целый череп и нижняя челюсть, судя по размерам, от той же особи. Фрагменты черепов принадлежат пяти животным, причем целый череп — более крупной особи, а обломки — более мелким. Промеры черепа и нижней челюсти приведены в табл. 6. отдельно, а промеры с разрозненных частей объединены.

Схема измерения почти соответствует принятой Н. К. Верещагиным [4,5]. Для сравнения использовались черепа обыкновенной зверовой лайки из Западной и Восточной Сибири, поступившие в коллекцию Зоологического института АН СССР в конце прошлого века. Поэтому маловероятно, что основной тип конституции, свойственный данной породе, искажен частичным смешением с современными декоративно-служебными породами. При сравнении полученных величин видно, что манхайская собака является по существу уже вполне сформировавшейся лайкой, сохранившейся с древности без изменения практически до нашего времени.

Анализ изученного материала показывает, что городище Манхай является преимущественно поселением скотоводов и охотников. Земледелие играло в их жизни не столь существенную роль, что подтверждается и археологическими данными [1]. В целом остатки диких животных в материалах составляют 28,1 %, а домашних 67,8 %. Это говорит о том, что ведущая роль в хозяйстве принадлежала животноводству.

Основной охотничьей добычей являлись косуля и благородный олень. Среди прочих диких животных их остатки доминируют, причем косуля значительно преобладает. Эпизодически добывались лось, северный олень, кулан, изредка кабарга и спускавшиеся по Ангаре байкальские тюлени. Вполне вероятен и пушной промысел: охота на волка, лисицу. В малых количествах добывали,

Промеры черепов Манхайской собаки и современных лаек, мм

Промеры	Целый череп	Фрагменты	Современная лайка	
			N-25	
			M	Lim
Основная длина черепа	172	—	179	171—191
Длина верхнего зубного ряда	99	90	97	72—105
Длина РМ ⁴ по коронке	19	18, 18	19	17—21
Длина костного неба	94	—	97	91—107
Длина нижней челюсти	146	124, 125	149	140—158
Длина нижнего зубного ряда	101	91	99	97—111
Длина М ₁ по коронке	23	21, 21	21	20—24
Длина слуховой капсулы	25	21	22	18—25
Ширина слуховой капсулы	19	16	18	16—22
Ширина в клыках	40	32, 34, 36	40	36—43
Ширина на уровне РМ ⁴	66	50, 58, 57	67	59—71
Межглазничная ширина	35	28, 37	39	33—41
Наибольшая ширина в скулах	—	—	114	103—124
Мастоидная ширина	54	—	54	49—57
Ширина хоан	19	16	18	15—22
Ширина височного сужения	41	28, 34	38	33—43
Высота морды в промежутке РМ ² —РМ ³	35	35, 33	35	33—41
Высота лба	64	52, 50	65	59—70
Длина лицевой части черепа	91	92	86	73—101
Длина мозговой части черепа	111	94	109	97—115
Длина косого диаметра глазницы	—	27	30	27—32

видимо, и пернатую дичь. Об этом говорит находка ближе не определенной косточки крупной птицы.

Манхайские охотники охотились на коне с арканом и луком, а также устраивали облавы с изгородями или сетями [1]. Теперь к этому можно добавить, очевидно, и охоту с собаками, вероятно, на оленя и лося, которых собаки загоняли и останавливали.

Основными домашними животными являлись тогда домашний бык и лошадь. Овцеводство имело второстепенное значение. Разводили некрупных овец размером примерно с нашу романовскую породу. Манхайская домашняя лошадь в основном не отличалась, видимо, от монгольской, приведенной кочевниками из Монголии тысячу лет назад. В качестве тягловой силы использовался и верблюд. Крупный рогатый скот содержался в большом количестве. По всей видимости, это были формы, близкие к современному монгольскому скоту. Вполне сложившаяся охотничья собака в Манхае занимала в то время уже прочное место рядом с человеком в его повседневной жизни. Представляет интерес практически полное отсутствие в материале остатков домашней свиньи и дикого кабана, на которого охотились в Прибайкалье с неолита [10].

Фаунистический состав остатков из Манхайского городища говорит о том, что климатические условия в регионе в момент существования уже не отличались от современных. Сформировались и основные ландшафтные районы. В Ангара-Ленском междуречье в это

время среди окружающих таежных массивов существовал обширный степной «оазис» с характерным набором видов, тяготеющих к степным и лесостепным стациям. Можно предполагать также эпизодические проникновения таежных обитателей вглубь степных пространств.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асеев И. В. Прибайкалье в средние века.— Новосибирск, 1980.— 150 с.
2. Бируля А. А. Предварительное сообщение о млекопитающих из «кухонных отбросов» стоянки каменного века на Верхоленской горе близ Иркутска // Докл. АН СССР.— 1929.
3. Вангенгейм Э. А. Палеонтологическое обоснование стратиграфии антропогенных отложений Восточной Сибири // Тр./Геол. ин-т АН СССР.— 1961.— Вып. 48.
4. Верецагин Н. К. Краниологическая характеристика современных ископаемых медведей // Зоол. журнал.— 1973.— Т. 53, вып. 6.— С. 920—930.
5. Верецагин Н. К. Сравнительная краниологическая характеристика диких кошек СССР // Зоол. журнал.— 1967.— Т. 46, вып. 4.— С. 537—599.
6. Витт В. О. Лошади пазырыкских курганов // СА.— 1952.— Т. 16.— С. 163—205.
7. Громов В. И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений на территории СССР: Млекопитающие, палеолит // Тр. / Ин-т геол. наук.— 1948.— № 17.— Сер. Геология.— Вып. 64.
8. Громов В. И. Фаунистический состав и геологические данные о палеолитической стоянке Мальта под г. Иркутском // Тр. сов. секц. межд. АИЧПЕ (INQUA).— Л., 1937.— Вып. 1.
9. Громов В. И. История лошадей (рода Equus) в Старом свете // Тр. / ПИН АН СССР.— 1949.— Т. 17, вып. 1—2.— 375 с., 161 с.
10. Ермолова Н. М. Териофауна долин Ангары в позднем антропогене.— Новосибирск, 1978.— 220 с.
11. Иванов Т. М. Байкальская нерпа (*Phoca sibirica* Gmelin), ее биология и промысел // Изв. БГНИИ при ИГУ.— 1938.— Т. 8, вып. 1—2.— С. 22—45.
12. Колесник Н. Н. Происхождение и географическое распространение крупного рогатого скота // Изв. АН СССР.— Сер. Биология.— 1938.— № 2 / 3.— С. 375—412.
13. Окладников А. П. История Якутской АССР.— М.; Л., 1955.— Т. 1.— 432 с.
14. Паавёр К. Л. К методике определения относительного значения видов и групп млекопитающих в остеологическом материале из раскопок археологических памятников // Изв. АН Эст. ССР. Сер. Биология.— 1958.— Т. 7.— № 4.— С. 277—290.
15. Петренко А. Г. Древнее и средневековое животноводство среднего Поволжья и Предуралья.— М., 1984.— 172 с.
16. Реймерс Н. Ф. Птицы и млекопитающие Южной тайги Средней Сибири.— М.; Л., 1966.— 420 с.
17. Румянцев В. Ф., Войтатский В. П. Лошади Монголии // Тр./ Монг. Комисс. АН СССР.— 1936.— Вып. 22.— С. 46—71.
18. Скалон В. Н. Атлас Иркутской области: Млекопитающие.— М.; Иркутск, 1962.— 150 с.
19. Фетисов А. С. О млекопитающих долины р. Уды // Тр. / Иркут. гос. ун-т.— Иркутск, 1953.— Т. 7, вып. 1—2. Сер. Биология.— С. 29—38.
20. Цалкин В. И. О некоторых корреляциях в строении костей млекопитающих // Бюлл. МОИП.— 1969, отд. биол.— Т. 74, вып. 2.— С. 124—128.

РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС САГАН-НУГЭ III НА БАЙКАЛЕ

Археологические памятники побережья оз. Байкал, в частности, Приольхонья известны с конца XIX в. [18]. В настоящее время, по сведениям В. В. Свинина [9], учтено более 300 разновременных местонахождений, представленных в основном подъемными сборами, стоянками, многослойными поселениями, пещерами, городищами, древними пашнями с оросительными системами, могильниками, наскальными изображениями. Особенно многочисленны на данной территории и наиболее изучены археологические объекты, относящиеся к железному веку. Несмотря на это, многие вопросы и, в частности, по проблемам духовной культуры, остались недостаточно освещенными в литературе. Поэтому каждое новое местонахождение, проливающее свет по этому вопросу, представляет несомненный интерес. Одним из таких памятников является комплекс Саган-Нугэ III, расположенный в одноименной бухте юго-восточного побережья зал. Мухор (Малое море, оз. Байкал), в 4 км к северо-западу от пос. Сахюртэ (Иркутская обл., Ольхонский р-н). В 1956 и 1959 гг. на склонах бухты проводились раскопки могильных сооружений, получивших название Саган-Нугэ I и II [17,4]. Комплекс Саган-Нугэ III обнаружен и исследован Маломорским отрядом Комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета в 1983 г.

Местонахождение расположено в седловине юго-восточного склона бухты, на высоте 74 м над уровнем Байкала (рис. 64). С севера, востока и юга седловина ограничена скальными выходами, западный склон обращен к Байкалу. Кладки обнаружены по торчащим из-под дерна плитам, образующим овальные контуры. Археологический материал, зафиксированный в кладках и под ними, идентичен (встречаются фрагменты керамики от одних сосудов). Поэтому описание керамики дается суммарно для каждой кладки в отдельности.

Кладка № 1 (кв. 1—4 г-е) — самое южное (крайнее) сооружение в данном комплексе. Имеет овальную форму размерами 3,2×2,1 м. Выложена из плит гнейса, плотно прилегающих друг к другу. Большинство плит наклонено к центру. Кладка ориентирована большей осью по линии север-юг (рис. 65—1).

При зачистке кладки обнаружен 221 предмет: из камня — 3, фрагментов керамики — 31, остатков фауны — 180 (определимой — 11, неопределимой — 52, жженой — 8, ихтиофауны — 109), фрагментов берестяного тусека — 7.

Каменный инвентарь представлен отщепом кварцита, отщепом кремня с локальной дорсальной ретушью, аморфным куском кремня со следами обработки.

Под кладкой зафиксировано темное пятно, повторяющее очертания и размеры кладки. В разрезе яма овальной формы, глубиной

0,2 м. Углубление выбито в скальной породе (рис. 65—2). В заполнении ямы найдены многочисленные угольки (следы кострища) и 511 предметов: из камня — 5, фрагментов керамики — 72, остатков фауны — 432 (определимой — 45, неопределимой — 286, ихтиофауны — 101), фрагментов бересты со следами перетяжек (фрагмент тусека) — 1 (рис. 66—1).

Каменный инвентарь представлен первичным сколом кварцита, отщепом кремня и кварцита, битой галькой (2 экз.)

Керамика, обнаруженная в кладке и в заполнении ямы, состоит из 103 фрагментов от 5 сосудов. Вся керамика с гладкой поверхностью: с толстыми стенками (0,8—1,2 см) — 58 фрагментов, с тонкими (0,2—0,6 см) — 45 фрагментов. Керамика от сосудов — простой закрытой формы, с плоским дном (рис. 66—4). Выделяется группа (фрагменты от трех сосудов) без орнамента; на одном из сосудов — отверстие для подвешивания (рис. 66—3). Орнаментированная посуда по композиции узора относится к одной группе (фрагменты от двух сосудов) — украшена по срезу венчика насечками (рис. 66—2).

Кладка № 2 (кв. 6—9 г-е) находится в 1,7 м к северу от кладки № 1. Имеет овальную форму, размерами 3,65×2,20 м. Выложена из плит гнейса, плотно прилегающих друг к другу. В средней части сооружения плиты уложены в два слоя; в северном конце — выложены в виде кольца диаметром 0,55 м. Кладка ориентирована длинной осью по линии север-юг (рис. 65—1). Внутри кольцевой кладки зафиксирована основная часть археологических находок (86 предметов).

В кладке обнаружено 130 предметов: из камня — 6, фрагментов керамики — 72, остатков фауны — 52 (определимой — 31, неопределимой — 16, ихтиофауны — 5).

Каменный инвентарь представлен пластинчатыми сколами — 2 (из кремня и кварцита), отщепами — 2 (из кремня и кварцита) и обломком галечного валуна с пропилами по длинным сторонам (ширина одного из пропилов — 2,8 см).

Под кладкой зафиксировано темное пятно овальной формы размерами 3,6×2,2 м. В разрезе оно представляет собой выдолбленное углубление с округлым дном. Глубина ямы 0,32 м (рис. 65—3). В заполнении пятна зафиксированы угольки и 611 предметов: из железа — 1, из камня — 11, фрагментов керамики — 137, остатков фауны — 462 (определимой — 138, неопределимой — 125, ихтиофауны — 199).

Железный крючок — верхний конец изделия (сплюснутый) загнут в виде кольца, образуя отверстие для подвешивания; нижний — приострен (рис. 66—8).

Предметы из камня:

боковой скребок из пластинчатого скола кремня, обработка лезвия — дорсальная (рис. 66—5);

поперечный резец с двукраевой дорсальной ретушью из пластинчатого скола;

рубящее орудие с полярно расположенными рабочими концами, оформленными односторонними сколами. Боковая сторона, сохраняю-

щая галечную поверхность, и рабочие концы орудия — со следами выщерблин (использовались в качестве отбойника) (рис. 66—7); обломок орудия с краевой дорсальной ретушью, из пластинчатого скола кремня.

Пластинчатый скол кремня — 1, отщепы — 4 (три из кремня, один из кварцита), битая галька — 1.

Керамика представлена 209 фрагментами с гладкой поверхностью: толстостенной — 133 фрагмента, тонкостенной — 76 фрагментов. Сосуды простой и сложной закрытой формы, с плоским дном (рис. 67—6). Неорнаментированной керамики — 201 фрагмент от 6 сосудов. Один из сосудов, восстановленный графически, сложной закрытой формы, диаметр венчика 14,5 см (рис. 67—4).

По композиции орнамента выделяется четыре группы.

Первая группа (фрагменты от трех сосудов) украшена по тулову налепным валиком, рассеченным насечками (рис. 67—3).

Вторая группа (фрагменты от одного сосуда) украшена насечками по внешнему краю венчика. Сосуд простой закрытой формы, диаметр венчика 15 см (рис. 67—2).

Третья группа (фрагменты от одного сосуда) украшена ногтевыми защипами (рис. 67—5).

Четвертая группа (фрагменты от одного сосуда) украшена по внешнему краю венчика насечками, по тулову — налепным валиком, оформленным насечками. Сосуд сложной закрытой формы, диаметр венчика 20 см (рис. 67—1).

Кладка № 3 (кв. 6—10 а-г) находится в 0,25 м к западу от кладки № 2 и в 2,8 м к северо-западу от кладки № 1. Форма кладки просматривается нечетко; плиты разбросаны в пределах 2,88—3,40 м. Сооружение выложено из плит гнейса. В центральной части, где плиты сохранили свое первоначальное положение, они плотно прилегают друг к другу и уложены в два слоя. Ориентация кладки по линии северо-восток — юго-запад (рис. 65—1).

При расчистке кладки зафиксирован 81 предмет: фрагментов керамики — 44, изделий из кости — 1, остатков фауны — 36 (определимой — 31, неопределимой — 2, ихтиофауны — 3).

Изделие из кости — в виде срезанной головки эпифиза с отверстием в центральной части (рис. 68—6).

Под кладкой обнаружено темное пятно овальной формы размерами 2,8×2,6 м. В разрезе представляет собой выемку глубиной 0,25 м (рис. 65—4).

В заполнении ямы зафиксированы угольки и 359 предметов: из камня — 2, фрагментов керамики — 125, остатков фауны — 232 (определимой — 127, неопределимой — 6, ихтиофауны — 92).

Каменный инвентарь: пластинчатый скол с двукраевой дорсальной ретушью (рис. 68—7), отщеп с ретушью.

Керамика представлена 169 фрагментами с гладкой поверхностью: толстостенной — 115, тонкостенной — 54. Сосуды простой и сложной закрытой формы, с плоским дном (диаметр дна одного из сосудов — 12,2 см) (рис. 68—5). Неорнаментированной керамики — 115 фрагментов от четырех сосудов (рис. 68—2-4). Фрагменты от двух

сосудов с дырочками для подвешивания. Орнаментированная посуда по композиции узора относится к одной группе (фрагменты от двух сосудов), украшена по тулову налепным рассеченным валиком (рис. 68—1).

Кладка № 4 (кв. 5—8 ж-л) расположена в 1,2 м к востоку от кладки № 2 и в 2,8 м к северо-востоку от кладки № 1. Сооружение овальной формы, размерами 3,73×2,15 м. Состоит из плит гнейса, уложенных в один слой; некоторые плиты разбросаны, что затрудняет определение точных границ кладки. Ориентация длинной оси по линии северо-восток — юго-запад (рис. 65—1).

В кладке зафиксировано 67 предметов: из камня — 4, фрагментов керамики — 26, остатков фауны — 37 (определимой — 22, неопределимой — 8, ихтиофауны — 7).

Каменный инвентарь:

проколка на дистальном конце пластины; рабочий конец оформлен двукраевой дорсальной ретушью (рис. 69—4);

аморфный кусок кремня со следами сколов — 1, отщепы — 2.

Под кладкой зафиксировано темное пятно, границы которого совпадают с границами кладки. Разрез представляет собой выемку глубиной 0,32 м (рис. 65—5). В заполнении ямы найдены угольки и 224 предмета: фрагментов керамики — 57, остатков фауны — 167 (определимой — 24, неопределимой — 108, ихтиофауны — 35).

Керамика представлена 83 фрагментами с гладкой поверхностью: с толстыми стенками — 60, с тонкими — 23 фрагмента. Сосуды простой закрытой формы, с плоским дном. Неорнаментированная керамика — 81 фрагмент от трех сосудов (рис. 69—1-3). Орнаментированная керамика представлена двумя группами: украшенная по тулову налепным рассеченным валиком — фрагменты от одного сосуда и фрагменты от сосуда, орнаментированные ногтевыми защипами (рис. 69—5).

Кладка № 5 (кв. 8—12 ж-л) расположена в 1,05 м к северо-востоку от кладки № 2, с севера примыкает к кладке № 4. Имеет неправильную овальную форму (из-за разброса плит); размеры кладки 3×2,67 м. Состоит из плит гнейса, плотно пригнанных друг к другу. Кладка ориентирована по линии северо-восток — юго-запад (рис. 65—1).

В кладке зафиксировано 72 предмета: фрагментов керамики — 63, остатков фауны — 9 (определимой — 3, неопределимой — 6).

Под кладкой обнаружено темное пятно, повторяющее форму и размеры наземного сооружения. Разрез представляет собой углубление мощностью 0,24 м (рис. 65—6). В заполнении ямы зафиксированы угольки и 600 предметов: из железа — 3, из камня — 34, фрагментов керамики — 188, остатков фауны — 375 (определимой — 48, неопределимой — 327).

Изделия из железа:

нож однолезвийный, черешковый, с горбатой утолщенной спинкой; черешок отделен от лезвия выступающей пяточкой; сечение

лезвия — треугольное. Длина ножа 9,8 см, ширина лезвия 1,4 см (рис. 69—9);

фрагмент пластины (возможно, обломок сосуда) — длина изделия 4 см, ширина 2,6 см;

кусок крицы — 1.

Каменный инвентарь:

трансверсальный резец с двумя продольными сколами; по краям изделия — дорсальная ретушь. Основание тела резца обработано двусторонней приотстригающей ретушью (рис. 69—6);

проколки: одна из отщепа, рабочий конец оформлен двукраевой двусторонней ретушью, вторая — с полярно расположенными рабочими концами, оформленными двукраевой дорсальной ретушью, из скола кварцита (рис. 69—8);

концевой скребок с овальным лезвием (рис. 69—7);

обломок пряслица из плоской округлой гальки. Диаметр изделия 5 см, отверстия — 0,4 см (рис. 69—10);

орудие с двумя выемками, оформленными вентральной ретушью, из отщепа (рис. 69—11);

пластинчатые сколы кремня — 7 (один с локальной однокраевой дорсальной ретушью);

отщепы кремня — 21 (один из них с локальной дорсальной ретушью).

Керамика представлена 251 фрагментом с гладкой поверхностью: с толстыми стенками — 148, с тонкими — 103 фрагмента. Сосуды простой закрытой формы, с плоским дном. Неорнаментированной керамики — 244 фрагмента от 6 сосудов, один из них с дырочками для подвешивания. Орнаментированная керамика по композиции узора подразделяется на четыре группы, выделенные ранее на материалах кладки № 2. Керамика 1-й группы представлена фрагментами от двух сосудов, 2—4-й групп — по одному сосуду. Сосуд 4-й группы, восстановленный графически — простой закрытой формы, с плоским дном (диаметр дна 17,7 см).

Таким образом, рассмотренный комплекс состоит из пяти кладок (табл.).

Из таблицы видно, что форма кладок, размеры (длина от 3 до 3,73 м, ширина от 2,1 до 2,88 м), конструктивные особенности сооружений (плоские кладки, выложенные из плит гнейса в один слой, в центре — в два; наличие под кладками ям, выдолбленных в коренных породах), глубина выемок (от 0,2 до 0,32 м), остатки кострищ в заполнении ямы, распределение археологического материала (расположение основной массы инвентаря под кладкой) — аналогичны, что свидетельствует о культурном единстве ритуала данных сооружений.

Некоторые отличия зафиксированы в ориентации кладок: по линии север-юг — две кладки (№ 1—2); северо-восток — юго-запад — три кладки (№ 3—5).

По номенклатуре (остатки фауны, ихтиофауны, керамики, изделия из кости и камня) и типологии археологического материала отмечается хронологическое единство памятников. Несколько вы-

Основные показатели сооружений*

Номер кладки	Размер кладки, м	Ориентация	Размеры пятна под кладкой, м	Глубина выемки, м	Количество археологического материала		
					в кладке	под кладкой	всего
1	3,2×2,1	С—Ю	3,2×2,1	0,20	221	511	732
2	3,65×2,2	С—Ю	3,6×2,2	0,32	130	611	741
3	3,4×2,88	СВ—ЮЗ	2,8×2,6	0,25	81	359	440
4	3,73×2,5	СВ—ЮЗ	3,7×2,1	0,32	67	224	291
5	3×2,67	СВ—ЮЗ	3×2,6	0,24	72	600	672

* Форма всех кладок овальная, особенности заполнения ямы для кладок — наличие углей.

деляются комплексы кладок № 2 и 5, где зафиксированы изделия из железа и наибольшее число остатков посуды (фрагменты от 11—12 сосудов).

Подобные кладки встречены в Приольхонье совместно с могилами курыканского времени на памятниках Харанса I и II [10, 11], Хужир III [12], Хужир IV [13]. Их объединяет одинаковая ситуация расположения, форма и конструкция кладок, состав археологического материала. Авторы раскопок рассматривают данные сооружения как «ритуальные», связанные с погребальным и поминальным обрядами и датируют курыканским временем (поздний железный век). В отличие от них, комплекс Саган-Нугэ III расположен самостоятельно, независимо от погребений. Вероятно, перед нами следы ритуальной тризны, связанной с каким-то определенным обрядом. В пользу этого говорит большое количество остатков фауны (кости копытных и рыб), которые составляют от 57 до 84 % от общего числа археологических находок, зафиксированных в каждом комплексе. Основную массу костных остатков составляют мелко расколотые трубчатые кости и ихтиофауна. Все это позволяет сделать вывод, что перед нами пищевые отбросы (остатки ритуальной тризны).

Археологический материал комплекса Саган-Нугэ III находит широкие аналогии в памятниках Предбайкалья и сопредельных территорий.

Железный однолезвийный нож (кладка № 5) находит аналогии в материалах курыканских погребений Ангинского и Куркутского комплексов, о. Сосновый [1], Хужир III [12], датируемых IX-XI вв. н. э. На Алтае и Туве черешковые ножи появляются в начале гунно-сарматского периода (II в. до н. э.— V в. н. э.), но широкое их распространение относится к VI-XI вв. н. э. [15].

Железные крючки встречены в Приольхонье: в Ангинском, Куркутском комплексах [1], на памятнике Хужир III [12], в Приангарье: на о. Сосновом, Лесном [1]. Однако прямых аналогий крючку из кладки № 2 в настоящее время не найдено.

Поперечные резцы (кладки № 2 и 5) представлены типологическими формами, характерными для мезолита Приольхонья и Приан-

гарья [2, 19, 6]. Наличие данных резцов в кладках железного века в настоящее время не находит убедительного объяснения. Возможно, они занесены сюда в древности из самой бухты Саган-Нугэ, в которой расположено поселение мезолитического времени.

Гладкостенные, плоскодонные сосуды баночной формы, орнаментированные налепным валиком, насечками по внешнему краю венчика, имеют широкие аналогии в курыканских памятниках Приольхонья и Приангарья: в шатровых могилах зал. Куркут, о. Ольхон [1], оз. Нурэ [5], в комплексах Хужир III и IV [12, 13], Абазаев утуг [16], о. Сосновый, на Манхайском городище [4]. Данная керамика считается характерной для курыканской (курумчинской) культуры и датируется поздним железным веком — V—X вв. н. э. [8, 9]. Аналогичная керамика встречается в ряде местонахождений сопредельных территорий: в Забайкалье в ритуальных насыпях Танхарского могильного комплекса, датируемого не позднее X в. н. э. [14], на стоянках лесных охотников Средней Лены, относящихся ко второй половине 1-го тыс. н. э. [7].

Керамика, украшенная ногтевыми зашипами, известна в Приангарье с развитого бронзового века [3] и встречается вплоть до курыканского времени [1].

Таким образом, конструктивные особенности сооружений, наличие следов кострищ под кладками, типологический анализ археологических материалов комплекса Саган-Нугэ III позволяют связать эти кладки непосредственно с курыканской культурой и датировать поздним железным веком (V—X вв. н. э.). По характеру — памятник ритуальный, возможно, представляет собой жертвенник.

Изучение комплекса Саган-Нугэ III существенно дополняет наши представления о духовной культуре курыкан и ставит перед нами новые задачи — поиск и тщательное изучение подобных памятников, что позволит в дальнейшем более подробно охарактеризовать данный обряд.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асеев И. В. Прибайкалье в средние века. — Новосибирск, 1980. — 150 с.
2. Горюнова О. И. Бескерамические комплексы многослойного поселения Берлога // Палеолит и мезолит юга Сибири. — Иркутск, 1982. — С. 174—191.
3. Горюнова О. И., Смотров В. И. Погребальные комплексы могильника Шумилиха (Анализ материалов и датировка памятника) // Бронзовый век Приангарья: Могильник Шумилиха. — Иркутск, 1981. — С. 17—28.
4. Грязнов М. П. Отчет Иркутской археологической экспедиции о раскопках на Байкале в 1959 г. // Архив Ин-та Археологии АН СССР. — Р. 1. — № 2023. — 242 с. — Л., 1960.
5. Мандельштам А. М. Шатровый могильник у оз. Нурэ (о. Ольхон) // Бронзовый и железный века Сибири. — Новосибирск, 1974. — С. 150—155.
6. Медведев Г. И., Мизнюк Г. Н., Шмыгун П. Е. Мезолит юга Восточной Сибири // Древняя история народов юга Восточной Сибири. — Иркутск, 1975. — Вып. 3. — С. 74—80.
7. Окладников А. П. История Якутской АССР. — 2-е изд. — М.; Л., 1955. — Т. 1: Якутия до присоединения к русскому государству. — 432 с.

8. *Свинин В. В.* К итогам археологических исследований на Байкале // Учен. зап. ВСО ГО СССР / Иркут. обл. музей краеведения. — 1971. — Вып. 4. — Ч. 1: Вопросы истории Сибири. — С. 61—77.

9. *Свинин В. В.* Периодизация археологических памятников Байкала // Изв. ВСО ГО СССР. — 1976. — Т. 69. — С. 167—179.

10. *Свинин В. В., Базалийский В. И., Зайцев М. А., Николаенко С. Н., Саркисов В. Р.* Исследования курыканского могильника Харанса I в 1978—1979 гг. // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии: Тез. докл. к регион. конф. / Иркут. ун-т. — Иркутск, 1980. — С. 120—122.

11. *Свинин В. В., Зайцев М. А., Базалийский В. И., Воробьев А. М., Николаенко С. Н., Саркисов В. Р.* Курыканские могильники Харанса I и Харанса II на о. Ольхоне // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Центральной Азии: Тез. докл. к регион. конф. / Иркут. ун-т. — Иркутск, 1978. — С. 41—43.

12. *Свинин В. В., Зайцев М. А., Дашибалов Б. Б.* Новый курумчинский (курыканский) памятник Хужир III // Проблемы археологии и этнографии Сибири: Тез. докл. к регион. конф. / Иркут. ун-т. — Иркутск, 1982. — С. 126—127.

13. *Смотрова В. И.* Работы Иркутского краеведческого музея // АО, 1980. — М., 1981. — С. 210—211.

14. *Хамзина Е. А.* Археологические памятники Бурятии. — Новосибирск, 1982. — 152 с.

15. *Хоанг Ван Кхоан.* Технология изготовления железных и стальных орудий труда Южной Сибири (VII в. до н. э. — XII в. н. э.) // СА. — 1974. — № 4. — С. 110—124.

16. *Хороших П. П.* Исследования каменного и железного веков Иркутского края (о. Ольхон) // Изв. БГНИИ при ИГУ. — 1924. — Т. 1. вып. 1. — 50 с.

17. *Хороших П. П.* Энеолитическое погребение на берегу оз. Байкал // СА. — 1957. — № 4. — С. 153—155.

18. *Черский И. Д.* Предварительный отчет о геологическом исследовании береговой полосы оз. Байкал // Изв. ВСОРГО. — 1880. — Т. 11. — № 1—2. — С. 8—83.

19. *Шмыгун П. Е., Филиппов А. К.* Нижний комплекс стоянок Курла // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. — Иркутск, 1982. — С. 15—24.

**В. М. Ветров,
О. В. Задонин**

ВОЗДУШНОЕ ЗАХОРОНЕНИЕ В ДОЛИНЕ РЕКИ КАРЕНГИ

В полевой сезон 1983 г. авторами настоящего сообщения проводилась археологическая разведка на 200-километровом участке р. Каренга (правого притока Витима) между селами Тунгокочен и Усть-Каренга. Наряду с археологическими памятниками были зафиксированы остатки обвалившегося лабазного захоронения, исследование которых позволило восстановить некоторые элементы обряда похорон эвенков-орочонов Привитимья.

Захоронение обнаружено в районе руч. Багдакон, примерно в 800 м от берега р. Каренга у подножия останца цокольной террасы. Местность густо залесена. Первоначально были зафиксированы два пня (несущих опоры), очищенных от коры до самых корней. Высота каждого 100 см, диаметр в верхней части 15 см. Расстояние между пнями 140 см; ориентированы по линии северо-запад — запад, юго-восток — восток. На одной из опор сохранилась поперечная планка и зацепившаяся за нее продольная доска.

Снятие слоя мха между пнями и вокруг дало возможность выявить остатки прямоугольного ящика в виде полуистлевших продольных и торцовых досок и скрепляющих их поперечных планок. В целом сооружение должно быть близким к предлагаемой реконструкции (рис. 70—1). Нахождение среди досок костей человека — плечевой, берцовой, бедренных, четырех ребер, ключицы и зуба — не оставляют сомнений в назначении ящика как камеры для захоронения. Последняя была изготовлена из расколотых досок (дранья), отесанных топором с одной — внутренней стороны. Торцовые доски несколько «утоплены» внутрь и вставлены в пазы, выдолбленные в боковых (рис. 70—2). Торцы боковых досок срезаны под острым углом к середине и выступают по отношению к крышке и днищу. Все сооружение скреплялось двумя рамами из поперечных планок (сверху и снизу) и вставленными в них почти квадратными в сечении брусками. Последние, стягивая верхние и нижние доски, одновременно заклинивали с внешней стороны боковые. На несущих опорах камера фиксировалась путем насаживания поперечных планок центральными отверстиями на шипы, составляющие с опорами одно целое и являющиеся их продолжением (рис. 70—3). Параметры камеры следующие: длина 180 см, ширина в северо-западной — западной части 60 см, в юго-восточной — восточной — 70 см, высота 25 см. Судя по наибольшей ширине камеры, покойный был ориентирован головой на юго-восток — восток.

Исходя из результатов реконструкции, вышеуказанное сооружение представляет собой один из вариантов наземных и воздушных захоронений, по конструктивным особенностям и способу трупопомещения типичных для аборигенов севера и востока Сибири, включая зону тундры и лесотундры [4]. В лесных районах подобные сооружения обычно устанавливались на одной или нескольких опорах, что до христианизации было наиболее распространено к востоку от Енисея [6]. В наиболее глухих местах, в частности, в бассейне Витима этот способ захоронения бытовал вплоть до начала 60-х гг. XX в. [11, с. 171]. Прямые аналогии конструкции багдаконского лабаза можно найти среди воздушных захоронений, обследованных в 1977—1978 гг. в верхней части бассейна Витима этнографическим отрядом Комплексной археологической экспедиции Иркутского университета [1,2].

Кроме остатков деревянной конструкции и разрозненных костей взрослого человека, из-под мха был извлечен сопровождающий материал. Всего найдено семь предметов:

- 1.2. Медные пластины со следами зарубок по неровно обрубленным (обрезанным) краям, служившие, очевидно, в качестве заготовок (рис. 71—1,2).

3. Точильный брусок из серого песчаника с сильно сработанными широкими плоскостями (рис. 71—3).

4. Верхняя часть головки курительной трубки, состоящая из медного кольца, закрепленного на каповой основе (рис. 70—4).

5. Каменный скребок из массивного пластинчатого скола с рабочими лезвиями на дистальном и проксимальном концах. Маргиналы

скола частично ретушированы и могли использоваться как лезвие ножа (рис. 77—5).

6. Трехгранный сильно корродированный напильник (рис. 71—6).

7. Медный наконечник стрелы с пером треугольной формы и втульчатым насадом. Втулка изготовлена путем скручивания медной пластинки вокруг древка (внахлест). В ходе работы на ней были оставлены следы в виде царапин от применявшегося при этом инструмента. Сохранившаяся часть древка обрезана вверх под конус, внизу обломана (рис. 71—7).

Среди перечисленного инвентаря особое внимание обращают на себя два изделия: каменный скребок и медный наконечник стрелы. Первый имеет близкие аналогии среди орудий неолитических стоянок верхней части долины Витима и по отношению к захороненному является, по всей видимости, подъемным материалом. Следов реутилизации на лезвиях скребка не прослеживается. Что касается наконечника, то сделан он довольно грубо, не обладает необходимой прочностью, легко гнется.

Указанные предметы вряд ли могли использоваться по назначению и, очевидно, служили лишь инвентарем, сопровождающим в иной мир. Вместе с тем, вопрос об использовании аборигенами Восточной Сибири в недалеком прошлом каменных и медных орудий в повседневной жизни требует специального рассмотрения.

Общеизвестным фактом является то, что у аборигенов северо-востока азиатского материка «...еще каких-нибудь 300 лет назад... в полном расцвете находилась техника каменного века, где и после того еще долгое время широко применялись каменные орудия» [8, с. 214].

По свидетельству В. Л. Серошевского, до середины XIX в. каменные орудия использовали якуты, юкагиры и тунгусы. При этом, говоря о применении каменных топориков тунгусами низовьев Колымы, исследователь отмечал, что их уже не умели выделывать, а пользовались старыми [10, с. 402, 403]. Вплоть до сегодняшнего дня отдают предпочтение каменным скребкам пожилые люди, живущие в Верхоянских горах и на хребте Черского [7]. Пользуются таковыми и в с. Верхняя Гутара в Тофаларии¹. В 1976 г. жителю с. Усть-Каренга старому ороchonу Я. П. Унаулову были показаны каменные изделия, только что извлеченные из культурных слоев эпохи неолита — палеометалла. При этом Я. П. Унаулов без труда определял их функциональное назначение², что может служить косвенным свидетельством недавнего использования некоторых категорий каменных орудий.

К сожалению, из-за отсутствия необходимых для определения частей скелета, пол захороненного остается неизвестным. Не является в связи с этим интерпретирующим и сопровождающий материал. Исходя из наблюдений некоторых авторов, в его составе имеются атрибуты как мужского (стрела), так и женского (скребок) хоро-

¹ Сорин В. Г. Устное сообщение.

² Аксенов М. П. Устное сообщение.

нений [2; 3, с. 241]. Четкое разделение на мужской и женский инвентарь, видимо, не всегда и не везде было обязательным. Имеются данные, что, например, у северных якутов, в погребальном обряде которых прослеживаются и эвенкийские традиции [5, с. 146], оружийный набор во многом зависел от склонностей конкретного человека: «...если он был зверопромышленник, с ним кладут лук и стрелы; если он искусно выделывал звериные шкуры, — с ним кладут инструменты, которые употреблял в своем ремесле; если он хаживал на медведя, его снабжают в погребальный мир пальмой... Ножиком снабжается всякий, как вещь, с которой не расставался и при жизни» [9, с. 3,4].

Что касается датировки захоронения, то, судя по неплохо сохранившимся костям, инвентарю и частям конструкции, ему не более 30—50 лет.

Таким образом, исследования в устье Багдакона позволили получить дополнительные данные о погребальном обряде обитателей тайги, поднять ряд проблем относительно их материальной и духовной культуры. Уже изученные к настоящему времени воздушные захоронения в бассейне Витима, наряду с имеющейся информацией о таковых в вершинах руч. Багдакон, р. Бугарихта (Каренгской), на Витимо-Нерчинском водоразделе, р. Калар и других местах, создают широкую перспективу для работы в этом направлении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбатский А. И. Захоронения ороченов среднего Витима // Отчетно-научная конференция: Тез. докл. — Иркутск, 1979. — С. 81—82.
2. Арбатский А. И. Конструкция погребальных сооружений эвенков-ороченов среднего Витима // Материальная культура древнего населения Восточной Сибири. — Иркутск, 1982. — С. 140—148.
3. Василевич Г. М. Эвенки. — Л., 1969. — 304 с.
4. Грачева Г. Н. Конструкция погребальных сооружений у некоторых сибирских народностей // Полевые исследования института этнографии. 1975 г. — М., 1977. — С. 63—70.
5. Гурвич И. С. Культура северных якутов-оленьеводов. — М., 1977. — 247 с.
6. Гурвич И. С. Похоронная обрядность. Заключение // Семейная обрядность народов Сибири. — М., 1980. — С. 222—231.
7. Николаев С. Как относиться к загадочным чучунаа? // Вокруг света. — 1975. — № 6. — С. 58.
8. Окладников А. П. История Якутской АССР. — М.; Л., 1955. — Т. 1. — 432 с.
9. Приклонский И. С. Похороны у якутов в северной части Якутской области. Извлечение из сибирского сборника. — Иркутск, 1890. — 9 с.
10. Серошевский В. Л. Якуты. — СПб. 1896. — Т. 1. — 719 с.
11. Уголкуев В. А. Похоронная обрядность. Эвенки и эвены // Семейная обрядность народов Сибири. — М., 1980. — С. 165—176.

К ВОПРОСУ О ТИПОЛОГИИ КУЛЬТОВЫХ СООРУЖЕНИЙ ЭВЕНКОВ НИЖНЕЙ ТУНГУСКИ

В религиозном сознании эвенков Нижней Тунгуски, как и других территориальных групп тунгусов, культы занимали ведущее положение. Они сопровождали каждую эвенкийскую семью как в охотничьем промысле и оленеводстве, так и в их повседневной деятельности и в быту. Еще в 20—30-е гг. нашего столетия во всех территориальных группах эвенков Нижней Тунгуски шаманизм оставался активно действующим культом. Шаманские камлания посвящались поиску «похищенных» душ и изгнанию злых духов, посвящению оленей в «сэвэк», поиску с помощью шаманских духов потерянных оленей, испрашиванию благополучия для семьи и многому другому. Отдельные случаи проявления шаманизма отмечены еще в 60-е гг. текущего столетия.

Первое описание шаманского чума и обряда у эвенков Нижней Тунгуски (илимпийская группа) сделано И. М. Сусловым в 1932 г. Камлание было посвящено выяснению причины смерти одного из эвенков. По описанию И. М. Суслова, шаманский чум состоял из собственно чума «дюми» и двух галерей — «дарпэ» и «онанг». Первая сооружалась из молодых лиственниц, вторая — из старых сухих деревьев. За исключением рисунка самого чума, иллюстрации, показывающие расположение и формы культовой скульптуры как внутри чума, так и вокруг него, в данной работе отсутствуют.

В 1931 г. Г. М. Василевич произведена запись другого шаманского обряда, связанного с посвящением оленя в «сэвэк», сопровождавшего культовое действие по поводу заболевшего эвенка. Для камлания были сооружены чум и площадка, которые были обставлены различными антропо-и зооморфными изображениями.

По описанию Г. М. Василевич, обряд начинался предварительным камланием, во время которого шаман держал совет со своими духами-помощниками. «Узнав», что душа больного унесена в мир мертвых, шаман предлагал родственникам больного приготовить мольбище и приступал к обряду посвящения оленя. Вторая часть камлания — поиски души заболевшего и возвращение ее, совершалась после краткого перерыва или на другой день.

Кроме этого, Г. М. Василевич в той же работе сообщает еще об одном виде камлания — «шингкэлэвун». По словам Г. М. Василевич, «шингкэлэвун» входил составной частью в «большое камлание», состоявшее из нескольких частей — очищение охотников, хождение шамана к «шингкэн»у — духу хозяина охотничьей территории, испрашивание удачи охотникам, ритуальное «убивание» зверя. К сожалению, и эти описания шаманских обрядов не содержат характеристики полного набора свойственной камланию атрибутики шаманского чума. В целом же сведения о шаманских обрядах эвенков Нижней Тунгуски и связанных с ними культовых сооружениях отмечены примерами и ограничиваются.

В основу настоящей статьи легли материалы полевых экспедиций автора на Нижнюю Тунгуску 1973—1982 гг. В ходе их автору удалось осмотреть три шаманских чума, произвести их обмеры и зарисовку, запечатлеть в фотоматериалах. Полевые сборы включили также описание и пояснение к данным культовым сооружениям и их атрибутике, полученные от наиболее осведомленных пожилых эвенков, которые неоднократно участвовали в шаманских камланиях.

Шаманский чум «нымгандяк», принадлежавший И. В. Сычегир (среди эвенков Нижней Тунгуски считался «большим шаманом») состоял из чума «дюми», в котором совершалось обрядовое действие, посвященное изгнанию злого духа «бутыля» из большой эвенки; галереи «дарпэ» и мольбища (рис. 72, поз. А. Б, В).

Как чум, так и галерея охранялись изображениями духов — помощников шамана. Они представляли собой грубо вырезанные из дерева живой лиственницы фигуры рыб и птиц, зверей и людей. Возле чума в трех местах попарно, на шестишках располагались фигуры лебедей «чав» (рис. 72—3), четыре антропоморфных изображения людей «хомоконов» (рис. 72—4). Напротив входа в чум, «дубкау» находилась двуглавая фигура тайменя «дельбон» (рис. 72—5), в центральной части туловища которого прорезано сквозное отверстие. Каждое изображение духа («этан», как его именовали информаторы) выполняло особое поручение шамана — таймень «дельбон» не только охранял вход в чум от злых духов, но и «сторожил» вход в «нижний мир»; лебеди охраняли шаманский чум с воздуха и помогали шаману в его воздушных «странствиях»; «хомоконы» наряду с охраной чума «поддерживали его, чтобы он не упал во время камлания». Поверх покрытия чума, очевидно, для удержания покрытия, устанавливались четыре длинных толстых жерди «дукар», которые возвышались над остовом чума. Внутри чума, за очагом, устанавливалась жердь — «туру», изготовленная из свежесрубленной лиственницы. Верхний конец жерди выводился в дымовое отверстие чума. «Туру» представлялась эвенкам лестницей, по которой шаман поднимался в верхний мир и на которой отдыхали духи — помощники шамана.

Участники обряда проходили в чум «дюми» через галерею «дарпэ», которая в представлении эвенков располагалась «на острове шаманской реки». Галерея состояла из помоста — четыре рядом уложенных бревна (рис. 72—6), укрытого двускатным шалашом из молодых лиственниц (рис. 72—7). Шалаш якобы закрывал участников обряда от «взглядов злых духов» в то время, когда участники «переходили на остров шаманской реки». Перед входом и выходом из галереи «дарпэ» располагались изображения щук — «гуткэн», которые, в представлении эвенков, были своего рода плотами («томулон»), служившими для передвижений по шаманской реке. С западной стороны галереи таких изображений насчитывалось 15, с восточной — 7. Все изображения «гуткэн» выполнены из колотых досок, ориентированы головами поочередно в южную и северную стороны. По объяснению информаторов, «гуткэн» охраняли вход и выход на «шаманский помост», души всех участников обряда,

передавая последние «щукам» во время перешагивания людей через изображения.

По обе стороны галереи располагались по две пары «хомокон» ов (рис. 72—9), обращенных лицом к «дарпэ», по паре изображений лебедей «чав» (рис. 72—10). Парно лебеди крепились друг над другом на воткнутых в грунт шестах. По словам информаторов, «хомокон»ы поддерживали галерею, чтобы ее не унесло течением шаманской реки. С восточной стороны «дарпэ» размещались изображения оленей-быков («собихстог»), которые считались самыми сильными духами — помощниками шамана, выполнявшими наиболее важные поручения. Перед галереей, с восточной стороны, устанавливались «очистительные» ворота «угдупка» (рис. 72—12) — две короткие жерди с закрепленной на верхнем срезе перекладиной.

В нескольких метрах восточнее «угдупки» сооружалось мольбище, на котором производилось принесение жертвы божеству верхнего мира и обращение к нему участников обряда. Мольбище состояло из «сэргэ» — длинной листовичной жерди с тремя перекладинами, соответствующими, в представлении информаторов, трем мирам (рис. 72—13). «Сэргэ» служила шаману «лестницей, по которой он во время камлания поднимался из одного мира в другой». По окончании обряда на «сэргэ» вешали шкуру убитого жертвенного оленя. Перед «сэргэ» на пне устанавливалось изображение гигантского двуглавого оленя — «калир»а (рис. 72—14). Головы оленя ориентированы в восточную и западную стороны. По сообщению информаторов, мифический олень воплощал в себе образ верховного божества.

Само камлание в описании информаторов выглядит следующим образом. Участники друг за другом проходили через очистительные ворота, проползали по настилу в галерею «дарпэ» и входили в чум «дьюми». Замыкающий процессию участник протаскивал следом аркан («маут»), петля которого была накинута на рога жертвенного оленя, находящегося возле «сэргэ». «Маут» протягивали через «угдупки», «дарпэ», продевали в отверстие изображения «дельбон»а и вносили в чум. Конец «маута» передавался шаманом в руки больного. Шаман начинал камлание созыванием духов-помощников. Собранные шаманом духи отправлялись им в нижний мир «хэргу», где встречались с умершими предками и узнавали у них причину заболевания. Для связи шамана со спустившимися в нижний мир духами для разведки и указания им правильного пути служили лебеди «чав».

По возвращении из нижнего мира духи-помощники «сообщали» шаману, что в больного (в данном случае женщину) вселился злой дух, поедающий ее душу. Через своих помощников шаман советовался с верховным божеством — «экшэри», после чего приступал к изгнанию вселившегося в больную злого духа «бумумука». По словам информаторов, шаману не сразу удавалось исцелить больную. С большим напряжением сил, преодолев сопротивление злого духа, шаман «по мауту» переселял его из больной в жертвенного оленя в тот момент, когда больная, испытывая в ходе камлания наиболь-

шее возбуждение, натягивала маут. В то же время один из эвенков, помогающих шаману и находящийся возле жертвенного оленя, закалывал жертву.

Весь процесс камлания сопровождался ударами в бубен и пением шамана, из которого присутствующие узнавали о действиях шамана и результатах камлания.

По окончании камлания в чуме, оно продолжалось на мольбище, где участники обряда, обращаясь к изображению оленя «калира», просили у верховного божества защиты, ограждения их семей от болезней. Затем на «сэргэ» развешивали шкуру принесенного в жертву оленя и приступали к поеданию его мяса. Приведенное описание камлания записано со слов его участников — эвенков И. П. Монго и В. П. Каплина (последний — сын эвенкийского шамана).

В 1982 г. нами осмотрены еще два шаманских чума, в которых в начале века проводились камлания с участием эвенков Непской группы (р. Нижняя Тунгуска) женщиной-шаманкой из рода Ятоил и шаманом из рода Салаткиных. Оба обрядовых действия были связаны с «испрашиванием благополучия» для семей участников.

В первом случае перед началом камлания по указанию шаманки Марии Ятоил был сооружен чум «дюми» и «мольбище» (рис. 73). С северной стороны от мольбища из срубленных молодых лиственниц изготовлялся односкатный шалаш, у основания которого представлялись изображения лосей и оленей. С западной стороны культового сооружения «дюми» на стволах двух растущих лиственниц, опираясь на вбитые в стволы деревянные клинья, располагалась длинная жердь-перекладина (рис. 73—1). Как объясняли неоднократно участники камланий Е. М. Салаткина, А. М. Черончина и К. Коненкин, жердь являлась как бы границей между средним и нижним мирами. Вдоль жерди располагались изображения многочисленных духов — помощников шаманки. На шестах установлены изображения орлов «киран» (рис. 73—2) и ястребов «тернга» (рис. 73—3), расположенных друг над другом. Рядом с чумом находились изображения тайменей «дельбон» (рис. 73—4), лежавшие на земле головами в противоположные стороны, два изображения медведя «куты» (рис. 73—5). Последние, по словам информаторов, представлялись в образе мифических медведей — основных духов — помощников шамана.

С северо-западной стороны чума, рядом с ним располагались две фигуры лошадей (рис. 73—6), назначение которых не объяснено информаторами. Возможно, что включение этих изображений в пантеон духов-помощников есть следствие проникновения в хозяйство эвенков транспортных лошадей. Изображения медведей и лошадей отличаются совершенством и направлены головой на запад.

Рядом с изображениями тайменей «дельбон» помещалось вертикально воткнутое в землю антропоморфное изображение духа «ханьякан» (рис. 73—7), которое, по словам информаторов, представляло «живую душу сородичей».

Чум «охраняло» изображение духа-помощника — щуки «гуткэн»,

ориентированное головой на восток (рис. 73—8). Неподалеку от входа в чум на двух чурбаках выложен настил из коротких бревен (рис. 73—9), возле которого после окончания жертвоприношения происходило поедание мяса жертвы. В центре культового комплекса устанавливался деревянный идол — «манги», воображаемый дух — предок шаманки (с ним шаманка во время камлания постоянно «советовалась»).

В северной части мольбища располагалась «сэргэ» (рис. 73—11) — жердь с надетым на верх изображением полумесяца. В изображении просверлены 15 отверстий, в которые вставлены деревянные штыри, выступающие над плоскостью на 1—1,5 см и служившие, по объяснению информаторов, для развешивания подарков верховному божеству. Слева от «сэргэ» на шестах укреплены фигуры лебедей «чав», которые, как и в отмеченном выше культовом комплексе, считались одними из основных духов — помощников шамана (рис. 73—12).

С восточной и южной сторон мольбища располагались зооморфные изображения оленей «калир», направленные головами в разные стороны (рис. 73—13). К югу от них на шестах закреплены скульптуры уток-лутков «какдыры» (две штуки), две фигуры орлов «киран», пара гагар «укэнг» (рис. 73—14, 15, 16).

Ведущее положение среди представленных на мольбище изображений духов-помощников (как объясняли информаторы) занимала фигура лося «токи» (рис. 73—17), рядом с которым на шестах возвышались фигуры гагары, дятла «кирэктэ», пара кукушек «кукты», пара кедровок (рис. 73—18, 19, 20, 21).

По сообщению информаторов, на данном культовом комплексе обрядовые действия совершались в течение трех дней. Все действия шаманки и участников обряда были последовательно обращены к «хозяину земли», «хозяину промысловых угодий», «верховному божеству», у которых они просили «счастья и достатка в семье». При этом действующие в обряде духи-помощники «представляли» свойственную им природную среду: птицы — воздушную, рыбы — водную, остальные — нижний и верхний миры.

По рассказам информаторов, камлание началось «путешествием» шаманки и ее духов-помощников — куту, гуткэн, дельбон, укэнг — к духу — «хозяину земли», у которого шаманка просила зверей, «чтобы в изобилии водились в угодьях эвенков». «Хозяин земли» отсылал шаманку к духу — «хозяину животных», к которому она отправлялась по возвращении из нижнего мира. На сей раз ее помощниками были олени «калир» и лоси «токи», многочисленная стая «птиц-духов». Обнаружив с помощью крылатых помощников «хозяина животных», окруженного многочисленными стадами зверей, она выпрашивала часть их и, забрав животных в виде шерстинок, возвращалась с ними на землю к эвенкам.

Во второй день действие шаманки представляется нам аналогией обряда «шингэлэвун», записанного в свое время А. Ф. Анисимовым у эвенков Подкаменной Тунгуски (1949). Действие состояло из

«поиска шингкэнов», исполнения охотничьего танца-пантомимы, имитирующего «созывание промысловых животных» и «расселение» их в угодьях. Следующим актом было изготовление из молодых лиственниц односкатного шалаша, изготовление фигурок промысловых животных. Установив изображения у основания шалаша, мужчины стреляли в них из луков. После этого шаманка производила «очищение» охотников.

В последний день камлание проходило на мольбище, в нем принимали участие все присутствующие. Во время камлания обращались к верховному божеству «экшэри» с просьбой о защите от всех невзгод, с просьбой обеспечить удачу во всех делах, в охотничьем промысле и в оленеводстве, с тем чтобы в семьях не было болезней. В дар божеству приносились подарки в виде связок бисера, полосок ткани, шкурок зверьков — все это развешивалось на «сэргэ».

Следующий из осмотренных нами шаманских чумов принадлежал М. К. Салаткину. Конструктивно он несколько отличается от рассмотренного выше. Комплекс также включает чум «дюми» и мольбище, однако представленных на нем изображений шаманских духов несколько меньше (рис. 74). Вокруг чума располагались антропоморфные скульптуры и фигуры рыб размерами от 2,6 до 5 м. У входа в чум на земле лежали две фигуры тайменей (рис. 74—1), к северу и западу от которых располагались по одной фигурке щук (рис. 74—2, 3), пара налимов «дели» (рис. 74—4).

В комплексе изображений культового комплекса отмечено значительное число антропоморфных скульптур, которые понимались информаторами как изображения реальных людей. Так, вокруг чума располагались четыре пары фигур «хомокон»ов, в представлении эвенков изображавших мужей с женами (рис. 74—5). Еще один «хомокон» установлен у входа в чум, несколько южнее фигуры налима «дели». По словам информаторов, «хомокон» изображал предка шамана Салаткина. На мольбище к стволу растущего дерева были прислонены пять антропоморфных фигур, изображавших «живые души» участников обряда (рис. 74—7). К востоку от антропоморфных изображений установлен на двух сваях лабаз — надежное временное хранилище мяса жертвенных оленей (рис. 74—8). К настилу лабаза с западной стороны прикреплены шести с посаженными на них фигурками лебедей «чав» и уток «дэкичен» (рис. 74—9, 10).

На данном культовом комплексе «сэргэ» — место помещения жертвоприношений представляло собой две жерди, закрепленные горизонтально на вбитых в растущие деревья клиньях (рис. 74—11). Одна «сэргэ» при этом сооружена на мольбище, вторая — у входа в шаманский чум.

На культовом комплексе вокруг чума, на стволах деревьев, скорее всего топором, выполнены плоскостные изображения тайменей, щук и налимов (рис. 74—12).

Смысл и общий характер обрядовых действий в рассматриваемом случае аналогичен рассмотренному выше действию. Однако в отличие от него после охотничьей пантомимы шалаш не сооружался, а

* изготовленные ранее фигурки зверей относились в заросли ерника и ивы, где устанавливались на границе зарослей и открытого пространства (по словам информаторов — «тундры»).

Краткое сообщение о случае сооружения шаманского чума отмечено автором в ходе полевых исследований у непской группы эвенков, устраивавших камлание по поводу свадьбы. Известно лишь, что в этом случае был сооружен большой чум и мольбище с разнообразными деревянными скульптурами. Во время камлания, посвященного исключительно новобрачным, шаман предсказывал будущее молодоженов, выяснял, будут у них дети или нет.

Сравнение атрибутики обнаруженных нами шаманских комплексов с отмеченными в работах И. М. Суслова, Г. М. Василевич и А. Ф. Анисимова комплексами шаманских сооружений позволяет выделить как общие черты, так и несовпадения в самих конструкциях и производимых обрядовых действиях. Все культовые комплексы возводились в малопривлекательном месте, на небольшом возвышении, закрытом со всех сторон лесом и расположенном на границе поросшей ерником и багульником заболоченной «тундры». В непосредственной близости с комплексом или на небольшом удалении от него протекала небольшая таежная речка или ручей. Таким образом, шаманский чум как бы на самом деле находился (очевидно, так воображали эвенки) на острове мифической шаманской реки.

В состав всех культовых комплексов входило сложное, большое по количеству и разнообразное по представленному в нем набору изображений, мольбище. Все изображения, как правило, изготавливались из лиственницы. Центральным объектом всех мольбищ являлось «сэргэ», конструкция которого могла варьироваться, возможно, в зависимости от того, чему посвящалось шаманское действие.

В камлании принимали участие представители разных эвенкийских родовых групп, совместно кочевавших в пределах одной территории. Очевидно, рассмотренные камлания уже носили не родовой, как прежде, а территориально-соседский характер, что отвечало реальной структуре социума эвенков в начале XX в. Тем не менее, можно полагать, что в основной своей части культовые комплексы, отдельные элементы обряда (в особенности пантомима с ритуальным убийством изображений промысловых зверей), а также основной атрибутивный набор деревянных изображений несет в себе черты прошлой обрядовой традиции эвенков данного района.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АН — Академия наук СССР

АО — Археологические открытия

БГНИИ при ИГУ — Биолого-географический научно-исследовательский институт
при Иркутском государственном университете

ГАИМК — Государственная Академия истории материальной культуры

ГАИО — Государственный архив Иркутской области

ИЗК СО АН СССР — Институт земной коры Сибирского отделения Академии
наук СССР

КАЭ — Комплексная археологическая экспедиция

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР

л. н. — лет назад.

ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии АН СССР

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР

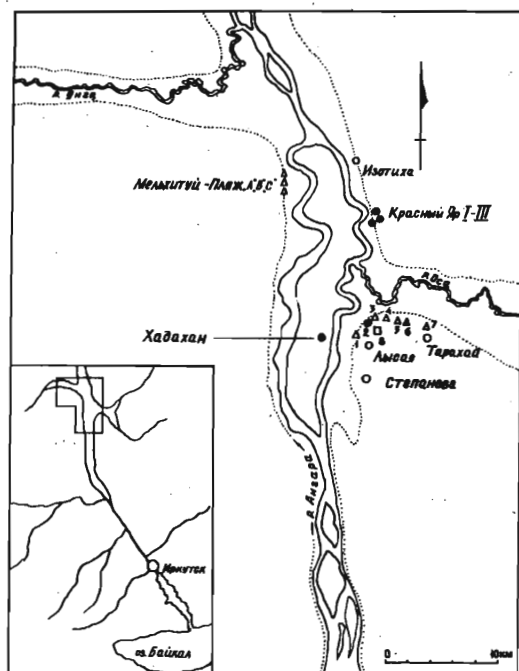
СА — Советская археология

СЭ — Советская этнография

ТКАЭЭ — Тувинская комплексная археолого-этнографическая экспедиция

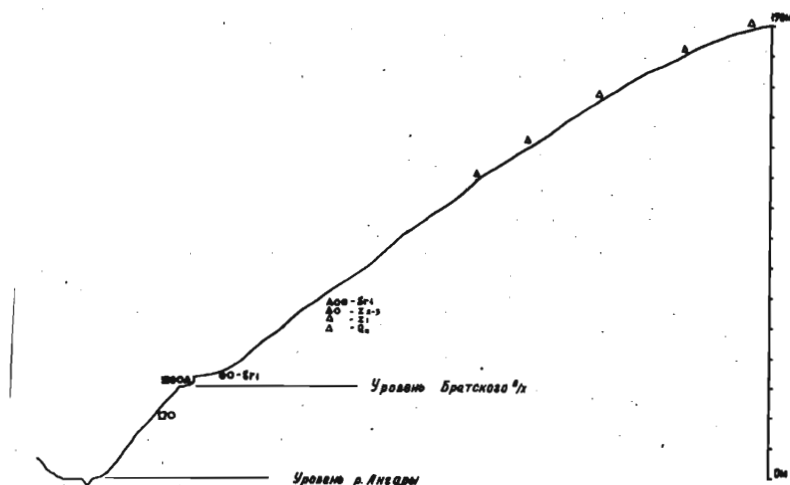
Тюргю — Труды Троицко-Кяхтинского (Приамурского) отделения Русского географического общества.

ПРИЛОЖЕНИЕ

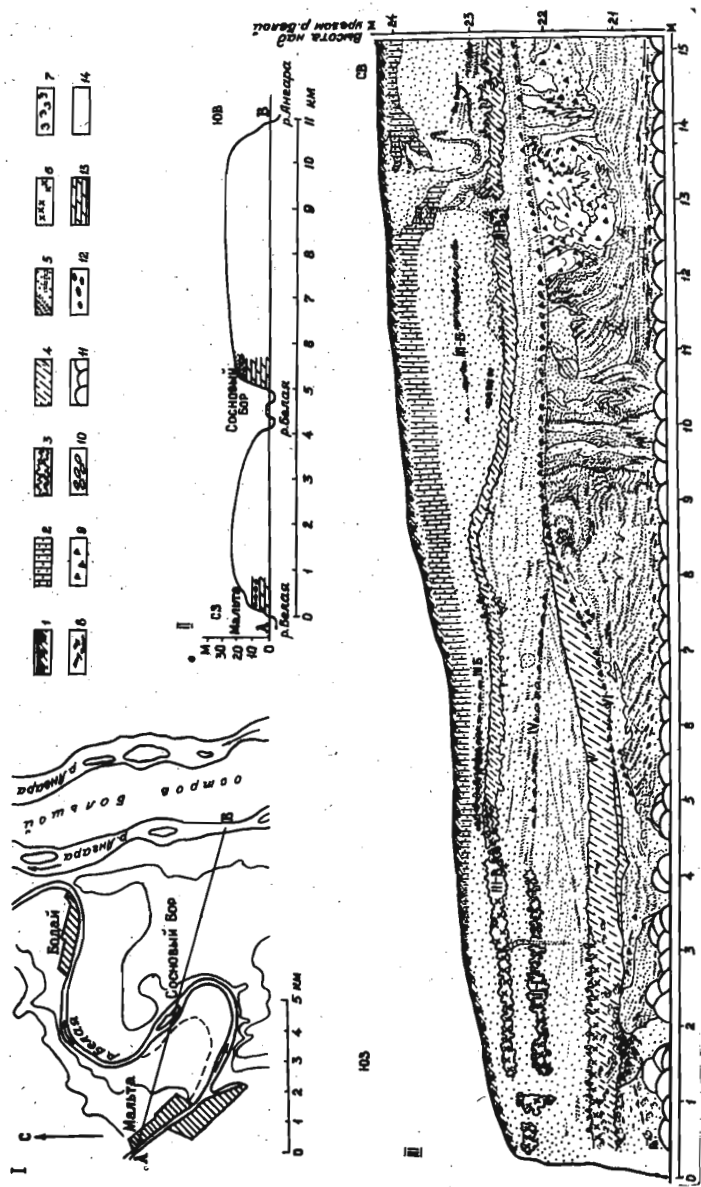
Р и с. 1. Ангаро-Осинский район.
Схема расположения палеолитических местонахождений:

○ — открытые местонахождения коррадированного материала на плато;
△ — местонахождения коррадированного материала на техногенных пляжах;
□ — стратифицированные местонахождения коррадированного материала; ● — местонахождения верхнего палеолита.
1 — Байганский Пляж; 2 — Игетейский Лог; 3—6 — Игетейский Пляж; 7 — Тарахайский Пляж; 8 — Гора Игетей I;
..... — граница акватории Братского водохранилища

Р и с. 2. Гипсометрическая схема расположения докерамических местонахождений Ангаро-Осинского района:

△ — местонахождения раннего палеолита; ○ — местонахождения материалов «макаровского» пласта; ● — местонахождения «классического» верхнего палеолита, □ — финальнопалеолитические местонахождения; ■ — мезолитические местонахождения

Р и с. 3. Схема строения местонахождения Сосновый Бор:

I — картосхема; II — профиль по линии А-В; III — фрагмент строения отложений по стенке раскопов 4 и 7. I — задерживающий горизонт; 2 — бурые пески и супеси; 3 — биогенно деформированные горизонты; 4 — оленевые супеси и суглинки; 5 — пески; 6 — скопления карбонатов; 7 — охристые пятна гидроокислов железа; 8 — сажистые примеси гидроокислов марганца; 9 — шовы; 10 — галька; 11 — валуны; 12 — эолово-коррадирующие обломки пород; 13 — нижнекембрийские доломиты; 14 — светлые неоглеченные суглинки; IIIВ, IIIГ, IV, V, VI — культурные горизонты

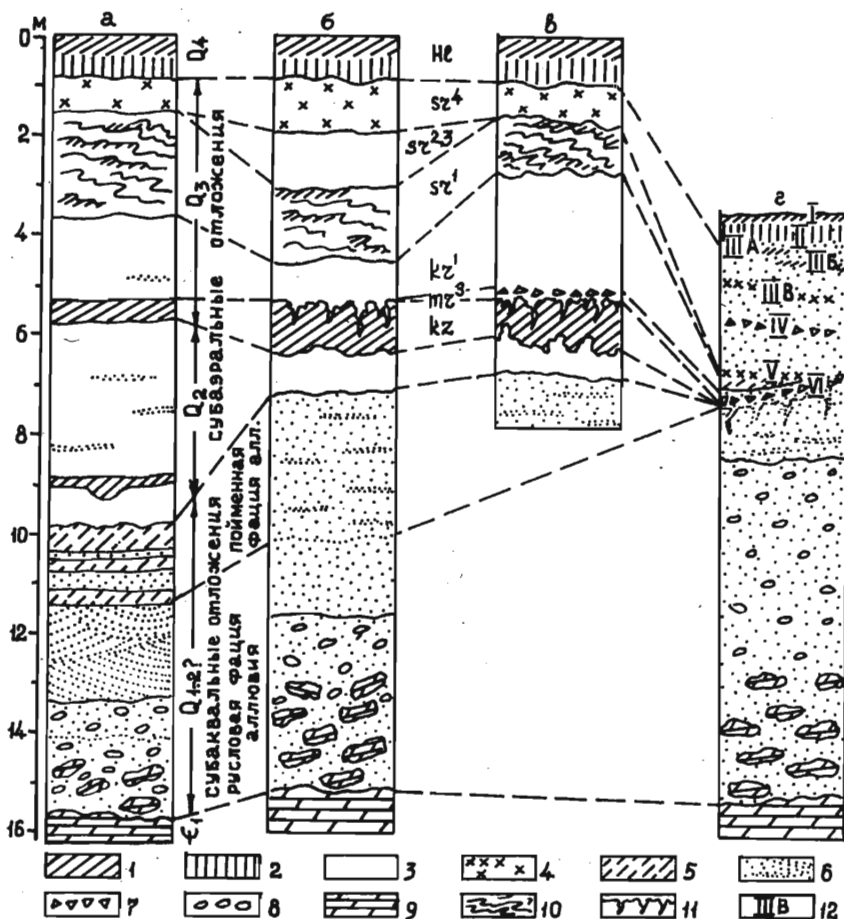
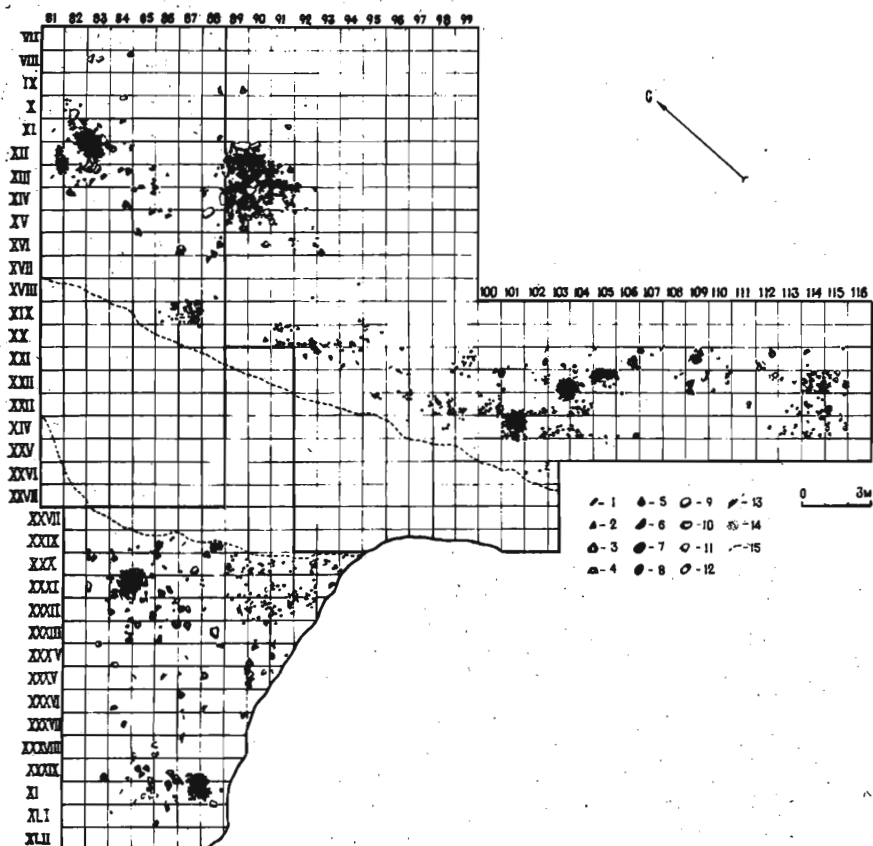
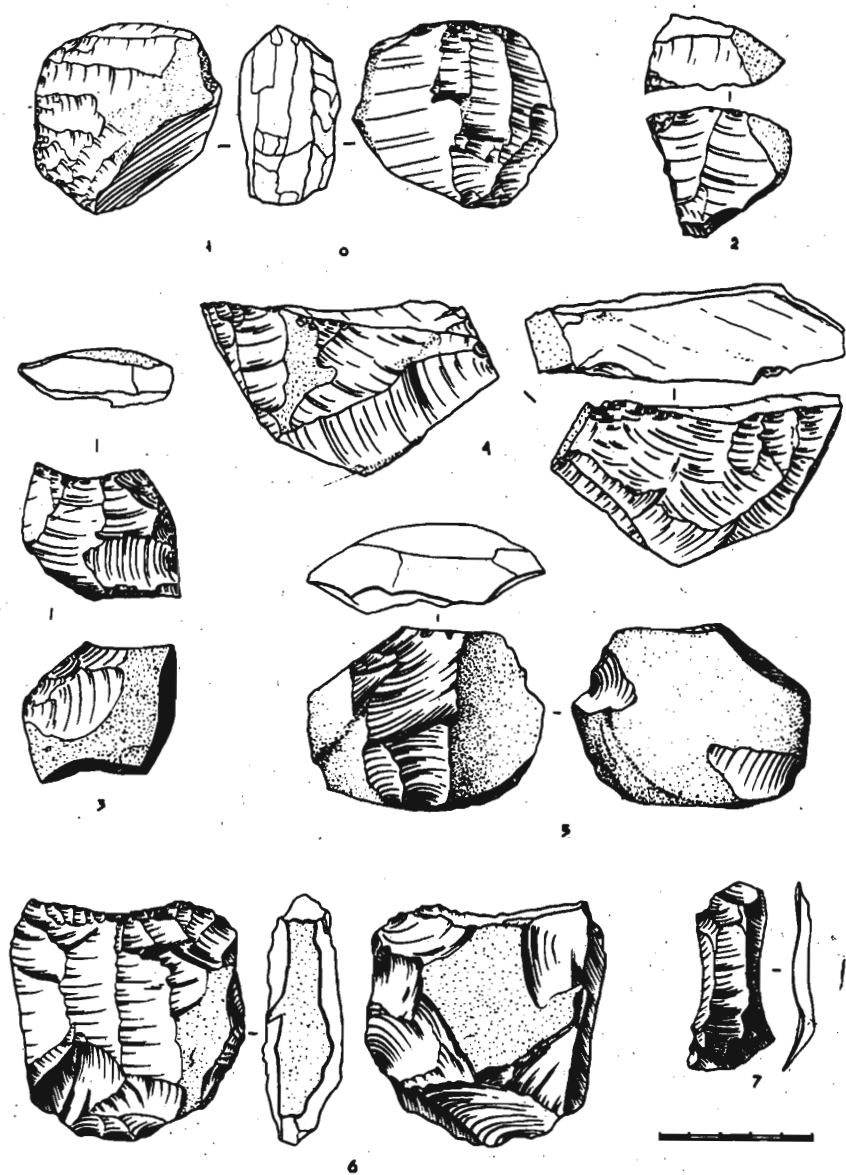

Рис. 4. Схема строения 20—30-метровой террасы р. Белой:

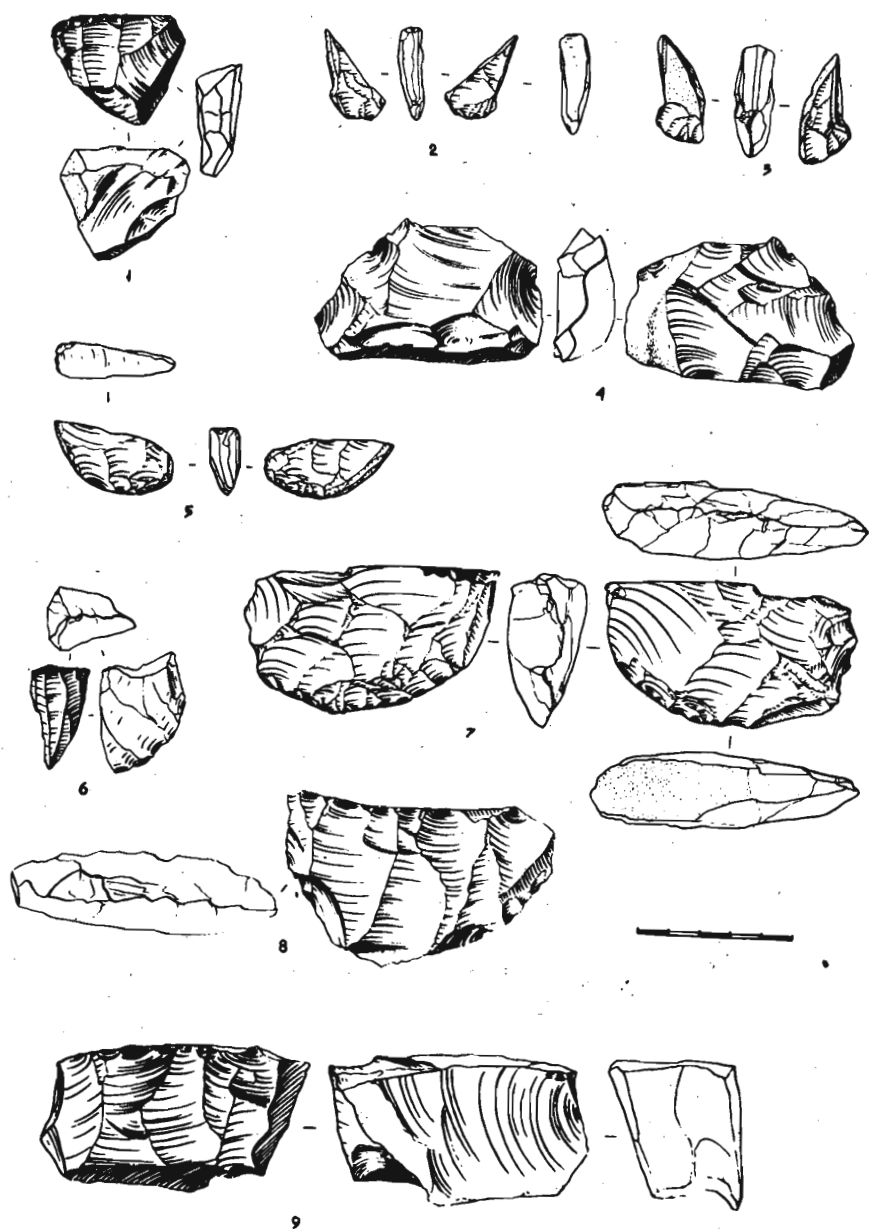
а — разрез у Шамотного завода [7]; б — сводный разрез IV террасы [5]; в — Ново-Мальтинский карьер; г — разрез Сосновый Бор. 1—5 — супеси и суглинки (1 — гумусированные, 2 — бурые, 3 — светлые, 4 — окarbonаченные белесые, 5 — оглеенные сизоватые); 6 — пески; 7 — щебень; 8 — песчано-галечный аллювий; 9 — доломиты нижнего кембрия; 10 — солифлюкционные текстуры; 11 — криогенные трещины; 12 — номера культурных горизонтов; Kz — почвы казанцевского межледниковья; Mz — отложения муруктинского возраста; Kz¹ — раннекаринские отложения; Sz¹, Sz² — отложения сартанского возраста; He — голоценовые отложения.

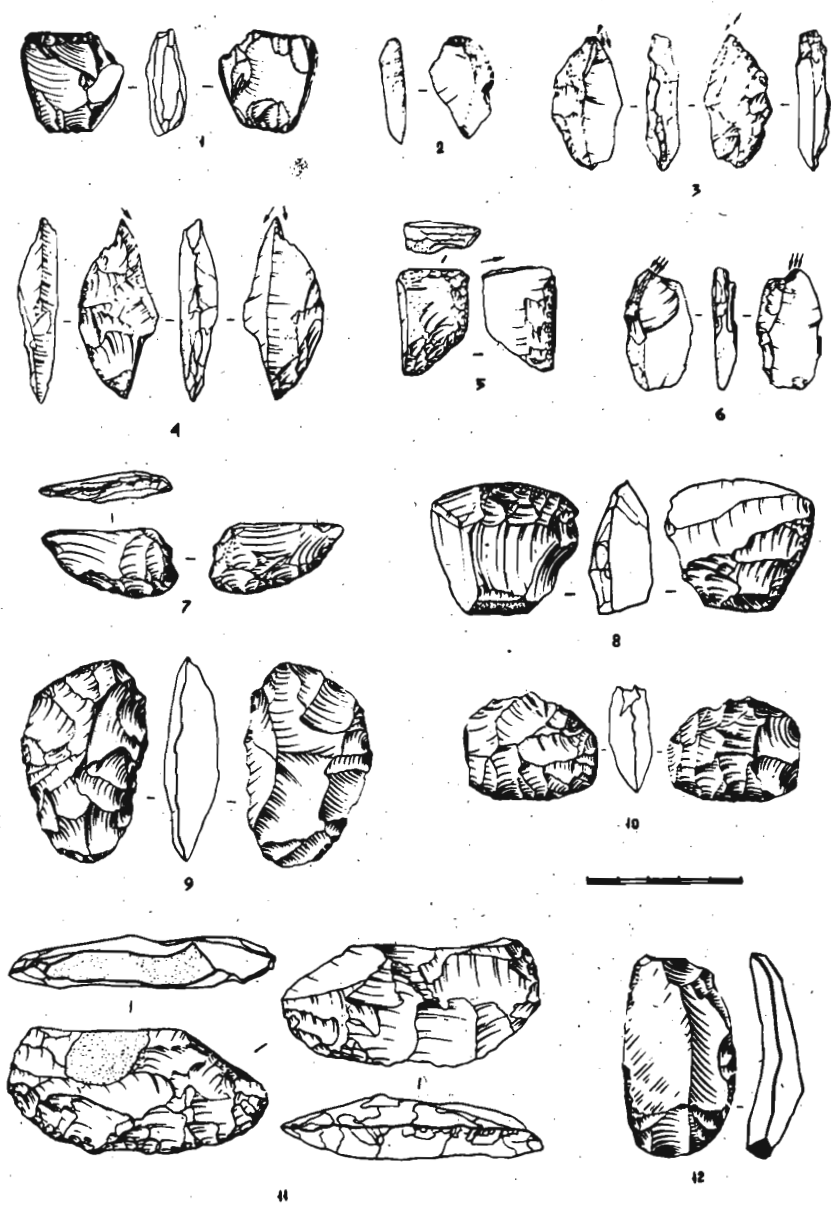
Р и с 5. Сосновый Бор. План V культурного горизонта: 1 — пластины; 2 — отщепы; 3 — нуклеусы; 4 — битый кремь; 5 — скребки; 6 — скребла, ножи; 7 — чопперы; 8 — тесловидные инструменты; 9 — плиты; 10 — речные гальки; 11 — расколотые гальки; 12 — гальки-отбойники; 13 — фрагменты трубчатых костей; 14 — угли кострищ; 15 — линия выдува.

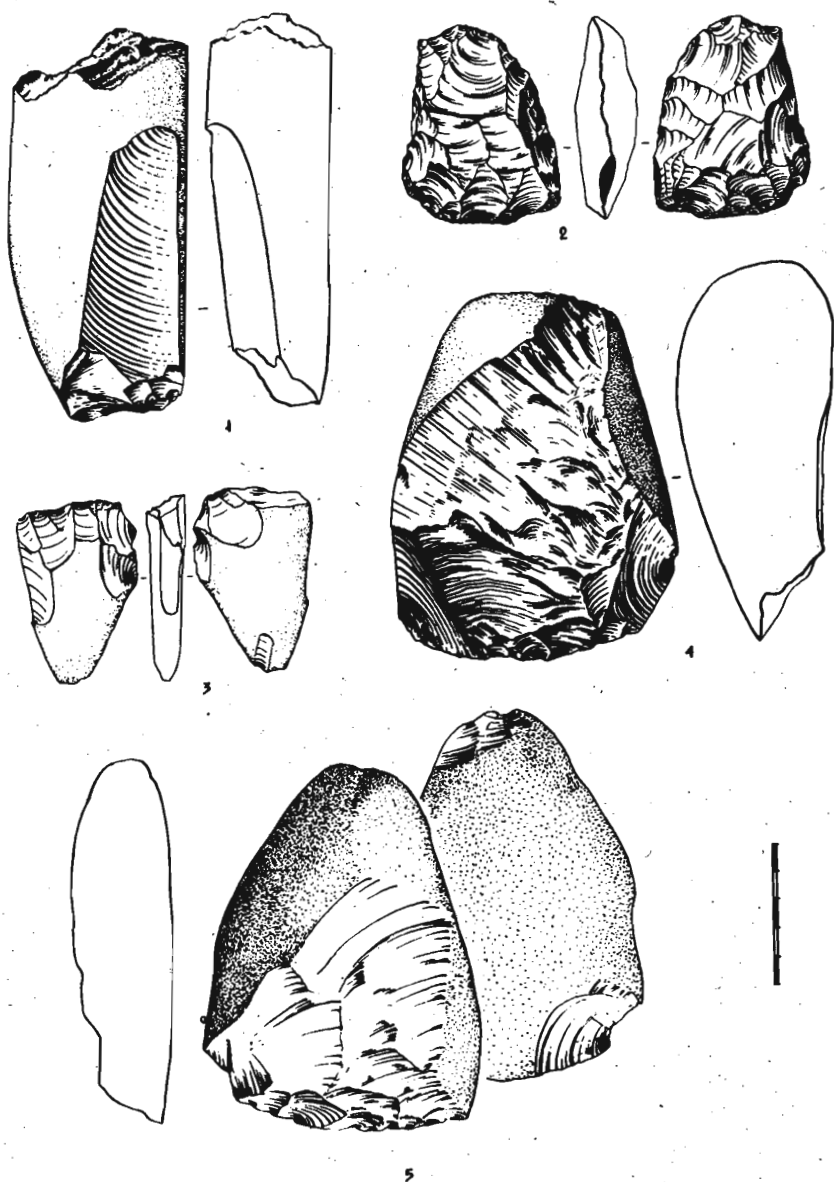
Р и с. 6. Сосновый Бор. V культурный горизонт. Нуклеусы

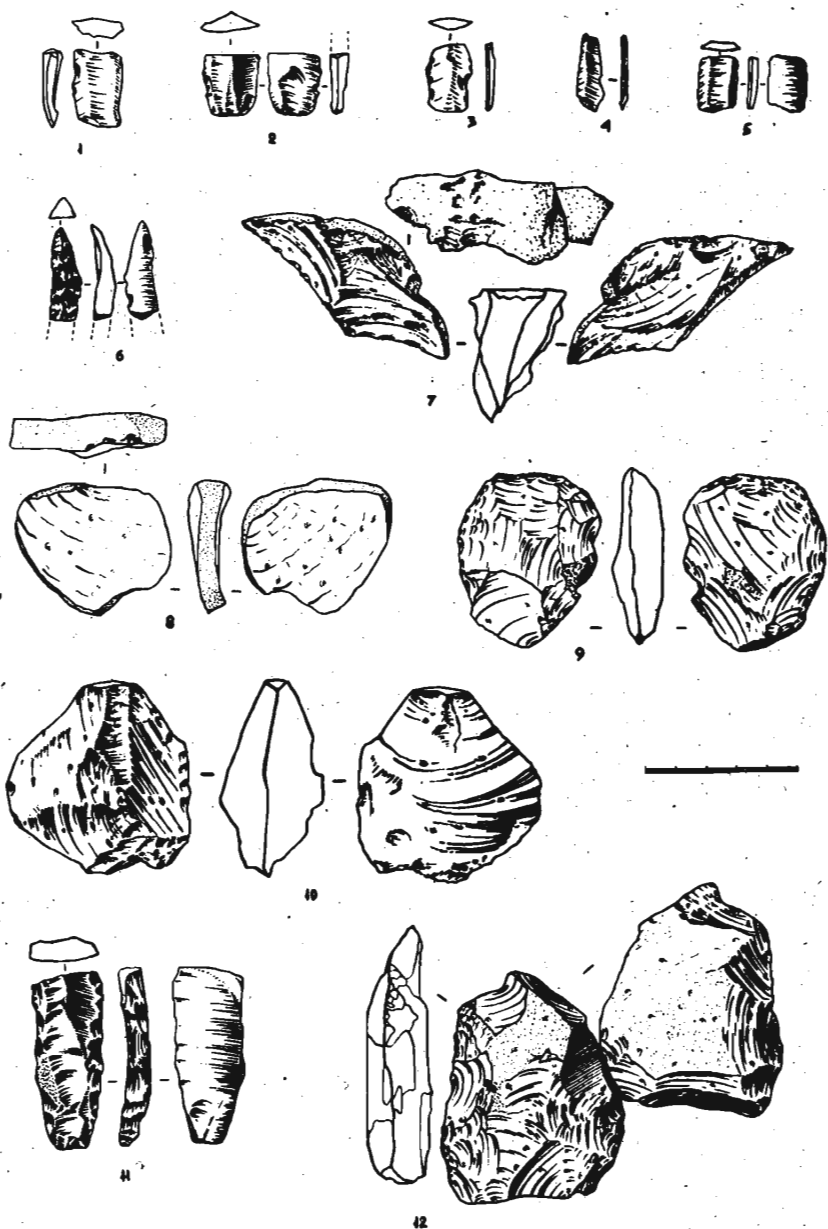
Р и с. 7. Сосновый Бор. V культурный горизонт. Нуклеусы

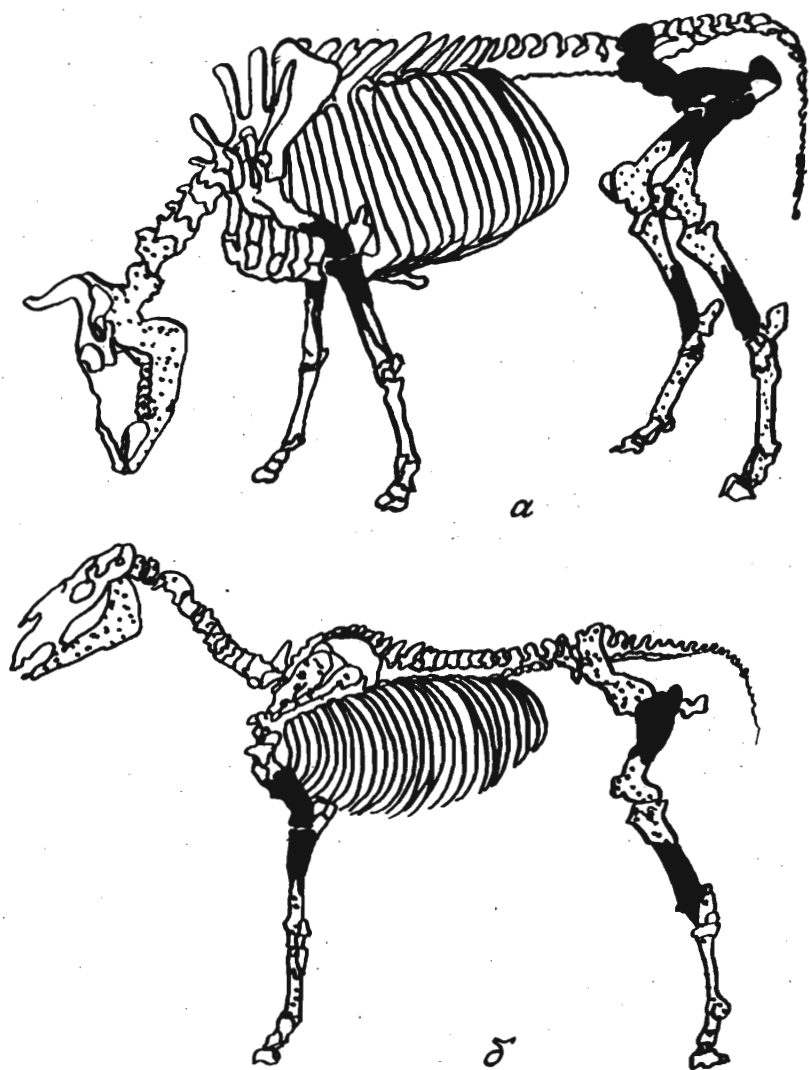
Р и с. 8. Сосновый Бор. V культурный горизонт. Орудия

Р и с. 9. Сосновый Бор. V культурный горизонт. Орудия

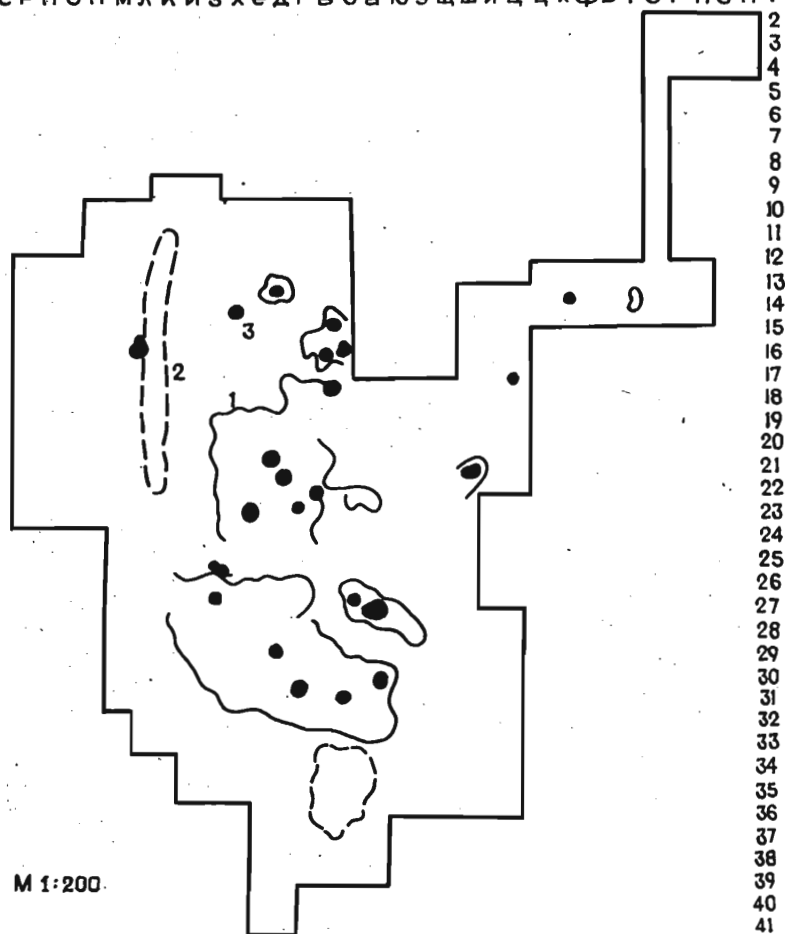
Р и с. 10. Сосновый Бор. Артефакты VI культурного горизонта

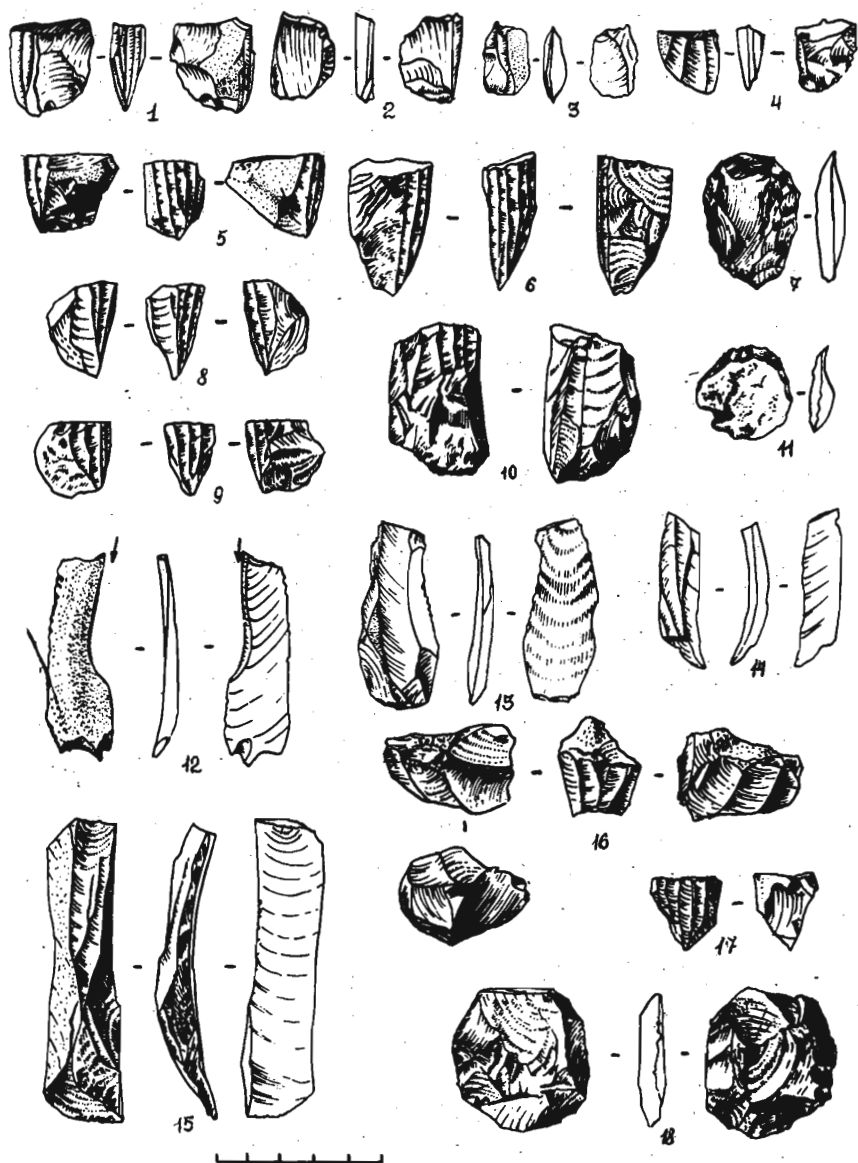
Р и с: 11. Преобладающие кости скелета:
а — бизона; б — лошади

→ С

ф у т с р п о н м л к и з х е д г в б а ю э щ и ц ц ' х ф у т с р п о н 1

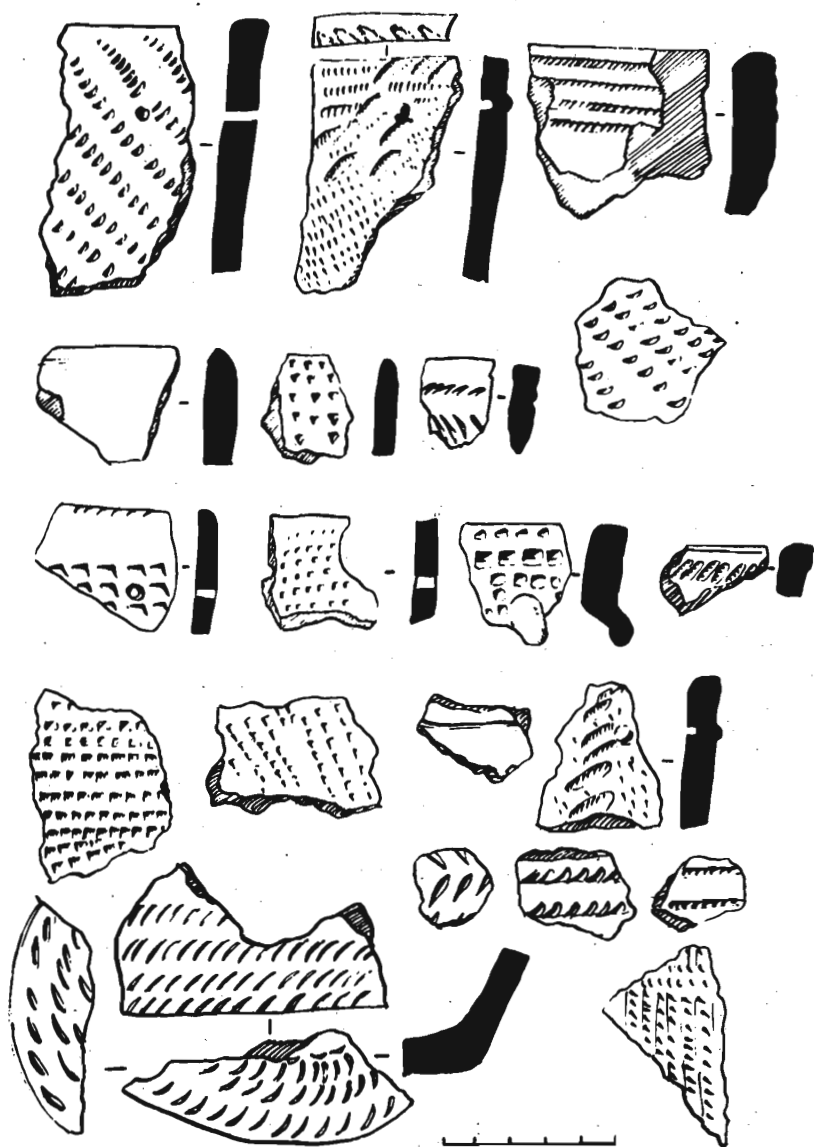

Р и с. 12. Схема элементов слоя стоянки Каменная Балка II:
1 — граница участков гумусирования; 2 — граница костных скоплений; 3 — очаги

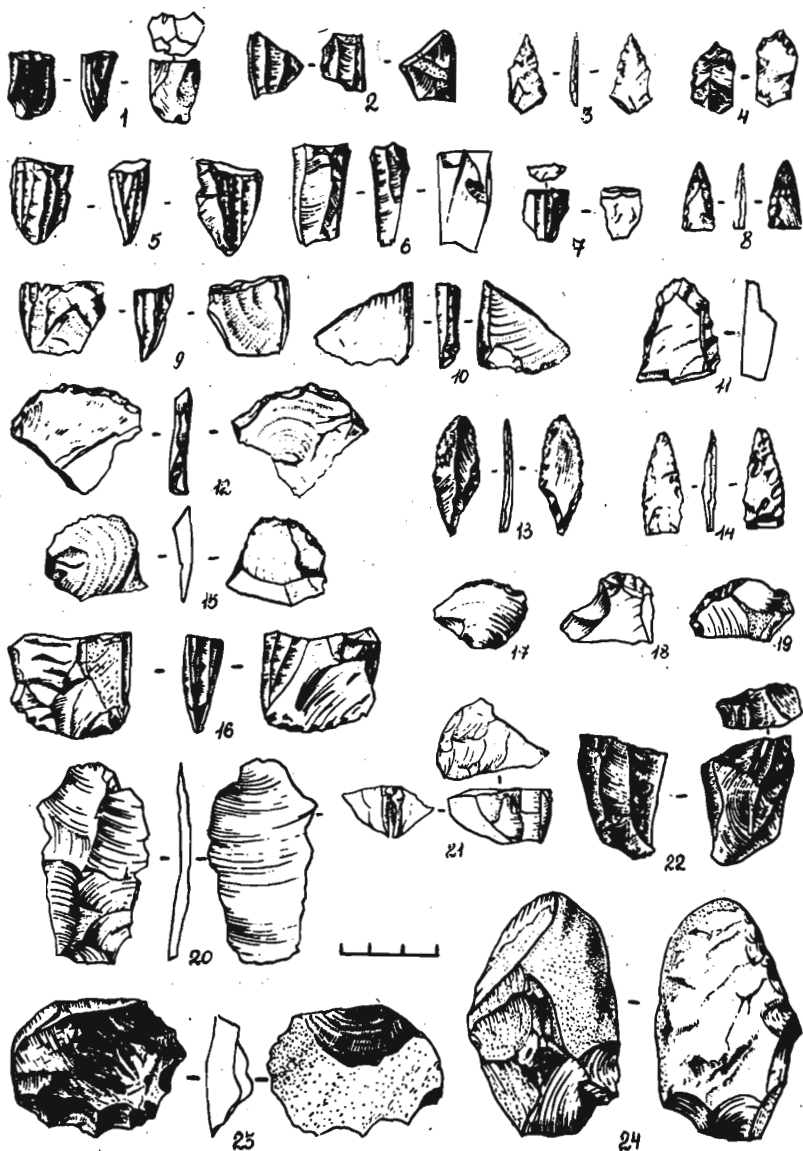

Р и с. 13. Березовый Ручей II.

Подъемный материал (1, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 16, 17 — нуклеусы; 2 — нуклеус-скребок; 3 — проколка; 7, 11 — скребки; 12 — резец; 13, 14, 15 — пластины; 18 — дисковидное орудие)

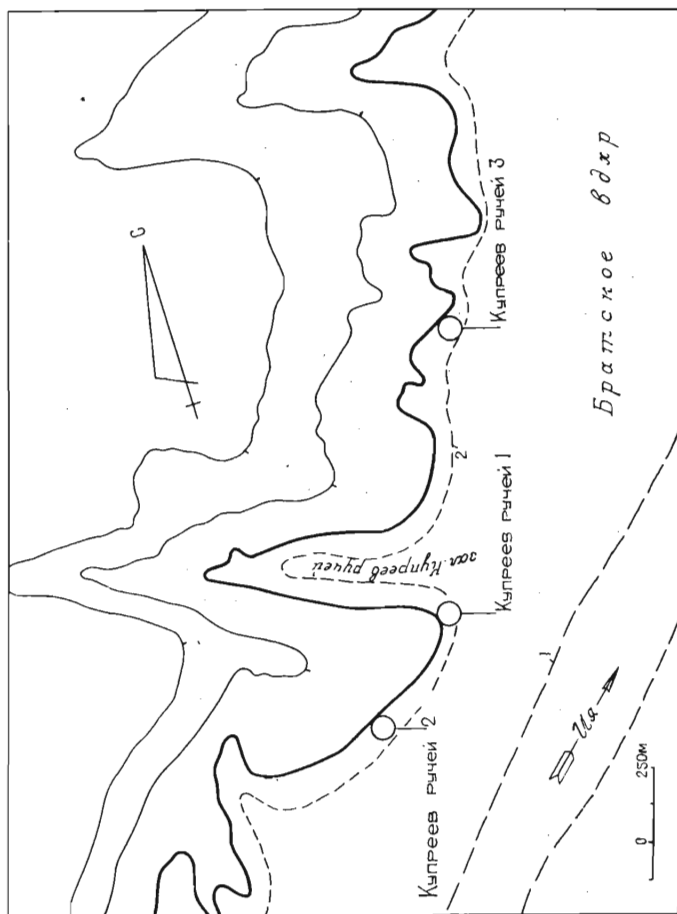

Р и с. 14. Березовый Ручей II. Керамика эпохи бронзы из условного культурного горизонта I

Р и с: 15. Березовый Ручей II:

Каменный инвентарь: (1—16 — условный культурный горизонт I; 1, 2, 5, 6, 7, 9, 10, 16 — нуклеусы; 4 — проколка; 3, 8, 13, 14 — наконечники стрел; 11, 12, 15 — скребки; 17—24 — культурный горизонт II; 17—19 — скребки; 21, 22 — нуклеусы; 20 — пластина; 23, 24 — галечные орудия)

Р и с. 16. Схема расположения местонахождений в районе залива Купрев Ручей:
1 — граница русла затопленной реки; 2 — граница полосы размыта (на 15.VII.82 г.)

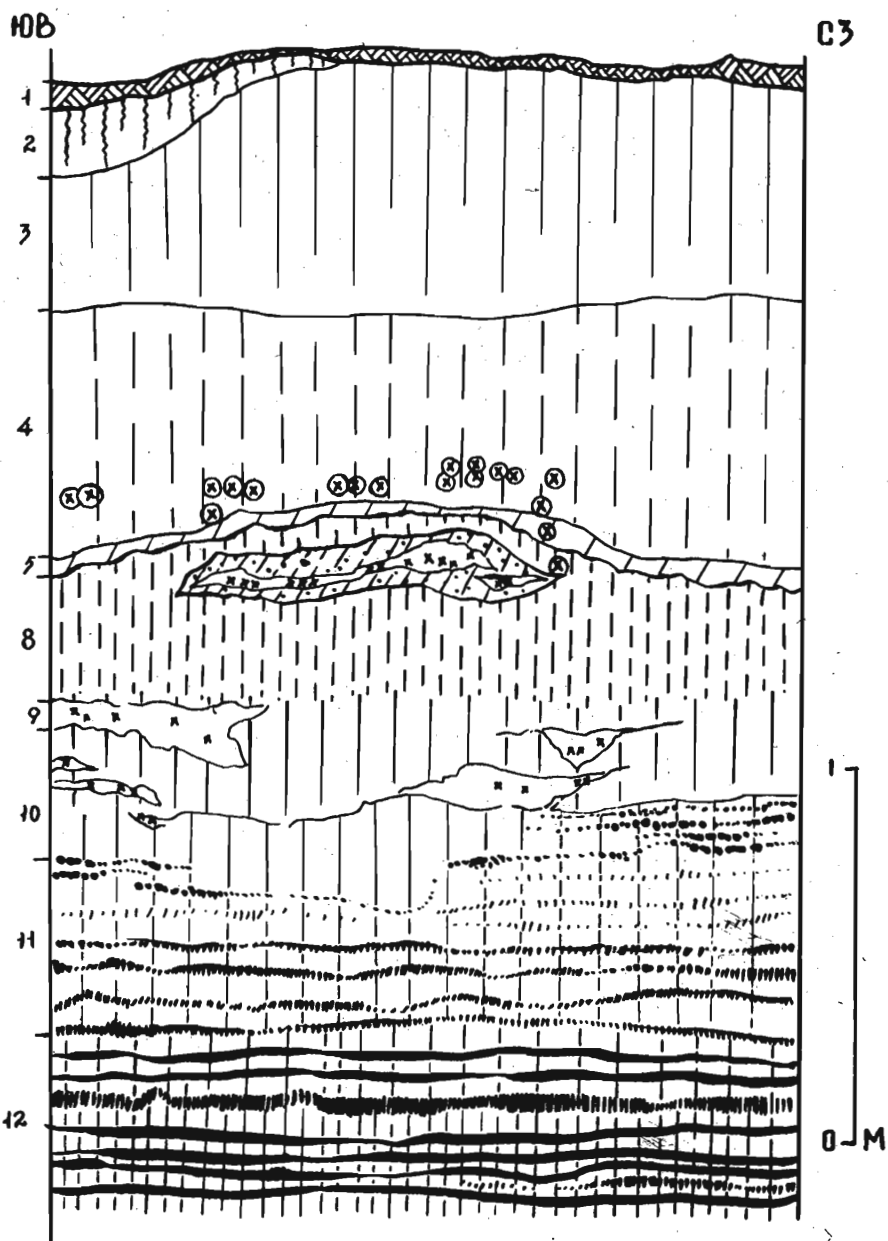
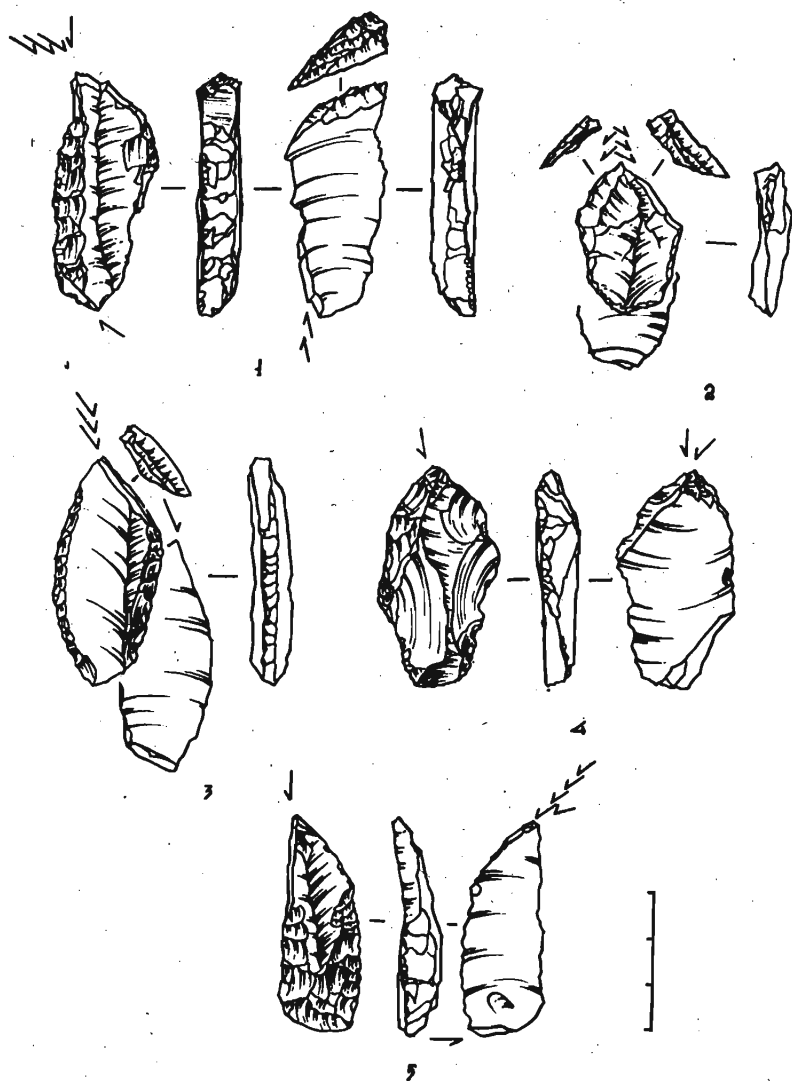
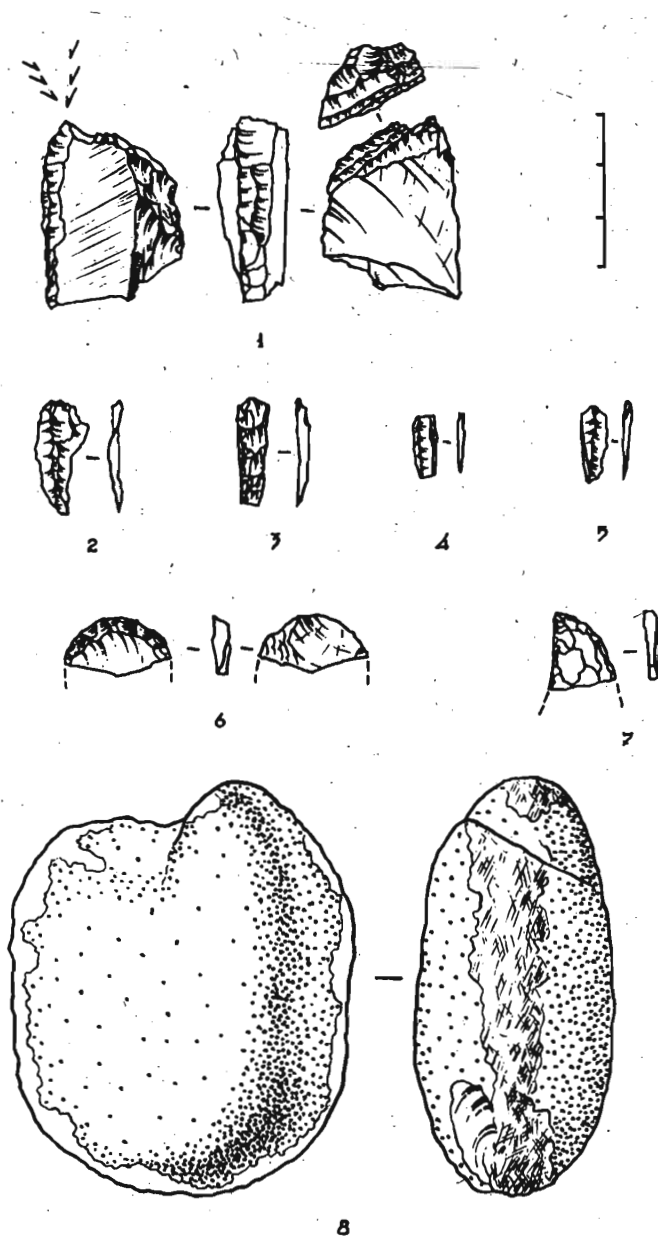

Рис. 17. Купрев Ручей I. Стратиграфический разрез южной стенки шурфа № 4

Р и с. 18. Купреев Ручей 3. Резцы

Р и с. 19. Купреев Ручей 3. Изделия из камня

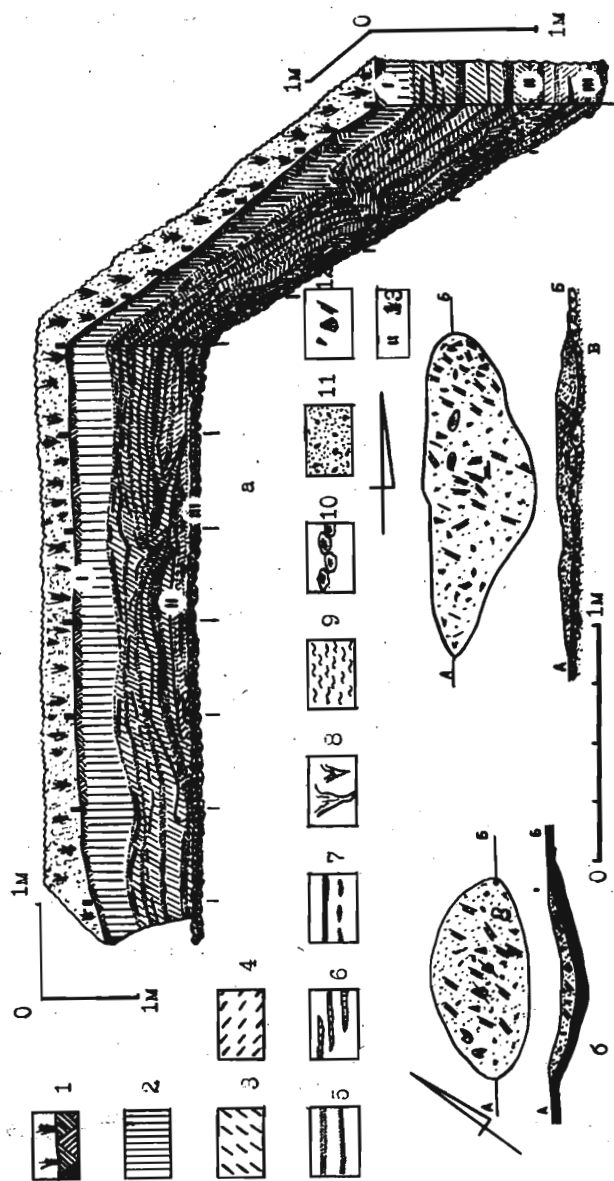

Рис. 20. Курган IV:

а — блок-схема стратиграфии западной и северной стенок раскопа; б — план и разрез оврага из культурного горизонта II; а — план и разрез оврага из культурного горизонта III; 1 — почвенно-растительный горизонт; 2 — красно-бурая супесь; 3 — белесоватая супесь; 4 — левая супесь; 5 — песок; 6 — древес; 7 — погребенная почва; 8 — морозобойные трещины; 9 — суглинок; 10 — галька; 11 — золяник оврага; 12 — культурные остатки; 13 — номера культурных горизонтов

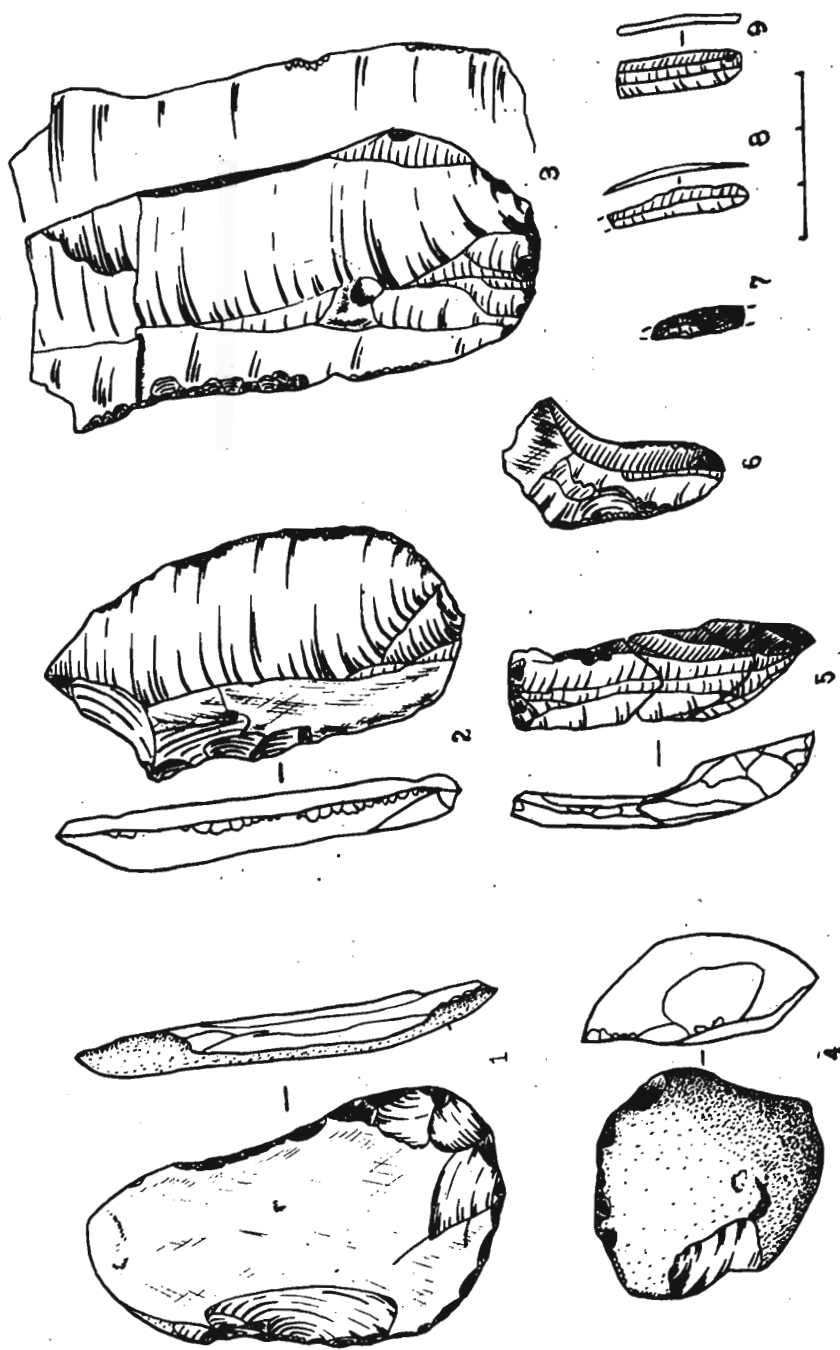
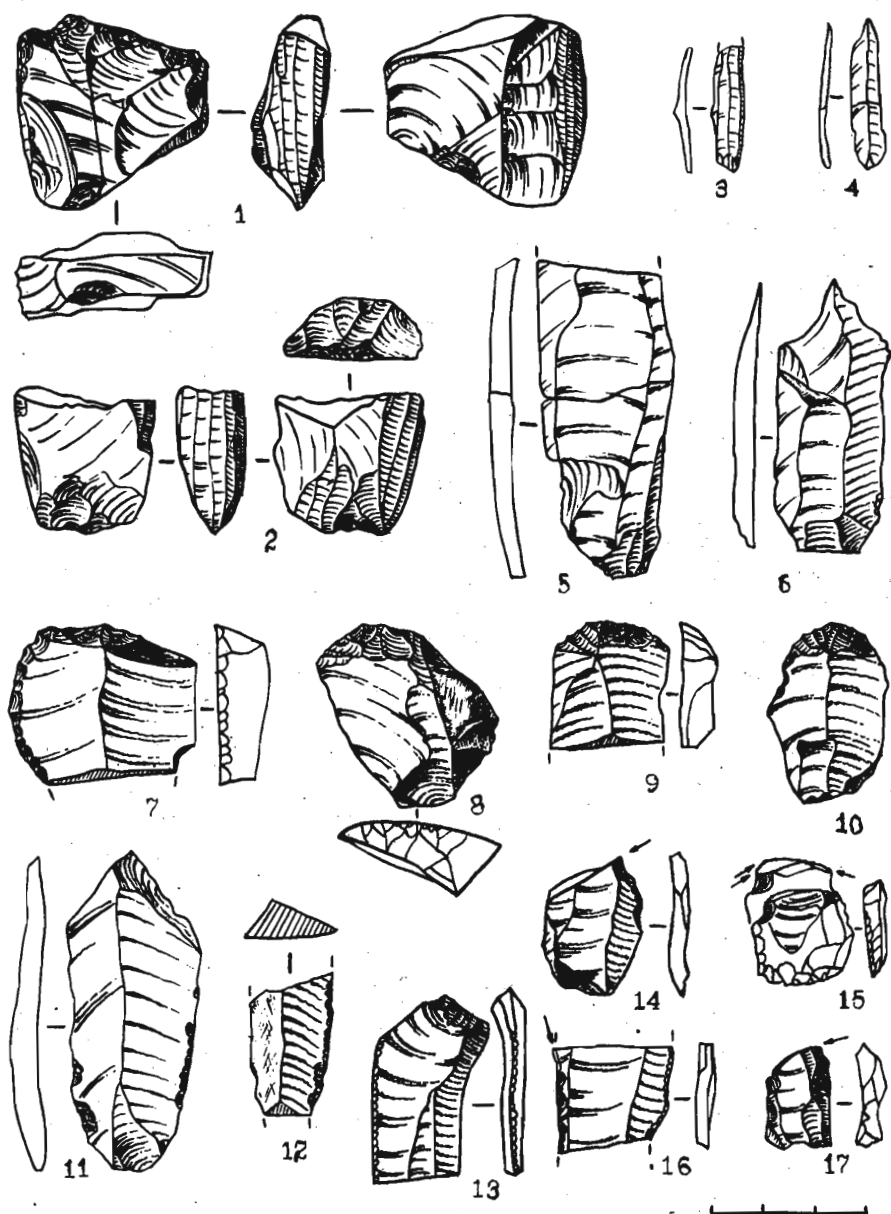
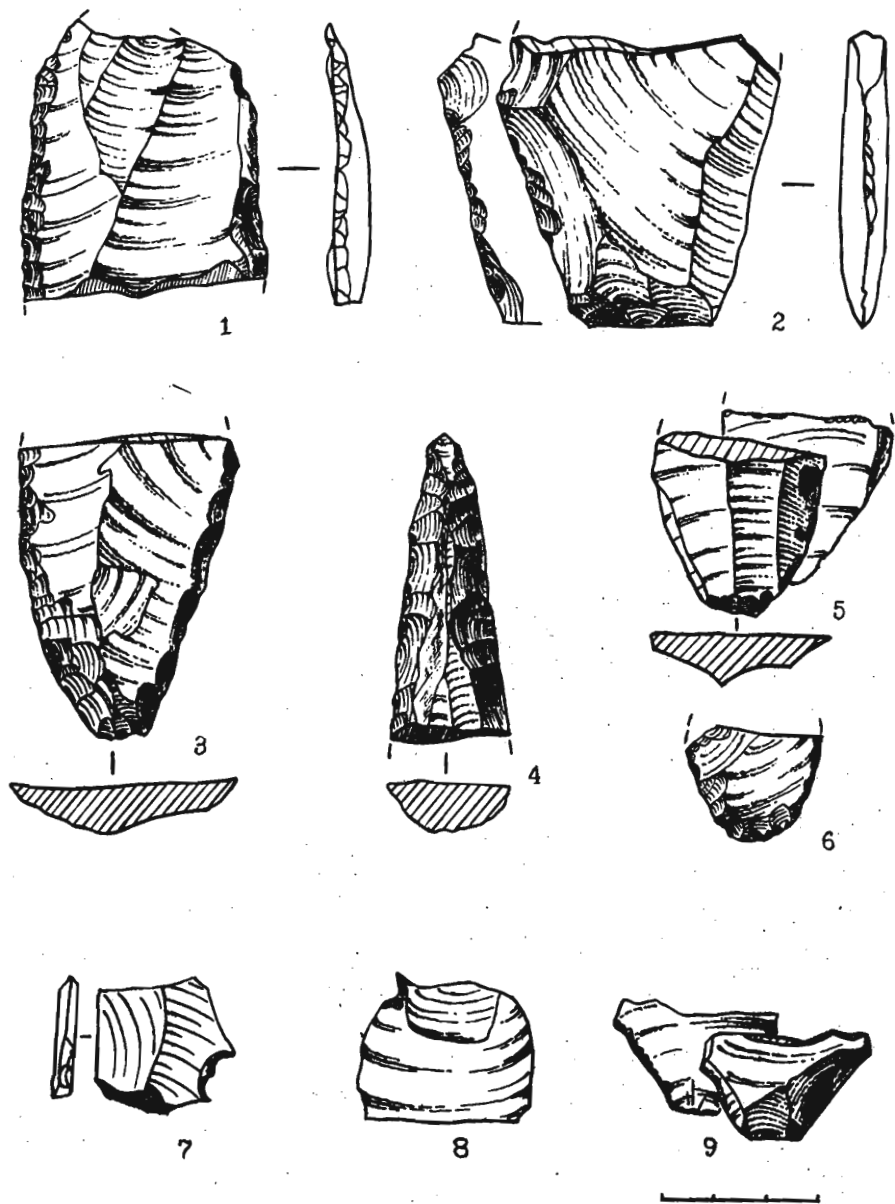

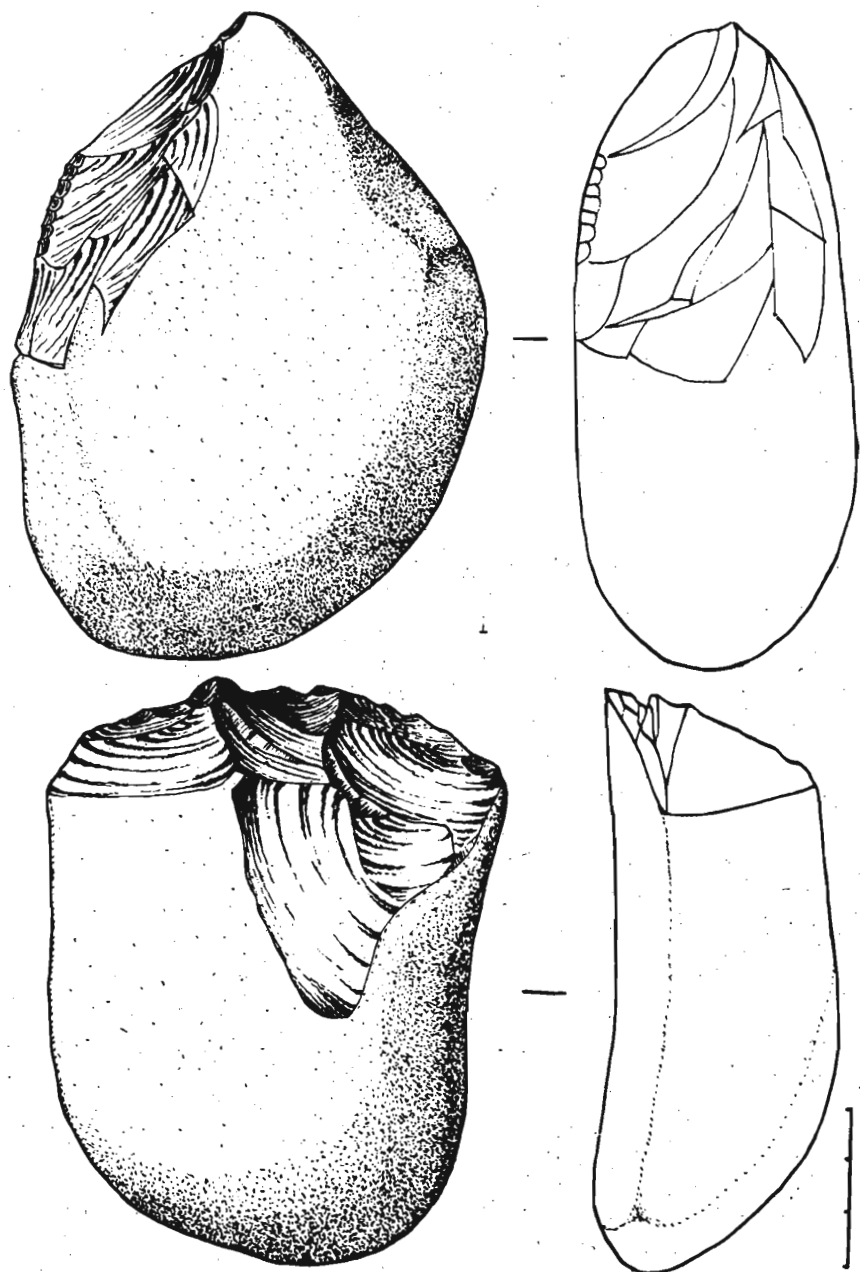
Рис. 24. Курла IV. Культурный горизонт II. Каменный инвентарь

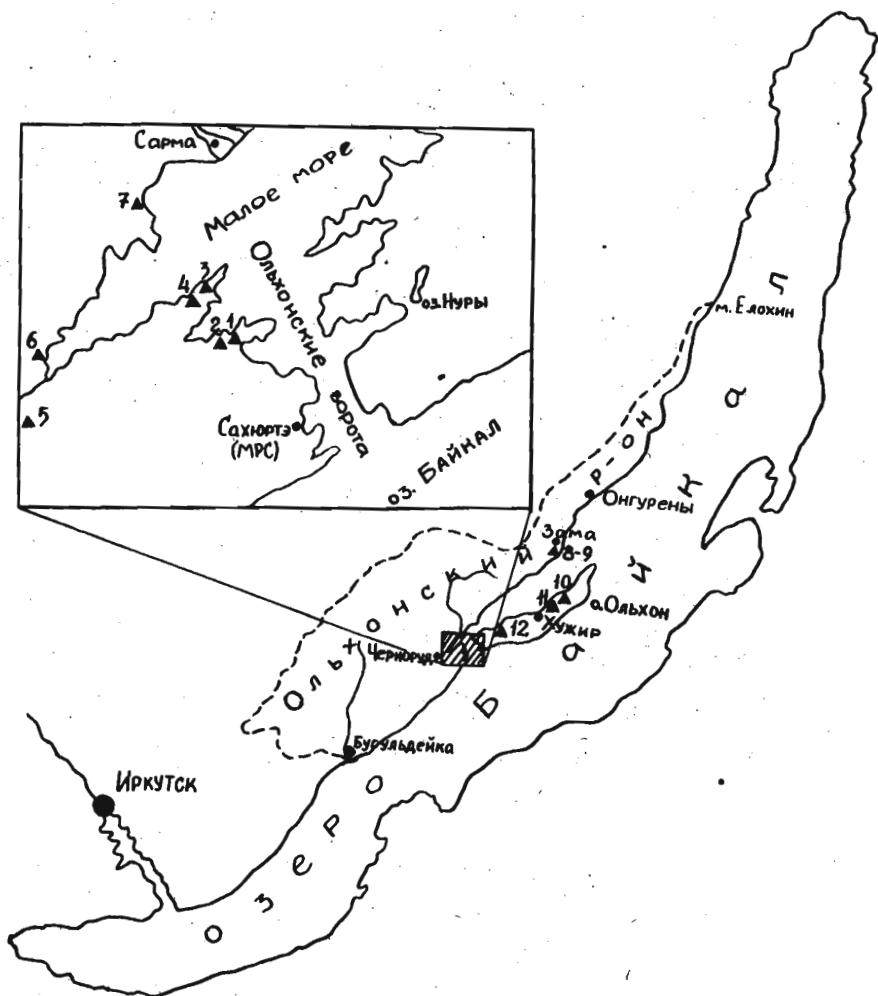
Р и с. 22. Курла IV. Культурный горизонт III. Каменный инвентарь

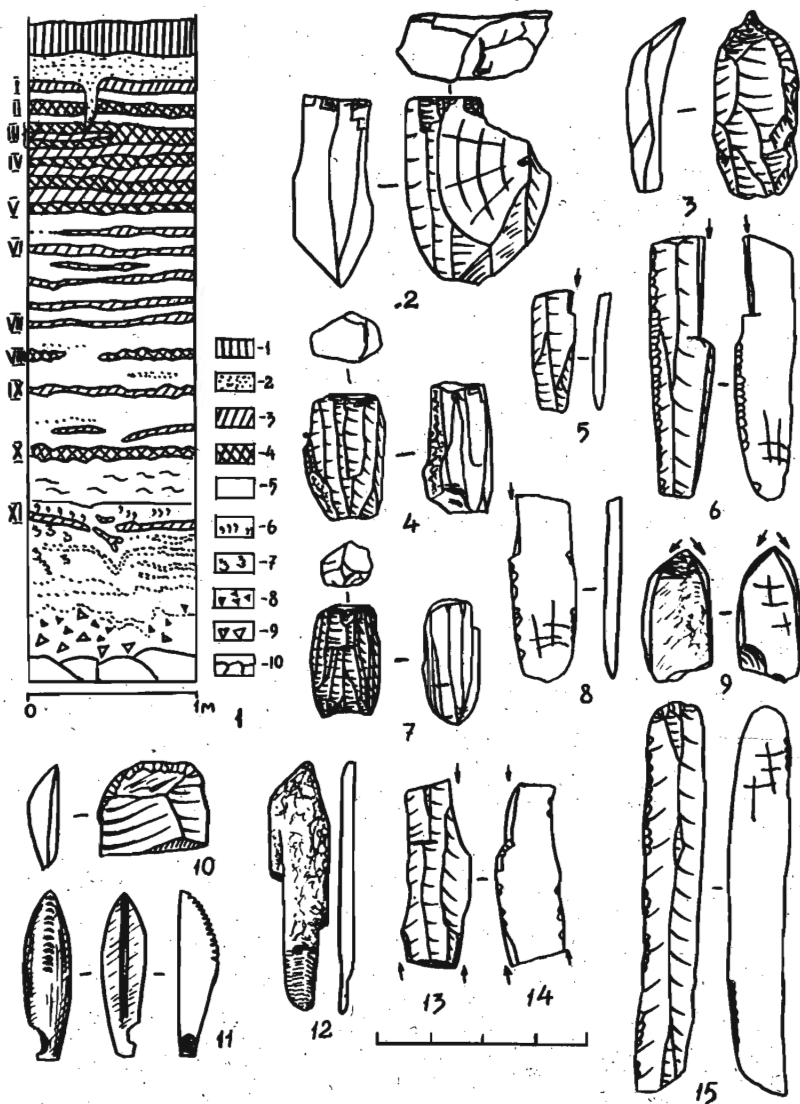
Р и с. 23. Курла IV. Культурный горизонт III. Каменный инвентарь

Р и с. 24. Курла IV. Культурный горизонт III. Каменный инвентарь

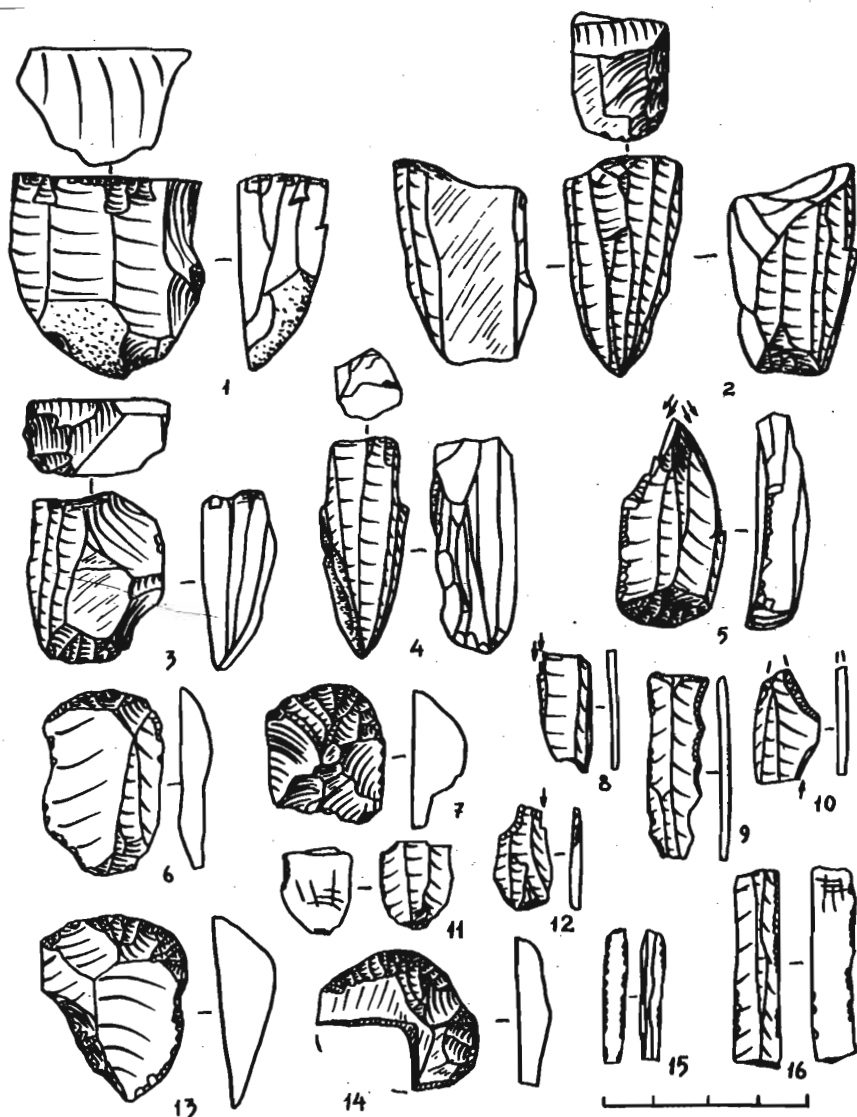

Р и с. 25. Карта-схема расположения мезолитических памятников Ольхонского района

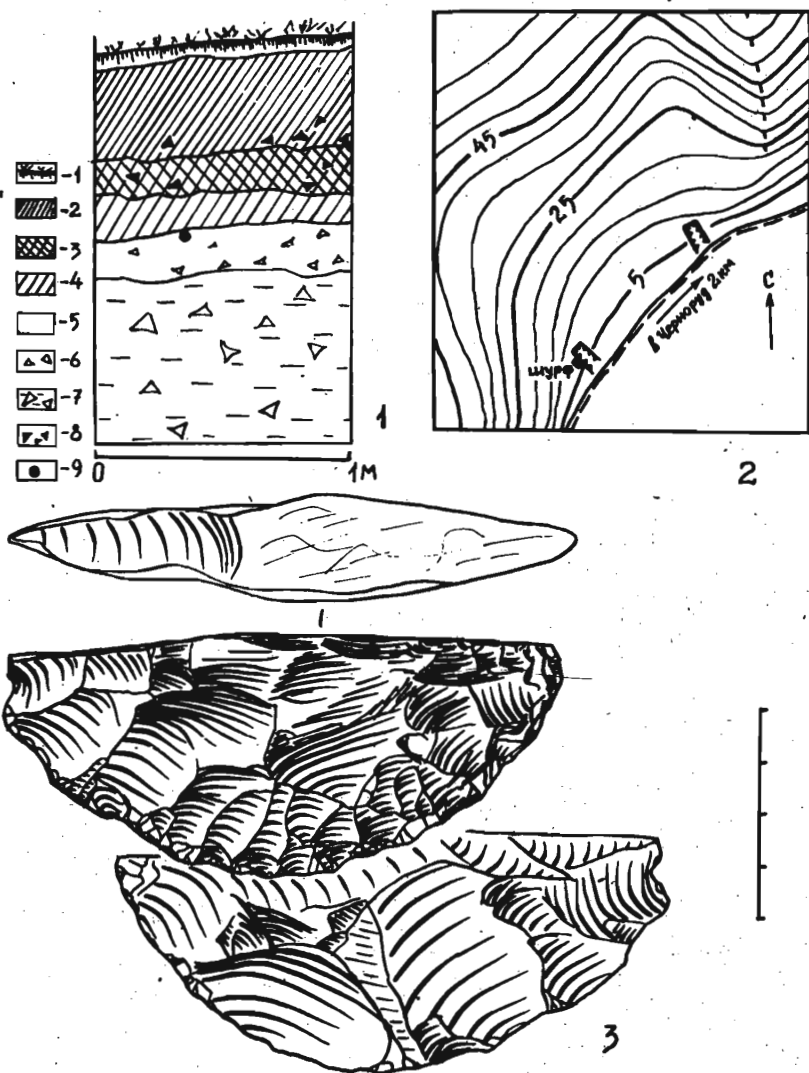
Р и с. 26. Саган-Нург:

1 — стратиграфический разрез (1 — техногенный наброс, 2 — песок, 3 — серая супесь, 4 — черная почва; 5 — светлая супесь, 6 — марганец, 7 — ожелезнение, 8 — дрова, 9 — щебень, 10 — коренная порода); 2—15 — комплекс финального мезолита (культурные горизонты VI—VII)

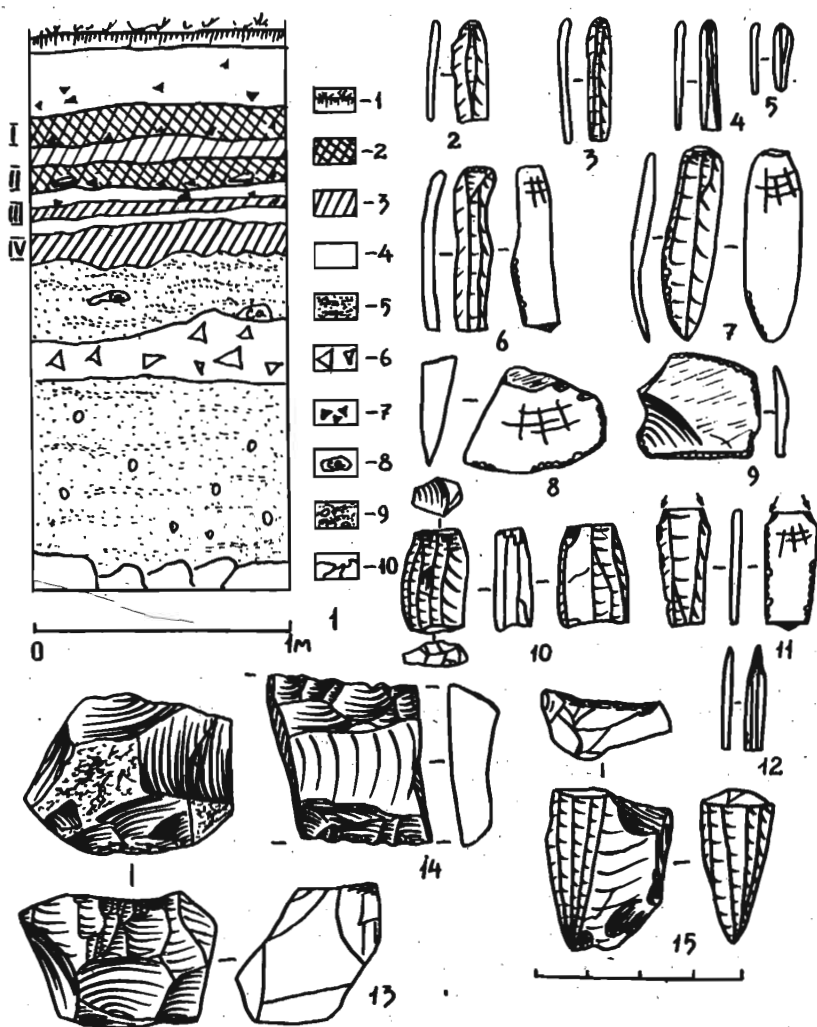
Р и с. 27. Саган-Нурэ.

Комплекс позднего мезолита (1—3, 5, 6, 8—10, 13, 15—16 — культурный горизонт X; 4, 7, 11, 12, 14 — культурный горизонт XI)

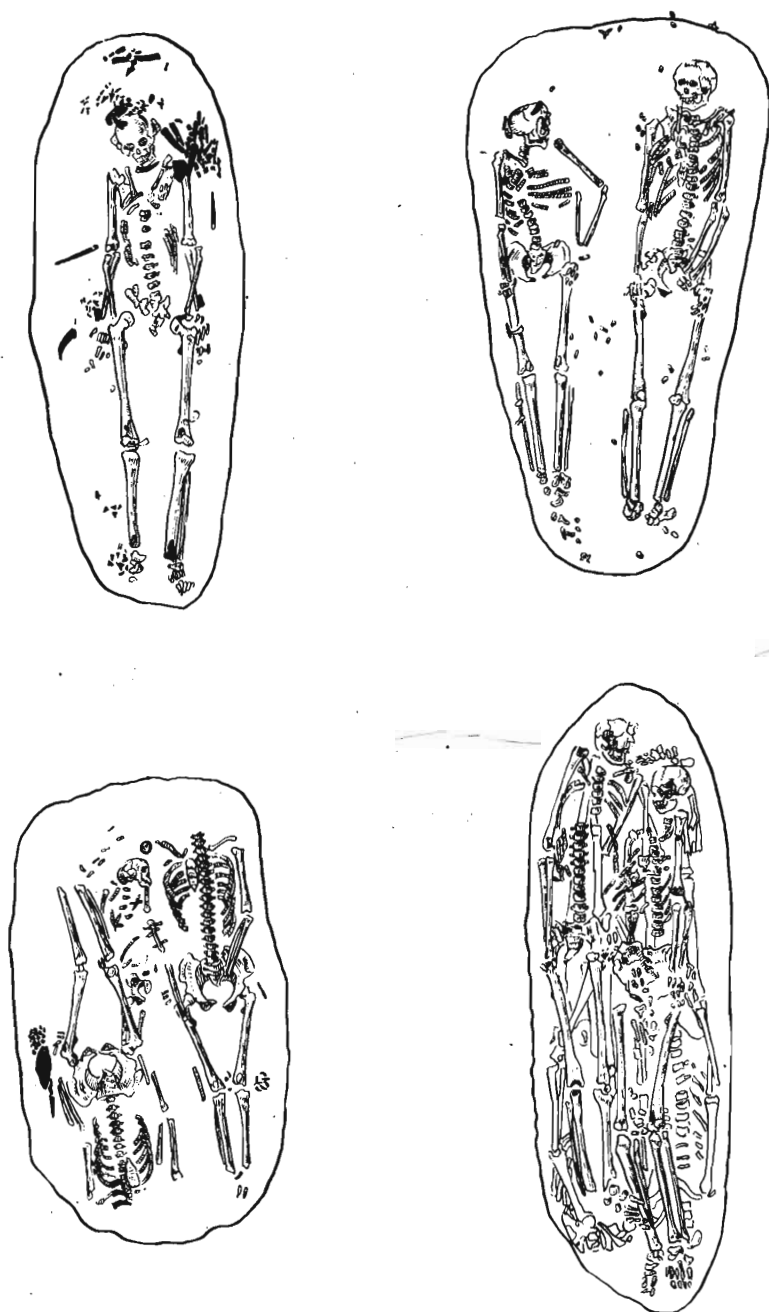
Р и с. 28. Тагот II:

1 — стратиграфический разрез (1 — дерн, 2 — бурая супесь, 3 — черная почва, 4 — серая супесь, 5 — желтая супесь, 6 — щебень, 7 — зелено-серая супесь со щебнем, 8 — дрова, 9 — местонахождение переотложенных археологических материалов); 2 — топоплан местности; 3 — нож «ула»

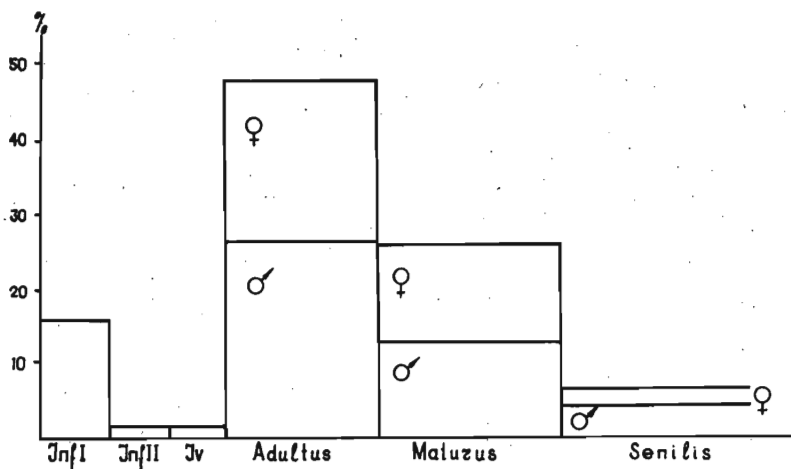

Р и с. 29. Кулара III:

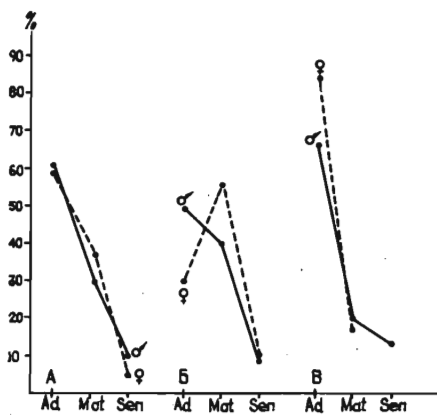
1 — стратиграфический разрез (1 — дерн, 2 — черная почва, 3 — серая супесь, 4 — светлая супесь, 5 — желтый песок, 6 — бурая супесь с грубообломочным материалом, 7 — древесина, 8 — карбонаты, 9 — зеленый песок с галечником, 10 — коренная порода); 2—15 — комплекс позднего мезолита (культурные горизонты III—IV).

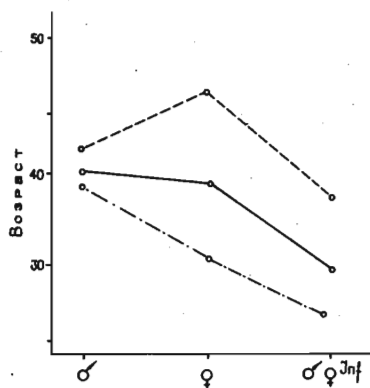
Р и с. 30. Одиночные, парные и коллективные погребения (по раскопкам 1980—1984 гг.)

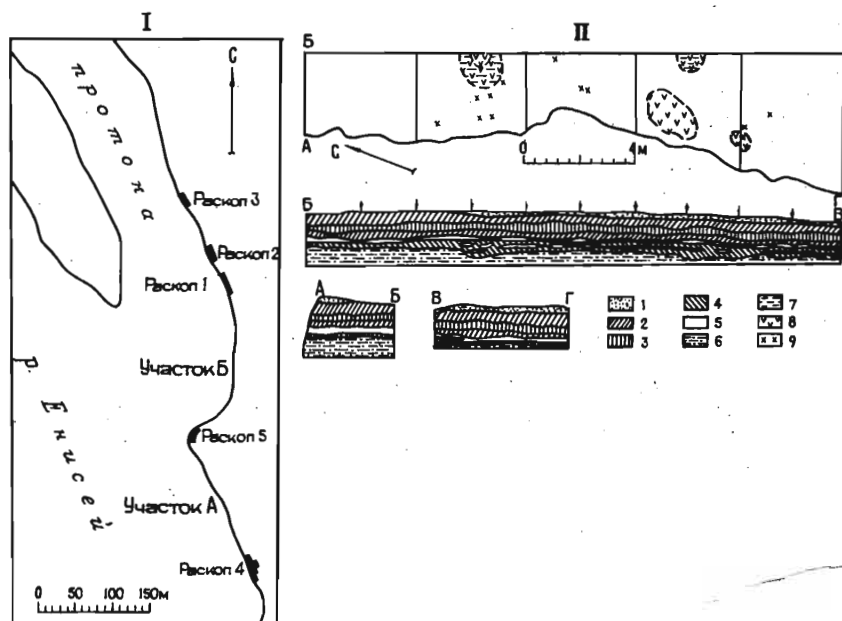
Р и с. 31. Общие половозрастные соотношения

Р и с. 32. Взрослые. Распределение по возрастным категориям

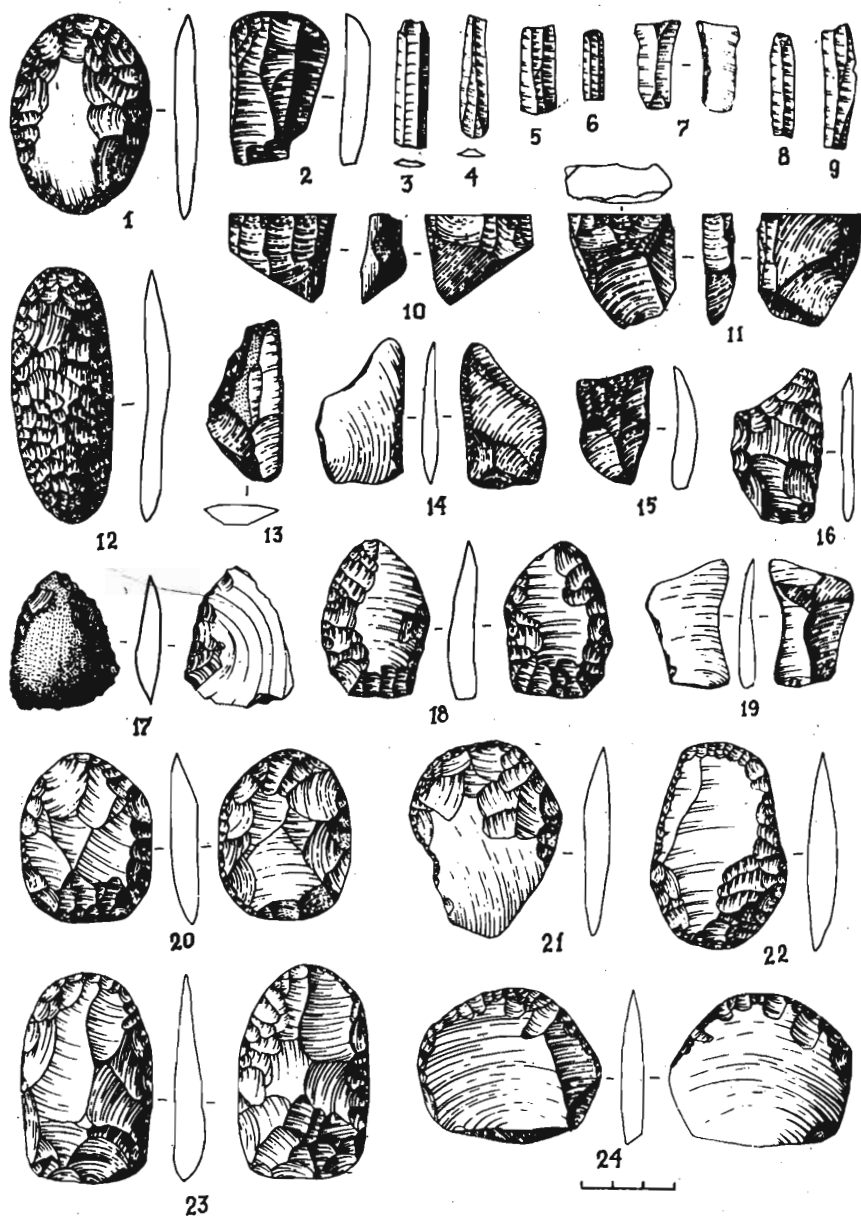

Р и с. 33. Средний возраст смерти по типам погребений

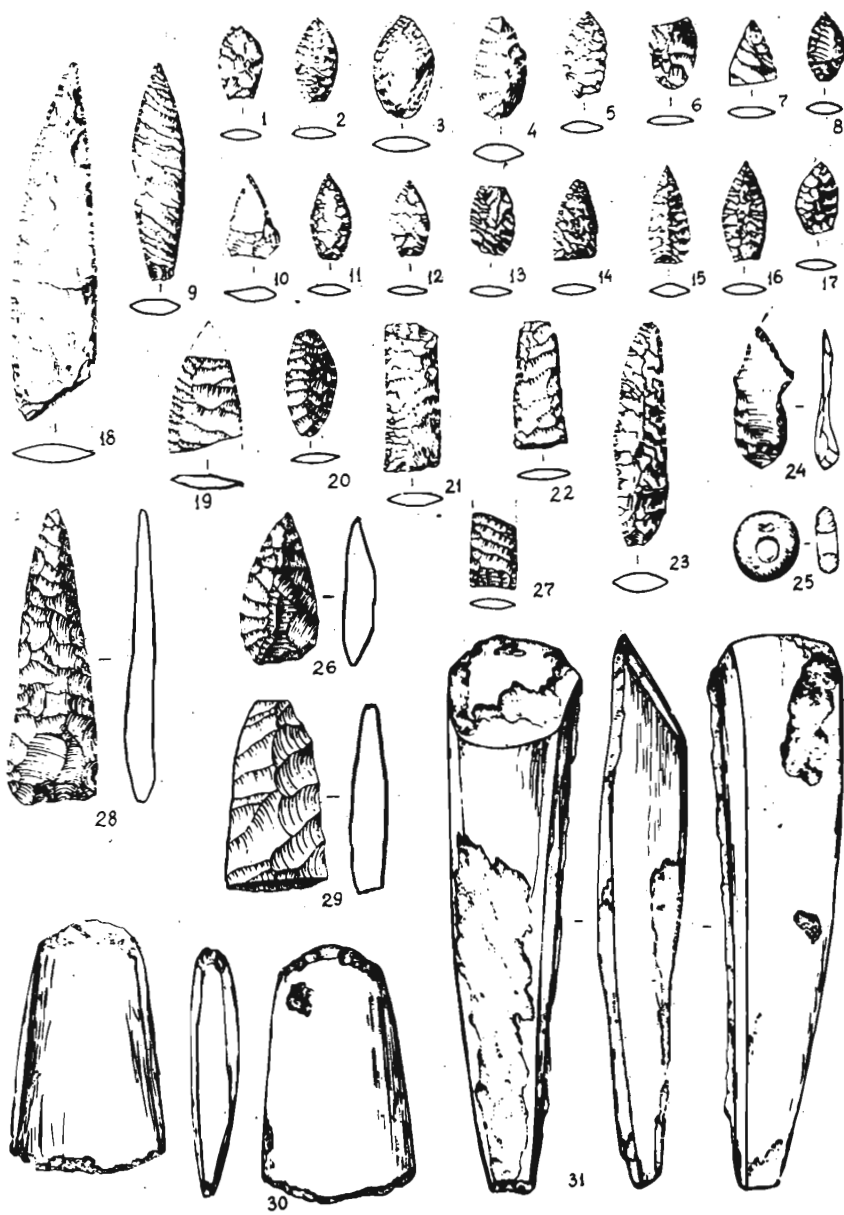

Р и с. 34. I. План расположения раскопов на поселении Унюк. II. План неолитического горизонта и стратиграфический разрез в раскопе 2:

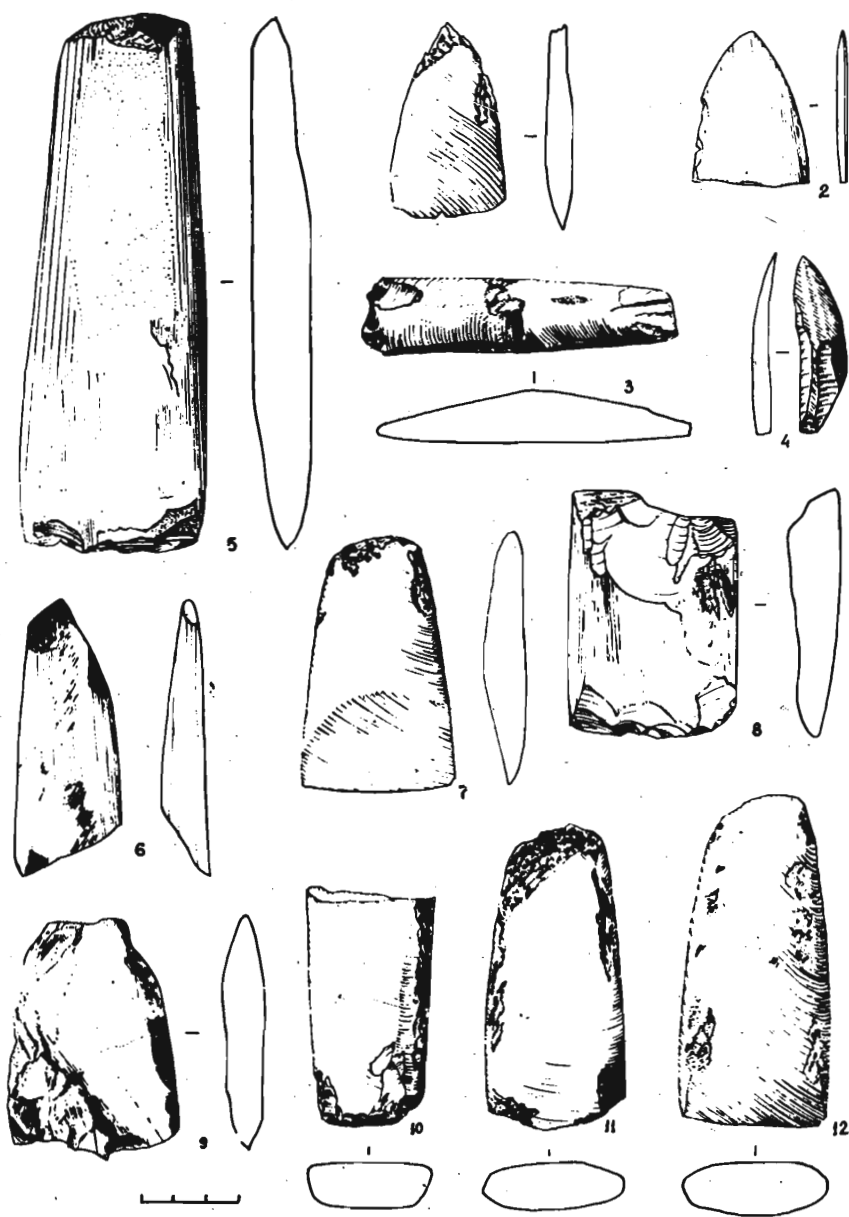
1 — песок мелкозернистый, серый, линзовидно-косослоистый; 2 — гумусовый горизонт погребенной почвы (таштыкский культурный слой); 3 — темно-серый лёсс; 4 — серый лёсс (неолитический культурный слой); 5 — серо-желтый лёсс; 6 — желтый лёсс; 7 — прокаленный грунт; 8 — уголь; 9 — кости млекопитающих.

Р и с. 35. Унук. Каменный инвентарь

Р и с. 36. Унук. Каменный инвентарь

Р и с. 37. Унук. Каменный инвентарь

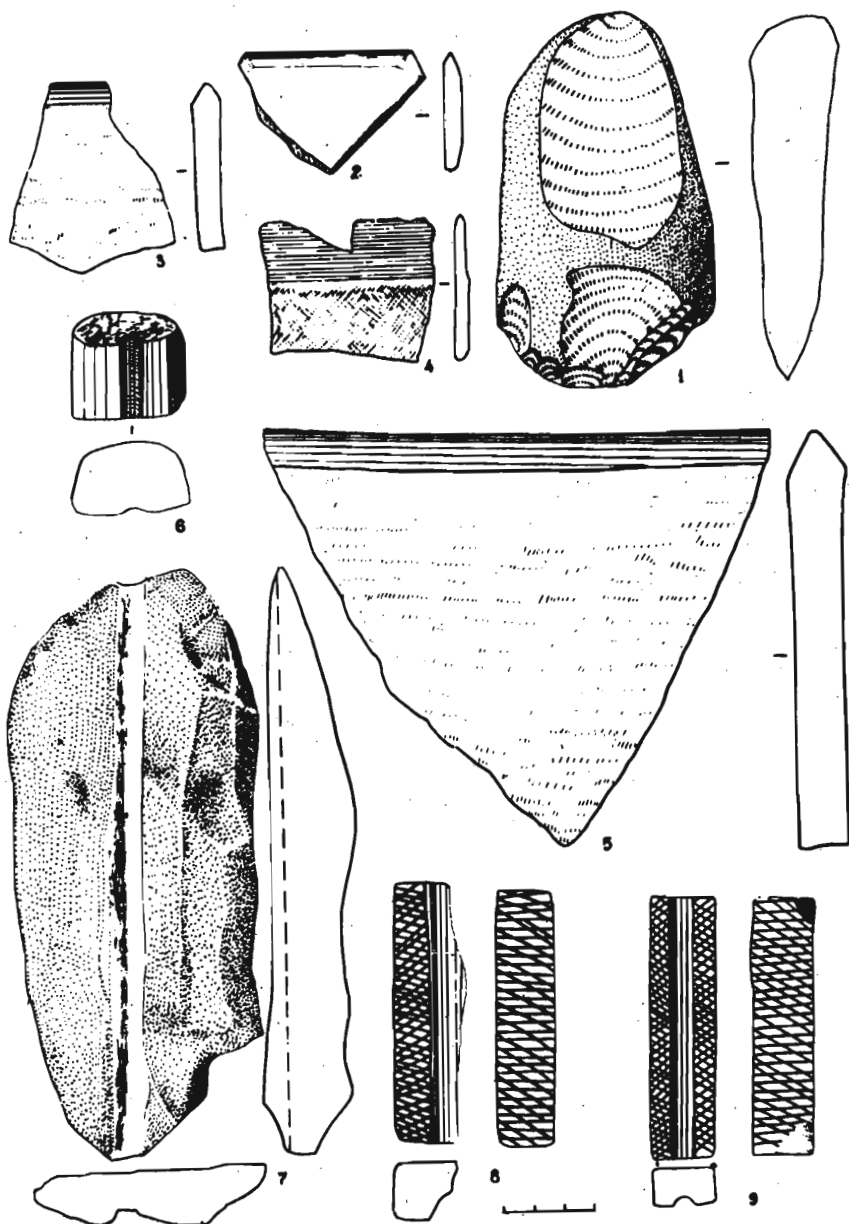
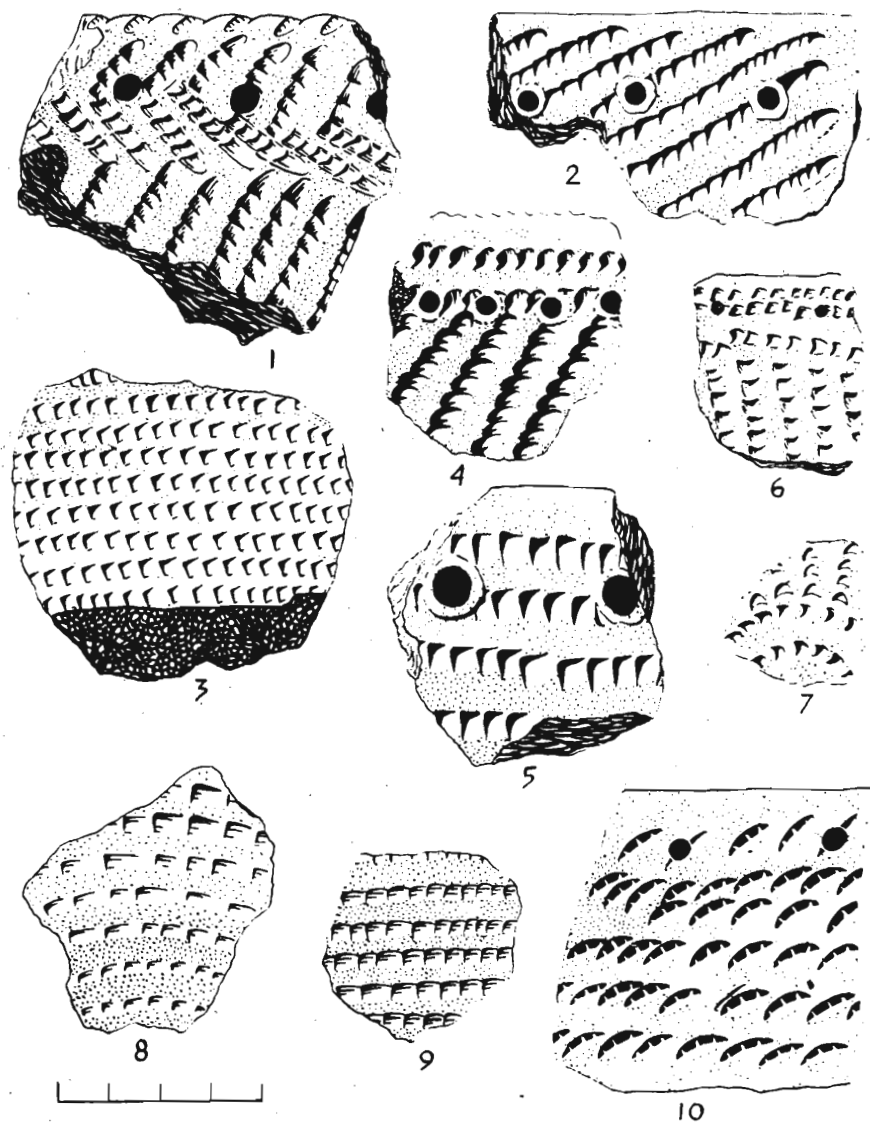
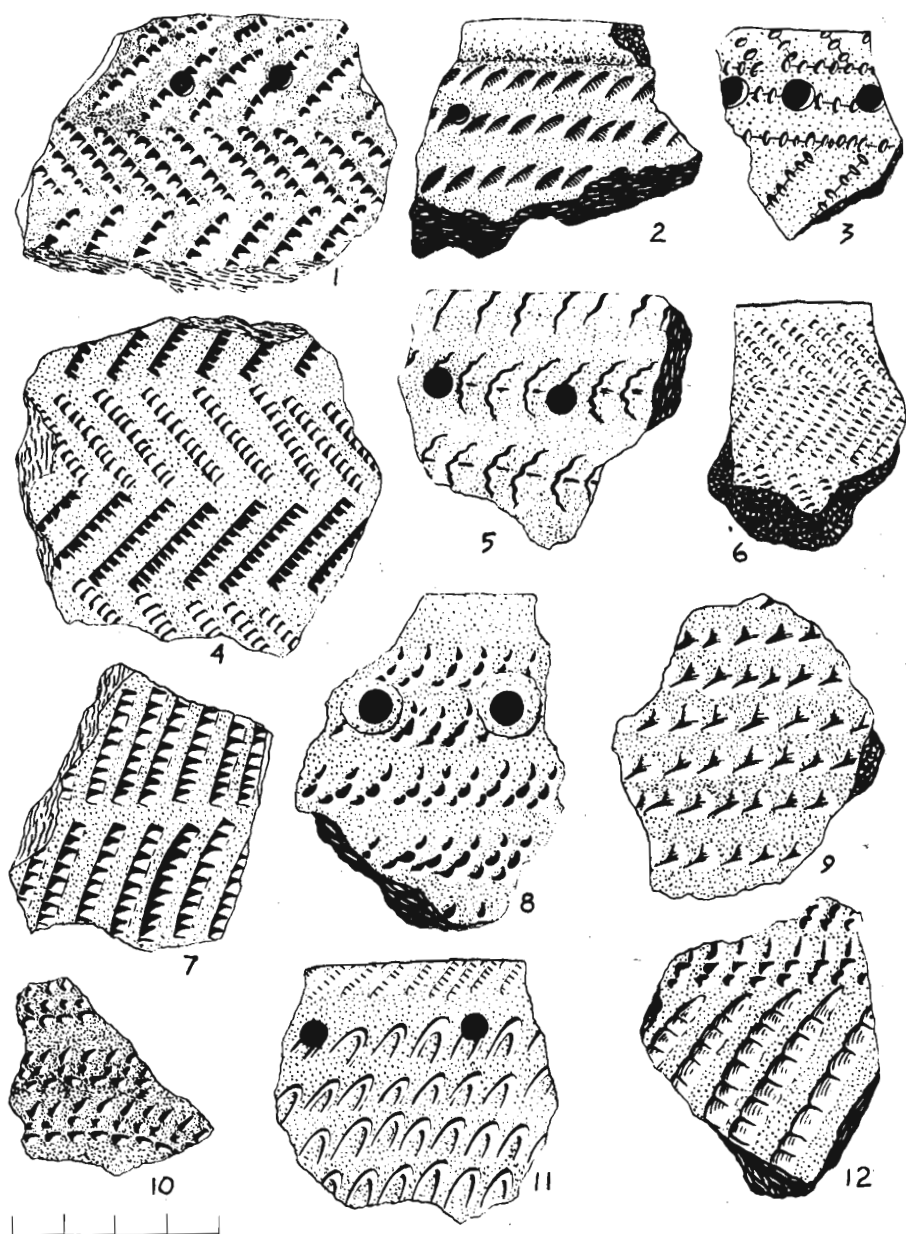

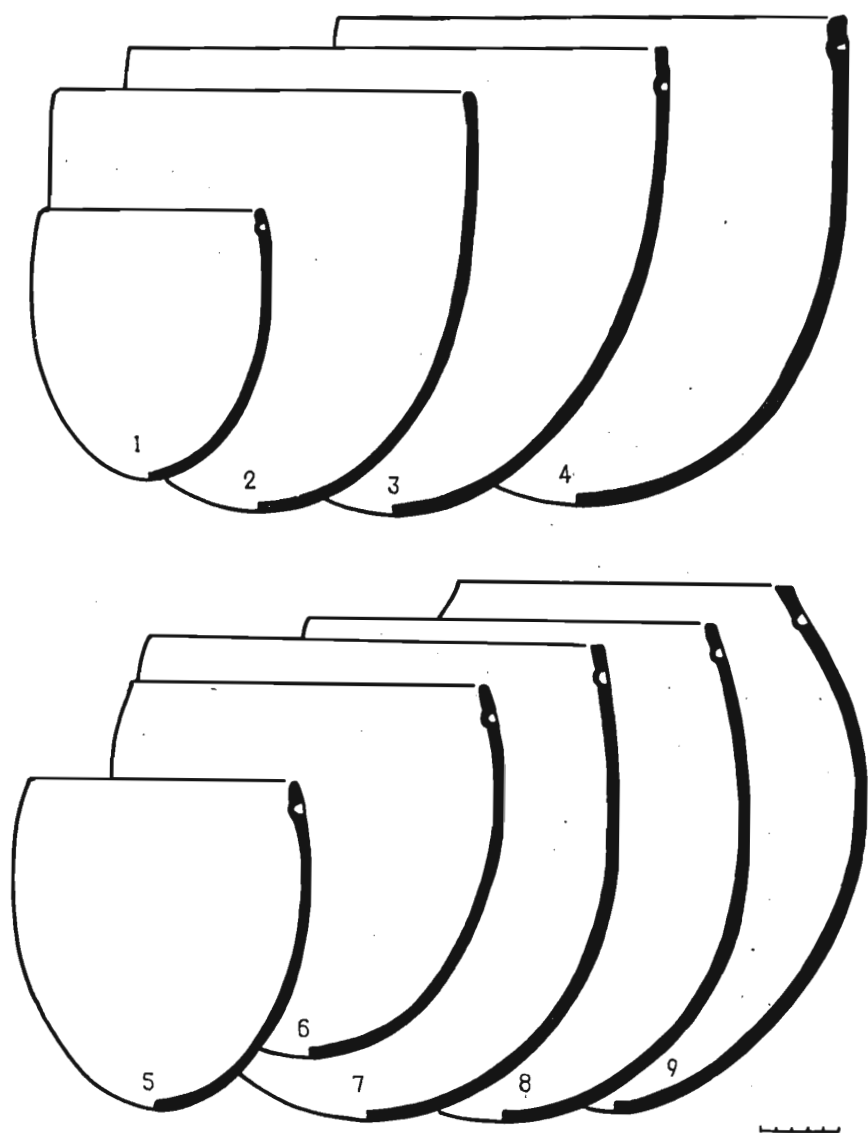
Рис. 38. Унук. Каменный инвентарь

Р и с. 39. Унук. Фрагменты глиняных сосудов

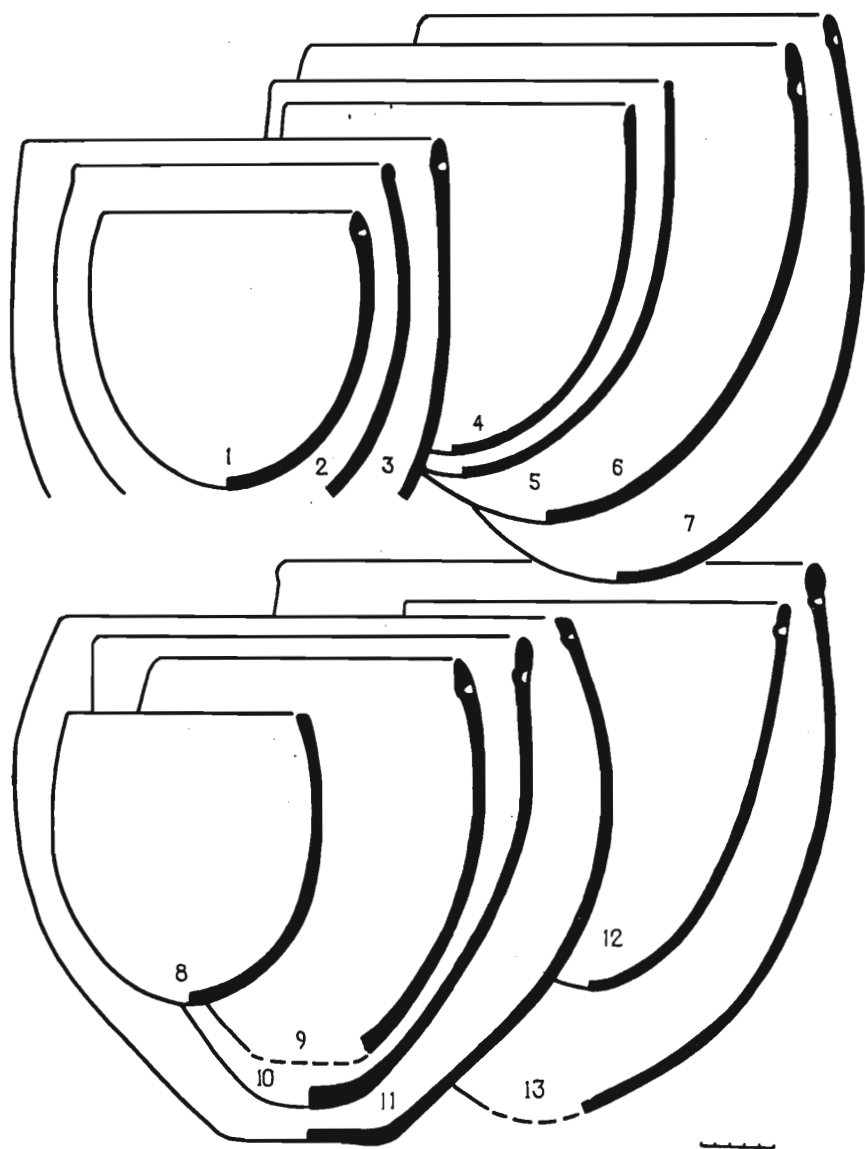

Р и с. 40. Унук. Фрагменты глиняных сосудов

Р и с. 41. Унук. Формы сосудов:

1—4 — из состава подъемных сборов; 5—9 — из северной группы раскопов «Б»

Р и с. 42. Уньюк. Формы сосудов из раскопа 4

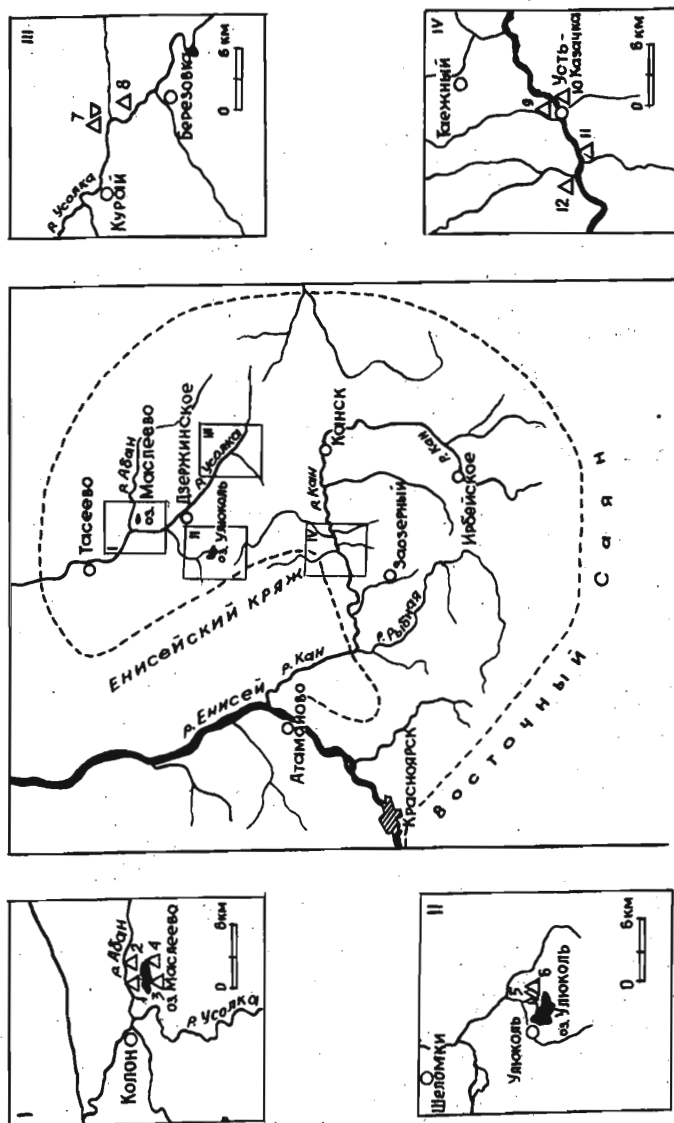

Рис. 43. Карта-схема распространения памятников эпохи бронзы Канской лесостепи.

I — Маслевская группа памятников: 1 — Маслеево III; 2 — Лекневка II; 3 — Маслеево IV; II — Улюкльская группа памятников: 5 — Улюкль I; 6 — Улюкль II; III — Меанская группа памятников: 7 — Гурьев Лог; 8 — Меанск I; IV — Канско-Потанчетская группа памятников: 9 — Казачка I; 10 — М. Камада; 11 — Б. Камада; 12 — Потанчет.

Условные обозначения: I—IV — группы памятников бронзового века Канской лесостепи; - - - - - границы Канской лесостепи (с подтаежной зоной); Δ — поселения; □ — погребение

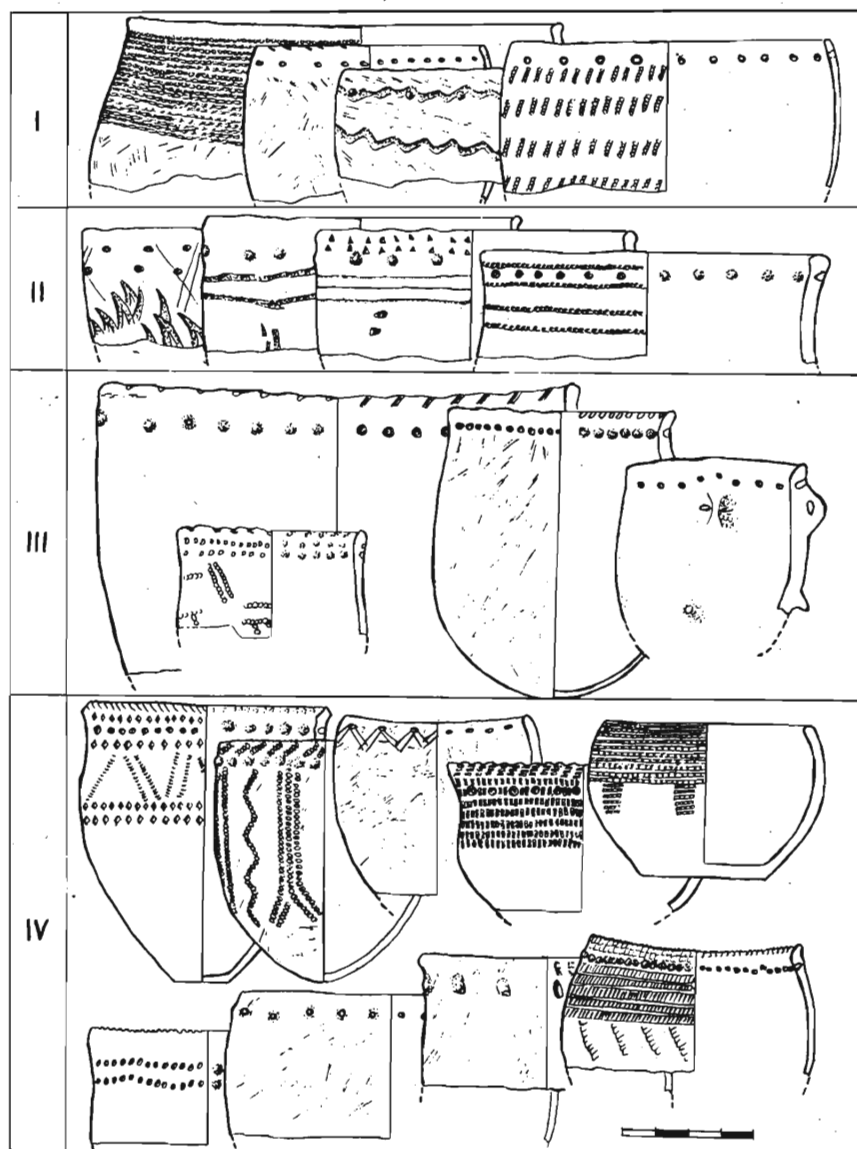
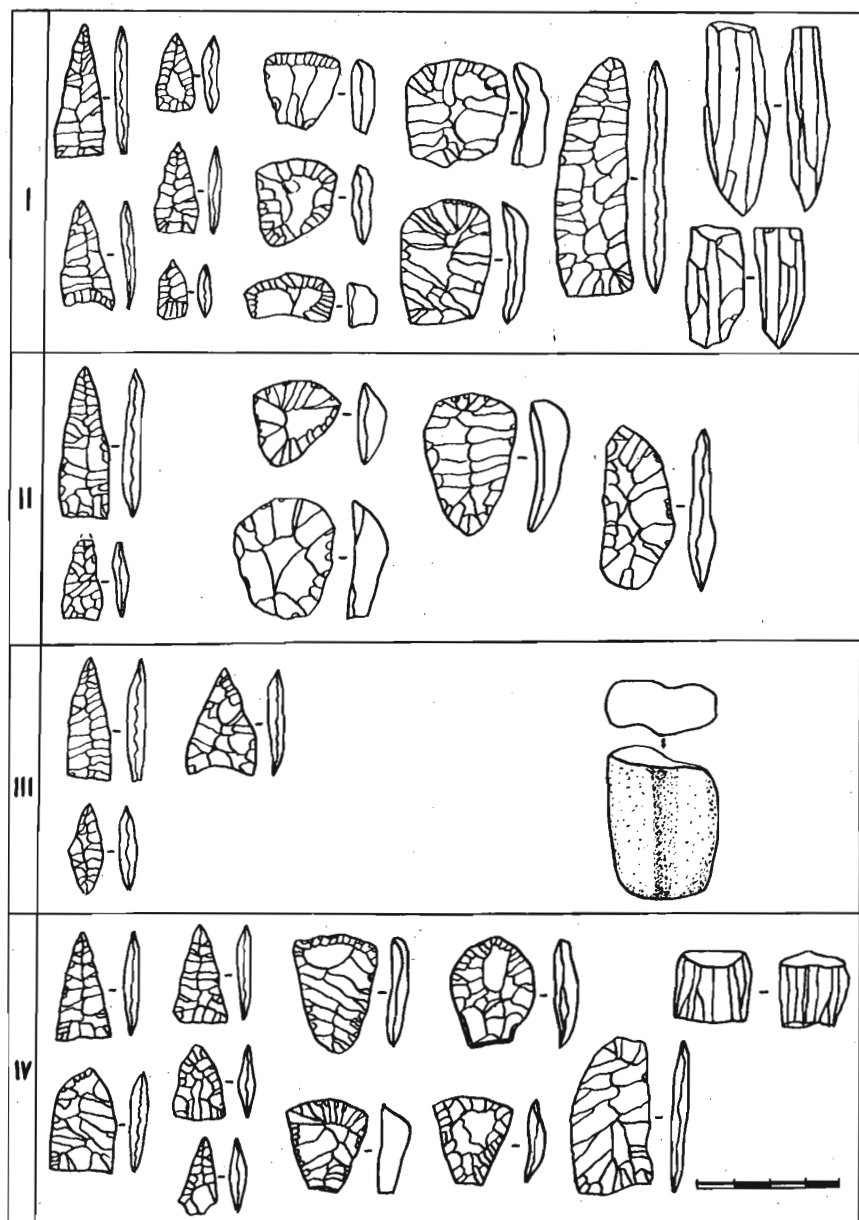

Рис. 44. Основные формы и орнаментация сосудов эпохи бронзы Канской лесостепи:

I, II, III, IV — названия групп памятников соответствуют рис. 43

Р и с. 45. Основные категории каменной индустрии памятников бронзы Канской лесостепи:
(группы памятников те же, что и на рис. 43, 44)

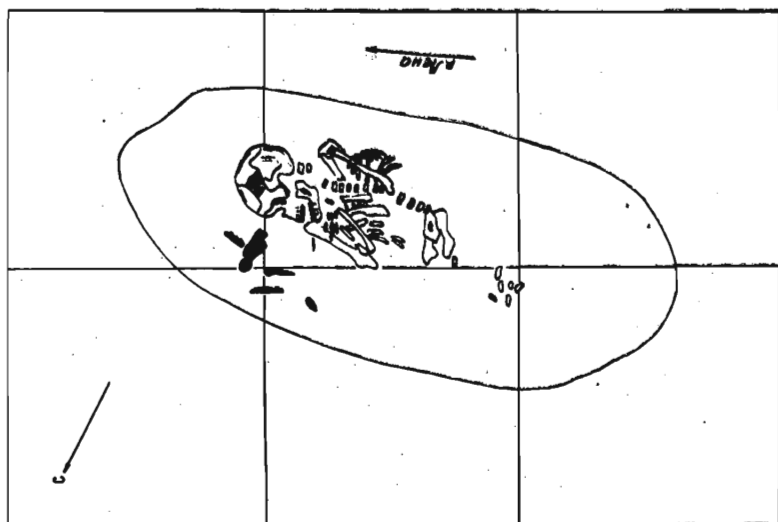
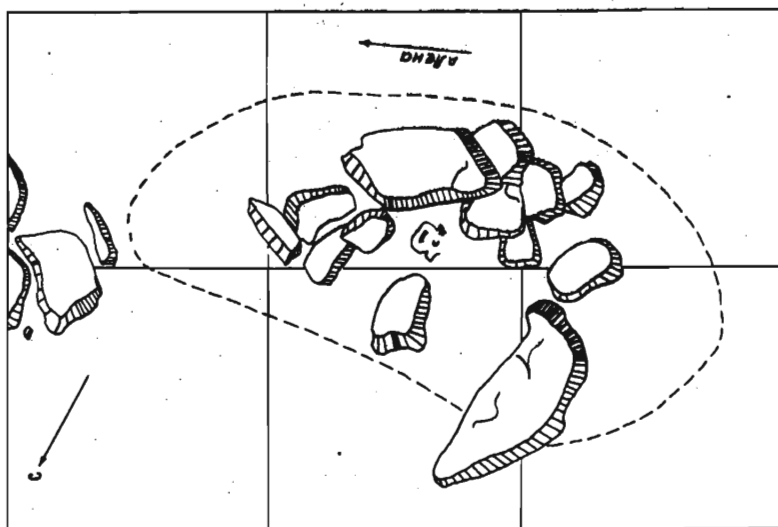
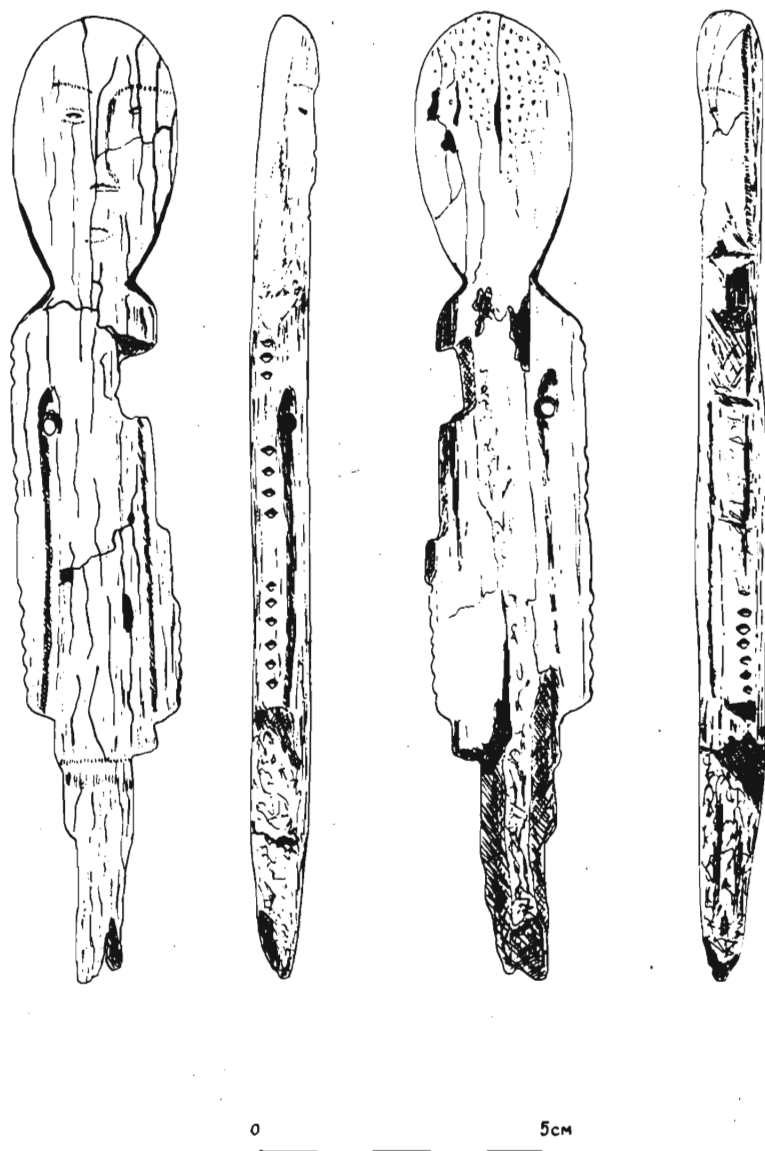
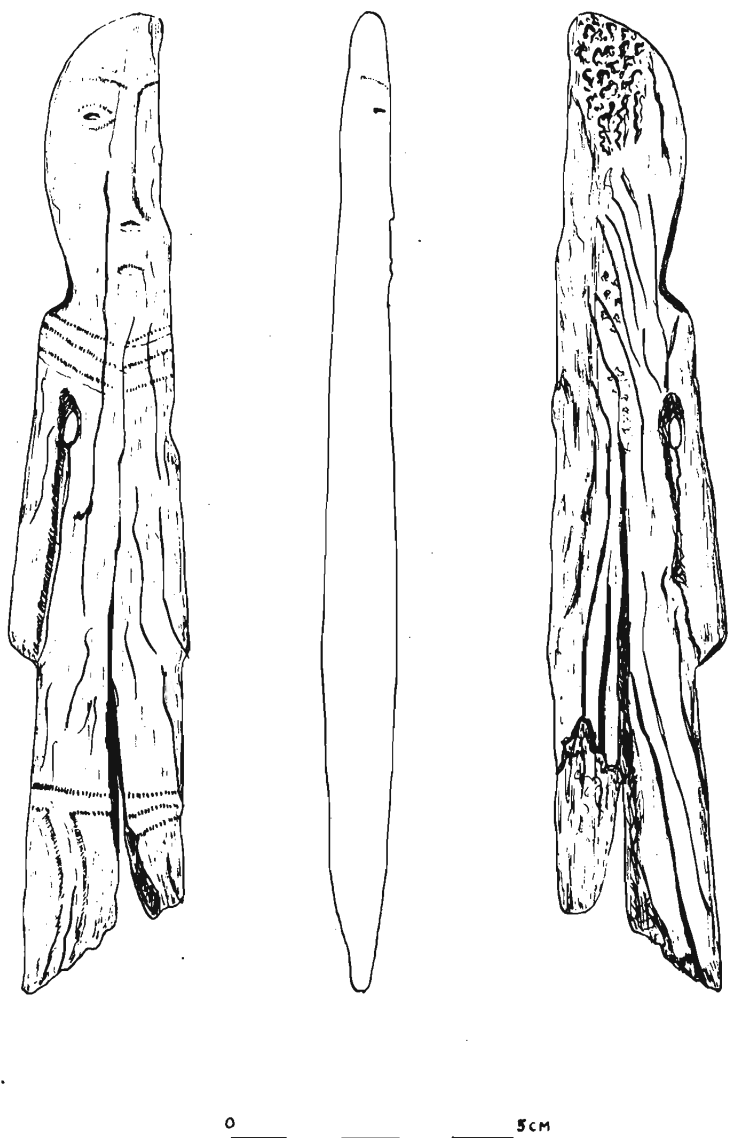

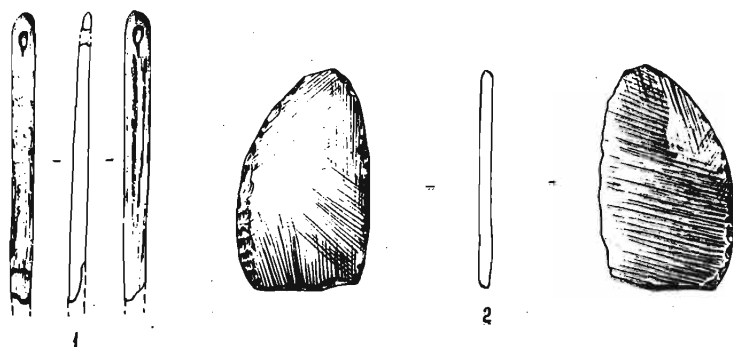
Рис. 46. 1 — кладка погребения; 2 — положение костяка в могильной яме

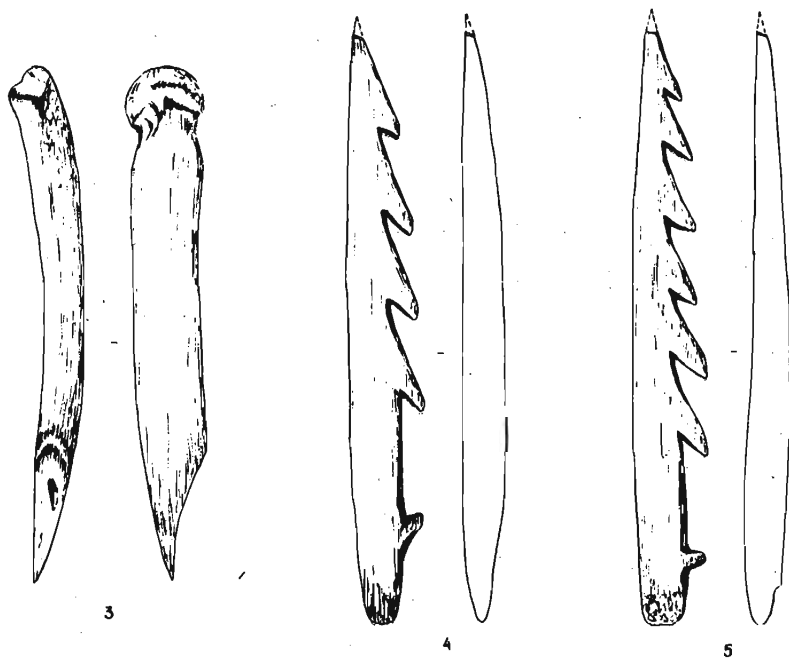
Р и с. 47. Верхняя антропоморфная скульптура

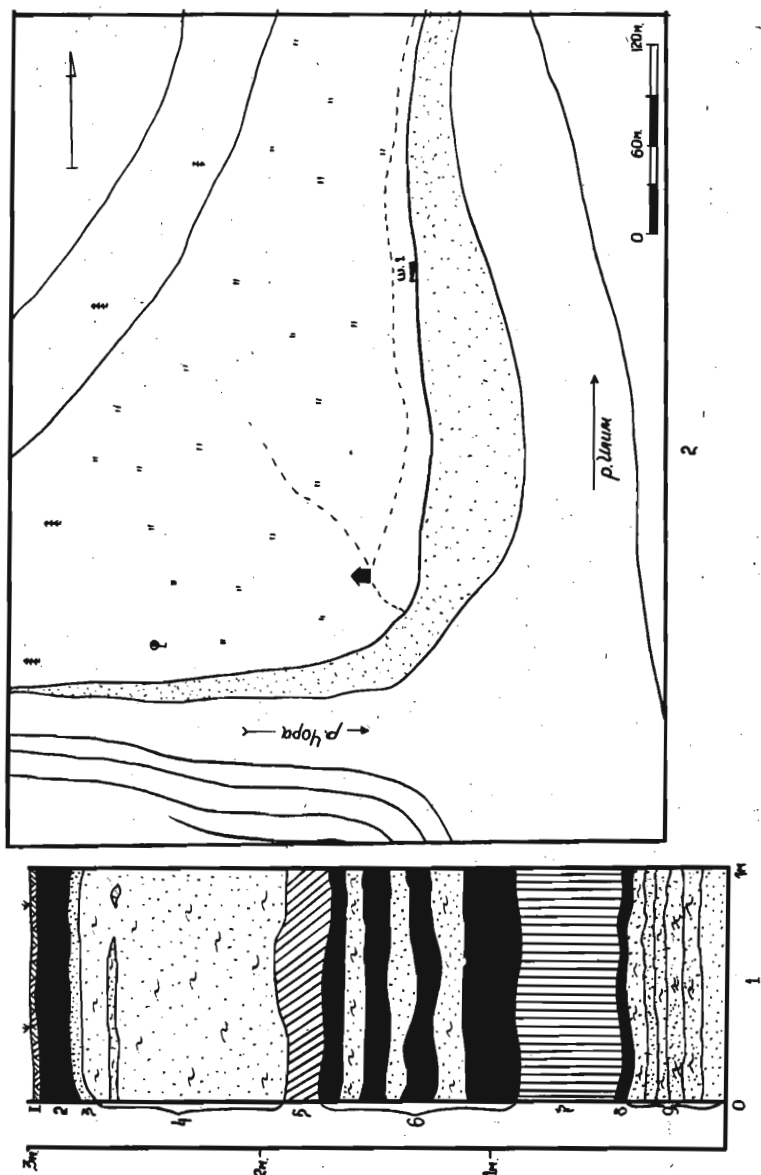
Р и с. 48. Нижняя антропоморфная скульптура

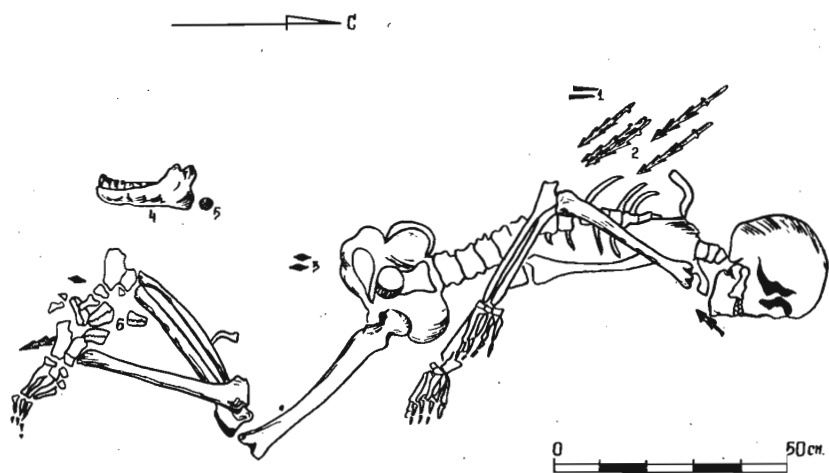
0 5cm

Р и с. 49. Погребальный инвентарь

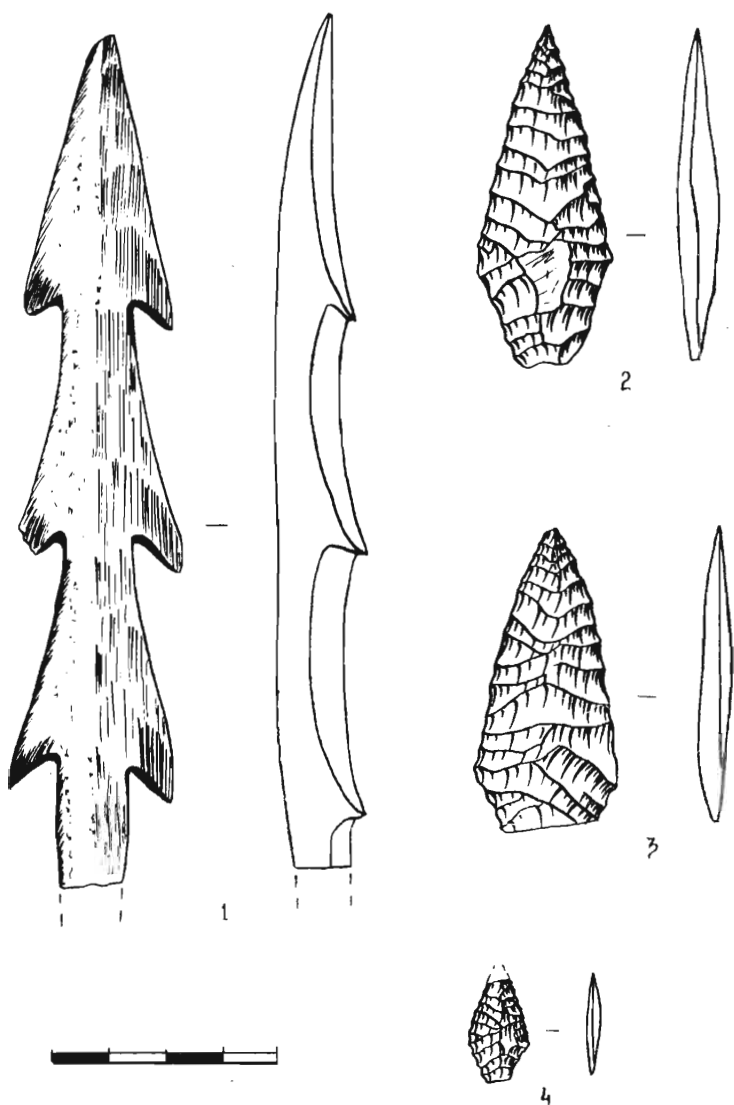

Р и с. 51. Абакино:
1 — разрез южной стенки шурфа № 1; 2 — ситуационный план

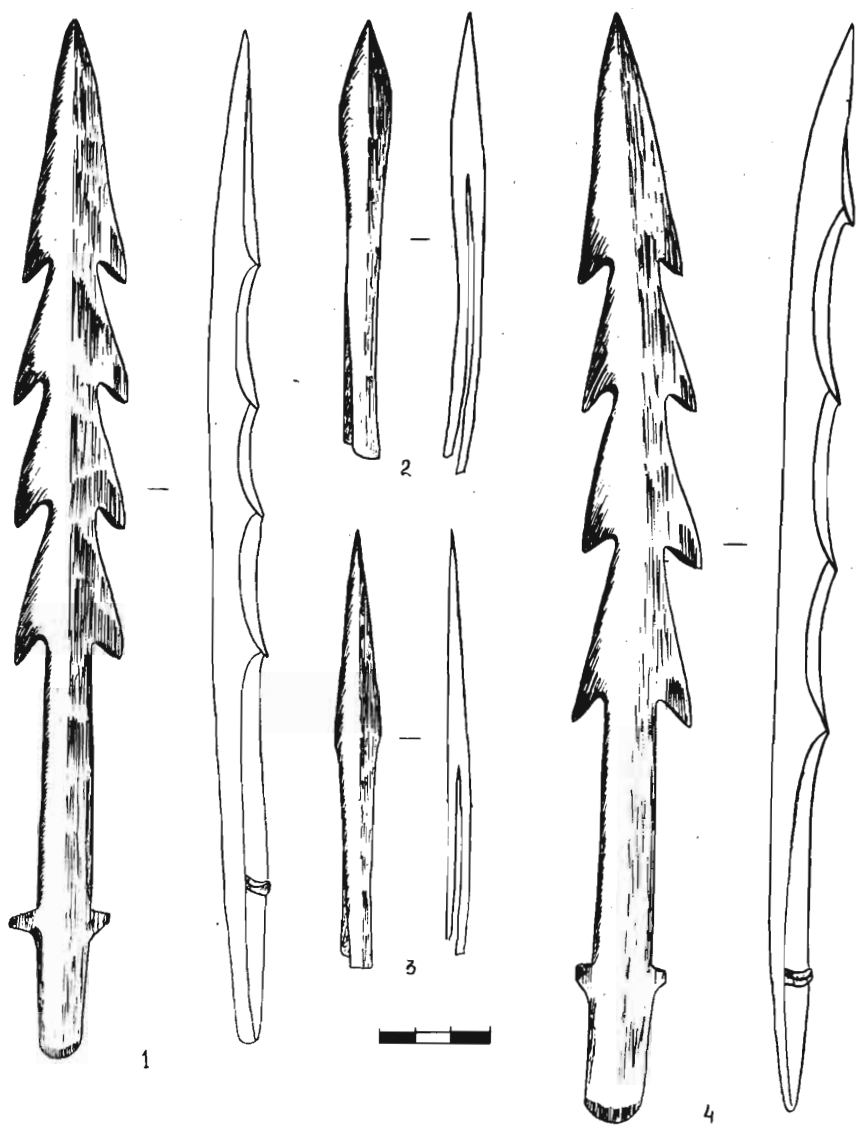

Р и с. 52. Абакшино. План погребения № 1:

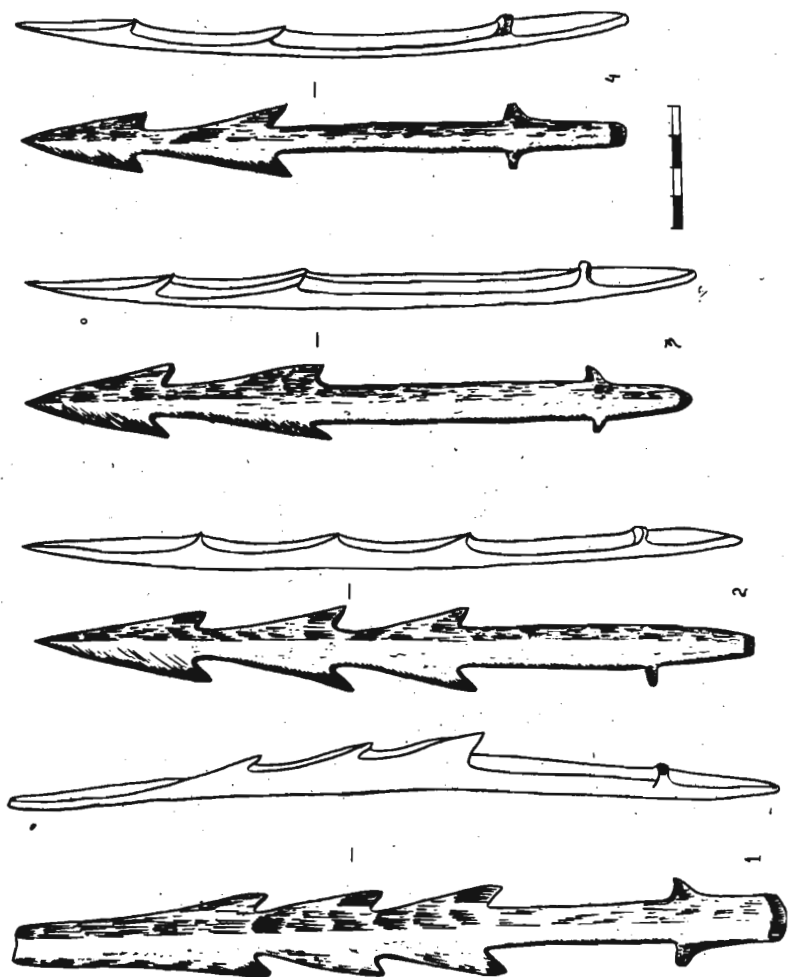
1 — костяные наконечники гарпунов; 2 — костяные наконечники стрел; 3 — кремневые наконечники;
4 — челюсть сохотого; 5 — позвонок рыбы; 6 — фрагменты черепных костей ребенка

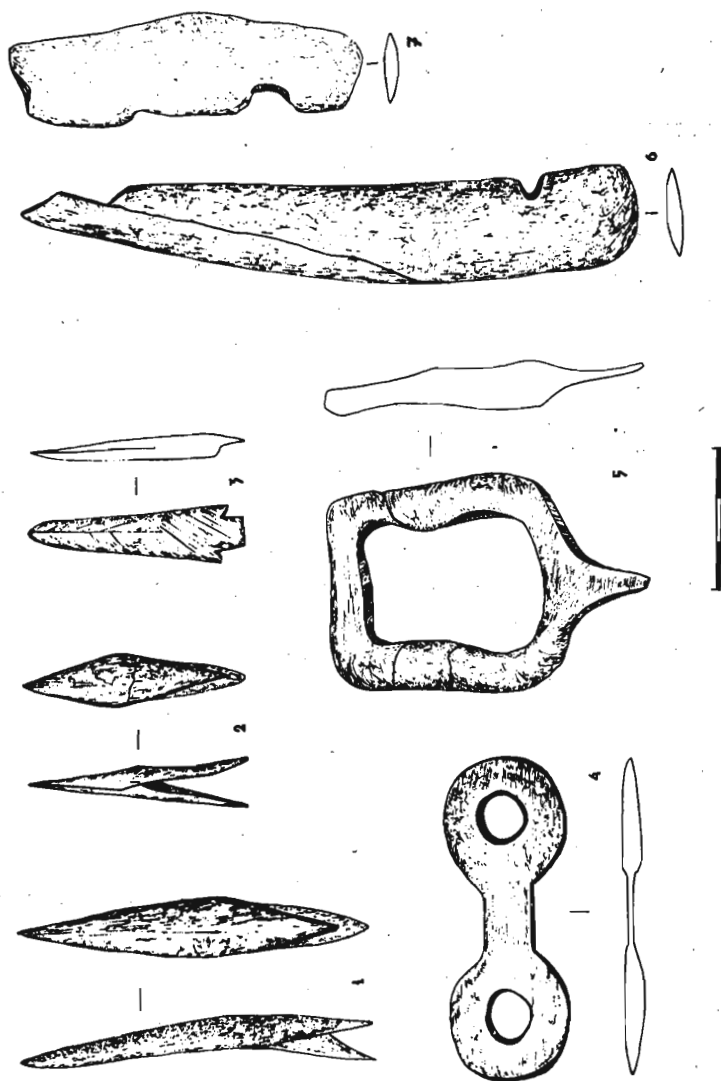
Р и с. 53. Абакино. Погребение № 1:
1 — обломок баранки; 2 — 4 — кремневые наконечники

Р и с. 54. Абакино. Погребение № 1. Изделия из кости

Р и с. 55. Абакшино. Погребение № 1. Изделия из кости

Р и с. 56. Сопровождающий материал. Изделия из кости:
1-3 — наконечники стрел; 4-5 — пряжки; 6-7 — концевые накладки лука

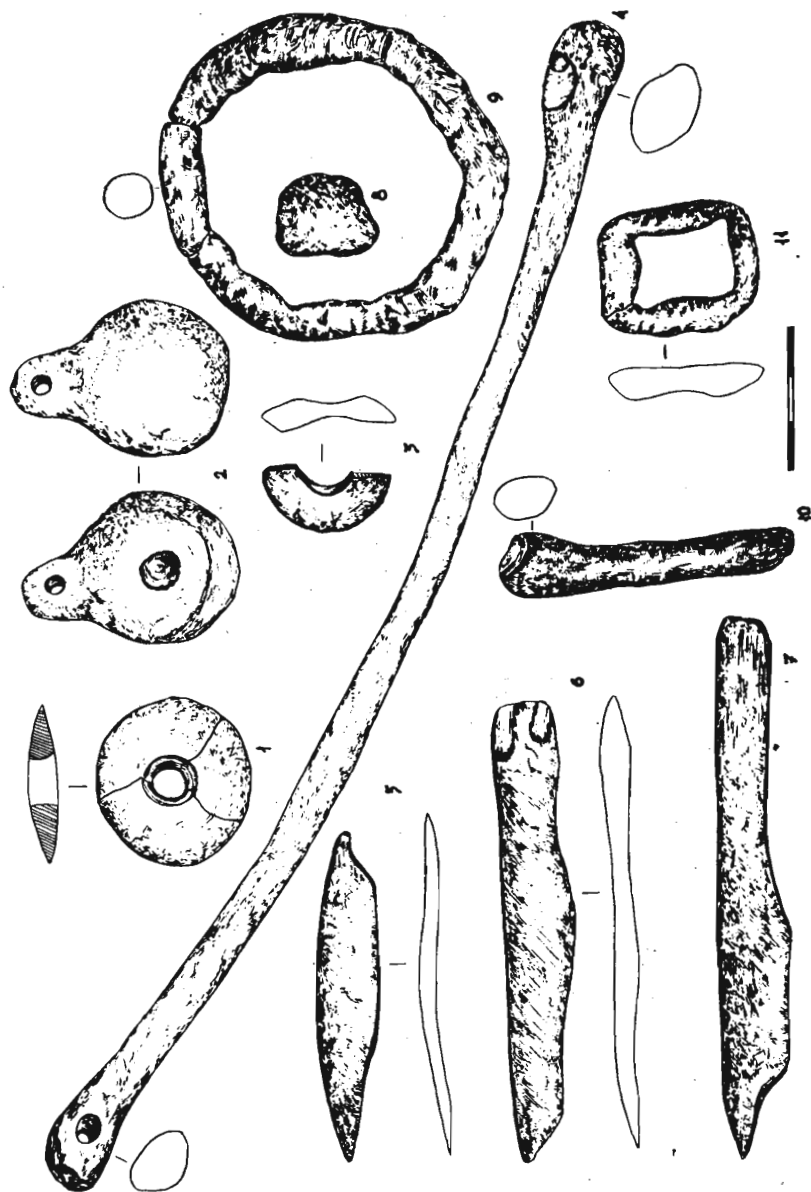
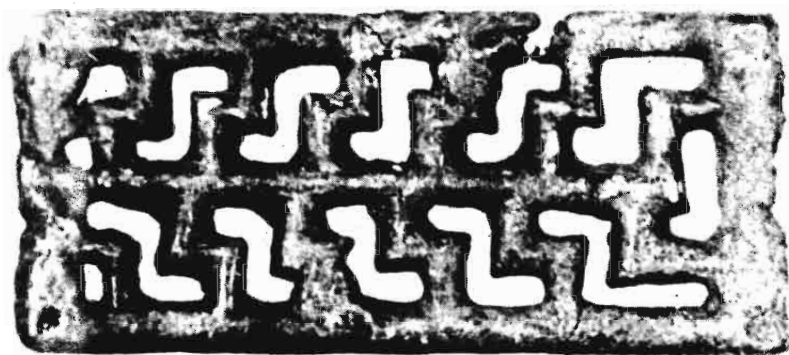
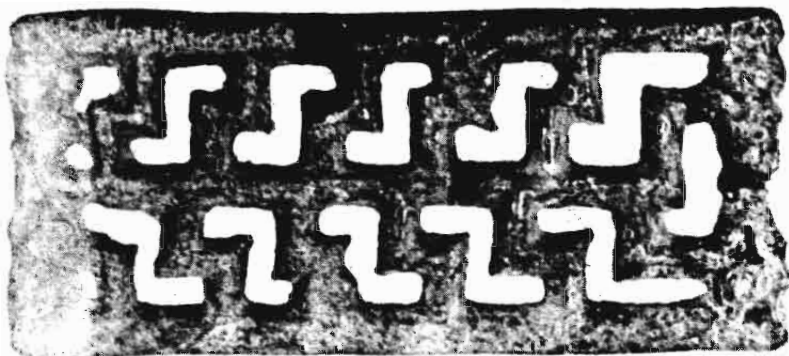

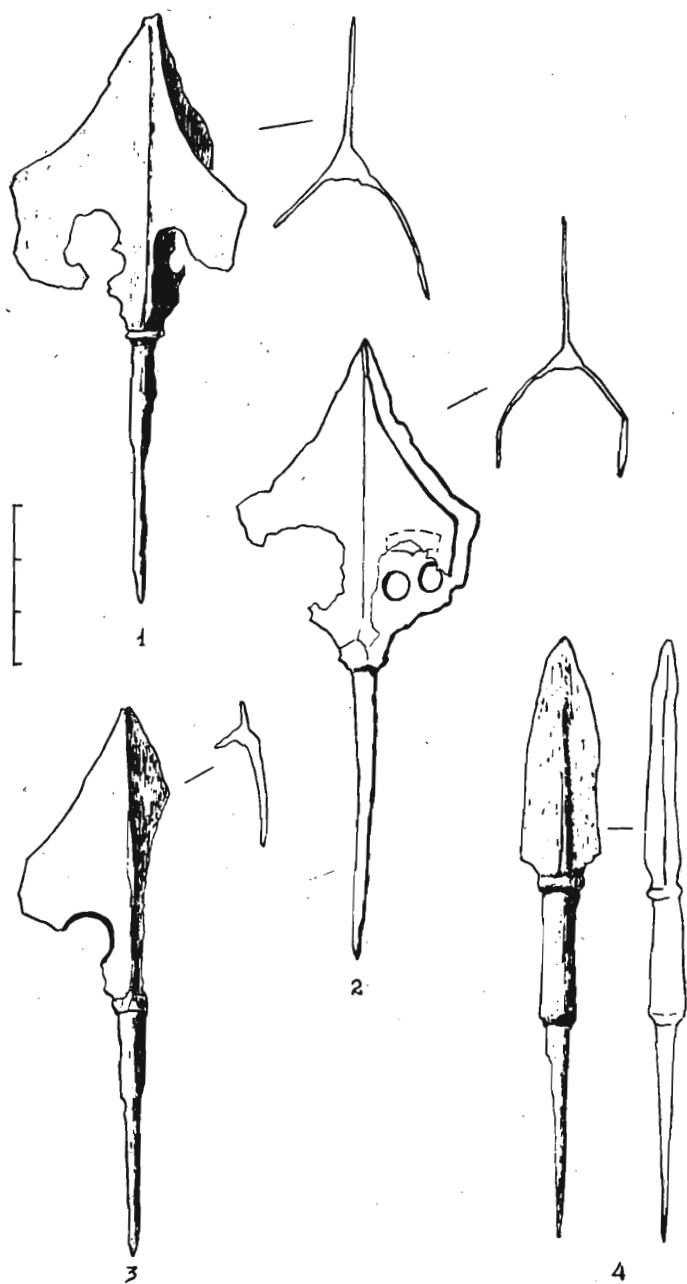
Рис. 57. Сопровождающий инвентарь:

1 — изделие из кости; 2, 3 — «швортики»; 4 — детали прибора для зажигания «огня трением»; 5—11 — изделия из железа; 5—7 — ножи; 8 — пуговица; 9 — кольцо; 10 — стержень; 11 — пярэчка.

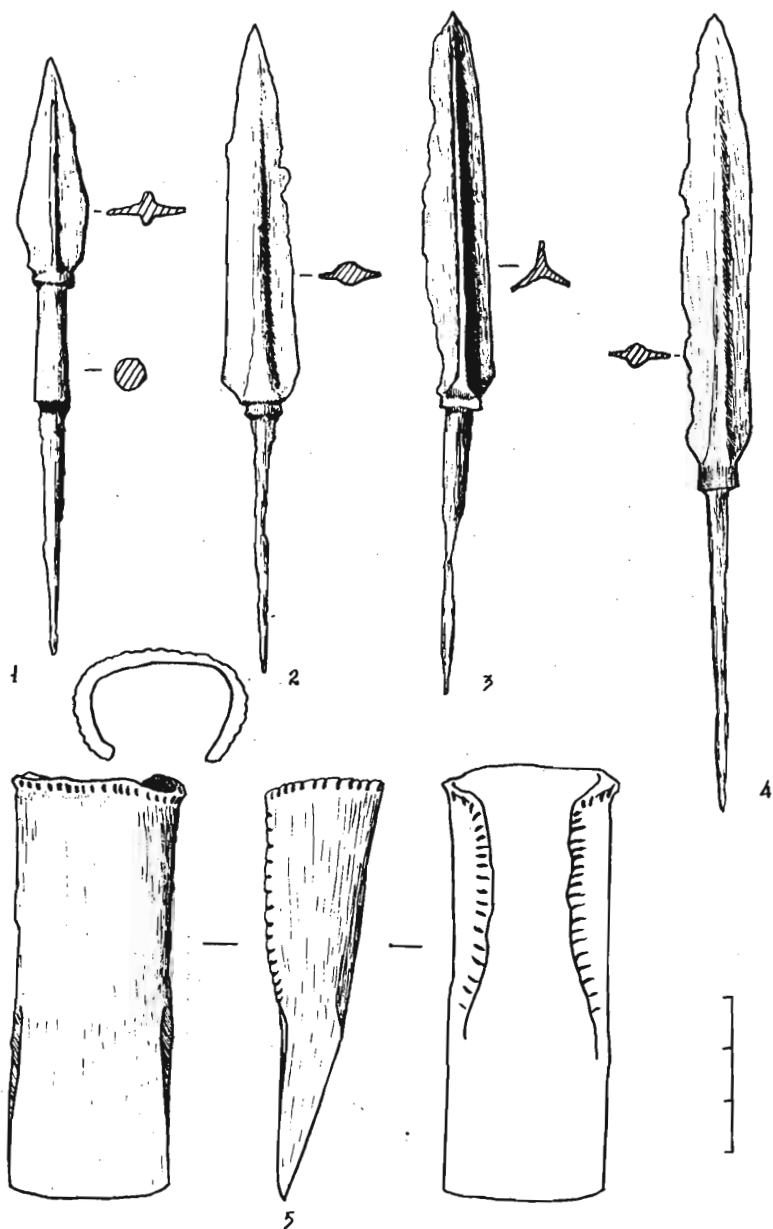

Р и с. 58. Бронзовые ажурные пластины:

1, 2 — поясные блины с геометрическим орнаментом; 3 — поясная блина с изображением сцены борьбы животных

Р и с. 59. Предметы вооружения воина — наконечники стрел

Р и с. 60. Предметы вооружения — наконечники стрел, тесло

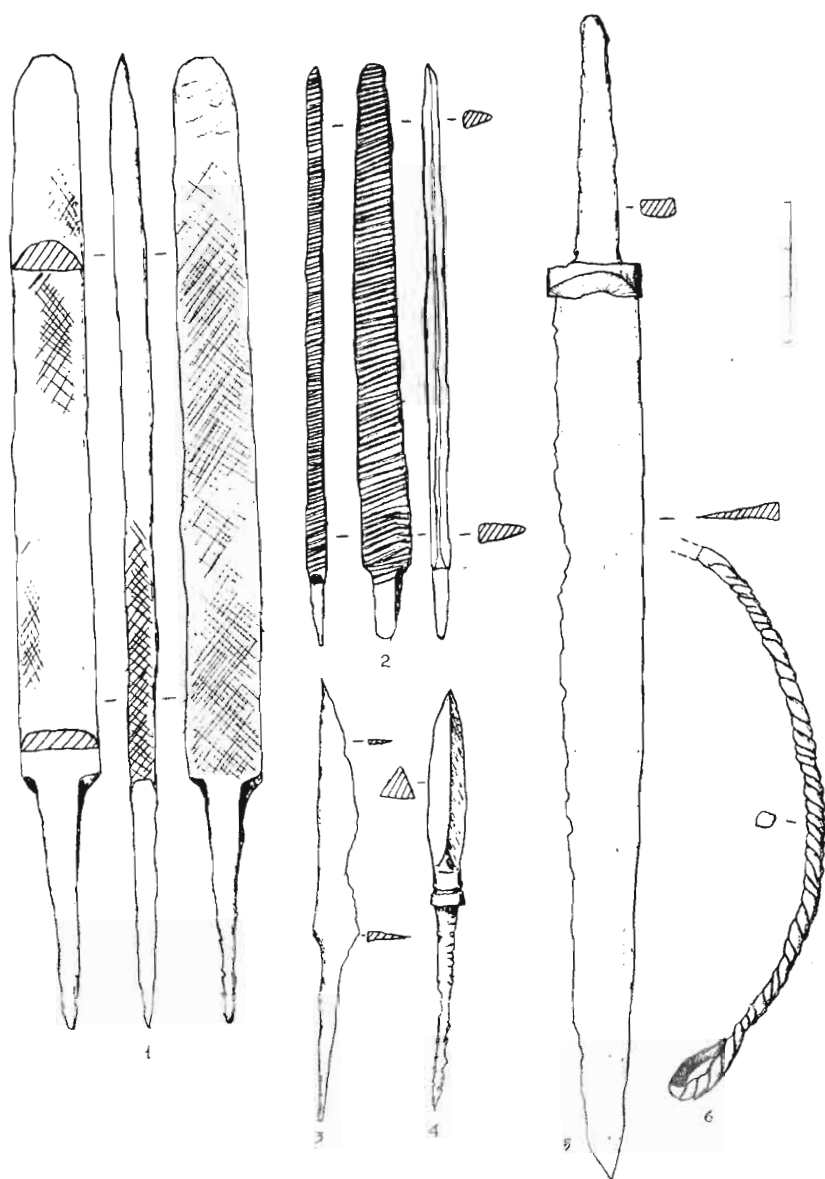

Рис. 61. Предметы снаряжения и вооружения из коллекции

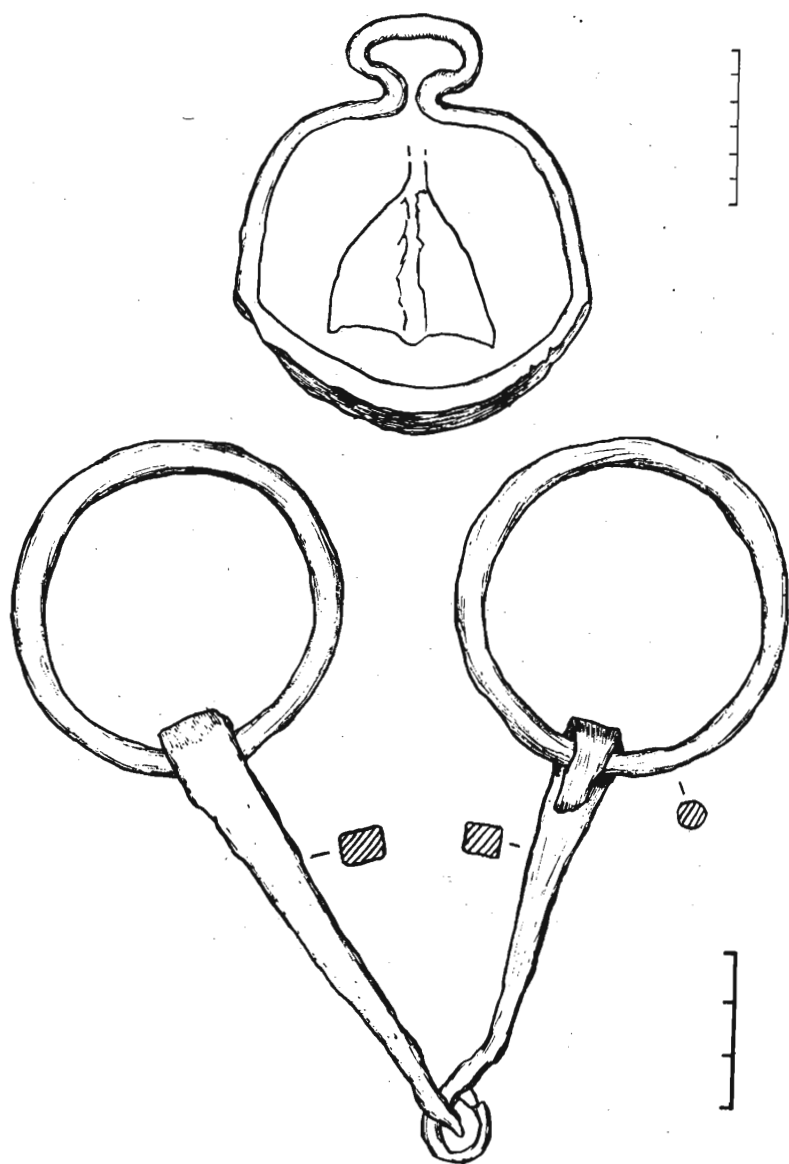
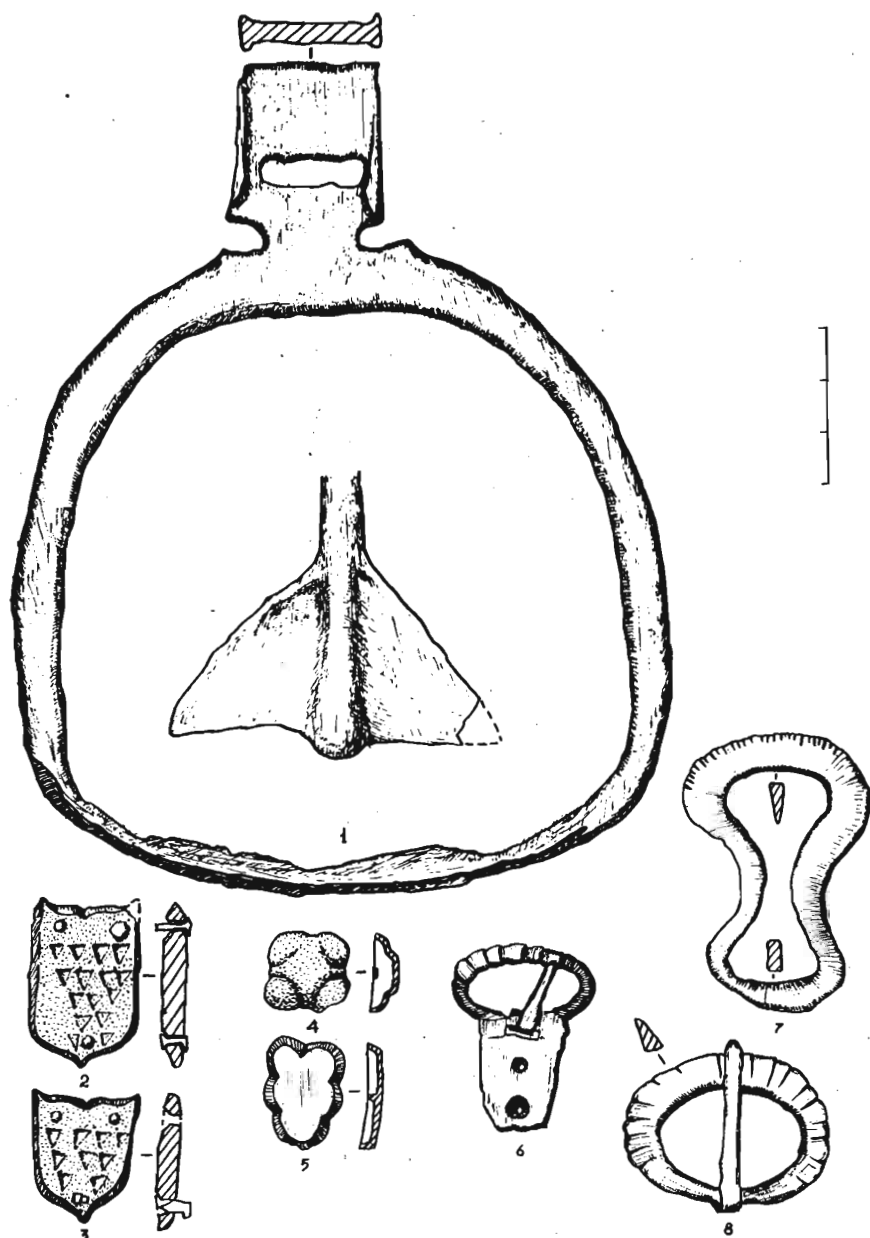

Рис. 62. Стремя и удила из погребения

Р и с. 63. Стремя и пряжки из погребения

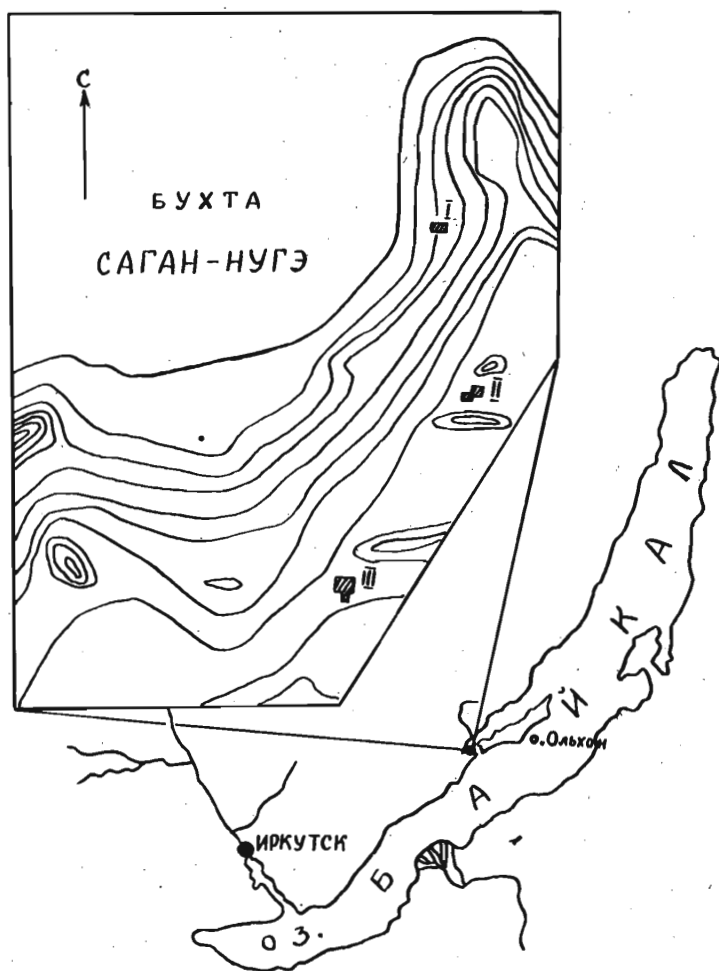

Рис. 64. Географическое положение и топоплан бухты Саган-Нугэ
(I, II, III — номера археологических местонахождений)

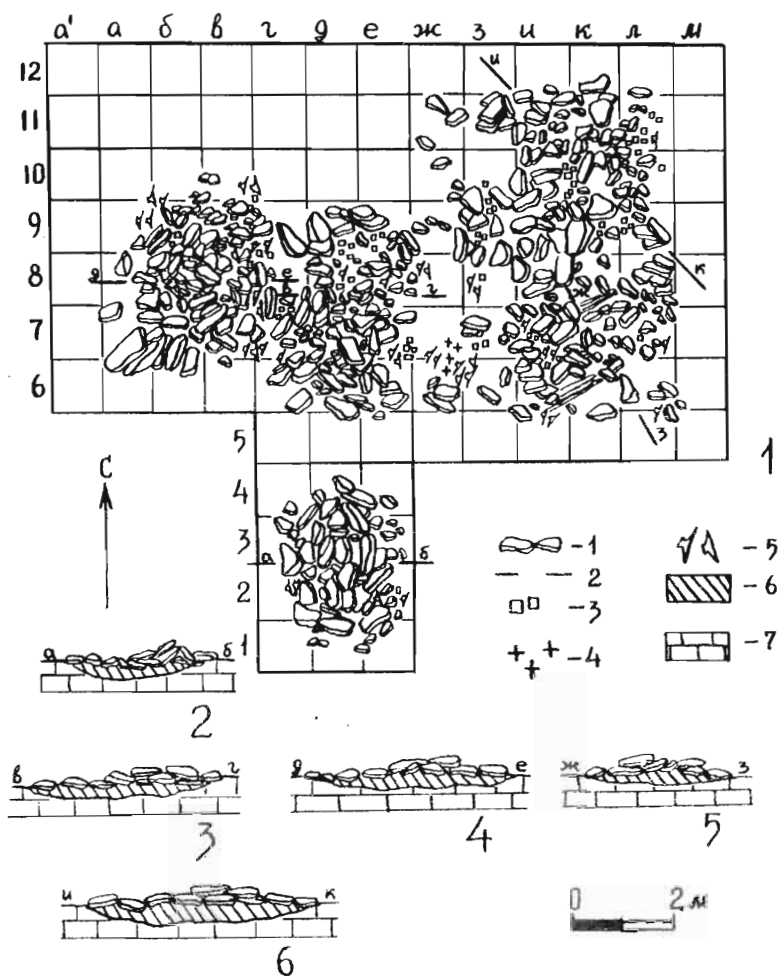

Рис. 65. Саран-Пуск НЕ

1 - место распространения ископаемых; 2 - разрезы пластов; 3 - разрез пластов; 4 - разрез пластов; 5 - разрез пластов; 6 - разрез пластов; 7 - разрез пластов.

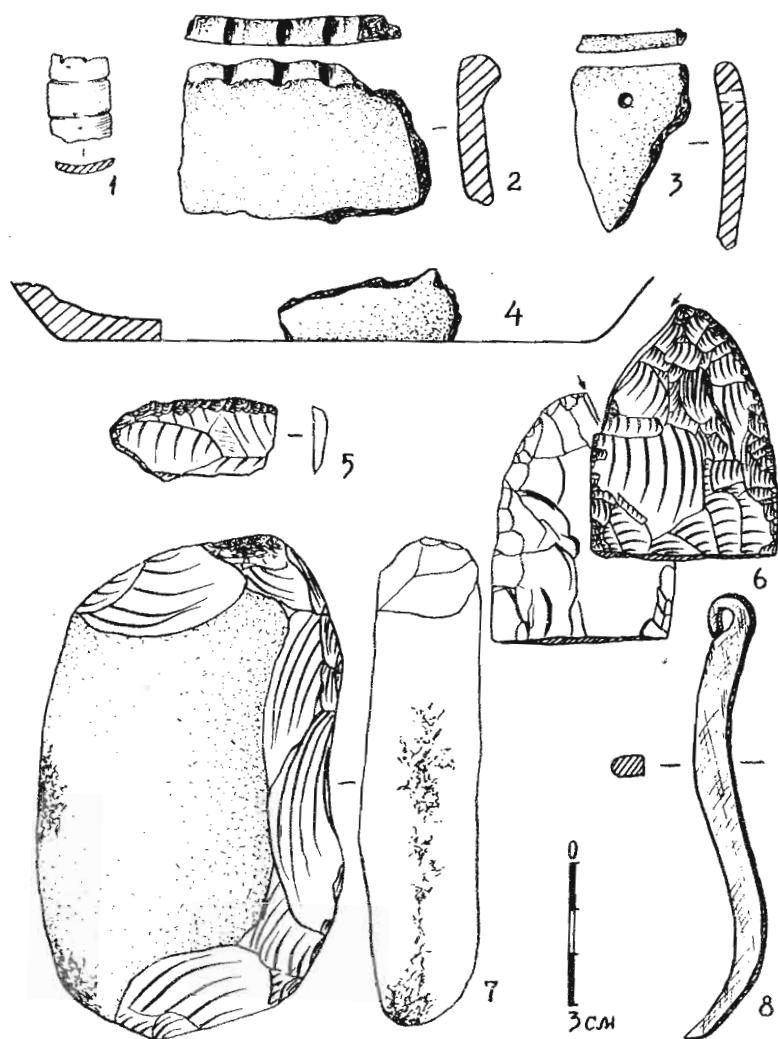
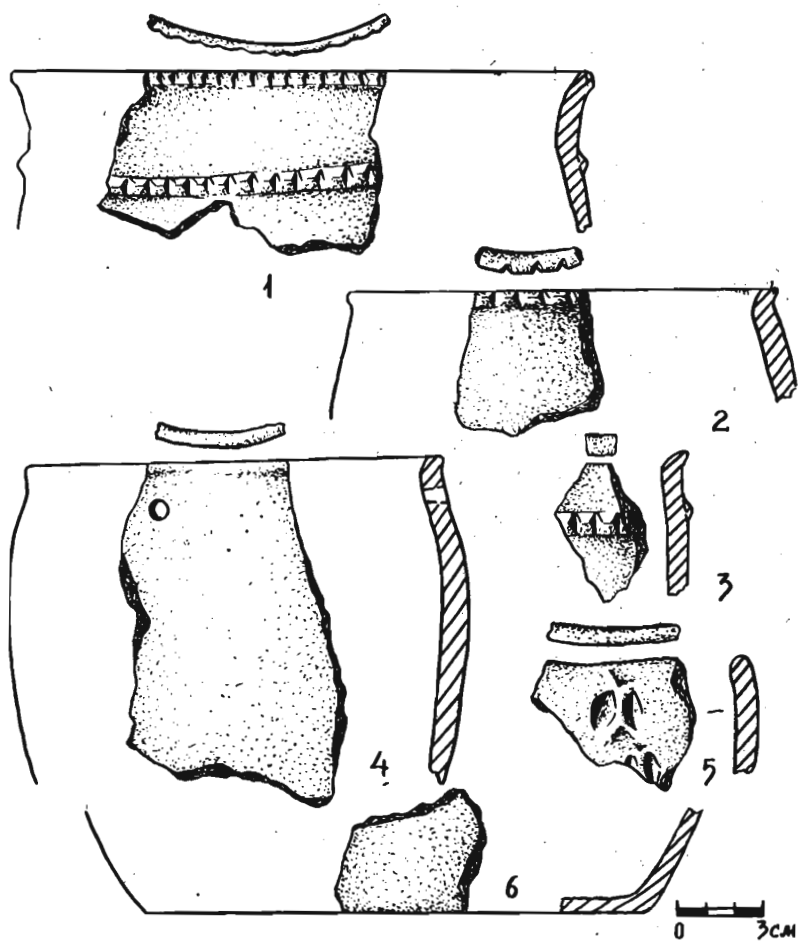
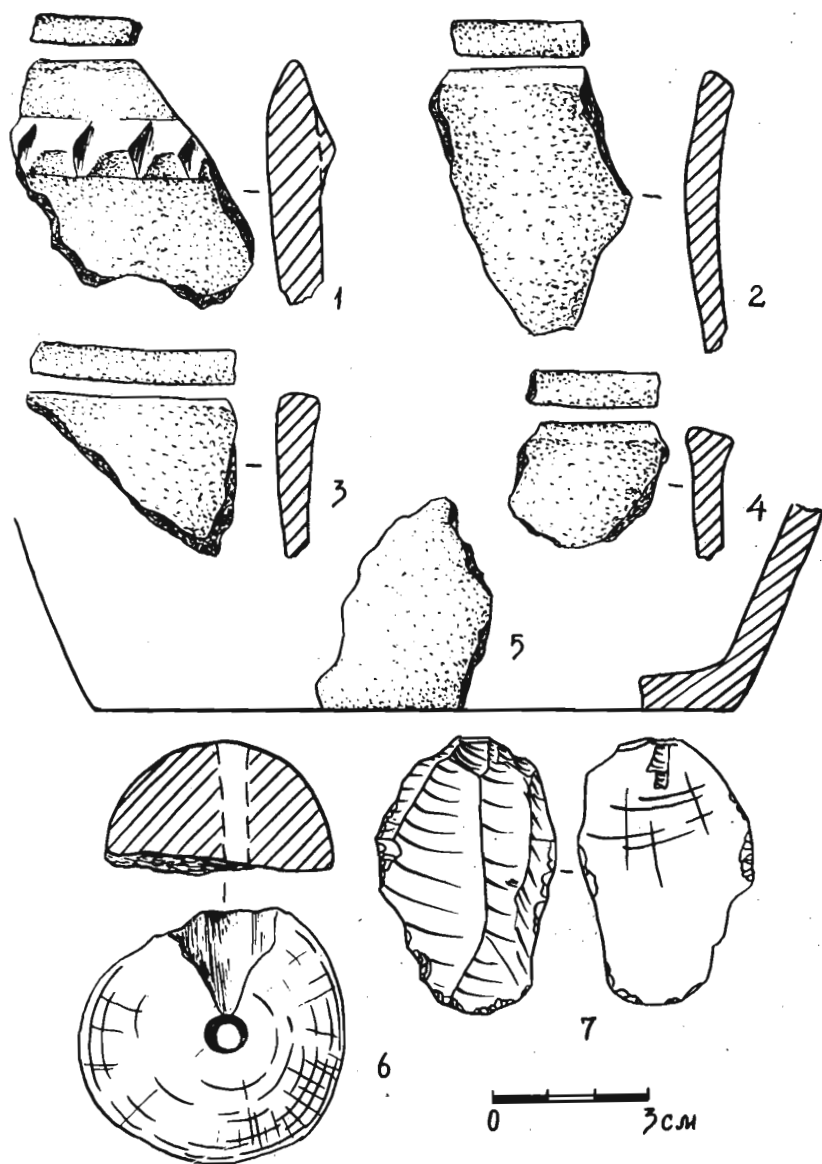

Рис. 66. Сатап-Пуза III:

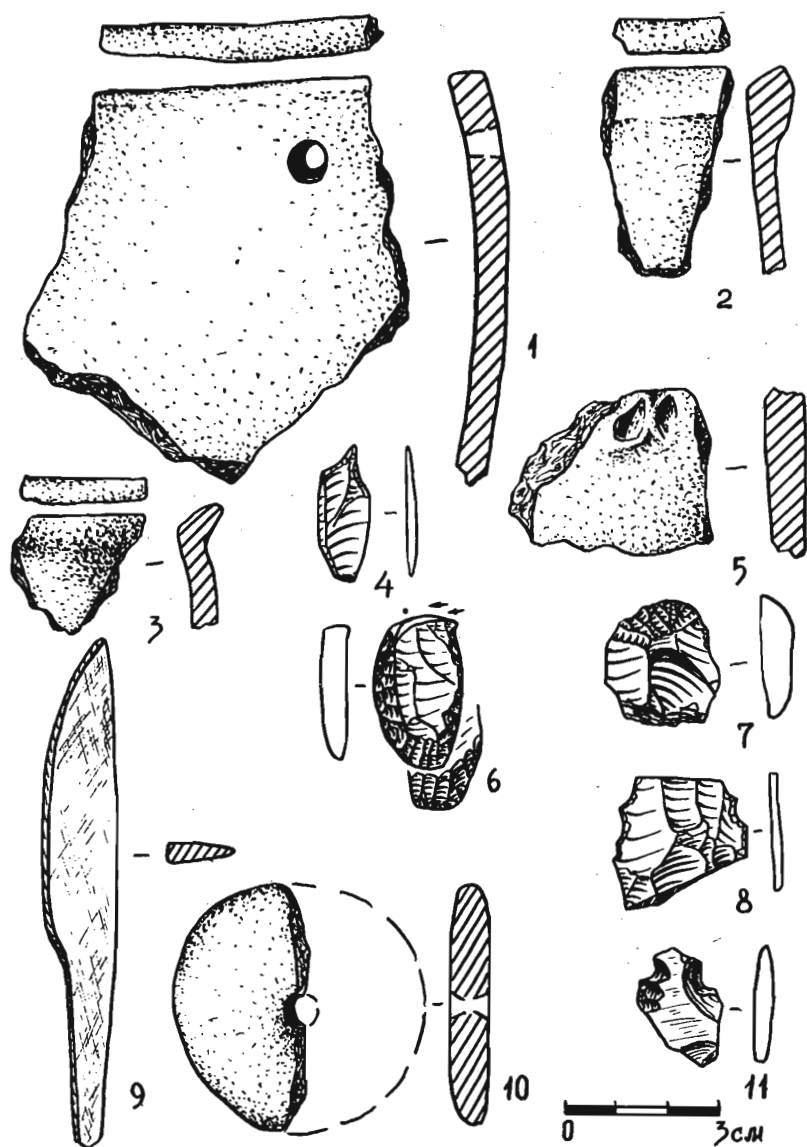
1-4 — материал вады № 1; 5-8 — материал вады № 2

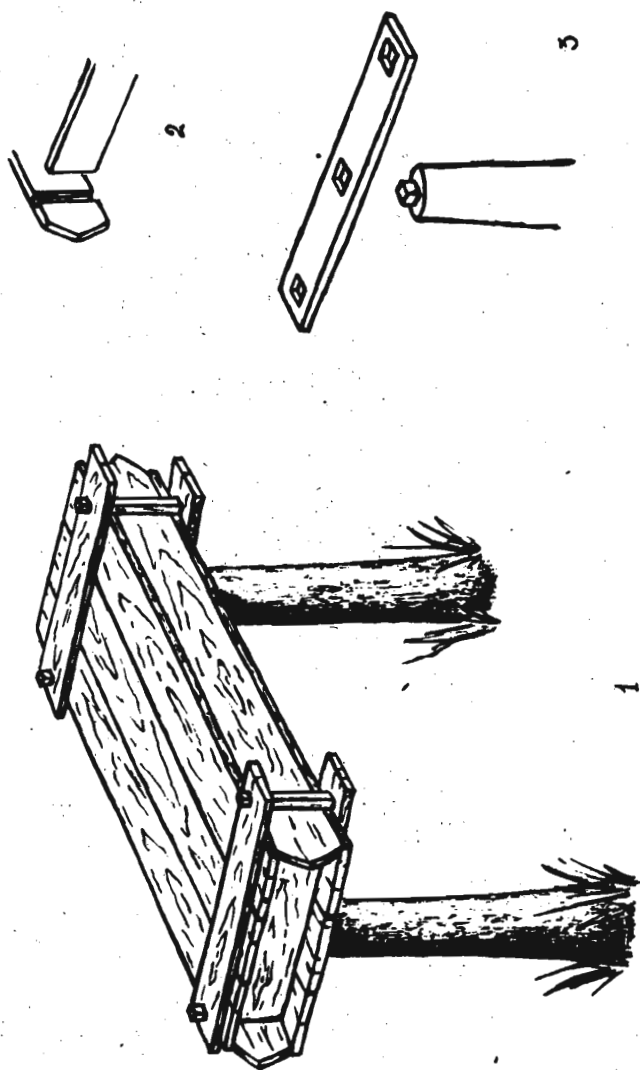
Р и с. 67. Саган-Нургэ III. Керамика из кладки № 2

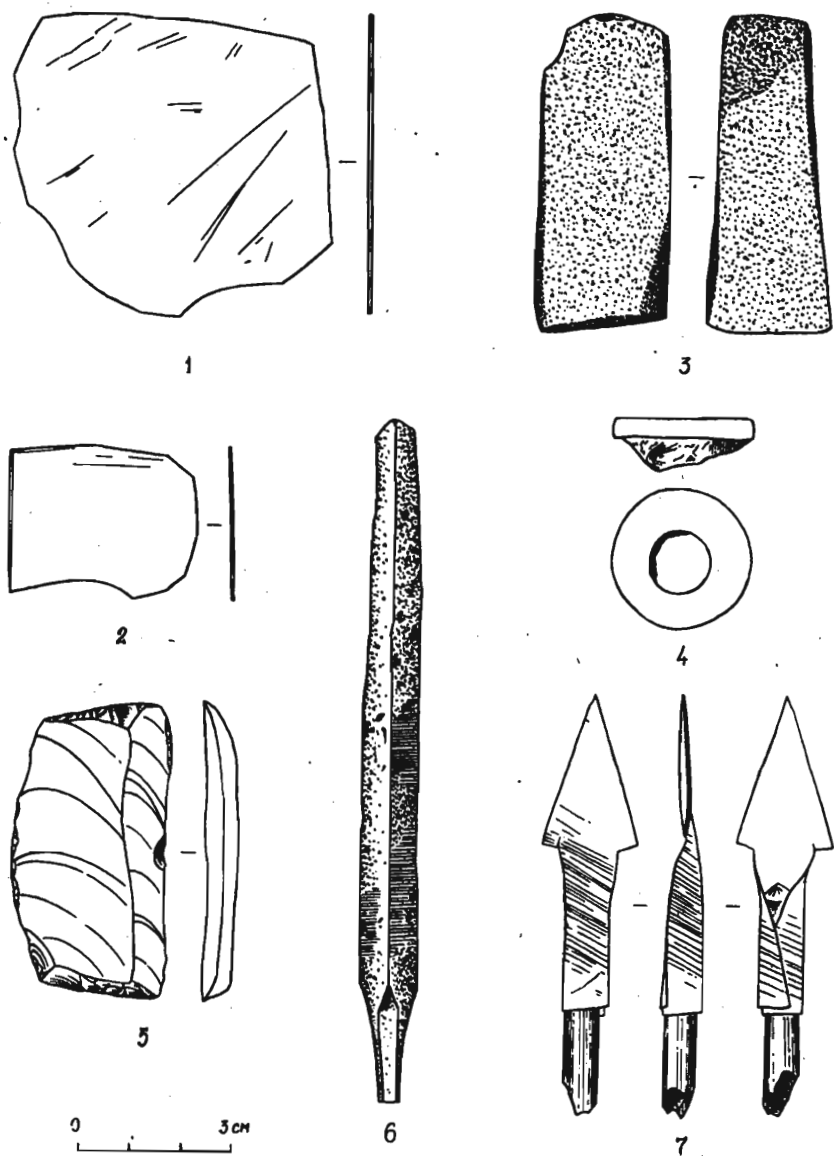
Р и с. 68. Саган-Нугэ III. Материал кладки № 3

Р и с. 69. Саган-Нугз III:
1—5 — инвентарь кладки № 4; 6—11 — инвентарь кладки № 5

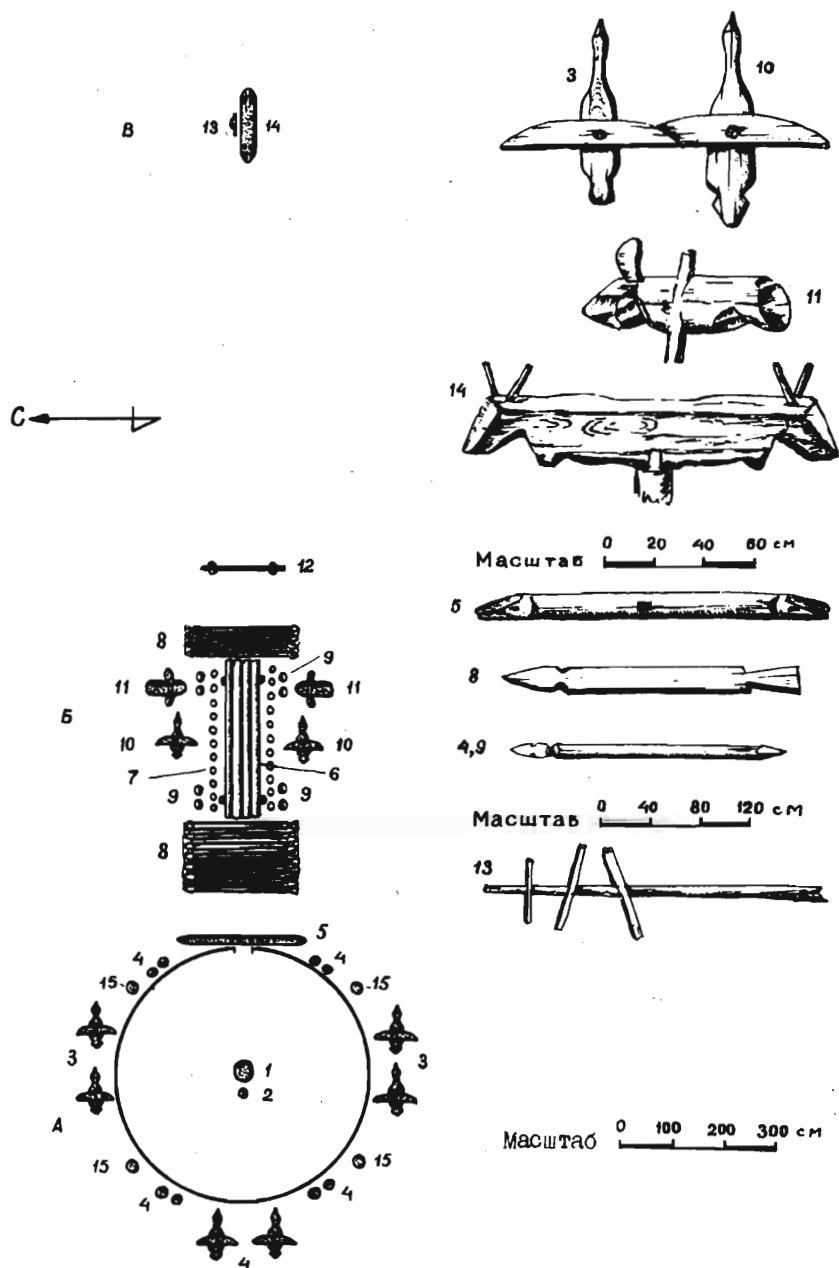

Р и с. 70.
1 — общий вид сооружения (реконструкция); 2, 3 — детали конструкции

Р и с. 71. Сопровождающий инвентарь:

1, 2 — пластины; 3 — точильный брусок; 4 — головка курительной трубки; 5 — скребок; 6 — напильник; 7 — наконечник стрелы

Р и с. 72. План шаманского чума с зооморфными и антропоморфными фигурами: А — чум «юми»; Б — галерея «дарпа»; В — мольбище. 1-2 — шаманская лестница «тургу»; 3 — лебеди «чав»; 4 — изображения людей «хомокон»; 5 — таймень «дельбон»; 6 — бревенчатый помост; 7 — двускатный шалаш; 8 — щуки «гуткэн»; 9 — «хомоконы»; 10 — лебеди «чав»; 11 — олень «собихстог»; 12 — ворота «угдупна» 13 — жердь «саргэ»; 14 — гигантский олень «калир»; 15 — бревна «дукар», удерживающие покрытие чума

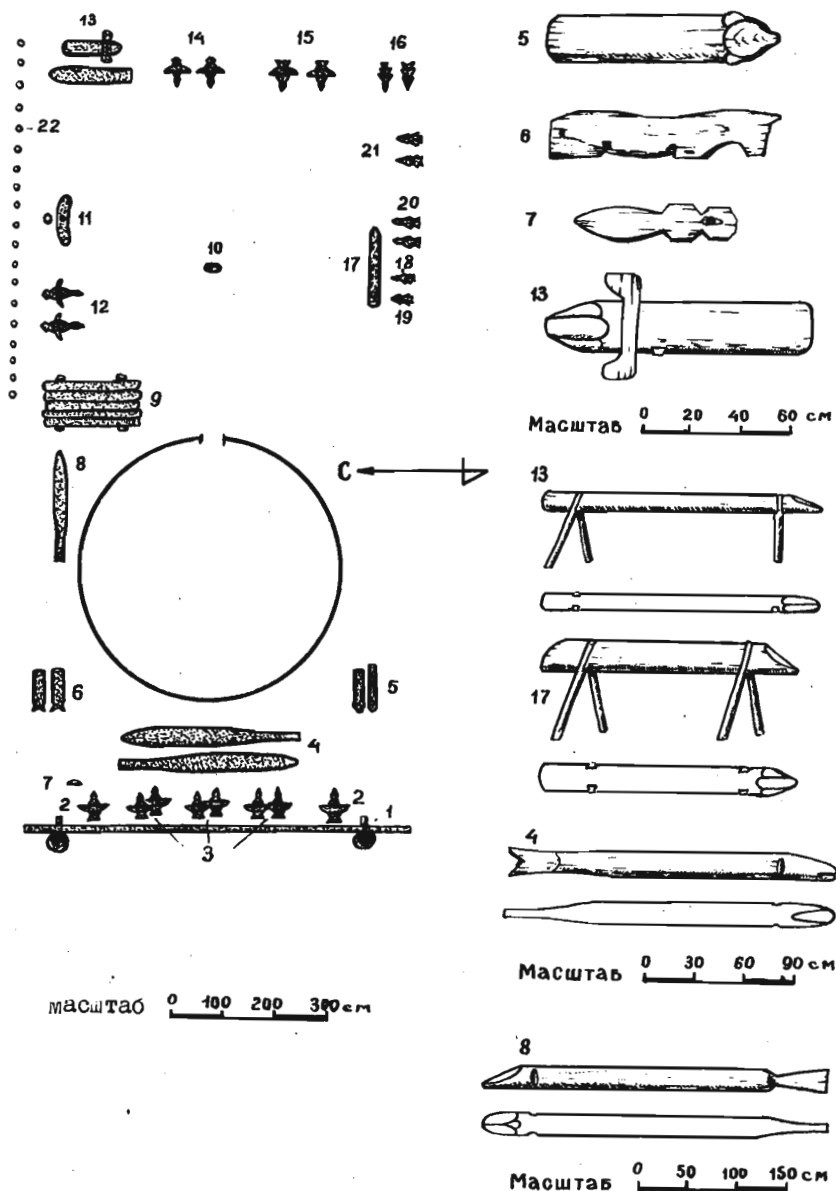
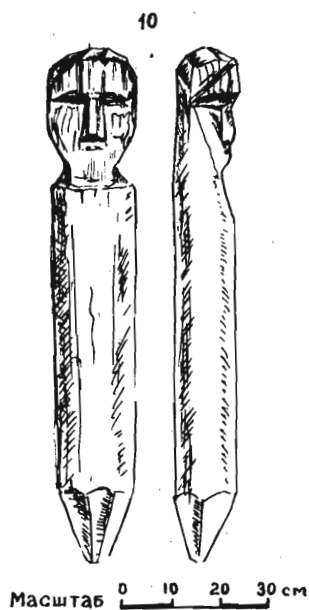
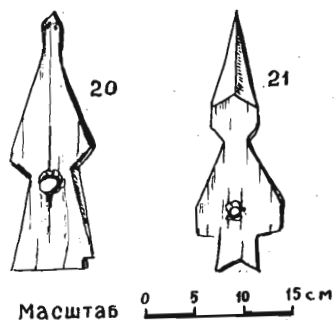
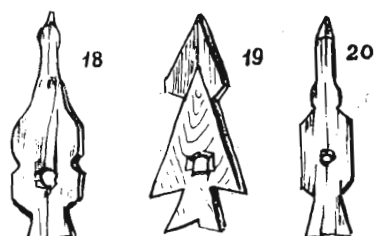
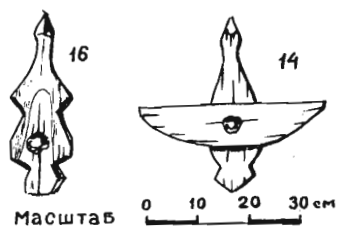
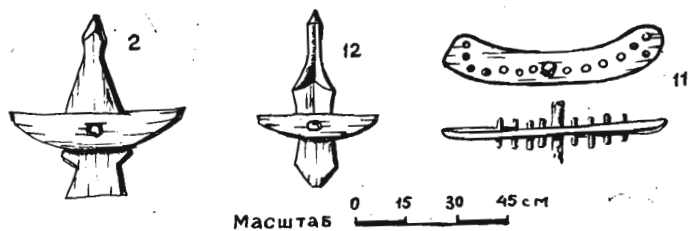
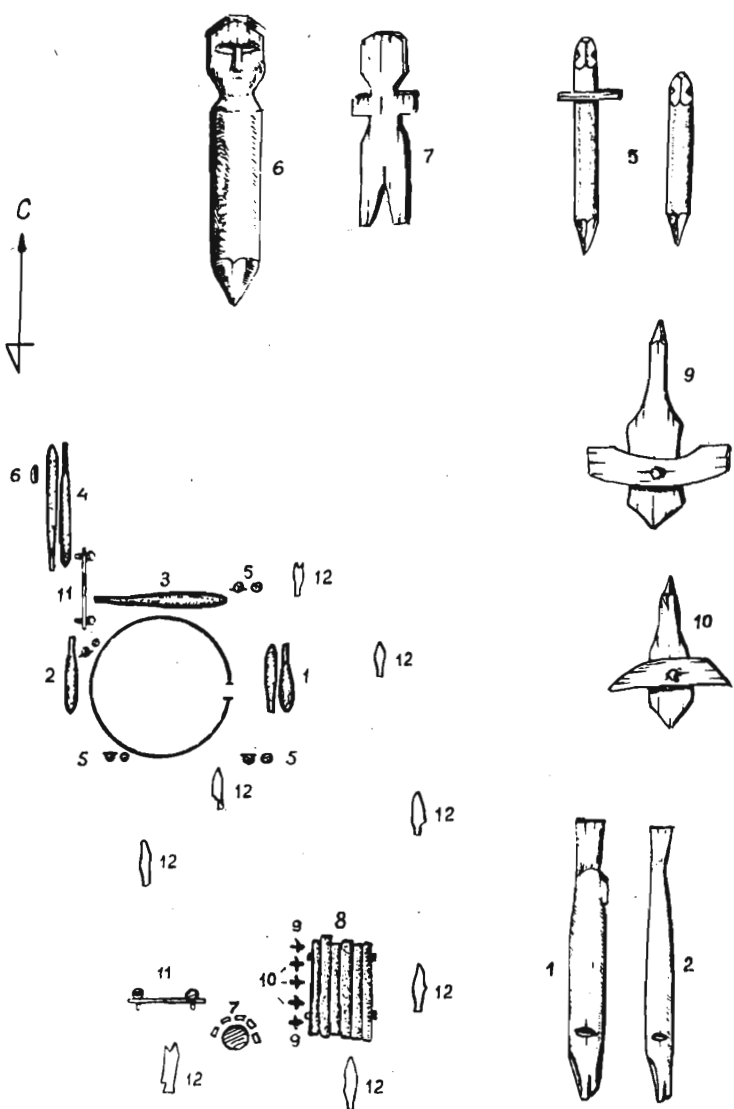

Рис. 73. План шаманского чума с зооморфными и антропоморфными фигурами:
 1 — жердь «сэргэ»; 2 — орлы «киран»; 3 — ястребы «терига»; 4 — таймени «дельбон»; 5 — медведи «куты»; 6 — лошади; 7 — фигурка «хаянкан»; 8 — щука «гуткэн»; 9 — бревенчатый настил; 10 — идол «манги»; 11 — жердь «сэргэ»; 12 — лебеди «чав»; 13 — олени «калир»; 14 — утки-лутки «накдыры»; 15 — орлы «киран»; 16 — гагары «укэнг»; 17 — лось «токи»; 18 — гагары «укэнг»; 19 — дятел «кирактэ»; 20 — кукушки «кукты»; 21 — кедровки

Р и с. 74. План шаманского чума с антропоморфными и зооморфными фигурами:

1 — таймени «дельбон»; 2 — щука «гуткэн»; 3 — щука «гуткэн»; 4 — налимы «дели»; 5 — «хомокои»; 6 — изображение предка шамана; 7 — изображение «душ» участников обряда; 8 — лабаз для жертвенного мяса; 9 — лебеди «чав»; 10 — утки «дикичен»; 11 — жердь «сэргэ»; 12 — изображение рыб

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Медведев Г. И., Бердников М. А., Федоренко А. Б.</i> Некоторые аспекты изучения докерамических местонахождений Ангаро-Осинского района (Южное Приангарье)	5
<i>Воробьева Г. А.</i> Палеогеографические условия формирования и строение отложений на многослойном памятнике каменного века Сосновый бор	15
<i>Лежненко И. Л.</i> Палеолитические горизонты стоянки Сосновый Бор	26
<i>Леонова Н. Б., Миньков Е. В.</i> Возможности планиграфического метода исследования при изучении фаунистических остатков (на материалах верхнепалеолитической стоянки Каменная Балка II)	36
<i>Поляков А. С.</i> Стоянка Березовый Ручей II в зоне строительства КАТЭКа	47
<i>Волокитин А. В., Инешин Е. М.</i> Новый докерамический комплекс Среднего Приангарья	51
<i>Абдулов Т. А.</i> Мезолитические горизонты многослойной стоянки Курла IV	55
<i>Горюнова О. И.</i> Мезолитические памятники Ольхонского района (к археологической карте Иркутской области)	62
<i>Хамзина А. А.</i> Сравнительный анализ фауны многослойных археологических памятников Итырхей, Улан-Хада, Берлога (Прибайкалье)	70
<i>Савельев Н. А.</i> Вклад Б. Э. Петри в изучение сибирского неолита	75
<i>Мамонова Н. Н., Базалийский В. И.</i> Могильник «Локомотив». Некоторые биологические и демографические особенности населения китайской культуры (по материалам раскопок 1980—1984 годов)	93
<i>Зяблин Л. П., Виноградов А. В.</i> Неолитическое поселение Унюк на Енисее	109
<i>Генералов А. Г., Дзюбас С. А.</i> К вопросу об изучении бронзового века Канской лесостепи	121
<i>Бердникова Н. Е., Зубков В. С.</i> Новое погребение бронзового века на Верхней Лене	126
<i>Соколов В. Н.</i> Погребение эпохи бронзы на Илеме	131

<i>Смотров В. И.</i> Погребение с ажурными пластинами на острове Осинском (Братское водохранилище)	136
<i>Волокитин А. В., Инешин Е. М.</i> Новые данные по железнному веку Среднего Приангарья	144
<i>Каспаров А. К.</i> Остатки млекопитающих из средневекового городища Манхай в Прибайкалье	147
<i>Яковлева В. В., Горюнова О. И.</i> Ритуальный комплекс Саган-Нугэ III на Байкале	157
<i>Ветров В. М., Задонин О. В.</i> Воздушное захоронение в долине реки Каренги	164
<i>Уткин Г. С.</i> К вопросу о культовых сооружениях эвенков Нижней Тунгуски	168
Список принятых сокращений	175
Приложение	176

**ПАЛЕОЭТНОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
НА ЮГЕ СРЕДНЕЙ СИБИРИ
Сборник научных трудов**

Редактор *Е. Л. Сапронова*
Младший редактор *Н. С. Песчинская*
Художественный редактор *Н. В. Алсуфьев*
Технические редакторы *И. Н. Корецкая, С. А. Бессольцева*
Корректоры *Л. Н. Заступова, А. С. Меркурьев*

ИБ № 618.

Сдано в набор 21.03.89. Подписано в печать 16.08.91. Формат 60×90¹/₁₆.
Печать офсетная. Гарнитура обыкновенная новая. Бумага типографская № 3.
Уч.-изд. л. 20,2. Усл. печ.-л. 14,6. Усл. кр.-отт. 14,9. Тираж 700 экз. Заказ 946.
Цена 4 р. Темплан 1989 г., поз. 1.

Издательство Иркутского университета,
664000, г. Иркутск, центр, бульвар Гагарина, 36.
Омская областная типография. 644070, г. Омск, ул. Декабристов, 37.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИРКУТСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА